Сергей Вахрин

Тайны Камчатских имён

Большерецкий острог

УДК

Вахрин С. И. Тайны камчатских имен. Большерецкий острог / С.И. Вахрин. — Петропавловск-Камчатский

Книга-альбом Сергея Ивановича Вахрина «Тайны камчатских имен. Большерецкий острог» открывает серию книг-альбомов об истории происхождения камчатских фамилий и ее современных носителях, оставивших наиболее значимый след в истории Камчатки, России и мира.

Книга содержит уникальные архивные материалы, фотографии, воспоминания, многие из которых публикуются впервые.

Для широкого круга читателей.

© С.И. Вахрин, 2016

ISBN

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель
Броневич Валентина Тадеевна

Заместитель председателя
Вахрин Сергей Иванович

Члены редакционной коллегии:

Абрамова Елена Павловна
Айгистова Светлана Владимировна
Беляева Марина Евгеньевна
Витер Ирина Васильевна
Графская Светлана Владимировна
Гунько Сергей Васильевич
Дорт-Гольц Евгений Юрьевич
Заякина Наталья Николаевна
Коллегов Вадим Георгиевич
Кравченко Валерий Трофимович
Михайлова Виктория Зиновьевна
Орехова Нина Николаевна
Резникова Татьяна Ивановна
Самборко Сергей Иванович
Селиванова Вера Евгеньевна
Селиванова Ирина Николаевна
Узлова Светлана Геннадьевна
Филимонов Олег Игоревич

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 8
БРЕЧАЛОВЫ (Брячаловы) 16
БУЖЕНИНОВА (княжна Голицына) 21
ВОРОШИЛОВЫ 31
ДИВЕЕВЫ 42
ЕВСТАФЬЕВЫ (Астафьевы) 40
ИГНАТЬЕВЫ 43
КОЛЛЕГОВЫ (Колеговы) 48
КРАВЧЕНКО 68
ЛОГИНОВЫ 68
ПЕТРОЛОГИНОВЫ 94
ПШЕННИКОВЫ 96
СЕЛИВАНОВЫ (Силивановы) 99
СЕКЕРИНЫ (Секирины, Сикерины, Гурьевы, Пушкины, Гагарины, Бутурлины, Филимоновы) 127
СТОРОЖЕВСКИЕ 153
УКСУСНИКОВЫ 154
УСОВЫ 155
ЧЕРНЫХ 165
ШУБИНЫ 179

ТАГАНОК

Я —
Камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптанной травы.
Когда-нибудь
Мелькнет моя зарница,
Здесь кто-нибудь причалит свой ковчег.
Увидит таганок и удивится:
— Тут был Огонь и Человек!

В 2014 году вышел в свет двухтомник «Тайны камчатских имен» об истории коренных камчатских фамилий. Это было огромным событием в жизни не только аборигенов и старожилов Камчатки, но и всех жителей полуострова, которые также, и совершенно справедливо, считают себя камчадалами.

Сегодня вниманию читателей предлагается новая творческая работа, в которой автор — Сергей Иванович Вахрин — выступает одновременно и как руководитель большого творческого коллектива, благодаря огромной и весьма плодотворной работе которого и подготовлена к изданию эта замечательная книга-альбом, первая из серии книг-альбомов «Тайны камчатских имен».

Не случайно в качестве эпиграфа для них избраны строки из стихотворения поэта Георгия Германовича Поротова: «Я — камчадал закоренелый…» — потомок русских крестьян Поротовых и Бобряковых, он влился в единую семью народов Камчатки, породнившись — по крови и по духу — с коряками, эвенами, ительменами, алеутами, и стал камчадалом в высшем значении этого слова — Сыном Земли Камчатской.

И сегодня в этой серии книг-альбомов, рассказывая о единой семье коренного народа Камчатки — эвенах, алеутах, ительменах, камчадалах, коряках, русских старожилах — выделяется и подчеркивается самое главное — вклад всего этого народа, в целом, и лучших Сынов Земли Камчатской — «закоренелых камчадалов» — в отдельности, в общую копилку камчатской истории, культуры, экономики, просвещения, здравоохранения…

В этой книге общими усилиями и, в буквальном смысле, по крупицам собран огромный уникальный материал об этих Сыновьях и Дочерях — истинной соли — Земли Камчатской, которыми мы по праву можем и должны гордиться. Одновременно выход этой книги знаменует и начало большой кропотливой работы по подготовке и изданию новых книг из серии «Тайны камчатских имен». Потому что одна книга, какой бы большой по объему она не была, не может охватить необъятное – тот действительный вклад, который внесли аборигены и старожилы Камчатки в прошлом, вносят в настоящем и внесут в будущем в нашу жизнь.

Поэтому у читателя впереди еще новые и новые встречи с интересными книгами, открытиями и, конечно же, новыми тайнами…

С уважением,

Роман Георгиевич Гранатов,
заместитель Председателя
Законодательного Собрания Камчатского края,
председатель оргкомитета по изданию книг из серии «Тайны камчатских имен»

Уважаемые читатели!

Альбом «Тайны камчатских имен. Большерецкий острог» открывает цикл уникальных изданий, посвященных истории нашего Отечества в судьбах коренного и старожильческого населения Камчатки.

Мы знаем, что история Камчатки — это история географических открытий землепроходцев, знаменитые исследователи Степан Крашенинников и Георг Стеллер, это русские кругосветки — Крузенштерн, Лисянский, Головнин, Рикорд, Врангель, это героическая оборона Петропавловского порта в 1854 году…

Но сегодня мы с вами открываем еще одну страницу отечественной истории — мы узнаем о том, что практически со всеми этими событиями мирового и государственного значения были тесно, а порой и кровно, связаны предки нынешних жителей полуострова.

История Отечества — это, прежде всего, история людей, вовлеченных волею судьбы в события, исторический смысл и значение которых порой открывается не сразу, а по истечении времени.

И вот сегодня, по истечении этого времени, мы, нынешние жители полуострова, можем с гордостью говорить о том, что коренное и старожильческое население Камчатки, проживающее вроде как на окраине страны — было и остается неотъемлемой частью российской истории.

В 1855 году камчадалы, как один, откликнулись на призыв губернатора Камчатки Василия Завойко и пришли оборонять Петропавловский порт от англо-французских супостатов, а в 1904–1905 году сами камчадалы отстояли Камчатку от японских захватчиков, а в 1945 были ядром Курильского десанта…

Именно они — коренные жители полуострова и русские старожилы – были и остаются той созидательной силой, на основе которой формировалось и крепло народное образование, культура, здравоохранение. Именно они своим трудом заложили основы для развития рыбной промышленности полуострова и сельского хозяйства.

Каждый камчатский род славен своими знаменитыми дочерями и сыновьями.

Нам всем есть чем гордиться.

И в этом, наверное, главный смысл этого издания…

Ирина Яровая,
депутат Государственной Думы Российской Федерации,
куратор государственно-патриотического клуба партии «Единая Россия»

Дорогие земляки!

Сегодня вашему вниманию представляется труд, в котором, как в мозаике, по крупицам, собрана история нашего полуострова в судьбах представителей коренного и старожильческого населения полуострова.

История Камчатки не была простой. Но коренное и старожильческое русское население за годы совместного проживания слились в единую семью коренных малочисленных народов Камчатки, а поэтому и радость, и горе, которые выпадали на общую долю и по отдельности, переживали вместе.

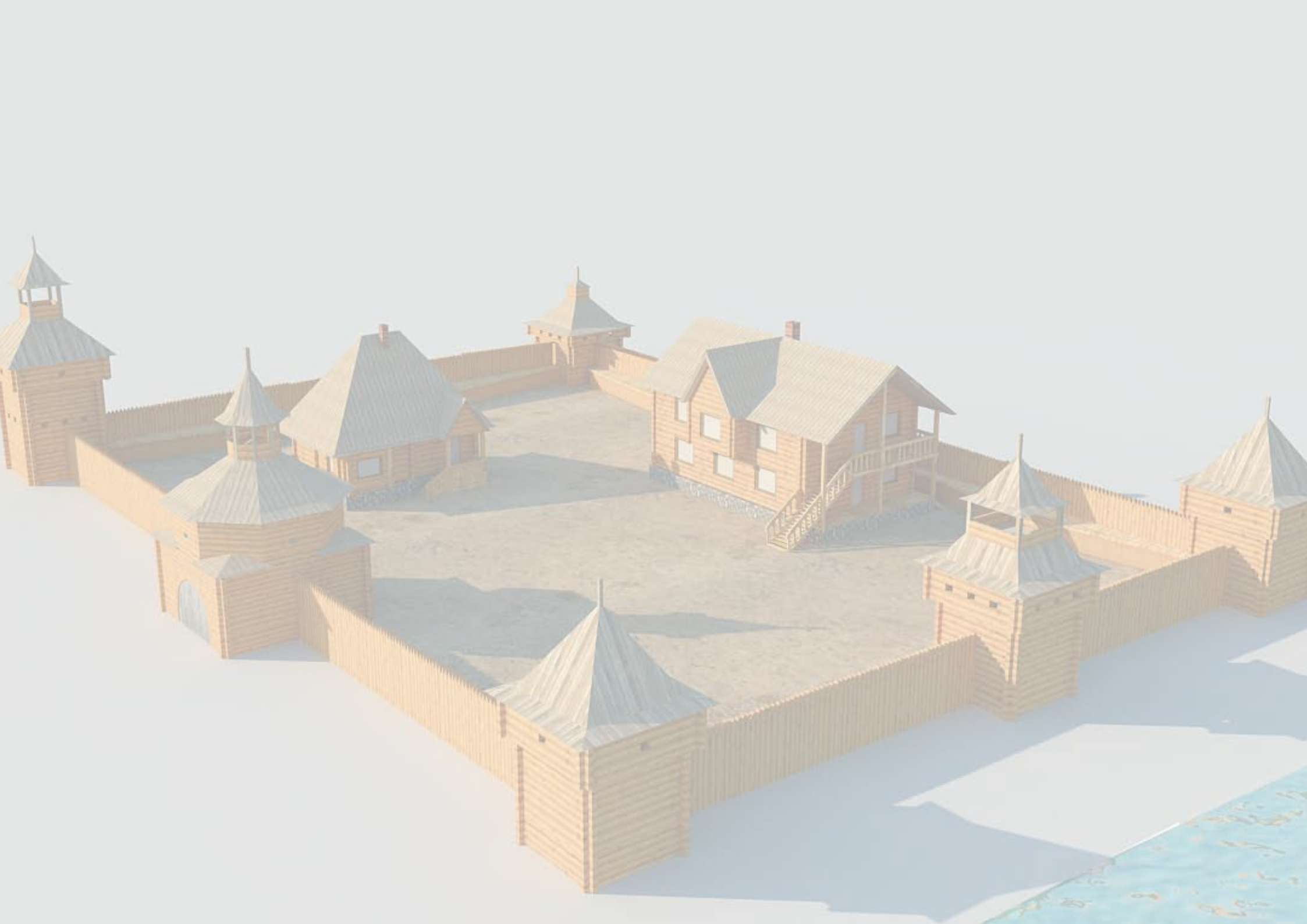
У них был общий артельный труд по обеспечению каждой семьи пропитанием и братская забота друг о друге, чтобы прийти на помощь, когда кому-то особенно трудно. В многодетных семьях, где были свои кормильцы, очень часто наравне со своими детьми росли и сироты-воспитанники. Трудно представить сегодня, как можно было разместиться в тех крошечных избушках двум-трем семьям, имеющим по пять-шесть, а то и более, детей, но размещались и жили очень дружно.

И, конечно же, всегда радовались успехам своих родников-земляков.

Как сегодня мы радуемся все вместе первому альбому из цикла «Тайны камчатских имен», в котором рассказывается об известных представителях большерецких династий, оставивших свой замечательный след в истории нашей Родины.

И с нетерпением ждем выхода новых альбомов «Тайны камчатских имен» — «Курильцы, камчадалы, тунгусы» (о представителях коренных и старожильческих родов южной Камчатки), «Страна Уйкоаль» (о жителях долины реки Камчатки), «Тигиль, Гижига, Анадырь» (о камчатском Севере), «Русская Америка» (о жителях Командорских островов), «Петропавловск и его окрестности».

Валентина Тадеевна Броневич
(из ительменского рода Заевых-Даниловых),
заместитель Председателя Правительства Камчатского края,
председатель редакционной коллегии книги-альбома
«Тайны камчатских имен. Большерецкий острог»

О времени появления первого русского поселения на реке Большой историки и краеведы будут спорить бесконечно долго — ибо в поисках «необъясаченных», то есть не платящих государю императору налог (ясак) пушниной, инородцев сибирские казаки преодолевали тысячи километров пути по непроходимой тайге и бесконечной тундре, ледовитому морю и могучим рекам, а промышленники (охотники за пушным зверем) и купцы в поисках «мягкого золота» ни в чем не уступали казакам, а порой и сами вели их в поход на свой «кошт» — за свои средства, на свой страх и риск…

† с. Большерецк, 1909 г., фото А.П. Сильницкого

Но мы имеем документальное свидетельство, найденное доктором исторических наук Андреем Сергеевичем Зуевым, о том, что камчатский приказчик Многогрешный дал в 1704 году указание казакам построить на реке Большой Большерецкий острог — административный пункт для сбора ясака на территории Большерецкого присуда, который в скором времени, с открытием морского пути в Камчатку, стал сначала главенствующим портом на Камчатке, а затем и столицей края, охватывающей просторы Камчатки, Аляски и Курильских островов.

Сам ученый дал в свое время такую историческую справку:

«БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ, БОЛЬШЕРЕЦК, населенный пункт на западном побережье п-ва Камчатка, год основания до конца не выяснен. Есть данные, что его построил М. Зиновьев в 1702 г. (по С. П. Крашенинникову), Т. Кобелев – в 1703 г. (Е. Орлова, И. Огрызко, Б. Полевой), 1704 г. – Многогрешный по (Крашенинникову). В 40-х гг. XVIII в. была построена часовня во Имя Николая Чудотворца. С 1740 по 1785 г. – Большерецкий острог – место пребывания командиров Камчатки. 27 февраля 1785 г. Ф. Рейнеке, вновь назначенный городничий, перенес управление Камчаткой из Большерецка в Нижнекамчатск. (Сгибнев, IV, с. 28) Основан в 1704 на р. Большая (ныне р. Плотникова) в 50 км от ее впадения в Охотское море. В 1707 сожжен восставшими ительменами. В 1711 восстановлен ниже по течению реки на ее правой стороне между р. Быстрая и Гольцовка. Укрепления острога, размером 21,6×21,6 м, составлял земляной вал, по гребню к-рого был вкопан частокол из жердей. В 1715 жерди заменили бревенчатым тыном. К нач. 1770-х укрепления исчезли. Помимо казенных зданий, церкви и торг. лавок, при остроге находились: в 1726 – 17, в 1738 – 33, 1773 – 41, к 1820-м – 10, в 1909 – 19 жилых дворов. Поселение располагалось на нескольких островах, разделенных протоками. В XVIII основное население составляли военнослужащие: в 1727 – 40, 1759 – 79, 1775 – 152, 1799 – 24 чел. В 1810 насчитывалось 150 чел. об. п. Жители занимались рыболовством, охотой, огородничеством, скотоводством. В остроге была открыта первая школа полуострова (1741 г.). Большерецк был конечным пунктом морского плавания из г. Охотска. (с 1716 г.) В XVIII Б. о. являлся важным транспортным пунктом на морском пути из Охотска на Камчатку, перевалочной базой многих экспедиций, исследовавших Курильские о-ва и северную часть Тихого океана.

С 1740 до 1785 в Б. о. располагалась резиденция камчатских командиров. В XIX острог переименован в село Большерецк. В 1928 оно упразднено, жители переселились к протоке Кавалерской, где основано с. Кавалерское, и к устью р. Большая, в с. Усть-Большерецк. С 1926 г. – центр Усть-Большерецкого района.

Лит.: Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988; Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сб. СПб., 1869. Т. 101–103».

Местонахождение острога не было постоянным. В 1711 году, после того, как прежний острог спалили дотла жители Курильской землицы, как называли казаки территорию Камчатки южнее реки Большой, по имени народа, там проживающего — куру или айну, острог был заново основан на реке Гольцовке. Имена его строителей известны — провозглашенные (избранные) казаками после убийства камчатских приказчиков — атаман Данила Анциферов и есаул Иван Козыревский.

Это было уже укрепление, «острог земляной построили (*то есть острог, окруженный земляным валом*), а в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоячей, бревенчатой».

Позже за крепостными (острожными) бревенчатыми стенами находилась приказная изба, а также «аманатская казенка», где жили (в заточении) — аманаты (заложники) — как правило, дети или ближайшие родственники камчатских вождей (тойонов). Рядом стоял амбар для хранения пушнины — как основы основ всей жизни колониальной Камчатки того времени. Здесь же была казарма для казаков, охраняющих государеву собственность. Тут же располагалось и место для публичной порки — либо бунтарей-камчадалов, либо самих воровских казаков, погрязших в грабежах и разбоях…

Часовня, потом церковь, жилые дома, летники, сараи строились в посаде — за крепостными стенами, на речных островах.

В расписном списке 1723 г. читаем: «Острог деревянный, стоячей тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой аманатов 5; две медные пушки, казаков 40 человек».

Следственные дела по убийству камчатских приказчиков, в том числе и Ермака Камчатского — Владимира Владимировича Атласова, а также расследование казачьих вин в деле о знаменитом Харчинском бунте, которым заинтересовался даже Александр Сергеевич Пушкин, доносят до нас первые имена большерецких казаков, вошедших в историю не только нашего края, на и нашего Отечества.

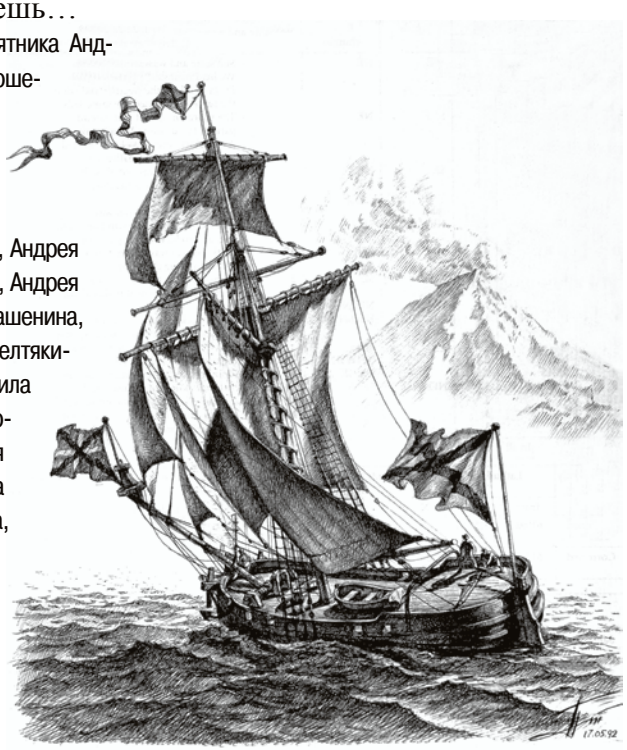
В 1711 году это были казаки, которые впоследствии под руководством Ивана Петровича Козыревского, чтобы искупить свою вину, откроют путь россиянам на Курильские острова и предоставят в Москву первое описание этих мест и перепись коренных жителей, согласившихся платить ясак царю…

> На реке Камчатке первой острог Нижней, другой Верхней, третей Большорецкой. В те остроги посылаются прикасчиков два, толмачи, подьячие, целовальники да служилых же во всех острогах со 150 человек, кои поженились тамошних камчатских народов на девках. Писча рыбою и травою и кореньем, такая ж, как камчадальцы питаютца.
> Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. (Цит. по изданию М.: Наука, 1977.) О российских построенных острогах. [1720-е гг.] [с. 300]

В «Челобитной служилых» от 26 сентября 1711 года, в которой большерецкие казаки уже сообщали царю Петру об открытии ими Курильских островов и смертном бое с курилами (на самом деле все произошло двумя годами позже, уже после гибели Данилы Аниciферова), они подписались: «Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской, Алексей Посников, Матвей Цюков, Дмитрей Торской, Андрей Кутьин, Алексей Меледин, Гаврило Келтяка, Василей Барашков, Лука Савинский, Алексей Михалев с товарыщи…»

В 1731 году это будут казаки, повинные во всех бедах и горестях коренных жителей Камчатки, которых они беззастенчиво притесняли, грабили, насиловали, проигрывали в карты и убивали. Не будем скрывать правды — в числе приговоренных были родоначальники многих известных сегодня на полуострове камчатских фамилий. Но такова история. Из песни слов не выкинешь…

...«Повесили иркутского казачьего пятидесятника Андрея Штинникова (ему помимо жестокого отношения к ительменам вменили в вину убийство и ограбление в 1729 г. японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки), били кнутом казаков Осипа Соловьева, Матвея Новограбленова, Михаила Лепихина, Федора Лобанова, Андрея Марамыгина, Андрея Рубцова, Петра Евлатьева, Андрея Воронина, Григория Томилова, Онофрия Черкашенина, Луку Трескина, Лариона Валынкина, Григория Келтякина, Петра Валынкина, Степана Вахрушева, Михаила Коткова, Федора Асламова, Ивана Лукашевского, Савву Усова, Василия Посникова, Василия Щеголева, Семена Вагина, Михаила Лепихина меньшого, Петра Матвеева, Семена Шарапова, Афанасия Попова, Михаила Лукашевского, Семена Сургуцкого, Петра Чупрова, Антона Хмылевского».

† Бот Св. «Гавриил», 1728–1755

Потом эти же казаки — их дети, внуки, правнуки… примут участие во всех самых героических и прославленных в истории Отечества походах, экспедициях, оборонах и войнах… Такова история. Такая, как есть.

И сам Большерецкий острог, то исчезал в огне восстаний, то воскресал, как Феникс из пепла, то блистал европейской красотой, то хирел на глазах… Как рождались и умирали большерецкие фамилии: «…в 1749 году крещены камчадалы Афанасий Запороцкий, Шехурдин, в 1754 — Марамыгин» (*ЦГА ДВ, Ф. 1011, оп. 1, д. 19*).

† «Город Большерецк – столица Камчатки», английская гравюра, 1785 г. с рис. Веббера, художника экспедиции Д. Кука

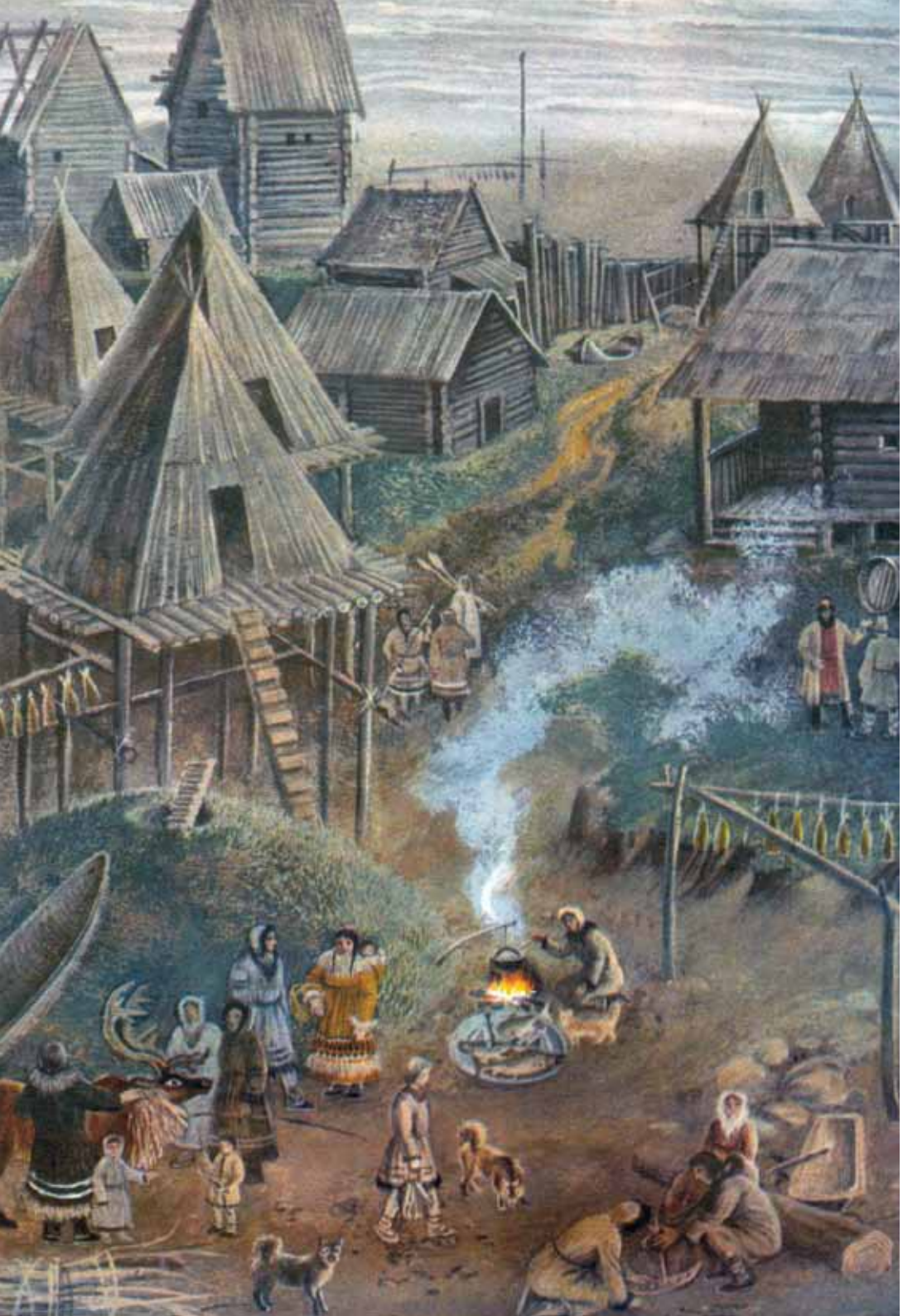
Территория Большерецкого присуда, на которую распространялась власть большерецких приказчиков, заказчиков и ясашных сборщиков была обширной. Ее границы совпадают и с ареалом распространения фамилий большерецких казаков при крещении «подведомственных им» камчадалов, коряков и «курильских мужиков» — Курильские острова, Апача, Начика, Утка, Кихчик, Немтик, Кол, Воровская и фамилии Елисеев, Шадрин, Борисов, Соболев, Уксусников, Слободчиков, Кривогорницын, Сторожев, Лукашевский, Новограбленный, Антонов, а также купцов и посадских людей — Трапезникова, Бречалова, ссыльного, проживавшего недалеко от Большерецкого острога Запороцкого, мореходов Бутина и Петрова…

Знаменитая английская гравюра «Большерецк — столица Камчатки», которая кочует из издания в издание, на самом деле — это всего лишь английская пародия на камчатскую столицу. На переднем плане мы видим плохонькую «стайку» — коровник, нам показана окраина села, с парой коров, собак и неким семейством местных жителей на фоне скотного двора и балаганов…

Но француз Лессепс, участник экспедиции Лаперуза, который возвращался в Париж с донесением своего командира через Камчатку и Сибирь, увидел Большерецк совсем другим: он обратил, прежде всего, свое внимание на то, что командир Камчатки жил в доме, который был точь-в-точь такой же, как дома в самом в Санкт Петербурге. Лессепс ошибиться не мог — он был сыном французского посланника и долгое время сам жил в столице Российской империи.

...[Большерецкий острог] лежит на берегу Большой реки на небольшом острове, окруженном разными рукавами сей реки, которые разделяют сей город на три более или менее населенные части; самая дальная, находящаяся к востоку, представляет вид предместия, называется Парашиным островом, заключает в себе от десяти до двенадцати изб. Оттуда к юго-западу от Парашиного острова, в средней части, очень много изб и ряд деревянных шалашей, которые служат вместо лавок, против них присутственное место[...]; сей дом более прочих и при нем всегда стоит караул. Второй небольшой рукав Большой реки отделяет малую часть земли, на которой жилища построены без всякого порядка в разных местах; а на третьей части сего местечка представляется куча строений, разбросанных близ реки, которая течет в сей части с юго-востока на северо-запад в пятидесяти шагах от комендантского дому. Сей дом очень отличен от прочих; он выше всех, больше и построен на вкус деревянных домов в Санкт-Петербурге. В двухстах шагах к северо-востоку от жилища комендантова стоит церковь простого строения, подобного всем церквям, находящимся в Российских селах, возле которой на столбах, покрытых только крышкою, висит три колокола. К

Художник С. Бордюг.
Н.Я. Эйдельман «Что там, за морем-океаном?», М., 1984

северо-востоку от жилища комендантова есть еще частица сего местечка, отделяющаяся от сего дому лугом или болотом величиною около трехсот шагов и заключающая от двадцати пяти до тридцати изб и нескольких балаганов. Вообще, кроме сих трех последних жилищ, есть еще в Большерецке очень мало, и не более десяти изб; впрочем все строения или домы суть избы, коих всех около шестидесяти, не считая осьми лавок, канцелярии и комендантского дому...

Поэтому не будем как преувеличивать, так и преуменьшать значение Большерецкого острога и Большерецкого порта в жизни Северо-Востока России и Русской Америки.

В разные годы он был разным. Как и его значение — тихоокеанского порта для осуществления задач Первой и Второй Камчатской экспедиции и многочисленных промысловых экспедиций в Русскую Америку, военного поселения, камчатской столицы и захолустного села…

Соответственно значению Большерецка были и его масштабы: в 1726 насчитывалось 17 жилых дворов, в 1738 при посещении С.П. Крашенинникова, который несколько лет прожил в Большерецке, совершая оттуда свои путешествия по Камчатке, — 33 двора.

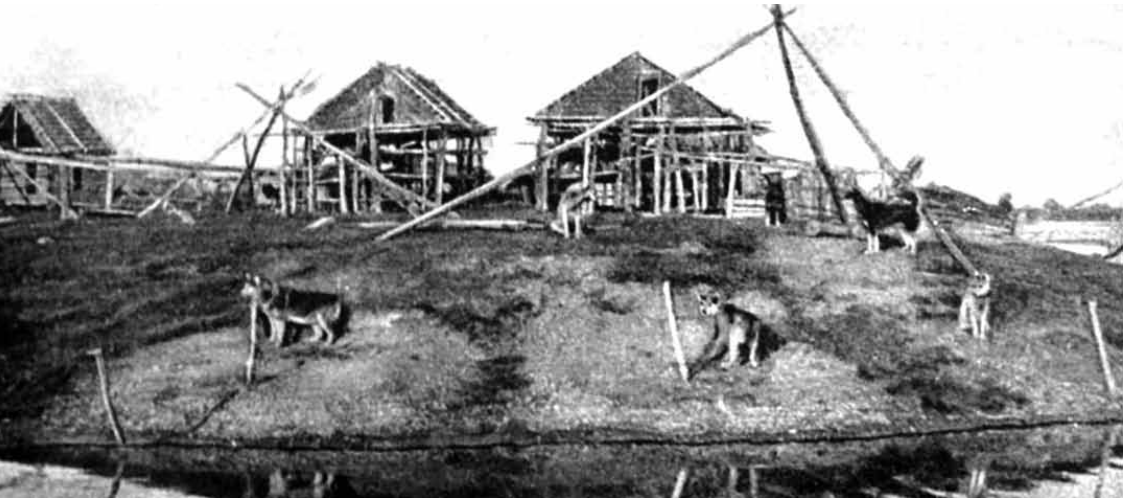
Степан Петрович описал эти дома в своих письмах: *«...у всех у них черные избы, к которым у некоторых проделаны маленькие каморки, и в те пущается тепло окнами из черных изб. Но в оных каморках зимою как ради стужи, так и ради угару жить невозможно, и мне оное от того известно, что случилось жить в такой каморке и ради беспрестанного от угару беспокойства вытти в черную избу»*.

Судя по «Краткому о Камчатке объяснению» командира Т.И. Шмалева от 1773 г., крепостные сооружения к тому времени исчезли: нужда в них отпала. Кроме разных строений (канцелярии, командирского дома, кладовых, амбаров и т. д.), поселок насчитывал 41 обывательский дом и 23 купеческих лавки. Жителями его были обыватели («подушные плательщики»), духовные и воинские чины (они находились здесь в течение многих лет). В конце XVIII — начале XIX в., например, в поселке стояла рота из 93 солдат.

После того, как Большерецк в 1785 году утратил статус столицы и порта, он пришел в совершенный упадок и с 1823 г. состоял из полуразвалившейся церкви и 10 дворов.

С.П. Крашенинников. Худ. Мишарин. «Скрижали Камчатки»

† Пристань Большерецка, мысок на Гольцовке с балаганами и частью собачьего лагеря, Комаров В. Л., «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.

Дитмар Карл. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг., часть 1, СПб, 1901, стр. 559: «Жители Большерецка, этого столь важного в старой истории Камчатки места, ведут свое происхождение от старинных русских поселенцев, а потому здесь нет и тайона, как в селениях камчадалов, а есть староста, как и в других здешних русских деревнях, к истории теперь принадлежит и Большерецк» (Староста Ларион Алексеевич Бричалов). Стр. 561: «...разбросано, в беспорядке, стоят 9 плоховатых домов, составляющих Большерецк... Дома окружены довольно большими огородами; среди них стоит старая, несколько обветшавшая церковь да еще более древний, очень развалившийся магазин, в котором не было ничего, кроме старой пожарной трубы, весов и запечатанной несколькими печатями связки старых бумаг – остатки архива». Стр. 562: «...Сарычев насчитал здесь еще более 30 жилых домов с порядочным, соответственно тому, населением. В настоящее время в Большерецке всего 18 человек м. п. и 11 ж. п., а скота – 30 коров и 10 лошадей. Образ жизни обывателей и привычки... совсем камчадальские».

Точную цифру на начало XX века дает нам Дмитрий Павлович Логинов, коренной житель Большерецка.

План села Большерецк, 1920–1925 гг.

Числа, взятые в кружок, обозначают порядковые номера, приведенные в Приложении. По ним можно узнать фамилию любого владельца

† **Группа жителей Большерецка в начале 1922 г. (фотографии экспедиции С. Бергмана)**

усадьбы. Например, № 1 — А.М. Селиванов, № 6 — больница, № 33 — П.К. Логинов.

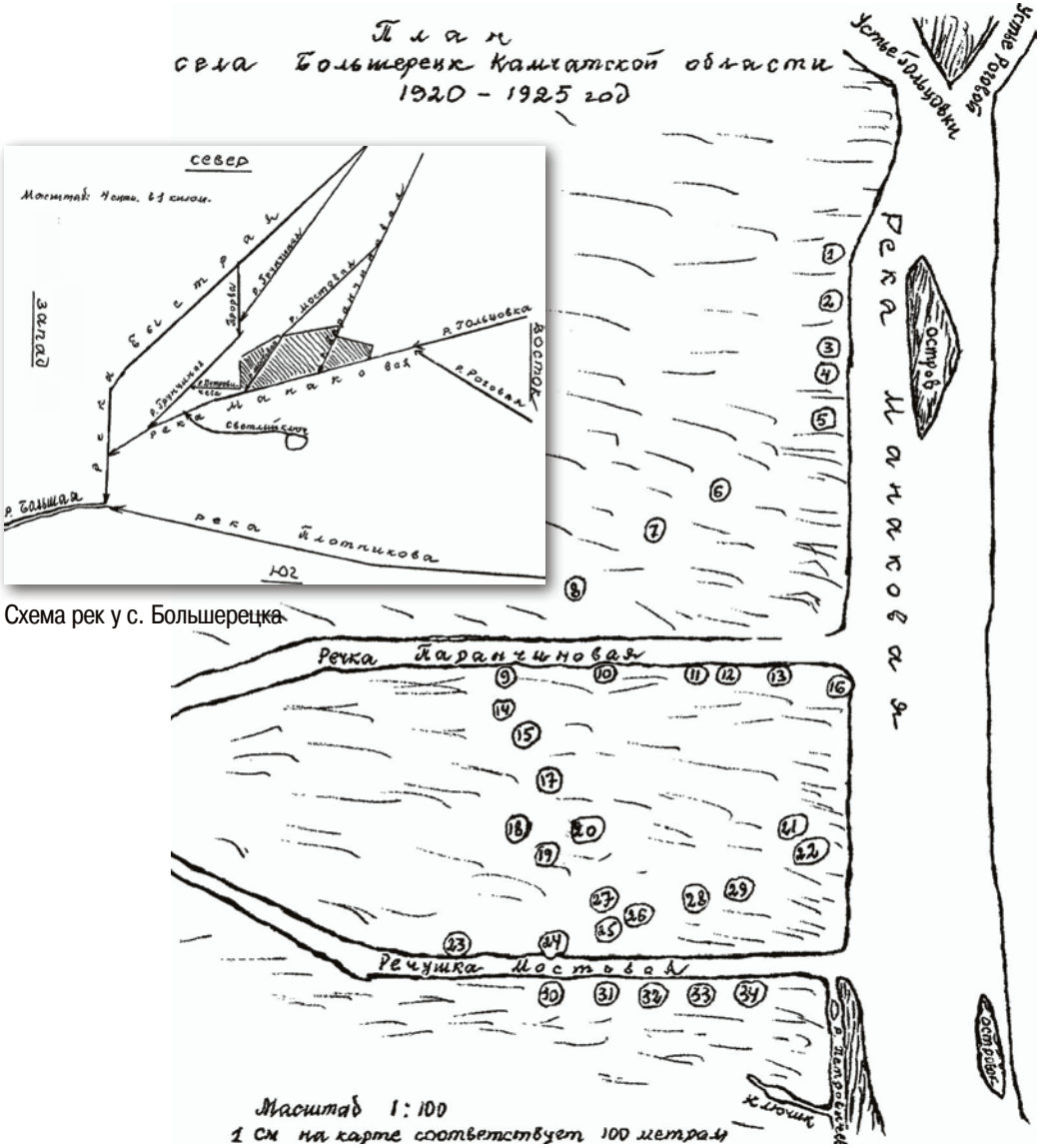

Схема рек у с. Большерецка

Приложение.

Список лиц, владевших усадьбами в Большерецке в 1920–1925 гг.

(Составлен по памяти. Числа показывают места расположения изб каждой усадьбы)

С востока на запад на расстоянии 50–100 метров от реки Манаковой:

1. Александр Максимович Селиванов – 0.
2. Павел Максимович Селиванов – 100.
3. Василий Максимович Селиванов – 100.
4. Иван Максимович Селиванов – 50.
5. Николай Иванович Селиванов – 100.

На расстоянии 350–400 метров от реки Манаковой:

6. Здание больницы, а в последнее время школы – 250.
7. Григорий Коллегов (священник) – 150.

Возле восточного берега речки Паранчиновой:

8. Селиванов Александр Александрович – 150.

До восточного берега р. Паранчиновой – 150.

Отсчет от самой крайней избы, стоявшей на западном берегу реки Паранчиновой, начиная с севера, по направлению на юг к реке Манаковой:

9. Георгий Михайлович Коллегов – 0.
10. Гавриил Иванович Кравченко – 200.
11. Петр Иванович Евстафьев – 200.
12. ? Игнатий Варфаломеевич (слепой) – 20.
13. Петр Иванович Кравченко – 100.

Второй ряд, отстоящий от избы Гавриила Ивановича Кравченко на запад на 100 метров и продолжавшийся на юг к северному берегу реки Манаковой:

14. Иван Николаевич Селиванов – 0.
15. Николай Ильич Селиванов – 20.
16. Иван Иванович Игнатьев – на самом берегу Манаковой.

Третий ряд от Гавриила Кравченко, на запад от Ивана Николаевича Селиванова на 100 метров:

17. Павел и Петр Алексеевичи Сторожевские – 0.

Четвертый ряд от Гавриила Кравченко, на запад от дома Сторожевских на 100 метров:

18. Бывший дом священников, переоборудованный в новую церковь после пожара прежней, сгоревшей в 1918 году – 0.
19. А. И. Дивеев, учитель. Этот дом впоследствии переоборудован под школу – 50.
20. Прежняя церковь, сгоревшая в 1918 году – 30.
21. Власий Иванович Кравченко (берег реки Манаковой) – 300.
22. Алексей Иванович Кравченко (берег реки Манаковой) – 30.

Пятый ряд от Гавриила Кравченко, отстоящий от четвертого на 200 метров:

23. Алексей Корюкин (первая изба на восточном берегу реки Мостовой) – 0.
24. Горошкин и Марфа Ивановна Бречалова (вторая изба на восточном берегу Мостовой) – 200.
25. Александр Александрович Ворошилов – 100.
26. Здание на каркасной основе из оцинкованного железа, в разное время занимаемое под мастерскую, кооператив, кузницу и впоследствии пустующее – 20.
27. Петр Иванович Бречалов – 150.
28. Андрей Бречалов – 30.
29. Илларион Бречалов. В большей части этого дома жил пристав Л.Л. Шикер – 40.

По западному берегу речки Мостовой, начиная с севера и по направлению на юг к реке Манаковой:

30. Константин Павлович Уксусников – 0.
31. Иван Петрович Игнатьев – 100.
32. Петр Алексеевич Бречалов – 100.
33. Павел Константинович Логинов – 100.
34. Константин Петрович Логинов – 100.

† Вот так изготавливалось чудо творения камчадалов – бат (легкая лодка) (фотографии Камчатской экспедиции 1908-1911 гг.)

Дмитрий Павлович в книге «Большерецкий острог» высказал замечательную мысль — благодарная память камчадалов должна увековечить в истории полуострова тех, благодаря существованию которых разгорался огонь человеческой жизни на Камчатке — горбуше, собаке и бату.

В 1928 году село Большерецк упразднено. Его жители переселились на новое место — село теперь расположилось на берегу протоки Кавалерской. Но со строительством Большерецкого совхоза жители были переселены на его главную усадьбу, которая еще до начала 1990-х годов так и называлась «Большерецкий совхоз» — нынешнее село Кавалерское.

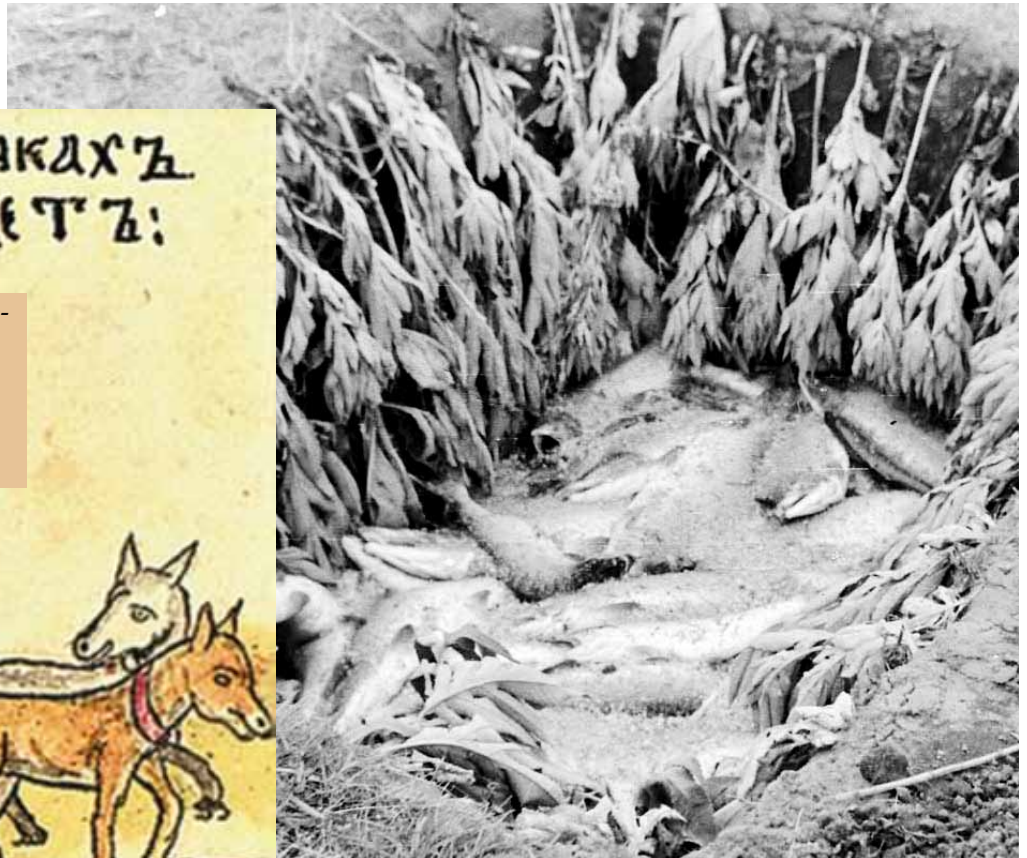
В 2014 году Большерецкому острогу исполнилось 310 лет, а Большерецкому порту в 2016 году исполнилось бы 300 лет.

И сегодня только носители большерецких фамилий являются живыми носителями былой славы бывшей камчатской столицы.

† Яма для приготовления кислой рыбы

Иллюстрация из книги: «Журнал Первой камчатской экспедиции мичмана Чаплина о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. Копенгаген. 2010. На англ. яз.»

Шохин В. А., Юкольный городок,
1988 г. (из фондов КГБУ ККОМ)

Золотой век иркутских олигархов

В весьма удачном месте енисейские казаки во главе с Яковом Похабовым основали Иркутск. Поначалу это было «место самое лучшее, угожее для пашен, и скотный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли – все близко». Затем дело дошло и до торговли: Иркутск оказался на пересечении торговых путей. Тогда в местности «против Иркута-реки» и появилось новое сословие – купеческое, которому наш город многим обязан.

Позже, имея огромные деньги, сибирские купцы могли позволить себе выделять немалые суммы на обустройство жизни в родном городе. Большинство церквей, которыми славился Иркутск, гимназии, школы, больницы, приюты, библиотеки, магазины, самые красивые здания были построены и содержались купцами. Так что фраза «Иркутск – город купеческий» имеет вполне конкретный смысл.

Сегодня в нашей исторической рубрике первая половина XVIII века. Этот период историки называют «золотым веком» иркутского купечества. Очень долго сибирские купцы в глазах русского правительства не пользовались авторитетом: в указе от 27 октября 1699 г. сибирские купцы назывались «людьми скудными». Но уже через 20–30 лет, благодаря развитию кяхтинской торговли с Китаем и выгодной внутренней обстановке в Сибири многие из этих «скудных людей» настолько обогатились, что стали именитыми гражданами, властвовавшими во многих городах Сибири.

Наиболее ярким примером в этом отношении являлся Иркутск, где изобилие дорогой пушнины и соседство с Поднебесной империей привело к расцвету меновой торговли с китайцами. Из крупного купечества в Иркутске сложилась олигархия, которая процветала и властвовала над общественным управлением. Особенную славу и могущество приобрел коммерции советник Мыльников, занимавшийся сбытом пушнины в Кяхту и вывозивший оттуда в большом количестве китайские товары.

ПУТЬ В КЯХТУ

В XVIII веке своим указом правительство уничтожило казенную монополию в кяхтинской торговле и разрешило купцам свободно торговать с китайцами всеми видами мягкой рухляди (пушнины).

С этого времени для многих иркутских купцов наступил «золотой век». Они устремились в деревни, села и улусы, лежащие не только близ города, но и на далеких северных окраинах. Во всех этих местах купечество скупало пушнину, мерлушку, продукты скотоводства и земледелия, одновременно продавая промышленные товары, привезенные из европейской России и Китая.

Поначалу ведущую роль в торговле с Китаем играл Нерчинск, но в 1703 г. из Китая в Сибирь был проложен другой путь. Все последующие караваны комплектовались уже в Иркутске, а наши купцы стали напрямую ездить в Кяхту и привозить оттуда китайские товары.

Основным путем сообщения Иркутска с Кяхтой была дорога через Байкал. Товары везли по Ангаре, переправлялись через Байкал между Голоустным и Посольским, поднимались Селенгою до Петропавловской крепости, оттуда уже сухопутной дорогой на телегах добирались до Кяхты.

Казанская церковь. Иркутск

МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ

Из пушных товаров, продаваемых в Иркутске, главное место принадлежало белке. Здесь можно было найти ленскую чернохвостку, якутскую серую, ангарскую, илимскую, тункинскую, нерченскую, чикойскую, селенгинскую и баргузинскую белку. Цены на нее были самые различные – от 60 до 150 рублей за тысячу. В некоторые годы в Китай сбывалось до семи миллионов штук шкурок этого зверька.

БРЕЧАЛОВЫ (БРЯЧАЛОВЫ)

Сегодня потомки камчатских крестьян Бречаловых уже не помнят о своем купеческом происхождении и о том, что их фамилия входит в золотой список первопоселенцев Камчатки, которые начали обживать и осваивать полуостров еще в начале XVIII столетия. По нашим сведениям, эта фамилия начинает распространяться по Камчатке в период дейсвия миссионерской партии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского. В 1747 и в 1748 г. эту фамилию получают камчадалы в Тигиле (а сохраняется она до XX века в селении Аманино: в Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г. упоминается житель Аманино Бречалов Степан Иванович, 39 лет).

Постоянное местопребывание представителей исконной фамилии Бречаловых на Камчатке — Большерецкий острог, селение Большерецк, позже Кавалерское, куда переселились старожилы Большерецка.

Бречаловы были посадскими людьми, то есть торговцами. Об одном из них, возможно, патриархе камчатского рода Бречаловых, сохранились следующие сведения: Бречалов Моисей, камчатский посадский. Жил в Большерецке в 1771 г., был разоружен участниками Большерецкого бунта, когда попытался оказать сопротивление бунтовщикам. Вероятно, был в числе 27 арестованных «за неисполнение долга», которые были доставлены по делу о бунте в Иркутск и два года провели в тюрьме. По итогу расследования «не соблюдшим долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге» (Сгибнев А. С. «Очерк главнейших событий в Камчатке»).

Позже большерецкие Бречаловы (Брячаловы) известны нам как крестьяне.

В русско-японскую войну 1904–1905 гг. Бречаловы приняли активное участие в обороне Камчатки: Бречалов Петр Алексеевич, Бречалов Ларион, Бречалов Егор (Георгий).

Особенно отличился в тех боях большерецкий староста Бречалов Алексей Петрович, он представлен к награждению Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (но награду почему-то не получил). Был награжден серебряной медалью «За усердие» (*РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 2020, л. 55*).

Крестьянин с. Большерецка Алексей Бречалов — ранен в левую руку при отражении десанта на р. Озерной: «служил примером своей неустрашимости и отваги. Серьезно ранен в левую руку и левую ногу пулями» (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82*). Это не тезка — речь идет о старосте Бречалове.

А полный тезка Алексея Петровича известен нам по материалам совсем другого дела:

Бречалов Алексей Петрович. 1900 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. Сталина; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Ленино. Арест: 10.10.1937. Осужд. 14.02.1940, Усть-Большерецким РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освобожден. Постановлением УКГБ по Камчатской обл. от 5 февраля 1957 г. дело прекращено на основании ст. 4 п. 5 УПК. Реаб. 28.11.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

† Придорожная юрта, 1909 г. (фотографии Камчатской экспедиции 1908-1911 гг.)

Славился иркутский рынок также обилием лисиц разных родов, среди которых особенно ценились камчатские белодушки (продавалось от шести до 20 тысяч в год) и охотские сиводушки (от двух до четырех тысяч). Вслед за лисицами шли камчатские и якутские соболи (от шести до 16 тысяч в год), затем песцы, камчатские бобры, горностаи, рыси и выдры.

МОДА НА ВСЕ КИТАЙСКОЕ

Из Кяхты в большом количестве привозили разнообразные китайские товары. В Иркутске из китайского можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку (хлопчатобумажная ткань), шелк, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и некоторую мелочь.

Незначительная часть этих товаров расходилась в Иркутске среди горожан и вывозилась купцами, торгующими в розницу, в ближайшие села и деревни. Большая часть отправлялась по эстафете через сибирские города в Москву.

В самом Иркутске и его окрестностях потребность на китайские изделия была чуть ли не всеобщей. Сибирский историк Словцов говорит, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими.

Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. Путешествовавший по Сибири в 70-х годах XVIII века академик Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет.

Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выражавшийся в изобилии китайских украшений: картин, ваз, статуэток. Георги замечает, что в Иркутске почти у каждого дома был огород, в котором обычно сеялись китайские цветы. До 1777 года иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая.

ДОВОЛЬНО, ЕЖЕЛИ И ПОВЕШЕН БУДЕТ

В XVIII веке торговая деятельность Иркутска развивалась бы еще шире, если бы ей не мешал ряд «произошедших отягощений и разорений». К числу «отягощений» иркутские купцы относили частые перерывы в торговле на русско-китайской границе, а также взимания больших пошлин на Кяхтинском форпосте.

Причины для таких перерывов были разные. Например, в 1742 г. случился следующий прискорбный факт. Два пьяных русских – солдат Уфимцев и дьячок Сажин, находясь в Маймачене (китайский торговый городок по соседству с Кяхтой), давали одному китайцу две копейки на покупку водки. Китаец отказался. Завязалась драка, в результате которой двое китайцев были тяжело ранены и в ту же ночь умерли. Дело тянулось два года.

Наконец, в июле 1744 года китайский трибунал прислал на имя Сената требование наказать виновных и в нем изложил волю китайского императора – бодыхана, «что хотя смертоубийцев и должно смертью казнить, однако же за излишнее он, бодыхан, рассуждает, ежели человекоубийце отсечь голову, но довольно ежели и повешен будет». Но русское правительство не приняло никаких мер. Китайцы закрыли торг и разрешили его только тогда, когда был назначен суд над Уфимцевым и Сажиным.

Кяхтинская торговля была настолько выгодна, что некоторые купцы Иркутска вкладывали в нее весь свой капитал. Так крупную коммерцию вел в Кяхте первостатейный иркутский купец Иван Бичевин. Его приказчики проникли на Курильские и даже Алеутские острова и привозили оттуда драгоценную пушнину. В большом количестве сбывал мягкую рухлядь китайцам через кяхтинский рынок иркутский купец и соляной промышленник Федор Ворошилов. Несколько позже такие же операции проводили купцы Мыльников, Мичурин и Сухов.

КРЫЛОВСКИЙ ПОГРОМ

Такое успешное ведение дел было прервано в 1758 г., когда иркутское купечество пережило поистине черные времена. Случилось бедствие – так называемый «крыловский погром», принесший купечеству убыток на триста тысяч рублей и разоривший много первостатейных купеческих фамилий.

В 1758 г. генерал-прокурор Сената Глебов решил поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела и взять на откуп винокуренные заведения в Иркутске. Иркутские купцы отказались. Озлобленный отказом, Глебов послал в Иркутск коллежского асессора Крылова, которому поручил задание с пристрастием разобраться с купцами.

Ослушники вместе с бургомистром Бречаловым по приказу Крылова были арестованы и закованы в кандалы. Пытками и истязаниями из них выбили нужные показания, а их имущество Крылов конфисковал в свою пользу.

Более всех пострадал купец Иван Бичевин, считавшийся в то время первым в городе богачом. О его богатстве сохранилось предание, что золотые и серебряные деньги он хранил в бочонках, а медные – в бочках, прикованных к стенам его кладовых. Замученный пытками Бичевин умер 13 декабря 1759 г.

Своей развратной и не знавшей удержу разгульной жизнью Крылов наводил страх не только на купцов, но и на все городское население. Женщины боялись ему на глаза попадаться, детей пугали его именем, и еще долго иркутяне, по словам летописца, вспоминали о «гибельных крыловских временах».

Иркутское начальство бездействовало. Даже самого вице-губернатора Вульфа Крылов умудрился некоторое время продержать под арестом, а жителей тем временем заставил подписать челобитную о назначении на место Вульфа его – Крылова.

Но тут за город вступился преосвященный Софроний[1]. Ему удалось тайно со своим гонцом отправить в Петербург императрице Екатерине II донесение. Ходатайство увенчалось успехом. Из столицы последовало распоряжение арестовать Крылова и скованным отправить в тайную канцелярию, что и было исполнено 20 ноября 1761 г.

Дальнейшая судьба Крылова неизвестна: по одним источникам он был наказан кнутом и сослан на каторгу, а по другим – избег всякого наказания, благодаря покровительству обер-прокурора Глебова. Существовал также рассказ, что деньги, отобранные Крыловым у купцов, были многим возвращены.

В благодарность преосвященному Софронию за заступничество иркутские купцы построили на свои средства в городе каменную Благовещенскую церковь.

Благовещенская церковь была выстроена в 1783–1785 гг. Интересный факт: во время большого пожара 24 июня 1879 г. большой колокол церкви растопился и стек на землю. Образовалась глыба меди весом около тысячи пудов. Снесли церковь уже в советские времена – в 20-х гг. XX века.

В 1722 г. в Иркутске была открыта городовая ратуша, подчиненная тобольскому магистрату. Первыми иркутскими бургомистрами были Михаил Сухой и Семен Гранин. Через год вместо ратуши в Иркутске был учрежден магистрат. Бургомистры остались те же, а ратманами выбраны купцы Прокопий Верховцев, Иван Толмачев и Савва Котов. В 1728 г. магистрат в Иркутске был закрыт, а вместо него учреждена ратуша во главе с бургомистром – купцом Трифоном Бречаловым. Ратуша находилась в ведении Иркутской провинциальной канцелярии (http://new.hist.asu.ru/biblio/razgon/68-111.html).

Происхождение от переселившихся в XVIII в. в Сибирь государственных крестьян поморских губерний вели также иркутские купцы Бречаловы, Стрекаловские, томские Зеленцовы и др.

Что касается купеческих жен, то они, как правило, были моложе своих мужей, а особенно большая разница в возрасте (20–30 лет) наблюдалась при повторных браках, так как в таких случаях

1 Епископ Софроний (Стефан Кристаллевский). С 1753 по 1771 г. – иркутский архипастырь.

В списках пострадавших от политических репрессий и два его брата:

Бречалов Иван Петрович. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был продавцом АКОснабторга; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арест: 09.01.1938. Осужд. 14.02.1940, Усть-Большерецким РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 22.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Бречалов Илья Петрович. 1910 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; образование: начальное; б/п; был военнослужащим (красноармеец); место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арест: 02.10.1942. Осужд. 16.10.1942. Военный трибунал в/ч п/я № 50. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 14.03.1990. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

По исповедальной росписи Большерецкой Успенской церкви за 1893 г. мы обнаруживаем в Большерецке три семьи крестьян Бречаловых (Брячаловых):

† Бречалов Иван Антонович, на встрече камчатских династий в краевой библиотеке, 2016 г.

Брячалов (Бречалов) Николай Тарасиевич, крестьянин, Большерецк, 29 лет.

Брат Александр (17). Мать, вдова Ираида Никитична Брячалова (54). Дочь ее Елизавета (12).

Брячалов (Бречалов) Илларион Иванович, крестьянин, с. Большерецк, 35 лет.

Жена Мария Дмитриевна (30). Дети: Иоанн (5), Анна (1). Братья его: Андрей (27), Георгий (20), Петр (24). Жена Петра Матрена Александровна (22), сын Николай (1). Мать, вдова Агриппина Ивановна Брячалова (60). Дети ее: Анна (33), Елена (30).

Бречалов (Брячалов) Петр Алексеевич, крестьянин, с. Большерецк, 18 лет.

Мать, вдова Агриппина Николаевна (58). Сестра Екатерина (30).

Д.П. Логинов в своей книге «Большерецкий острог» называет в Большерецке 1920-х годов четыре дома Бречаловых:

Петра Ивановича — жил с женой и четырьмя сыновьями («Один работал бухгалтером»). С ним жил и старший сын Н.П. Бречалов, его жена и четыре дочери (Впоследствии один (*из детей — С.В.*) работал учителем, двое — бухгалтерами и один — фельдшером).

Его брата Андрея Ивановича, у которого с женой было трое сыновей («Впоследствии один работал учителем, один — бухгалтером).

Третьего брата — Иллариона Ивановича, который к этому времени был вдов. С ним жил сын Иван Илларионович с семьей — женой и сыном.

Особняком от домов братьев Бречаловых стоял дом Петра Алексеевича Бречалова, в котором он жил большой семьей — жена, трое сыновей и четыре дочери («Впоследствии один трудился на административных должностях, один — бухгалтером»).

Странно, но ни в Исповедальной росписи, ни в книге Д.П. Логинова мы не находим никакого упоминания о старосте Алексее Петровиче Бречалове, который был жив в 1904–1905 годах, а потому не мог быть отцом Петра Алексеевича Бречалова, мать которого была вдовой в 1893 году... (но в одном из сообщений заведующего обороной Западной Камчатки М.И. Сотникова сообщается о большерецком старосте Андр. Бречалове).

И еще одна важная фамильная деталь: традиция династии сибирских купцов Бречаловых родниться с самыми знатными фамилиями

пожилые купцы зачастую брали в жены молодых девушек из некупеческих сословий. В целом межсословные браки у купцов имели преимущественное распространение по сравнению с внутрисословными. В конце XVIII в. в Томске и Тюмени внутрисословными были лишь 16% купеческих браков, жены остальных купцов имели в основном крестьянское и мещанское происхождение. В первой половине XIX в. по-прежнему самыми распространенными у купцов оставались межсословные браки (с той лишь разницей, что теперь купцы чаще женились на дочерях мещан, чем крестьян), однако количество внутрисословных браков существенно возросло: у томских купцов в 1840–1850-е гг. на их долю приходилось 22– 25% заключаемых браков, а у тюменских, – по данным за 1819–1822 гг., 29–31%. Тюменские купцы Прасоловы состояли в родственных отношениях с шестью местными купеческими семьями (Башарины, Барашковы, Казанцевы, Щетинины, Колмогоровы, Масловы), так же как и купцы Башарины (с Поспеловыми, Масловыми, Прасоловыми, Парфеновыми, Аласиными, Барашковыми). В родственных отношениях были тобольские купеческие роды Корнильевых и Медведевых, Селивановых и Русаковых, Ершевых и Назаровых, Неволиных и Захаровых, Никановых и Струниных, Дьяконовых и Серебренниковых, Сумкиных и Протасовых, а Ширковы были связаны родственными узами с Матвеевыми, Есиповыми, Мелковыми, Крупенниковыми. В Томске породнились за счет брачных связей Губинские и Шумиловы, Мыльниковы с Шумиловыми, Закревскими, Серебренниковыми, Неупокоевыми, в Туринске – Панаевы с Тетюцких, Гуляевыми, Ворсиными, Пономаревыми, в Омске – Сенцовы и Ростовцевы, в Кургане – Обрядовы и Смирных, в Красноярске – Пороховщиковы и Матвеевы, Токаревы и Поповы, Ростовцевы и Юшковы, Худоноговы и Кулаковы, Коростелевы с Усовыми и Ильиных, в Енисейске – Кобычевы и Дементьевы, в Иркутске – Сибиряковы с Мыльниковыми, Трапезниковыми, Сизых, Саватеевыми, Мясниковы – с Елезовыми, Ворошиловыми, Бречаловыми, Тиунцовыми, Трапезниковы – с Сибиряковыми, Саватеевыми, Прянишниковыми, Куклиными, Сумкиными, Балакшиными, Тиунцовыми, Опрелковыми, Векшиными, Глазуновы – с Дудоровскими и т. д.

Сибири была продолжена и на Камчатке. Приведем только несколько примеров.

Елизавета Тарасьевна Бречалова в замужестве стала Спешневой.

В 1889 году Екатерина Алексеевна Бречалова вышла замуж за петропавловского мещанина Коршунова Николая Михайловича.

Льготный казак-кантонист Тигильского казачьего отряда Копылов Евстафий (Стахий) Стахиевич (1874 г. р.) был женат на Наталье Константиновне Бречаловой (1888 г. р.). Их дочь Аустиния Стахиевна — кандидат в члены Всероссийского учредительного собрания от Камчатской области на выборах 29 октября 1917 года — вошла в историю России как Устинья Евстафьевна Логинова.

А Дмитрий Павлович Логинов в своих письмах отмечал: « О внуках Логинова Николая Константиновича, догадываюсь, знаете, так же и их фамилии. …3. Селиванов Николай Николаевич … 4. Бречалова Елена Николаевна…».

В 1888 году дочь большерецкого крестьянина Петра Алексеевича Бречалова Александра стала женой казака Ивана Максимовича Селиванова, которая родила ему Анну (1888), Николая (1890), Евдокию (1894), Павла (1895), Екатерину (1897), Елену (1904), Федора (1907), Максима (1908), Василия (1911).

16 февраля 1898 года у Петра Алексеевича Бречалова родилась дочь Анна Петровна, которая впоследствии вышла замуж за Ивана Петровича Аббакумова, став родоначальницей большого семейства Аббакумовых-Абакумовых.

В 1892 году дочь крестьянина Ивана Ларионовича Бречалова Асинефа вышла замуж за отставного казака Николая Ильича Селиванова и родила ему дочь Виринею и трех сыновей — Ивана, Иннокентия и Илью.

В 1901 году мужем Бряцаловой Фотины Алексеевны стал житель селения Старый Острог Клеоник Павлович Заочный.

В 1903 году Бречалов Андрей Иванович женился на дочери служащего по морскому ведомству Начновой Гликерии.

Корни камчатских посадских Бречаловых связаны с Иркутском (откуда, в частности, был выходцем и иркутский посадский, а впоследствии камчатский купец Никифор Трапезников, заимка которого располагалась возле Большерецкого острога).

Художник С. Бордюг.
Н.Я. Эйдельман «Что там, за морем-океаном?», М., 1984

БУЖЕНИНОВА
(КНЯЖНА ГОЛИЦЫНА)

Такой фамилии нет в официальных списках камчатских имен. Ее и не могло быть, потому что эту фамилию Авдотье Ивановне дали при дворце императрицы Анны Иоанновны.

У знаменитого русского публициста и историка-генеалога князя Петра Владимировича Долгорукова в его книге «Записки князя Петра Долгорукова» имеются любопытные сведения о придворной жизни шутов императрицы, описанные им в главе XII. В частности, нас интересует вот этот эпизод: «Злая судьба, постигшая Голицына; его женитьба на дикарке. — Ледяной дом на Неве».

«Шут князь Михаил Голицын был внуком знаменитого князя Василия Голицына, первого министра и любовника царевны Софьи, сосланного Петром I на крайний север России, где он и умер спустя 24 года весьма суровой ссылки. Вместе с ним был сослан и его старший сын Алексей, женатый на Квашниной, который впал в глубокую тоску и еще прежде отца сошел в могилу. Князь Михаил родился в 1689 году, в тот самый год ужасной катастрофы, постигшей его отца и деда; юношей он был сдан в простые солдаты и даже в сорок лет имел скромный чин майора линейного полка. Он женился на девице Хвостовой, от которой у него был сын Николай, позднее женившийся и вскоре после этого скончавшийся бездетным, и дочь Елена, вышедшая замуж за графа Алексея Апраксина (*который позже так же был объявлен шутом по той же причине, что и его тесть — С. В.*). Овдовев, князь Михаил отправился путешествовать; в Италии он женился на местной уроженке и под ее влиянием принял католицизм. Поскольку эта женщина была простого происхождения, то он не решался объявить о своем браке, опасаясь упреков со стороны своей родни, состоявшей из людей богатых и занимавших высокое положение в светском обществе. Вернувшись с женой в Россию, он поселил ее в Москве, в Немецкой слободе, и только в 1736 году при дворе стало известно о его браке и местопребывании жены. После смерти фельдмаршала Голицына Бирен и немцы начали преследовать эту семью, занимавшую столь высокое положение в российском обществе (*Анна Иоанновна и сама ненавидела князей Голицыных, двое из которых, Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович, будучи членами Верховного тайного совета, пытались в 1730 году ограничить ее власть — С.В.*), и были очень рады нанести ей кровное бесчестие. Князь Михаил Алексеевич был осужден (*за измену православию — С.В.*) играть при дворе роль шута; ему не хватило мужества покончить счеты с жизнью и тем избавиться от этой презренной роли. Его жена была арестована в Москве, препровождена в Петербург и передана в руки Тайной канцелярии; мне неизвестно, что с нею сталось, но брак был расторгнут и объявлен недействительным. В последние годы своего царствования императрица повелела женить несчастного Голицына на какой-то камчадалке или на ком-то вроде того; эта 30-летняя женщина, грязная и безобразная, прозывалась Евдокией Ивановной; у нее не было даже фамилии; ей дали фамилию Буженинова (в честь буженины, одного из излюбленных блюд императрицы). Свадьба была отпразднована в феврале 1740 года при огромном сборище представителей диких народов, созванных специально для этой цели (*в том числе и камчадалов — С. В.*); молодоженов отвезли в клетке, установленной на спине слона. Приглашенные ехали за ними на санях, запряженных быками, собаками, оленями, козлами и свиньями; было устроено большое празднование в пространном манеже Бирена; потом был бал, где всякий народ танцевал танцы своей страны под звуки собственной народной музыки: царили ни с чем не сравнимые шум и

† Князь Петр Владимирович Долгоруков

грохот. Затем молодожены вынуждены были провести брачную ночь в запертом на ключ Ледяном доме, построенном на Неве. 24 ноября того же года Евдокия Ивановна произвела на свет сына, названного Андреем, родоначальника нынешней старшей ветви князей Голицыных.

Злополучный князь Михаил получил при дворе прозвище квасник, и вот по какому случаю: однажды императрица спросила стакан кваса и, выпив половину, вылила остальное на голову несчастного. Придворные сочли, конечно, эту гнусность очаровательной и великолепной шуткой, и Голицын был награжден прозвищем квасник, которое он сохранял до конца жизни. В ноябре 1740 года, с началом правления герцогини Брауншвейгской, несчастный Голицын получил разрешение удалиться в Москву. Его *жена-камчадалка* умерла там в 1742 году, произведя на свет второго сына, названного Алексеем (он умер холостым)».

«Он потешал государыню своей непроходимой глупостью — отмечает французский историк А. Газо. — Все придворные как бы считали своей обязанностью смеяться над несчастным; он же не смел задевать никого, не смел даже сказать какого-либо невежливого слова тем, которые издевались над ним». По мнению Газо, отуманенный потерей своей итальянки, Голицын впал в слабоумие и вовсе не понимал, что над ним потешаются: «Он был до такой степени глуп, что часто отвечал совершенно невпопад на предлагаемые вопросы, так что возбуждал в слушателях громкий взрыв хохота; но он только *глупо улыбался и блуждающим взором обводил присутствующих*». Этой же версии придерживается и Нагибин. Но, как мы уже знаем, слабоумием князь отличался сызмальства, а памятуя о его ветрености, трудно допустить, что он долго и глубоко переживал разлуку с женой-итальянкой.

† Жители селения Олюторское, север Камчатки

Писатель И. Лажечников в своем знаменитом «Ледяном доме», где этот шут выведен под именем Кульковского, презрительно называет его «нечто» и пространно описывает пресмыкательство перед всесильным монаршим фаворитом, Курляндским герцогом Бироном: «Это нечто была трещотка, ветошка, плевальный ящик Бирона. Во всякое время носилось оно, вблизи и вдали, за своим владыкою. Лишь только герцог продирал глаза, вы могли видеть сие огромное нечто в приемной зале его светлости смиренно сидящим у дверей в прихожей на стуле; по временам оно вставало на цыпочки, пробиралось к двери ближайшей комнаты так тихо, что можно б было в это время услышать падение булавки на пол, прикладывало ухо к замочной щели и опять со страхом и трепетом возвращалось на цыпочках к своему дежурному стулу. Если герцог кашлял, то оно тряслось как осиновый лист». (*Лев Бердников, «Квасник-дурак», журнал «Новый берег», 2008, № 22*).

В официальной истории Евдокия (Авдотья) Ивановна Буженинова именуется почему-то «любимой калмычкой императрицы», подаренной императрице кабинет-министром А. Волынским, уничтоженным все тем же Биреном (Долгоруков доказывает, что Бирон — имя фальшивое, присвоенное фаворитом императрицы, чтобы иметь «исторические» родовые корни для детей бывшего конюха и императрицы — «выблядка», по словам главы Верховного Совета князя Голицына — Анны Иоанновны). Писатель Юрий Тынянов также считал, как и Долгоруков, что Буженинова была именно камчадалкой.

Во-первых, как сообщал Степан Петрович Крашенинников, «…камчадалы так как мунгалы ростом низки, телом смуглы, не мох-

О «производстве» князя Голицына в шуты есть и другие версии: «Французский писатель А. Труайя в своем историческом романе «Этаж шутов» приводит слова, якобы говоренные Анной каждому новоиспеченному забавнику: «Изображать обезьяну, петь петухом, мяукать и лаять умеют другие и делают это лучше тебя. Постарайся придумать свое!» И вот парадокс: пресловутое слабоумие Голицына странным образом уживалось в нем с раболепием и угодничеством перед сильными мира сего, причем свойство это обнаружилось еще до его обращения в шуты: при Екатерине I он юлил перед могущественным А. Меншиковым, а затем, при Петре II, ублажал сиятельных князей Долгоруковых. Князь весьма потрафлял и своей венценосной хозяйке и делал это по-своему, лучше других. «Семен Андреевич! – писала императрица в 1733 г. московскому градоначальнику С.А. Салтыкову. – Благодарна за присылку Голицына; он здесь всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь».

наты, черноволосы, малобороды, *лицем калмыковаты*, с покляпыми носами, косолапы. Глаза у них впали, брови малы и редки, брюха отвислы, ноги и руки малы и тонки, походка тихая. Сверх того робость, хвастовство, раболепность к строгим, упрямство и презрение к ласковым обоим народам свойственны».

То есть, камчадалы и калмыки по внешнему обличью сходны.

Во-вторых, в исторической литературе отмечается несколько особенностей Евдокии Ивановны Буженинovой, которые были не свойственны ни калмыкам, ни каким другим «дикарям», приживавшимся, как дань моде тех времен, при богатых дворах российских императоров и их придворных.

«…Евдокия Ивановна Буженинова карлицей не была: просто она была маленького роста и русские считали ее очень уродливой. Собственно, Евдокией Ивановной она стала после крещения, когда привезли ее в подарок Анне Иоанновне. А фамилию Буженинова ей дали по прозвищу — от нее всегда очень сильно пахло копченым, и кожа ее была покрыта слоем жира. Буженинова утверждала, что у ее народа такие традиции: не мыться, а мазаться жиром. Ею брезговали даже шуты, а кто не брезговал — того она и покалечить могла: из-за способности яростно сопротивляться домогательствам Буженинову считали «злой». Но Анна Иоанновна [ее] любила: за едкое ее остроумие (*Елена Прокофьева, «100 великих свадеб»*).

Обратим внимание – Буженинovой ее назвали не за буженину, а за запах: «от нее всегда очень сильно пахло копченым».

И еще ею брезговали даже шуты — «…кожа ее была покрыта слоем жира. Буженинова утверждала, что у ее народа такие традиции: не мыться, а мазаться жиром».

С.П. Крашенинников добавляет о камчадалах: «В житье гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезывают, едят из одной посуды с собаками, и никогда ее не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары, волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мущины, так и женщины. У которых баб долгие косы, те для красы расплетают их на многие мелкие косы, а потом в две большие соединяют, и закинув на спину связывают на конце веревочкой. Когда волосы из кос выбиваются, то пришивают их нитками, чтоб были гладки, и потому оне столь вшивы, что рукою, как гребнем, подняв косы их чешут, и сметая в кучу пожирают, как выше показано. А у которых волосы малы, те парики объявленным образом зделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют; впрочем женской пол красивее, и кажется умнее, чего ради из баб и из коекчучей их больше шаманов, нежели из мужеска полу».

И еще, это уже о местной косметике: «Вместо белил трутся гнильтиною таловою, а румянятся выбрасывающейся на моря травою, которую собирают и сушат и, когда надобно, омоча в нерпичий жир мажутся, а называют те свои румяны ханару, а камчадалы ханжу».

То есть Евдокия Ивановна Буженинова полностью соответствовала собственному представлению и представлению своего народа – камчадалов — о красоте лица и чистоте тела.

Была еще одна особенность у ее народа, которая могла понравиться императрице: «Великое искусство имеют пересмехать всякого и точно представлять, кого похотят, по походке, по голосу, по речи и по всем приемам: таким же образом представляют они и зверей и птиц, и сие у них в числе не последних забав почитается».

А об ее «едком остроумии» разговор особый — проект женитьбы на князе Михаиле Алексеевиче Голицыне был, если верить историкам, ее собственным изобретением:

«Евдокия Ивановна знала, что рано или поздно Анна Иоанновна и ее выдаст за кого-нибудь замуж, и сама решила свою судьбу: она попросила в мужья Квасника. Всем это показалось препотешным: что бывшему князю Голицыну придется жениться на «уродке» и «дуре», к тому же такой отвратительной и вонючей. Буженинова же, будучи жен-

щиной умной, понимала, что лучше мужа, чем кроткий Голицын, ей не найти среди тех, на кого она может претендовать, то есть среди шутов. Возможно также, что Голицын пробудил в ее душе сострадание и она решила взять его под свою защиту.

Анна Иоанновна тем временем затеяла строить Ледяной дом. В словаре Брокгауза и Эфрона об этом строительстве дается такая информация: «Специальная маскарадная комиссия под председательством кабинет-министра А.П. Волынского избрала для постройки “Ледяного дома” место на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом [еще в 1733 году была выстроена на Неве ледяная крепость; постройки изо льда, в смысле курьезов, встречались и в Западной Европе]; под ее наблюдением и был выстроен дом, исключительно из плит чистого льда, положенных одна на другую и для связи политых водою; он имел восемь сажен в длину, две с половиной в ширину и три в вышину. Впереди дома стояло шесть ледяных пушек и две мортиры, у главных ворот — два дельфина, из пасти которых била горящая нефть. Кровля дома украшена была статуями. Внутреннее устройство дома также сделано было изо льда. По сторонам дома воздвигнуты были высокие пирамиды с примерными часами и с фонарями на окнах; вблизи помещались ледяной слон, из хобота которого бил горящий нефтяной фонтан, и ледяная баня, которую топили соломою».

…Ночь после свадьбы Квасник и Буженинова должны были провести на ледяной кровати в Ледяном доме, причем императрица приказала солдатам охранять их и не выпускать до утра. Наверное, они бы насмерть замерзли, если бы не предприимчивость Евдокии Ивановны: она взяла с собой в потайном кармане достаточно денег, чтобы заплатить солдатам, и они принесли ей шубы, завернувшись в которые жених и невеста смогли пережить свою первую ночь… С той первой ночи Буженинова защищала мужа и иной раз даже кусала руки придворных, которые пытались толкнуть или ударить безропотного Квасника».

Так как история с Ледяным домом оказалась напрямую связана с камчадалами, то, конечно же, нас интересуют и подробности:

«Немедленно создали особую «маскарадную комиссию». Решено было обвенчать шута и шутиху в специально построенном на Неве доме из льда! Благо на улице стояла жуткая стужа: термометр показывал минус 35 градусов. Свадьбу назначили на февраль 1740 года.

† Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны, 1872 г., худ. В.И. Якоби. Евдокия Буженинова справа в центре, князь Голицын в одежде шута, в руках – пузырь с горохом

Комиссия выбрала для постройки Ледяного дома место на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом — примерно там, где сейчас Дворцовый мост. Лед разрезали на большие плиты, укладывали их одну на другую и поливали водой, которая тотчас же замерзала, накрепко спаивая плиты.

В итоге фасад дома имел длину около 16 метров, ширину 5 метров и высоту – около 6 метров. Вокруг всей крыши тянулась галерея, украшенная статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на две половины. В каждой было по две комнаты: одна — гостиная и буфет, другая — туалет и спальня. Перед домом были выставлены шесть ледяных пушек и две мортиры, которые, кстати, стреляли. У ворот красовались два ледяных дельфина, выбрасывавшие из челюстей горящую нефть. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ветках сидели ледяные птицы. По обеим сторонам дома возвышались ледяные пирамиды, внутри которых висели большие восьмиугольные фонари. Ночью в пирамиды влезали люди и поворачивали светящиеся фонари перед окнами — к удовольствию постоянно толпившихся зрителей.

В Ледяном доме в одной из комнат стояли два ледяных зеркала, туалетный стол, несколько шандалов (подсвечников), большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. Во второй комнате были ледяной стол, два дивана, два кресла и резной буфет с посудой. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов, а на столе стояли большие часы и лежали карты. Все эти вещи «были весьма искусно сделаны изо льда и

† Свадьба в Ледяном доме (Ледяной дом), 1878 г., худ. В.И. Якоби

ВОТ КАКОЕ ОПИСАНИЕ НЕОБЫЧАЙНОЙ СВАДЬБЫ ДАЛ В СВОИХ «ЗАПИСКАХ» В А. НАЩОКИН (1707 – ОК.1761)

«Да тогож 1740 году была куриозная свадьба. Женился князь Голицын, который тогда имел новую фамилию Квасник, для которой свадьбы собраны были всего государства разночинцы и разноязычники, самаго подлаго народа, то есть Вотяки, Мордва, Черемиса, Татары, Калмыки, Самоеды и их жены, и прочие народы с Украины, и следующие стопам Бахусовым и Венериным, в подобном тому убранстве, и с криком для увеселения той свадьбы.

А ехали мимо дворца. Жених с невестою сидел в сделанной нарочно клетке, поставленной на слоне, а прочий свадебной поезд вышеписанных народов, с принадлежащею каждому роду музыкалиею и разными игрушками, следовал на оленях, на собаках, на свиньях...»

Когда все разместились за праздничными столами, «карманный Ея Величества стихотворец» Василий Тредиаковский, еще одна невольная жертва этой бесчеловечной потехи, огласил заказанные ему свадебные вирши.

На ночь у дверей Ледяного дома встал караул, дабы молодожены не сбежали из отведенных им покоев. Голицын и Буженинова чудом пережили ночь на ледяной кровати и утром вышли живыми из ледяного ада (литературное предание гласит, что Евдокии Ивановне удалось, подкупив стражу, раздобыть полушубок, и тем самым она спасла себя с мужем от смерти).

Однако Евдокия Ивановна после этого долго болела и спустя два года умерла.

В исторической литературе бытует мнение, что от пережитого унижения Михаил Алексеевич Голицын повредился умом (в словаре Брокгауза и Эфрона говорится, что, когда Анна Иоанновна решила женить князя, он уже пребывал в состоянии, близком к идиотизму), между тем сохранившиеся образцы его остроумия свидетельствуют об обратном. Судите сами.

* * *

Как-то в обществе некая пригожая девица сказала князю:

– Кажется, я вас где-то видела.

– Как же, сударыня, – тотчас отвечал Квасник, – я там весьма часто бываю!

* * *

Об одном живописце говорили с сожалением, что он пишет прекрасные портреты, а дети у него весьма непригожи. Услышав это, Квасник пожал плечами:

– Что же тут удивительного: портреты он делает днем, а детей – ночью.

* * *

Однажды всемогущий временщик императрицы герцог Бирон спросил Квасника:

– Что думают обо мне россияне?

– Вас, ваша светлость, – отвечал он, – одни считают Богом, другие Сатаною, и никто – человеком.

выкрашены приличными натуральными красками»! Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели. Кроме того, при Ледяном доме по русскому обычаю была выстроена ледяная же баня! Ее несколько раз топили, и охотники парились!

По именному высочайшему повелению к «курьезной свадьбе» привезли со всех концов России по два человека обоего пола «всех племен и народов». Всего набралось триста человек! Шестого февраля 1740 года состоялось бракосочетание сиятельного шута с шутихой — обычным порядком в церкви. После чего «свадебный поезд», управляемый канцлером Татищевым, проехал по главным улицам города.

Во главе «свадебного поезда» ехали «молодые» в железной клетке, поставленной на слона. А за слоном тянулись «поезжане», то есть приехавшие гости. Тут был и абхазцы, остяки, чуваши, черемисы, вятичи, самоеды, камчадалы, киргизы, калмыки. Одни ехали на верблюдах, другие на оленях, третьи на собаках, четвертые на волах, пятые на козлах и т. п.

После обильного обеда во дворце начались танцы. Потешное зрелище чрезвычайно забавляло императрицу и вельможных зрителей. После бала «молодая пара», сопровождаемая по-прежнему длинным «поездом» разноплеменных гостей, отправилась в свой Ледяной дом. Там их с различными церемониями уложили в ледяную постель, а к дому приставили караул «из опасения, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсем теплое и удобное ложе».

Дальнейшую судьбу Ледяного дома проследил один из современников: «Понеже жестокая стужа с начала января месяца по самый март почти беспрерывно продолжалась, то и оный дом до того времени стоял без всякого повреждения. В исходе марта месяца 1740 года начал он к падению клониться и помаленьку, особливо с полуденной стороны, валиться».

О Ледяном доме говорили по-разному, в том числе и как о «глупейшем позорище». «В истории с Ледяным домом я вижу верх сумасбродства! — писал один из просвещенных людей того времени. – Позволительно ли употреблять руки человеческие на работу столь суетную и ничтожную? Позволительно ли столь постыдным образом унижать человечество и надсмехаться над ним? Позволительно ли издерживать государственное иждивение на прихоти и забавы вздорные?! Забавляя

народ, не надо развращать народные нравы!» (*Николай Непомнящий, «Загадки истории России»*).

«Продолжателем рода несчастного «пажика» — «хана самоедского» были дети второго его сына — князья Андрей Андреевич (надворный советник, род. 30 мая 1770 г.) и Василий Андреевич (надворный советник, род. 1772 г.). Сестры их были: княжна Елизавета Андреевна (род. 17 мая 1766 г.), в замужестве за Александром Васильевичем Грушецким, и Евдокия Андреевна (род. 3 апреля 1768 г.), супруга генерал-майора Петра Семеновича Муравьева. Князь Андрей Андреевич женат был два раза: 1) на Варваре Алексеевне Редриковой (род. 1778 г., 1829 г.), матери двух сыновей и двух дочерей, и 2) на бездетной вдове Анастасии Михайловне Плоховой, урожденной Немцовой. От Варвары Алексеевны родились: князь Михаил Андреевич, ротмистр (род. 5 октября 1802 г., 5 марта 1851 г.), живший в Тверской губернии в имении; Елизавета Андреевна (род. 23 ноября 1805 г., 1827 г.) за И. С. Дурновым, гвардии штабс-ротмистром; Федор Андреевич (род. 10 декабря 1806 г.), предводитель дворянства Александровского уезда Владимирской губернии, штабс-капитан (1852 г.), женатый на Аделаиде Петровне Загряжской (с января 1827 г.), имевший трех сыновей и трех дочерей. Младшая сестра его княжна Марья Александровна (род. 26 октября 1808 г.) была за Александром Михайловичем Булатовым.

Дети князя Федора Андреевича были: князь Константин Федорович (род. 20 января 1832 г., 31 августа 1878 г.), женатый на Александре Валериановне NN; князь Владимир Федорович (род. 3 декабря 1834 г.), женат на Княжевич; князь Александр Федорович (род. 20 февраля 1836 г.); княжна Лидия Федоровна (род. 17 ноября 1837 г.); княжна Софья Федоровна (род. 27 августа 1830 г.), с 1849 г. была за Александром Петровичем Баренцевым, и княжна Елизавета Федоровна (род. 27 декабря 1828 г.), бывшая за Поливановым. Князь Василий Андреевич, внук «квасника», от брака с Марьей Александровной Левашевой имел сына Владимира Васильевича, корнета (род. 1810 г. и 1840 г. без потомства), и дочерей: Софью Васильевну (1844 г.) — за полковником Василием Сергеевичем Мухановым и Анну Васильевну — за князем Николаем Петровичем Гагариным».

А вот и некоторые дальнейшие подробности:

«Все началось с того, что, работая в Центре документации новейшей истории под руководством нашего учителя Александра Николаевича Воронова, мы обнаружили уголовное дело № 16903-С на

† Камчадалка, гравюра XVIII века, Англия, 1784 г.

Одна пожилая дама, будучи в обществе, уверяла, что ей не более сорока лет от роду. Квасник, который хорошо знал истинный ее возраст, обращаясь к присутствующим, сказал:

– Можете ей поверить, потому что она больше десяти лет в этом уверяет.

* * *

Известный генерал фон Девиц на восьмидесятом году жизни женился на молоденькой смазливой немке из города Риги. Будучи накоротке с Квасником, он написал ему о своей женитьбе, прибавив при этом: «Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников». На это Голицын ему отвечал: «Конечно, не можете надеяться, но всегда должны опасаться, что они будут».

* * *

Герцог Бирон послал однажды Квасника быть вместо себя восприемником от купели сына одного из камер-лакеев.

Квасник исправно выполнил поручение. Но когда он докладывал о том Бирону, временщик, будучи не в духе, назвал его ослом.

– Не знаю, похож ли я на осла, – возразил Квасник, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

* * *

В браке с Евдокией Ивановной Буженинова у Михаила Алексеевича родился сын, князь Андрей (1740–1777). В год его рождения новая правительница России Анна Леопольдовна распустила придворных шутов и освободила Голицына от его шутовских обязанностей: она запретила «нечеловеческие поругания» над «дураками», навсегда уничтожив в России позорное звание придворного шута. Голицын оставил столицу и перебрался сначала в родовое Архангельское, а после смерти Евдокии Бужениновой переехал в купленное им имение в Костентинково. Из всего многочисленного потомства Михаила Алексеевича лишь его внук Андрей Андреевич (1770–1855) стал продолжателем ветви Васильевичей рода Голицыных.

Князь Гедимин, основатель рода Голицыных, изображен на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

бывшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. Вместе с ним в деле назывались имена Алексея Дмитриевича Вязгичева, Ивана Абрамовича Матвеева и других (всего шесть человек). Дело было возбуждено Бежецким окружным отделом ГПУ по ст. 58 ч. 10, 11 УК РСФСР. По делу проходит Дмитрий Голицын, 1869 года рождения, уроженец Москвы, дворянин, с низшим образованием, беспартийный, единоличник-твердозаданец, женатый, несудимый, житель деревни Ростовцево Кесовогорского района Калининской области. Обвиняется в том, что в 1918 году участвовал в контрреволюционном восстании «зеленых». Это была реакция на жестокость продразверсток. Князь Дмитрий Владимирович – последний потомок кашинской ветви князей Голицыных – не был знаменитым генералом, не был даже «поручиком», о котором порой так надрывно поют. Он жил среди крестьян, был их другом, помогал, чем мог. Был женат на крестьянке. Остался в памяти людей человеком искренним и честным.

Этому поколению довелось жить в трудный, противоречивый период нашей истории, когда проблема взаимоотношений народа и государства приобрела небывалую остроту. Работая над этой темой, нам удалось найти документы того времени. Это справки сельского Совета о благонадежности, маленькие бумажки, но часто они спасали жизнь. «Да, было такое время, когда вожди сажали вождей, соседи – соседей, а ученые – ученых» – так сказал про эти годы Лев Гумилев, ученый, историк, разделивший судьбу многих миллионов репрессированных.

...Составители «Российской Родословной Книги» считают, что в восьмом колене от Гедимина, великого князя литовского, приходился родоначальником князей Голицыных князь Михаил Иванович Булгаков-Голица, томившийся в польском плену 38 лет. Возвратясь на родину болезненным, последние шесть лет жизни он провел в монашестве, приняв постриг с именем Ионы (1558 г). В этой работе мы в основном будем касаться имен и судеб тех из рода Голицыных, кто связан с нашим (*Тверским – С.В.*) краем.

В селе Замытье сохранились следы дворянской усадьбы, которая в разное время принадлежала разным хозяевам: Анисиным, Апухтиным, Загряжским, Голицыным. Это большой двухэтажный особняк напротив Спасо-Преображенской церкви, через дорогу от нее. После Отечественной войны 1812 года Замытье – владение князя Андрея Андреевича Голицына. Он самый крупный землевладелец в Бежецком уезде – 1609 душ крепостных.

Одним из владельцев, умерших в усадьбе, был князь Федор Андреевич Голицын, коллежский асессор и кавалер. Его могила со склепом была ранее вблизи алтаря Спасо-Преображенской церкви. Но какие-то заезжие гробокопатели склеп разорили. Князь Федор Андреевич Голицын родился в 1805 году. Его родителями были надворный советник князь Андрей Андреевич Голицын и Варвара Алексеевна Редрикова. Он, несмотря на громкую фамилию и титул, унаследовал сравнительно небольшое состояние. В конце 1820-х годов он был зачислен юнкером в лейб-гвардии гусарский полк. Князь Федор Голицын вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. Женившись на Аделаиде Петровне Загряжской, он поселился в сельце Лобково Александровского уезда и зажил привольной жизнью помещика средней руки. В середине XIX века его отец, Андрей Андреевич,

передает ему имение Замытье Бежецкого уезда, а сам уезжает в Москву. Андрей Андреевич Голицын – правнук Михаила Алексеевича, отставного майора, одного из образованнейших людей своего времени. История его жизни такова. Находясь за границей, Михаил Алексеевич принял католичество и женился во второй раз. Тогда он не придал значения перемене веры, о чем вскоре пожалел. Императрица Анна Иоанновна любила развлечения, и вот в голову ей пришло выдать замуж любимую шутиху-калмычку Буженинову. Быстро построили ледяной дворец, нашли сразу же и жениха. Тоже шута, который стал таковым в результате того, что посмел за границей жениться на итальянке и принять римско-католическую веру. Это был князь Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого боярина Петровского времени. Чтобы не умереть от холода в ледяном дворце, «молодые» у караульного солдата за жемчужное ожерелье купили тулуп. Весной 1740 года Ледяной дом растаял, Анна Иоанновна вскоре умерла, а Голицын с женой поселились в подмосковном имении Архангельское. Буженинова (в браке ставшая княгиней Голицыной) родила князю двух сыновей – Андрея и Алексея и в конце 1742 года при родах Алексея скончалась. Это ответвление кашинского рода князей Голицыных связано и с имением Замытье: именно там у Федора Андреевича Голицына и Аделаиды Петровны Голицыной, в девичестве Загряжской, родилось шестеро детей. В семейной жизни Федору Андреевичу не повезло. Его жена Аделаида Петровна «повела предосудительный образ жизни, стала проявлять мотовство и, в конце концов, поставила мужа в затруднительное финансовое положение. Бросив детей, она в 1842 году уехала за границу».

Владимир Федорович Голицын родился в 1834 году в имении Замытье Бежецкого уезда. С юности находился на военной службе. В конце сороковых – начале пятидесятых состоял в Бородинском егерском полку. Был женат на Илларии Аполлоновне Мойсеевой.

Изначально, с 1830 года, имение Троицкое Кашинского уезда принадлежало Михаилу Андреевичу Голицыну, внуку Михаила Алексеевича. Имение Троицкое он отдал своему брату Федору. Федор Андреевич передает имение сыну Владимиру. Владимир Федорович после ранения, полученного при обороне Севастополя, приезжает с женой в имение Троицкое Брылинской волости Кашинского уезда. У Владимира Федоровича и Илларии Аполлоновны было пятеро детей. Так случилось, что над ними постоянно довлело их происхождение. В Государственном архиве в деле №841 за 1899 год находятся документы, касающиеся подтверждения дворянского достоинства князя Андрея Владимировича (брата Дмитрия Владимировича). Прошение было удовлетворено, подтверждено княжеское звание. А это значит, что и Дмитрий Владимирович, о судьбе которого мы упоминали в начале этой публикации, имел дворянское звание. До 1903 года князь Дмитрий имел 170 десятин земли, 17 коров, 5 лошадей, земли в селе Троицкое. Богатые и знатные родственники с ним не общались, но и он не напоминал о себе. Гордый был князь. Фамилией дорожил и, следуя старой дворянской традиции, жене-крестьянке и дочерям ее не дал. На Первую мировую войну князь не призывался по возрасту, в Белом движении не участвовал. В 1918 году арестовывался Губчека, обвинялся в причастности к Брылинскому восстанию «зеленых», но крестьяне его отстояли, и Дмитрий Владимирович был отпущен. 19 июня 1925(?) года Особая комиссия согласно ст. 5 и 6

† Портрет императрицы Анны Иоановны
Луи Каравакка 1730 года

Постановления ЦИК и СНК принимает решение немедленно выселить князя Дмитрия Голицына из имения Троицкое и отобрать 12 десятин земли, выделенных согласно решению Брылинского волостного съезда Советов. В годы коллективизации князь-единоличник становится главной мишенью для ГПУ. Ему припомнили арест в 1918 году, нашли доносчиков, которые сообщили, что к нему приходят мужики из соседних деревень, что-то говорят о колхозах. Строки из обвинительного заключения, предъявленного Голицыну: «Голицын Дмитрий Владимирович, 1869 года рождения, бывший князь, из имения переселился в деревню Ростовцево, чтобы иметь влияние на крестьян. Распространял провокационные слухи, говоря, что «колхозы есть кабала для крестьян, колхозы оберут их и пустят по миру». Разъяснял, что «колхозы – это переходная форма к коммуне, где кормить будут всех вместе, и кто будет посильнее, захватит побольше, будет драка и грызня», призывал в колхозы не вступать. Критиковал статью т. Сталина «Головокружение от успехов».

8 февраля 1930 года в протокол обыска были внесены предметы имущества, принадлежащего лично князю: стол письменный, четыре венских стула, кровать деревянная, две подушки и ружье охотничье двухствольное. Прочего имущества не было. Осужденный по статье 58 УК РСФСР Дмитрий Владимирович вины не признал, но отправился отбывать срок на Соловки. Обратно князь не вернулся.

9 января 1990 года прокурор Тверской области отменяет постановление тройки ОГПУ, осужденные реабилитированы по данному делу, так как подпадают под действие статьи 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов».

Княжеский дом в годы войны использовали как детский дом, после войны там размещалась школа. Парк частично сохранился, остались липы, как напоминание о той России, которую мы только начинаем понимать и гордиться людьми того поколения. История должна учить нас не совершать трагических ошибок – это слишком дорого обходится следующим поколениям. Работая над этой темой, мы побывали там, где когда-то было имение Троицкое, и жители деревни Кульнево поведали интересную историю о том, что в их деревне живет бабушка, которая считает себя правнучкой князя Дмитрия из имения Троицкое, однако в предыдущие годы Антонина Васильевна просто боялась об этом говорить. Работая в архиве поселка Кесова Гора, нам удалось установить: исходя из данных похозяйственных книг деревень Ростовцево, Кульнево, жительница деревни Кульнево Богомолова Антонина Васильевна 1933 года рождения может являться потомком князей Голицыных. Несмотря на то, что многие из рода Голицыных были расстреляны, репрессированы, их потомки живут во многих уголках мира. Это люди самых разных профессий: врачи, учителя, инженеры, художники, академики. Но все они незримыми корнями соединены с Россией, а значит, и с нашей землей».

† Соловки.
Место ссылки князя Голицына
(*фото из открытых источников*)

ВОРОШИЛОВЫ

О времени появления Ворошиловых на Камчатке пока можно только догадываться. Но у нас есть сегодня достоверные данные о том, что 28 сентября 1829 года на транспортном бриге «Николай» из Петропавловского порта в Охотск с грузом пушнины прибыла группа торговцев пушниной, в числе которых был и камчатский купец 2-й гильдии (а точнее, иркутский купец из знаменитой купеческой семьи) Афанасий Ворошилов (*РГАВМФ, ф. 283, оп. 1, д. 1191*).

Жил он, вероятно, в Тигиле — вполне возможно, что это о нем писал впоследствии Эразм Стогов, вспоминая Тигиль 1830-х годов: «Тигиль была крепость во времена первого занятия Камчатки русскими, но теперь крепости и знака нет, хотя там существует комендант из флотских офицеров. В Тигиле есть церковь, больница без доктора, которой управляет фельдшер Дунаев, есть 12 штатных казаков и купец 2-ой гильдии Ворошилов». Правда, Эразм Иванович пишет и о том, что одна из дочерей купца Ворошилова вышла замуж за коменданта Тигильской крепости капитан-лейтенанта Якова Егоровича Забелу, но документы говорят о другом (см. «Санапальниковы»).

По данным за 1851 год, в Петропавловске проживали неторгующие мещане братья Алексей (41 год) и Осип (32) Абрамовичи Ворошиловы, а также Павел Афанасьевич Ворошилов (38).

В 1865 году среди петропавловских мещан, «платящих государственную подать», мы находим Алексея Афанасьевича Ворошилова и его братьев Осипа, Константина, Павла (*РГИА ДВ, ф. 1029, оп.1, д. 119, л. 3–4*).

Первичной отправной точкой для исследования истории этой фамилии было письмо дочери известного камчатского краеведа Елизаветы Федоровны Радьковой (Спешневой) — Надежды Лысогор. Она писала:

«Когда шло освоение земель, прибыло 7 братьев Ворошиловых на Камчатку. И разъехались они, чтобы узнать, где кто живет, где что растет... Через определенное время должны были встретиться в Петропавловске. (Из рассказа Нечаевой Анастасии Константиновны — ее дед Ворошилов Константин Иосифович (Осипович).

В 2000 г. я составила довольно-таки подробное древо Ворошиловых по данным из церковной книги прихода 1893 г., по записям Радьковой Елизаветы Федоровны и Спешнева Ливерия Федоровича. Согласно древу, основателем нашей ветки является Ворошилов Александр Павлович (1841 г. р.) и его жена Александра Стефановна (1874 г. р). У них было 7 детей, об одном их них Вы, Сергей Вахрин, подробно писали. Это Ворошилов Македон Александрович (1879 г. р.). Также Вы упоминали еще одного их сына, Ворошилова Николая Александровича (1880 г. р.), он был репрессирован. Это мой прадед. У них было 9 детей. Один из них, Ворошилов Пантелей Николаевич (1916 г. р.), погиб под Псковом в Великую Отечественную войну. Моя бабушка, Спешнева (дев. Ворошилова) Александра Николаевна, и моя мама, Радькова (дев. Спешнева) Елизавета Федоровна постоянно поддерживали связь с родственниками Бречаловыми, Дивеевыми, Ворошиловыми».

В итоге наше исследование о первых Ворошиловых дало следующие результаты: судя по тому, что мильковскими краеведами из клуба «Камчадал» обнаружена линия Ворошиловых от Михаила Павловича (1838 г. р.), а соболевская ветвь Ворошиловых начинается с Александра Павловича (1841 г. р.), то основоположником камчатского рода Ворошиловых является их отец — Павел Ворошилов.

Вероятно, Ворошилов Афанасий Павлович, петропавловский мещанин, проживающий в с. Хутор в 1893 г., 46 лет от роду (т. е. г. р. 1847), их третий брат. Жена у него была Лариса Гавриловна. Дети: Гавриил (22), Павел (21), Мария (15), Семен (13), Михаил (9), Евдокия (5), Ирина (2).

А из этого документа уже трудно понять, кто кому и кем приходится — то ли кумом, то ли дедом: «Ворошилова Анна Петровна. Дата рождения — 9 сентября 1909 г. Родители — мещанин г. Петропавловска Петр Павлович Ворошилов и законная жена его, Екатерина Нестеровна. Восприемники — мещанин г. Петропавловска Павел Афанасьевич Ворошилов и жена крестьянина с. Завойко Иннокентия Егоровича Машихина — Екатерина Давыдовна» (*Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г. и Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1909 год, ГАКК*).

Вот еще интересная информация:

«Ворошилова Варвара Феофановна, вдова петропавловского мещанина Николая Ворошилова, 1893 г., 58 лет. Ее дети: Иннокентий (31), Павел (26), Иван (20), Александр (15), Евдокия (11). Жена Иннокентия — Агафья Григорьевна. Племянник по мужу, Афанасий Констан-

тинович Ворошилов (29). Жена его — Агриппина Иоакимовна (25)» (*Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК*).

Возможно, что отчества Николая и Константина Ворошиловых тоже Павловичи, судя по возрасту вдовы Варвары Феофановны Ворошиловой (1835 г. р.), тогда это тоже братья Михаила, Александра и Афанасия Ворошиловых.

Новую информацию о братьях Ворошиловых мы находим в Исповедальной росписи Большерецкой Успенской церкви за 1893 г.:

«Мещанин Александр Павлович Ворошилов (52 года, то есть 1840 г. р.). Жена его, Александра Стефановна (46 лет). Дети: Македоний (14), Николай (13), Александр (5), Мария (6), Иоанн (25) (жена его, Марфа Филипповна 21 года), Павел (23 года, жена Фекла Иосифовна 23 лет)».

В Исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 г. мы находим следующую запись по селу Крутогорово: «Мещанин (то есть также бывший житель Петропавловска) Константин Иосифович Ворошилов 33 лет. Жена его, Александра Андреевна (32). Дети: Сергей (5), Мартиниан (6), Харлампий (2), Евдокия (18). Вдова Александра Васильевна Ворошилова (52 года), Дети ее, Ирина (27) и Анна (21)».

† Начало XX века, берег Авачинской губы (современная Озерновская коса)

Таким образом, выясняется, что в Крутогорово, вероятно, осела семья Иосифа Павловича Ворошилова.

Далее, в 1924 году в списке верующих села Усть-Камчатск мы находим 50-летнего Изота Алексеевича Ворошилова и его 18-летнего сына Якова Изотовича.

Возможно, еще один из семи братьев (если в семейной легенде эти цифры соответствуют действительности) — Алексей Павлович — поселился в свое время в Усть-Приморском (нынешнем Усть-Камчатске).

Прикинем: если Изот Алексеевич 1874 года рождения, то Алексей Павлович (примерно 1854 г. р.) действительно мог быть одним из братьев в этой большой семье Ворошиловых, осваивающих камчатскую землю.

И, наверное, самый последний след мы обнаруживаем в селении Халактырка:

«Ворошилов Зотик, Халактырка, мещанин, 1893 г., 20 лет (то есть примерно одного возраста с Изотом Алексеевичем)».

К сожалению, отчество не указано, но явно, что Зотик Ворошилов соответствует возрасту своих двоюродных братьев и сестер. Позже мы находим еще один важный документ о Зотике Ворошилове, но и в нем почему-то отсутствует отчество:

«Ворошилова Ирина Зотиковна. Дата рождения — 3 апреля 1898 года. Родители — петропавловский мещанин Зотик Ворошилов и законная жена его Агафья Николаевна. Крестные — Петропавловский мещанин Иннокентий Георгиевич Машихин и жена мещанина Михаила Виноградова Юлия Георгиевна, и дочь вдовы канцелярского служителя Ирины Константиновны Черных девица Мария Алексеевна. Таинство крещения совершал священник Павел Донской» (*Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1898 год, ГАКК*).

В истории Камчатки представители этого рода оставили о себе добрую память.

И, кстати, они же и несколько пошатнули эту «стройную» версию о «Павловичах». Дело в том, что в обороне Петропавловского порта принимали самое непосредственное участие и были награждены памят-

ными медалями на Георгиевской ленте (то есть как непосредственным участникам сражения) Осип (46 лет) и Алексей (43) Ворошиловы — петропавловские мещане. И у них тоже могли быть сыновья и дочери, продолжатели рода.

И, следовательно, пока родовое первенство остается за Афанасием и Абрамом Ворошиловыми, иркутскими купцами, которые, скорее всего, появились на Камчатке в период деятельности Российско-Американской компании.

В русско-японскую войну на Камчатке участвовали практически все представители этого рода: Ворошилов Павел Афанасьевич, староста с. Хутор. За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью «За усердие» (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.*).

Ворошилов Николай (Александрович — ?), мещанин, то есть житель Петропавловска, принимал непосредственное участие в исторических боевых действиях на реке Большой 13 (24) мая 1904 г. (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.*).

Ворошилов Мартимьян (Константинович — ?), Большерецкая дружина, с. Крутогорово.

Его отец, Ворошилов Константин (Иосифович — ?), мещанин, принимал участие в оражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129*). Обнаружены и некоторые подробности о Константине Иосифовиче: в конце 1920-х гг. он был лишен избирательных прав, как «служитель религиозного культа». 30 июня 1896 г. сочетался законным браком с Трапезниковой Матроной Петровной, вторым браком, возраст — 36 лет. Невеста — камчадала Крутогоровского селения Петра Трапезникова дочь, девица Матрона Петровна, первым браком, 21 год. Поручители: по жениху — звонарский сын Гавриил Васильевич Сновидов, по невесте — камчадалы Крутогоровского селения Михаил Корнилович Кильтякин и Симеон Петрович Трапезников.

Их сын — Ворошилов Павел Константинович, родился 14 марта 1909 г. Родители — Петропавловский мещанин Константин Иосифович Ворошилов и жена его Матрона Петровна. Восприемники — мещанин города Петропавловска Константин Ворошилов и камчадала Крутогоровского селения Демитрия Сторожева жена Мария Иосифовна. Священник Николай Корякин с псаломщиком Александром Серебренниковым.

Их дочь: Ворошилова Агафия Константинова. Дата рождения — 10 февраля 1901 г. Родители — Петропавловский мещанин Константин Иосифович Ворошилов и законная жена его Матрона Петровна. Восприемники — дочь умершего Петропавловского мещанина девица Анна Иосифовна Ворошилова (тетя — ?). Таинство крещения совершал священник Григорий Коллегов.

Их внучки: Ворошилова Анна Сергеевна. Дата рождения — 6 декабря 1916 г. Родители — мещанин города Петропавловска Сергей Константинович Ворошилов и законная жена его Мария Михайловна. Таинство крещения совершал священник Феодор Воронцов.

Ворошилова Клавдия Мартимьяновна. Дата рождения — 27 декабря 1913 г. Родители — мещанин города Петропавловска Мартимьян Константинович Ворошилов и законная жена его Феоктиста Николаевна. Таинство крещения совершал священник Николай Карякин. (*Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1896, 1901, 1909, 1914 и 1916 гг., ГАКК, Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр.197.*)

Следующий участник обороны Камчатки из династии Ворошиловых — Ворошилов Иван Михайлович (Ичинская дружина), с. Мильково.

Ворошилов Иван Николаевич. Мещанин г. Петропавловска.

Сохранились подробности об участии в боевых действиях Ивана Николаевича Ворошилова, за что он был награжден серебряной медалью (*см. очерк «Хроника неоконченной войны», события на р. Опале, РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82*): «Протокол. 1904 г. июня 28-го дня. 10 час. 30 мин. По полудни. Устье р. Апалы. Я, заведывающий обороной западного берега Камчатки от вторжения японских хищников, старший унтер-офицер Сотников в присутствии нижеподписавшихся лиц составил настоящий протокол в подтверждение в силу следующих обстоятельств. В 9 час. утра подойдя к табору хищников-японцев, расположившихся на устье р. Апалы, на берегу увидели: около табора сложено в 2-х кучах до 300 кул. соли, растянут для просушки один невод и у берега в реке стоят 2 японских кунгаса, в одном из них

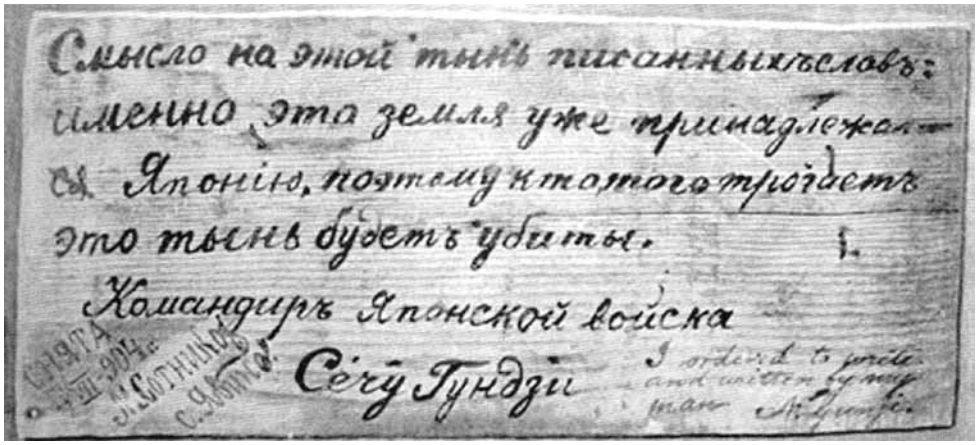

«В память русско-японской войны 1904-1905 гг.» Медаль носили на соединенной Александровско-Георгиевской ленте

собран невод, только что выбран из реки. Во время подхода к табору мною команде отдан приказ без надобности никто не должен употреблять в дело оружия. И вообще в команде должна быть тишина и спокойствие. Таким образом, атаковав табор хищников, по команде “вперед ребята!”, японцы выбежали из табора, которые тотчас задержаны, в то время японцы закричали: “Типо! Типо! Хае”, обнажив кинжалы, которые были у каждого японца и пустились бежать от табора в сторону, видя такой поступок японцев, полагая, что они где-нибудь имеют тайно сложенное оружие, а также голос их услышат со шхуны, где неизвестно нам, сколько там находится еще японцев, откуда может быть подана им помощь. Вследствие чего мною по убегающим хищникам тотчас же открыт огонь, а с готовым оружием в руках мы, 6 человек, я, Александр Максимов Селиванов, его сын Александр Селиванов, мещане Иван Ворошилов и Македон Ворошилов и камчадал Иван Панов отправились на шлюпке на шхуну вооруженных людей, под командою кантониста Ивана Максимова Селиванова, разместил в более закрытой местности, по берегу против шхуны и на случай выстрелов со шхуны во время нашего подхода к шхуне Селиванову приказал открыть огонь по шхуне, дабы мы под выстрелами могли вернуться на берег. Входя на шхуну, увидели четырех укрывшихся с саблями японцев, которые тотчас же убиты… Таким образом, завладев шхуной, причем оказалось 20 японцев убито. Упромышлено в реке и погружено в шхуну до 12-ти тысяч рыбы “хайка” и “кеты”». Шхуну «Сие-Мару» сожгли. Участники: большерецкий староста Андр. Бречалов, Павел Логинов, камч. Власий Панов (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129*).

В составе Петропавловской дружины был Ворошилов Алексей (отец Александра Алексеевича Ворошилова, репрессированного в 1933 г. по делу «Автономная Камчатка»).

Большую память о себе оставил Ворошилов Македон Александрович (с. Большерецк), верный помощник руководителя обороны западной Камчатки М.И. Сотникова, один из первых инспекторов рыбнадзора Камчатки, погибший вместе с М. М. Сотниковым и жителями с. Воровское в схватке с японскими хищниками в 1906 г. в устье реки Унушки, о котором мы более подробно рассказываем в очерке «Хроника неоконченной войны».

Смысло на этой тынь писанныхъ словъ:
именно, это земля уже принадлежал-
Японіи, поэтому кто этого тройдетъ
это тынь будетъ убиты.
Командиръ Японской войска
Сечу Гундзи

† Доска, установленная в селении Явино Сечу Гундзи, предводителем японского отряда, высадившимся на Камчатке в 1904 году. (из фондов КГБУ ККОМ)

† Здание Петропавловского окружного управления, поврежденное японской корабельной артиллерией в 1905 году

В 1904 году дочь петропавловского мещанина Ворошилова Евдокия Афанасьевна вышла замуж за крестьянина из с. Николаевка Ерофеева Мартиниана Митрофановича.

В 1906 году Ворошилов Иоанн Александрович, петропавловский мещанин, женился на дочери отставного казака Татьяне Иннокентьевне Томской.

В 1907 году дочь петропавловского мещанина Лукия Павловна Ворошилова вышла замуж за крестьянина из села Николаевка Алексеевского Николая Федотовича. А Федот Павлович Селиванов женился на дочери крестьянина из села Авача Соломонии Николаевне Пономаревой.

В 1919 году Ворошилов Михаил Афанасьевич, гражданин с. Хутор, женился на гражданской девице из села Авача Екатерине Ефимовне Климовой.

Славную жизнь прожил и героически погиб в борьбе с фашистскими оккупантами старший лейтенант Пантелей Николаевич Ворошилов (1916 г. р.), умерший от ран 22 июля 1944 г. под Псковом, очерк о котором для нашей книги подготовил коллектив Соболевской районной библиотеки.

«Ворошилов Пантелей Николаевич родился 1 января 1916 г. в Соболево Камчатской области. Трудовая деятельность началась после окончания начальной школы. Выполнял различную работу. Был жизнерадостным, энергичным, трудолюбивым. Жизнь ставила новые большие задачи. Требовалось много знать. Учился Пантелей всему упорно. Выучился на моториста и работал на катере во время путины. А когда на 21-м году жизни его избрали председателем колхоза «Пионер Запада», то, конечно, при содействии жены Екатерины Сысоевны, он стал настойчиво одолевать программу за 5–7 классы. Весной 1939 г. сдал экзамены за 7-й класс, а в 1940 г. — за 8-й. Главной чертой характера и стиля работы председателя была забота о людях. Ему был отпущен талант руководителя. Всегда обращался за советом и помощью к пожилым колхозникам, к товарищам, прислушивался к их голосу. В это нелегкое время увеличилась оплата за трудодень. Все радовало колхозников, жить стали зажиточнее.

В состав первой комсомольско-молодежной агитбригады синеблузников Усть-Большерецкого района входили наши комсомольцы: П. Ворошилов, Спешнева Катя. Ныне Екатерина Дмитриевна Григорьева, живет в с. Соболево. П. Ворошилов, не имея специального музыкального образования, играл почти на всех струнных инструментах, неплохо рисовал, пел. Был активным комсомольцем.

Там, далеко, в грохоте тяжелой войны, в минуты затишья он вспоминал своих дорогих друзей, родное село, колхоз. Подробно перечислял фамилии, кому передать привет, наказы лучше работать.

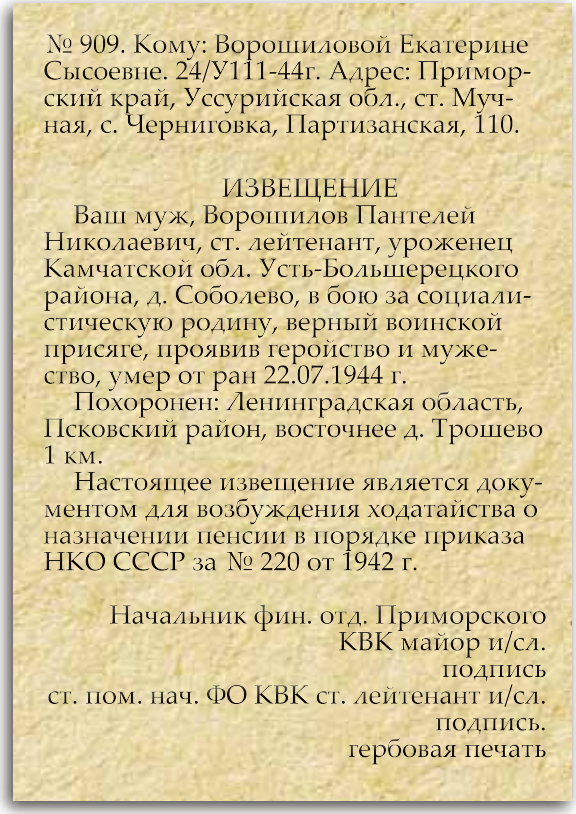
† Пантелей Николаевич Ворошилов

Из письма к матери М.В. Ворошиловой: «Мама, передай предколхоза Сырикову или Виктору Бенкису, пусть своим колхозом весной выловит рыбу сверх плана — пусть дадут фронтовой центнер. Наверное, колхоз стал неузнаваем — богат. Я очень соскучился. Вот закончится война, приеду и опять буду работать… Мама, передай привет всем знакомым и пусть примут мой наказ: “Работать честно и здорово, не считаясь ни с чем, чтобы колхоз был передовым. Этим вы поможете фронту”. А я постараюсь здесь, на фронте…» (от 19.02.1942 г.).

Во всех своих письмах с фронта он выражал горячую веру в победу над врагом. Он многое мог бы сделать. Но пришло извещение — похоронка, сообщавшая о том, что старший лейтенант П.Н. Ворошилов в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, умер от ран 22.07.1944 г., похоронен восточнее д. Трошево, 1 км, Псковский район, Ленинградская область.

Полночные наши беседы
Опять о далеком, о том,
Как будет нам житься потом,
Когда мы добьемся победы.
И, может, тогда в тишине,
Святая наступит минута…
Пускай это счастье — не мне,
Но все-таки будет кому-то.

(*из стихотворения Евгения Долматовского*).

№ 909. Кому: Ворошиловой Екатерине Сысоевне. 24/У111-44г. Адрес: Приморский край, Уссурийская обл., ст. Мучная, с. Черниговка, Партизанская, 110.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, Ворошилов Пантелей Николаевич, ст. лейтенант, уроженец Камчатской обл. Усть-Большерецкого района, д. Соболево, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, умер от ран 22.07.1944 г.

Похоронен: Ленинградская область, Псковский район, восточнее д. Трошево 1 км.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии в порядке приказа НКО СССР за № 220 от 1942 г.

Начальник фин. отд. Приморского КВК майор и/сл.
подпись
ст. пом. нач. ФО КВК ст. лейтенант и/сл.
подпись.
гербовая печать

И эта святая минута, это счастье, завоеванное большой ценою, наступило 9 мая 1945 г. Оно досталось не ему, его сыну, внукам, нам, Вам.

В боях за Родину в годы Великой Отечественной войны отдали свою жизнь Агафангел Павлович Ворошилов, 1899 г. р., погиб в июне 1942 г.; Иван Михайлович Ворошилов, 1914 г. р., погиб в 1943 г., Николай Константинович Ворошилов, сержант, 1924 г. р., погиб 21 июля 1944 г. в районе м. Пинтижи, Латвия.

Но мы должны помнить и тех из Ворошиловых, кто безвинно сложил свою голову или пострадал в годы политических репрессий. В «Камчатских персоналиях 1917–1991 гг.» писателя В. Пустовита сообщается следующее:

Ворошилов Александр Александрович (1890, с. Большерецк, Камчатка), в 1920-е гг. председатель Большерецкой религиозной общины. Сын торговца. Камчадал. Образование низшее. На момент ареста 17 апреля 1933 г. являлся председателем рыболовецкой артели «Заря». Проходил по делу «Автономная Камчатка»: ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговорен к десяти годам лишения свободы с конфискацией дома, скота, ездовых собак. Бежал из Дальлага 20 декабря 1935 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Ворошилов Александр Алексеевич (1882, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), делегат второго Камчатского областного съезда, гласный второй ПГД 1918 г. Из мещан. Окончил учительские курсы в Хабаровске. Беспартийный. Воинскую повинность не отбывал. Неимущий. В 1923 г. — надсмотрщик Петропавловской радиостанции. Женат, пятеро детей. На момент ареста 19 марта 1933 г. — бухгалтер конторы связи. Осужден по делу «Автономная Камчатка» к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич (1871, с. Хутор Петропавловского уезда), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от Завойкинской волости, с 1917 по 1920 г. — председатель Завойкинского волостного комитета. Из мещан. Русский. Окончил городское училище. Начиная с 1905 г. почти три года учительствовал на материке в селе Авдеевке, затем в селе Коряки и около двух с половиной лет в ЦПШ села Завойко (ныне Елизово). В 1913 г. занялся своим личным хозяйством. В 1916–1930 гг., вплоть до закрытия церкви в Елизово, по просьбе верующих исполнял обязанности псаломщика. По словам М.П. Сметанина, призывал верующих не отдавать церковь и не подводить священников — не рассказывать коммунистам о содержании проповедей. В марте 1918 г. был на стороне участников неудавшегося антисоветского переворота в Петропавловске. «В 1918 г. мною было получено распоряжение от областного комитета о высылке в Сероглазку всех людей, способных носить оружие, для борьбы с организовавшимся в городе Советом. Я это распоряжение разослал по селениям». От имени Завойкинской волости прислал поздравительную телеграмму «июльцам», свергшим совдеп в Петропавловске. «При власти Советов (с января 1920 г. — В. П.) я был смещен…, лишен избирательных прав, за что, не знаю, восстановлен был в 1924 или 1925 г., затем опять лишен как церковнослужитель». Председательствовал на Завойкинском (июль 1918 г.) волостном съезде, объявившем на Камчатке диктатуру местного населения. На момент ареста 31 августа 1931 г. имел в селе Хутор дом, корову, одну голову «молодняка». Обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Признался только, что был против самообложения, ссыла-

ясь на то, что сумма большая, а дохода мало. 14 января 1932 г. осужден Тройкой при ПП ОГПУ ДВК на пять лет лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Ворошилов Иннокентий Павлович (08.11.1897, с. Мильково, Камчатка), в 1923 г. псаломщик. Из семьи священника. Русский. Образование: ВНУ и двухгодичные педагогические курсы. В 1915–1924 гг. — мильковский учитель. Затем вел свое хозяйство. Имел дом, крытый корой, два амбара, баню, сарай, две лошади, две коровы, две головы «молодняка», две свиньи, восемь собак. Женат, пятеро детей. Арестован вместе с отцом П.М. Ворошиловым в один день и приговорен Тройкой тоже к десяти годам. Как и отец, реабилитирован в 1964 г.

Ворошилов Николай Александрович (1878, с. Апача, Камчатка), псаломщик. «Не помню, в каком году я вступил в члены религиозно-церковного культа». Камчадал. Малограмотный. Отец — торговец. В 1892 г. семья переехала в с. Большерецк. В 1903 г. женился и жил там до 1908 г. С восемнадцати лет занимался охотой и рыболовством. С 1908 г. жил в селе Привольном, в 1918 г. обосновался в селе Соболево, взял в семью воспитанником Харлампия Смирнова, который затем был у него работником. В 1922 г. — врио председателя Соболевского волкома. С 1924 по 1925 г. работал сторожем на японском заводе № 12. В 1925–1927 гг. жил в селе Воровском (впоследствии переименовано в поселок рыбокомбината им. С.М. Кирова). Держал два-три работника. В 1927 г. вернулся в Соболево. С 1928 г. — «лишенец» как служитель культа. По характеристике Саввы Самборко, «очень хитрый и осторожный человек». 1927 июня 1929 г. президиум КОИК отклонил ходатайство В. о восстановлении в избирательных правах, как ничем не проявившего лояльности к советской власти. Будучи противником коллективизации, в 1931 г. вступил в колхоз. В 1933 г. арестован по ст. 58-10, но через три месяца выпущен. В 1934 г. вновь арестован (ст. 58-10-2). На заседании спецколлегии ДВ краевого суда в ноябре 1935 г. заявил: «Все показания свидетелей ложны». Осужден на десять лет лагерей с конфискацией всего имущества. Имел дом, пристройку, стайку, корову, две лошади, восемь собак, лодку, рыболовную сетку. К 1935 г. женат, двое сыновей и две дочери. Реабилитирован Президиумом Верховного суда РСФСР 14 февраля 1990 г.

Ворошилов Мартемьян (39 лет в 1924 г.), в 1924 г. председатель селькома села Крутогорово Соболевской волости. Неграмотный. Беспартийный.

† Ворошиловы Константин и Елизавета

† Ворошилов Виталий Пантелеевич (1937–1977), его жена Галина и Спешнев Анатолий Федорович (1929–1986), 1965 г.

† Мария Константиновна Ворошилова с мужем в гостях у родных

† Ворошиловы. Стоят: Елизавета, Александр, Анастасия. Сидят: Петр и Вера, дочь Александра

Согласно Н.П. Фролову, «человек рассудительный и, благодаря хорошему секретарю тов. Кочетову, канцелярия поставлена удовлетворительно».

Ворошилов Павел Михайлович (1873, с. Мильково), в 1914–1923 гг. — мильковский священник. Из мещан. Русский. Образование низшее. В 1896 году женился на дочери петропавловского мещанина Ивана Васильевича Толман Зинаиде. С 1 октября 1919 г. — законоучитель мильковского ВНУ. При обыске в сентябре 1924 г. у него на квартире чекисты обнаружили несколько листовок «контрреволюционного характера». Посажен в ИТД в Петропавловске. Постановлением уполномоченного Камчатского ГО ОГПУ от 2 октября 1924 освобожден, так как не подтвердилось, что найденное принадлежит ему. Тогда же, в Петропавловске, дал подписку о прекращении богослужения и написал (*или кто-то написал за него. — В. П.*) в газете, что религия — дурман и обман народа. Но, по словам односельчанина, председателя колхоза «Безбожник» Бобряка, вернувшись, начал отказываться от написанного, «боясь, что потеряет своих приспешников и кулаков для дальнейшей работы и наживы, … начал подпольно крестить детей, давать женщинам молитвы после родов. Но об этом дознались деревенские комсомольцы и произвели обыск, и были найдено требы и разные другие вещи, нужные для проведения тайного богослужения». На момент ареста на рыбалке 24 августа 1931 г. — рыбак-охотник села Мильково. Имел дом, крытый оцинкованным железом, два амбара, сарай, четыре лошади, «четыре штуки молодняка до трех лет», двух свиней, три нарты с двадцатью четырьмя собаками. 14 января 1932 г. постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК приговорен к десяти годам заключения. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г.

Ворошилов Федот Павлович (1871, с. Завойко), противник советской власти. Русский. Малограмотный. На момент ареста 15 сентября 1931 г., живя в Елизово, имел семью из пяти душ, деревянный дом с крышей из оцинкованного железа, два амбара, сарай, лошадь, две коровы, восемь штук «молодняка до трех лет», три нарты, одиннадцать собак и три четверти десятины земли. В 1928 г. имел четыре коровы и двенадцать штук «молодняка». Работал в своем хозяйстве, занимался охотой и рыбной ловлей. «В 1931 г. весною, когда нам, единоличникам, отвели земли под посев, то по прибытии на этот участок я говорил, что здесь земля плохая, и я считаю, что мы здесь только вложим труд напрасно и здесь все равно ничего не получится, я говорил, что в коллектив записываться не

надо, что из колхозов ежедневно выписываются…» Один из свидетелей по делу В. приводил его слова: мол, в 1918 г. плохо сделали, не разогнав и не постреляв всех большевиков, а то бы «жили по-старому». Камчатский окружной прокурор Шаркевич согласился с направлением дела в Тройку, которая 14 января 1932 г. по ст. 58-10-11 УК приговорила В. к пяти годам концлагерей. Семью отправили на спецпоселение. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.».

В списках репрессированных также и Ворошилов Матвей Иннокентьевич. Родился в 1892 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Малки; русский; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арестован 8 января 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 26 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 25 мая 1938 г. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Мы нашли некоторые подробности о семье Павла Михайловича Ворошилова, который был священнослужителем в Мильково и в Петропавловском соборе, лишенным избирательных прав и репрессированным именно как представитель «культа». Вот его дальнейшая ветвь: «Ворошилов Агафангел Павлович, родился 4 июля 1907 г. Родители — диакон Градо-Петропавловского собора Павел Михайлович Ворошилов и жена его Зинаида Ивановна. Восприемники — Петропавловский мещанин Феодор Михайлович Коршунов и жена запасного офицера Феодора Червова Мария Александровна. Священник Иоанн Гуляев» (*Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1907 г., ГАКК*).

Ворошилова (Гавриш) Нина Агафангеловна — дочь Агафангела Павловича Ворошилова, внучка Ворошилова Павла Михайловича и племянница Ворошилова Иннокентия Павловича, репрессированных в августе 1931 г.

А эта информация о его брате: «Ворошилов Александр Михайлович, петропавловский мещанин, 22 года, 22 января 1892 г. сочетался первым браком. Невеста — дочь Мильковского крестьянина Акиндина Бобрякова девица Мавра, 16 лет. Поручители: по жениху — отставной почтальон Федор Спиридонович Шишкин и Мильковский крестьянин Николай Иванович Плотников; по невесте — крестьяне Николай Иванович Плотников и Петр Порфирьевич Бобряков» (*Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1892 г., ГАКК*).

Облуковинская (крутогоровская) ветвь Ворошиловых: Ворошилов Алексей Зиновьевич, петропавловский мещанин, 26 лет, сочетался браком 15 июля 1907 г. с дочерью умершего камчадала Облуковинского селения Евтихия Андреевича Климовского Параскевой (21 год).

Ворошилова Зинаида Александровна из Мильково стала учителем. Из воспоминаний Ларисы Павловны Ворошиловой: «Это первая учительница, которая родилась и выросла на мильковской земле. Окончила семилетнюю школу, поступила в Камчатское педучилище им. Кирова. Через три года пришла в родную школу учить детей. Потом она работала в других селах района, награждена знаком “Отличник народного образования”» (*Введенская Т. В. Учительство Мильковского района в годы Великой Отечественной войны, 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 13*).

Мы знаем еще об одной семье учителей, только учителем в этой семье был Михаил Иванович Попов, а его женой — Евдокия Константиновна Ворошилова. Жили они в селе Русь, а учительствовал Михаил Иванович в соседнем селе Воровском (Мономахово, Соболево). Сохранилась фотография их семьи.

Сын, Анатолий Михайлович, был участником Великой Отечественной войны, воевал на 3-м Белорусском фронте, был танкистом. Ранен в апреле 1945 года в бою под Кенигсбергом, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

† В первом ряду: дочь Клавдия (1914 г.р.), сын Анатолий (1928 г.р.), Галина, второй ряд: сын Константин (1912 г.р.), Михаил Иванович, его жена Евдокия Константиновна

И еще одна военная судьба.

ВЫПУСК 1942

† Улита Ворошилова-Рудько

В те грозные годы многие земляки-камчатцы уходили добровольцами на фронт. Имена немногих нам сейчас известны. Разыскать выпускников школы, воевавших за наше счастье, узнать побольше о погибших — такую задачу поставили перед собой ребята Усть-Большерецкой средней школы. И вот радость — письмо от выпускницы 1942 года Улиты Александровны Рудько.

Моя девичья фамилия Ворошилова. Старожилы Усть-Большерецка должны помнить нашу семью — долго мы здесь жили.

Десятилетку я окончила в 1942 году. Сохранилась фотография нашего выпуска — веселые парни и девушки, которым настало время все за себя решать самостоятельно. Мальчишки, конечно, мечтали о фронте. Мы тогда еще не знали, что Миша Грибов и Гоша Овечкин будут награждены за мужество и отвагу орденом Ленина. Но помнили их, помнили, как провожали их в армию и, конечно, наши ребята теперь завидовали старшим товарищам: Миша и Гоша окончили школу перед самой войной.

Но вот настало время и моих одноклассников. Боря Терехин, Леня Колчанов, Миша Хабаров, Миша Ермаков только и говорили о фронте.

А мы, шесть девочек, думали поступать в Томский политехнический институт, верили, что победа будет скоро и затем пригодится наше высшее образование. Поехали в поселок Октябрьский (в то время рыбокомбинат им. Микояна), ждали пароход. Но с транспортом было очень плохо, пришлось возвращаться в Усть-Большерецк.

А в июле нам принесли повестки из военкомата — призваны в ряды Красной Армии.

Служить нас оставили в Петропавловске-Камчатском. Прошли курс молодого бойца, одни — радистов, телефонистов, другие, в том числе и я — курсы шоферов.

С июля 1942 по октябрь 1945 — годы моей службы. Принимала участие в разгроме милитаристской Японии, за что имею медаль «За победу над Японией» и благодарность Верховного Главнокомандующего СССР.

Вместе со мной из нашего десятого класса призывалась Ася Федотьева. Она тоже участница войны, сейчас ветеран труда, работает директором большого фирменного магазина «Океан» в Петропавловске. Валя Моисеева живет где-то под Москвой. Дуся Плотникова после войны окончила металлургический институт в Челябинске, сейчас работает инженером. Таня Селиванова училась в педучилище и заведует детским садом в Пермской области. Михаил Хабаров участвовал в Великой Отечественной войне, стал военачальником. Борис Терехин научный сотрудник...

Но не все вернулись с фронта. Погиб Миша Ермаков. Погиб Леня Колчанов.

О Лене сообщила его сестра Люба, помню ее девочкой.

Леня служил в особом воздушном десантном отряде на втором Прибалтийском фронте. Писал домой, что очень благодарен нашему учителю физкультуры Илье Николаевичу Селиванову. То же можем сказать все мы: подготовка, которую мы проходили под руководством Ильи Николаевича, очень пригодилась нам на фронте.

† Фотографии из фондов Елизовского районного краеведческого музея (ЕРКМ)

Погиб Леня Колчанов при выходе из фашистского тыла 22 октября 1944 года. Группа их была из шести человек, а фашистов — больше тридцати. В бою Леня лично убил шесть врагов, но силы были неравными, и не всем удалось прорваться через линию фронта. Остался там навечно и Леня Колчанов.

После войны, после окончания службы, я поступила в пединститут города Нальчика, но по состоянию здоровья через два курса была вынуждена оставить учебу. Вернулась в Петропавловск, стала работать в областной библиотеке. В 1950 году заочно окончила Канский библиотечный техникум и с тех пор работаю в областной детской библиотеке, заведую отделом комплектования и обработки. В 1965 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР мне присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Я пенсионерка, но продолжаю еще работать.

У. РУДЬКО, участница Великой Отечественной войны.
Газета «Ударник», 1980 г., 12 апреля

† Ворошилов Владимир Иванович.
Живописец, график. С 1982 г. – член Союза художников СССР.
С 1990 по 1992 гг. был председателем Камчатской организации Союза художников России.
Георгий Поротов. Иллюстрация к поэме Г. Поротова «Крылатый Кутх или песнь о любви»

† Мария Александровна Дивеева (Ворошилова)
Фото из архива В.Т. Кравченко

ДИВЕЕВЫ

История этой камчатской фамилии начинается с 1915 г.: на свет появляется Дивеев Сионий Андреевич.

«Родился 21 января 1915 г. Родители — отец гражданин Андрей Иванович Дивеев и жена его Мария Александровна. Восприемники — селения Голыгино камчадал Дмитрий Дмитриев Игнатьев и жена камчадала Алексия Конева — Татьяна Иннокентьевна. Священник Михаил Нежинцев» (*Выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1915 г., ГАКК*).

Для 1915 года слово «гражданин» — значило «почетный гражданин» и, как правило, указывало на то, что носитель этого звания происходил из семьи священнослужителей.

ЕВСТАФЬЕВЫ (АСТАФЬЕВЫ)

Впервые мы встретились с этой фамилией в списках участников народного ополчения Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: Иван Астафьев, Большерецкая дружина, с. Голыгино.

Известно, что села Голыгино и Явино были образованы после 1878 г., когда в эти места переселились коренные жители островов Шумшу и Парамушир — айну или курильские камчадалы, так как Курильские острова по договору между Россией и Японией с 1875 г. полностью отходили к Японии. И в русско-японскую войну главный удар японского десанта, высадившегося на камчатском побережье в устье реки Озерной, был направлен именно против сел Голыгино и Явино, где жили бывшие подданные микадо.

В архивных документах мы отыскали сведения за 1893 г. об участнике обороны Камчатки: камчадал Евстафьев Иван Михайлович, 27 лет, жена Ксения Родионовна, сын Гавриил (2). В с. Голыгино в тот год проживали также другие семьи камчадалов Евстафьевых: Арсений Захарович Евстафьев (44), жена Анисия Дмитриевна, дети: Василий (12), Епраксия (5), Гликерия (2). Пахом Захарович Евстафьев (49).

Корни же этой фамилии идут от камчатских служилых Евстафьевых, которые, по всей видимости, были переселены в Николаевск-на-Амуре в составе бывшего Камчатского флотского экипажа, преобразованного в Амурский флотский экипаж. Один из Евстафьевых навсегда оставил о себе память как герой обороны Петропавловского порта: «47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евставьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошел к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагой». (*Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива, «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 54*).

В книге Д.П. Логинова «Большерецкий острог» мы находим сведения о том, что в 1920-х годах в Большерецке проживал Петр Иванович Евстафьев с женой.

Повторяется, вероятно, та же история, что и с Игнатьевыми, часть семей которых была переселена в села Голыгино и Явино, где Игнатьевы и Евстафьевы были записаны уже не крестьянами, а камчадалами.

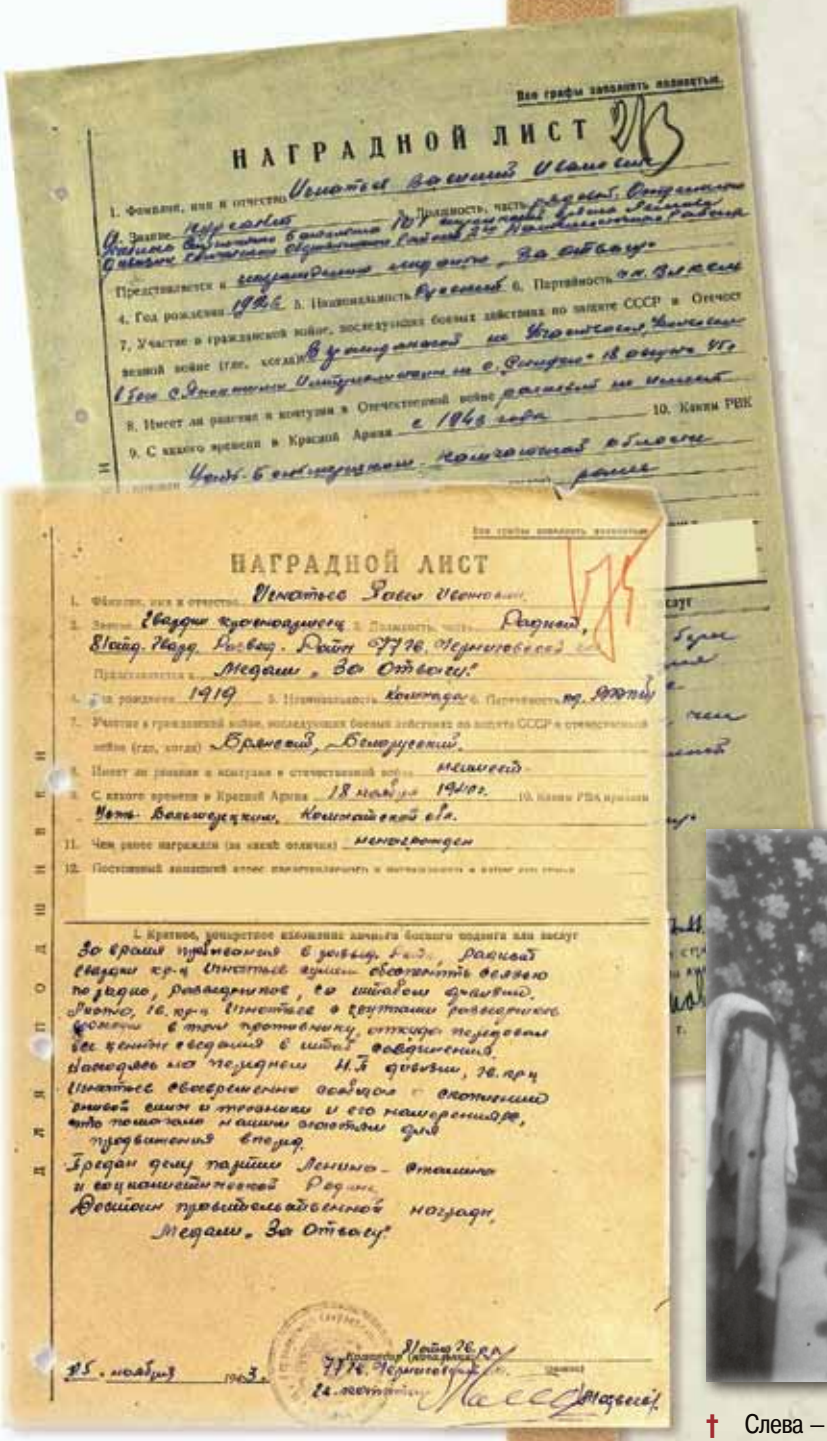
ИГНАТЬЕВЫ

Мир тесен. Даже на таком, казалось бы, бескрайнем пространстве, как Якутское воеводство, где сосредоточилось якутское казачество, осваивая и обживая земли на самой окраине государства Российского. И в этой истории, которую нам рассказали, тесно переплелись имена людей, которые знакомы нам со школьной скамьи.

«Летом 1642 г., построив кочи, Стадухин, Зырян и Дежнев через протоку, где стоит Русское Устье, вышли в море. Казак Федор Чукичев, товарищ Дежнева по службе, писал: “По морю шли две недели. А с усть Индигирки реки к востоку бежали парусом до усть Алазейки реки, а вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичана полтретья дни... до лесу. И у того лесу зимовье поставили”.

Не задерживаясь на реке Алазее, казаки — они знали, что Алазея не главная река, — на следующий год снова вышли в море и через две недели были на Колыме. “А река Колыма, — писал в Якутск Стадухин, — велика, есть с Лену реку, идет в море, так же как и Лена, под тот же ветер, под восток и под север”.

Казаки плыли до большой реки Анюя, где срубили зимовье. Не прошло и года, как это зимовье пре-

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

† Наградные листы к медали «За Отвагу» на братьев Игнатьевых Павла Ивановича и Василия Ивановича

† Павел Иванович Игнатьев, средний брат, дядя Ивана Антоновича

† Слева – мать Ивана Антоновича, Зинаида Ивановна (Бречалова), справа – подруга Анастасия Львова (из семейного альбома И.А. Игнатьева)

† Василий Иванович Игнатьев, дядя Ивана Антоновича, бывший рыбинспектор, примерно 1923 г. р., рядом Иван Антонович

† Сидят: Василий Иванович Игнатьев, Галя (Антоновна) Игнатьева, ее мать Зинаида Ивановна Игнатьева (Бречалова)

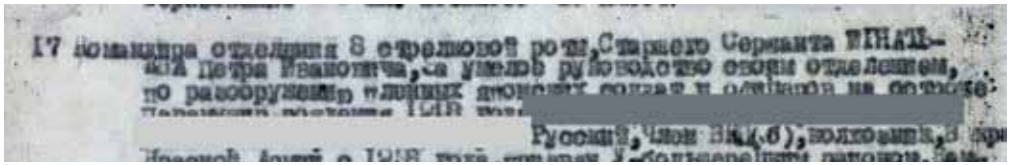
вратилось в один из опорных пунктов продвижения землепроходцев на восток. Отсюда, из Нижнеколымского острога, снаряжались экспедиции на реки Анадырь и Пенжину и даже на Камчатский полуостров.

В первые годы существования Нижнеколымска — вслед за ним выросли на реке Среднеколымск и Вархнеколымск — казаки обследовали почти все течение громадной реки. Они стали первыми жителями отстроенных деревянных поселений, включили в орбиту государственных интересов местное население. Они были не просто сборщиками дани, наложенной на племена, но и носителями новых форм торговли, распространителями новых методов промысла. Одним словом, это были первые люди, положившие начало освоению огромного края.

Сегодня этим первым служилым людям воздвигнуты памятники. В Верхнеколымске в 1957 г. в честь 325-летия вхождения Якутии в состав Российского государства установлен трехметровый обелиск, на гранитном постаменте которого выгравированы имена руководителей казачьих отрядов, открывавших и осваивавших Колыму: Семена Дежнева, Михаила Стадухина, Дмитрия Зыряна, Ивана Ерастова, Федота Попова, Герасима Анкудинова, Исая Игнатьева, Семена Моторы и др.

Выше по реке в Зырянке сооружен другой памятник землепроходцам и мореходам — гранитный столб, увенчанный моделью коча XVII в.

С открытием Колымы число походов на восток увеличилось. В 1644–1645 гг. один из деятельных казаков, если не сказать самый деятельный, Михаил Стадухин организовал поход в сторону моря на тундровую реку Чукочья, где обитал оторвавшийся от основного племени чукотский род. Подробности этого похода неизвестны, но в Нижнеколымск Стадухин привез показавшуюся ему смышленой и знающей чукотскую женщину Калибу. Калиба сообщила ему, что к северу от колымского устья расположен большой морской остров. Казаки и промышленные люди, населявшие Нижнеколымский острог, не один день судили и рядили об этом острове. Наконец решили, что большой морской остров — это та самая Новая Земля, на которую ходят поморы с

† Выписка из приказа о представлении к награде Игнатьева Петра Ивановича

Мезени, Таза, Енисея, Лены и Индигирки, и что эта Новая Земля составляет громадный горный массив — “в мори Камень-пояс”, на котором “горы снежные и пади, и ручьи знатны все”. Такое представление о Новой Земле — единой островной суше, тянущейся вдоль всего побережья Азиатского материка, как считают современные исследователи, у землепроходцев той поры вполне естественно. Ведь тогда еще никто из них не бывал на островах, расположенных к северу от морского берега. Более того, в XVII в. была распространена теория о соединении Новой Земли с Северной Америкой, хотя Стадухин и Дежнев, вероятнее всего, не были знакомы с ней. Сообщение чукотской женщины о большом морском острове подтверждало собственные наблюдения мореходов и несколько озадачивало. Эта Новая Земля, простираясь восточнее Колымы, могла преградить путь в Теплое море, т. е. в Тихий океан.

Так неожиданно перед теми, кто собирался идти на восток, стала гигантской важности географическая проблема. Решить ее сразу было нельзя. Потребовались усилия многих людей. Одними ив первых пошли на штурм Чукотки Михаил Стадухин и Семен Дежнев. Первый в 1645 г. отравился на коче из Нижнеколымска в Якутск в расчете собрать единомышленников, получить разрешение воеводы и двинуться в поход “встреч солнцу”.

Кроме того, и в Нижнеколымске организовалась артель торговых и промышленных людей, решивших идти на восток, на реку Потычу, за которую принимали Анадырь. Артель возглавили Исай Игнатьев Мезенец и Семен Алексеев Пустозерец. И, конечно, не случайно, что она пошла под водительством русских поморов — мезенцев и пустозерцев, для которых далекие походы на Новую Землю считались рядовым событием.

Летом 1646 г. на одном коче Исай Игнатьев и Семен Алексеев отправились в море, но у Чаунской губы льды преградили дорогу. В навигацию следующего года на восток во главе с Семеном Дежневым отправилось 62 человека на 4 кочах. Льды снова преградили дорогу судам. Вернувшись на Колыму, Семен Дежнев и торговый человек, приказчик гостя Алексея Усова Федот Алексеев Холмогорец решили подготовиться еще основательнее. Дежнев отправился на Индигирку, где участвовал в соболином промысле. На вырученные деньги он купил судно.

Перед приказным Нижнеколымска Вторым Гавриловым, товарищем Дежнева по походу на Оймякон, Индигирку, Алазею и Колыму,

† Братья Игнатьевы: Константин, Юрий, Анатолий, Иван (Антоновичи)

решив перехватить инициативу Дежнева, выступил беглый казак Герасим Анкудинов с просьбой выдать на его имя наказную память, официальный документ, дающий право представлять власть царя на Анадыре. Второй Гаврилов отказал Анкудинову. Наказную память он выдал Семену Дежневу, приняв к сведению его обещание за право быть старшим на Анадырской земле заплатить царю 290 соболей.

О наказной памяти Дежнев никогда впоследствии не упоминал, и ее даже оспаривали враги его, но то, что она существовала, подтвердил сам Второй Гаврилов. В наказной памяти упомянут помощник Дежнева Федот Алексеев Холмогорец. По существовавшему тогда правилу, торговец, назначавшийся в поход, являлся целовальником, т. е. таможенным чиновником, в ведении которого находился сбор пошлины с упромышленных соболей и другие денежные операции.

В путь 20 июня 1648 г. вышло шесть кочей. Седьмой коч присоединился сверх оговоренных условий. Герасим Анкудинов снарядил его на реку Анадырь на свой страх и риск. В походе участвовало 90 человек. Дежнев разделил их на три отряда. Люди Федота Алексеева Холмогорца — 29 человек — составили первый отряд. Люди Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, приказчиков московского гостя Кирилла Босова, — известны фамилии девяти человек — составили второй отряд. Люди Дежнева — известны фамилии только 18 человек — входили в третий отряд.

Это был последний шаг на торном пути через Северную Азию. О Дежневе и существе его похода все еще не утихают споры. И дело не в том, что не обнаружены положенные в таких случаях дневники Дежнева или корабельные журналы. Их не могло быть.

Исследователей смущает другое: мог ли Дежнев совершить выдающееся морское плавание в тяжелейших природных условиях на маленьком деревянном парусном судне? В последние годы установлено, что русские кочи — это суда, строившиеся для ледового плавания, они ходили под двумя парусами, по компасу. Имелись компасы и на кораблях Дежнева. Известно, что только у Афанасия Андреева и Бессона Астафьева было “13 маток в кости”, т. е. компасов в костяной оправе. Компасы такого типа найдены на городище Мангазеи».

На Камчатке служил в свое время приказчиком Василий Игнатьев, вероятный потомок Исая, так как в те времена казачьи чины передавались по наследству «на выбывшее место». В истории полуострова фамилия военнослужащих Игнатьевых сохранялась долгие годы. В 1812 г. в Нижнекамчатске в печально известном полку Сомова служил Осип Иванович Игнатьев. А в 1888 г. в Петропавловске умирает от водянки отставной баталер Николай Федорович Игнатьев. А.А. Горчаков в статье «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.» (27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105) пишет о том, что некий баталер Николай Ипатьев «...в 1882 году внесен в “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры”». Судя по всему, это был именно отставной баталер Николай Федорович Игнатьев (хотя в Камчатском гарнизонном батальоне служил в 1812 г. Ипатьев Осип Иванович, рядовой, 31 год, фамилия которого

могла сохраниться на Камчатке в период обороны Петропавловского порта).

Мы знаем, что при расформировании Камчатского гарнизонного батальона (Сомовского полка) часть солдат пожелала остаться на Камчатке, они были записаны в крестьянское или мещанское сословия. Вполне возможно, что такая история произошла и с крестьянами Игнатьевыми, которые осели в Большерецке.

Остались следы Игнатьевых и в «переселочном» селе Авача, расположенном неподалеку от Петропавловского порта, где жили люди разных сословий — казаки, матросы, мещане, крестьяне, ссыльные — как не участвовавший в сражении, но «находящийся на блокадном положении» памятной медалью «За усердие» на Андреевской ленте был награжден житель с. Авача Егор Игнатьев (46 лет).

В истории полуострова известен староста села Явино Дмитрий Игнатьев, отличившийся во время обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Считается, что Явино — это поселение переселенцев с Курильских островов — курилов или айну. Но по архивным документам выясняется, что Дмитрий Игнатьев — крестьянин, то есть русский старожил этих мест, переселился он в Явино, вероятно, из Большерецка. Причина пока неизвестна, но фамилия большерецких крестьян Игнатьевых известна, по крайней мере, с 1803 г. (*РГИА ДВ, ф. 1001, оп. 1, д. 77*). Явинский староста Дмитрий Дмитриевич Игнатьев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за то, что взял вместе с Северином Карлсоном (Карльсоном) в плен командира японского десанта Сечу Гундзи (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, 129*).

Кроме Дмитрия Дмитриевича, в обороне Камчатки от японцев принимали участие большерецкий Иван Игнатьев и явинский Сергей Игнатьев.

Архивные материалы за 1893 г. позволяют нам узнать некоторые подробности о семье явинского старосты: Дмитрий Дмитриевич, крестьянин с. Явино, 1893 г., 20 лет. Жена его — Евфимия Петровна (34 г.). Детей нет. С ним живет мать (вдова) Феодосия Николаевна Игнатьева, 40 лет. Ее дети: Иоанн — 15 л., Сергей — 10 л., Захарий — 2 г., Мавра — 20 л., Елизавета — 12 л.

Очень любопытно (и очень, как выясняется, типично), что явинские Игнатьевы, будучи русскими крестьянами, могли быть записаны в документах, камчадалами, например: 24 октября 1914 г. родилась Анна Васильевна Игнатьева, в ее метрике записано: «родители — селения Явино камчадал Василий Арсентьевич Игнатьев и законная жена его Ольга Алексеевна».

О большерецких Игнатьевых известно меньше, но, тем не менее, кое-что есть: Петр Игнатьев был временно исполняющим делами псаломщика Большерецкой церкви в 1915 г.

А 12 декабря 1919 г. родился Павел Иванович Игнатьев, вероятно, его внук, так как родителями его были Большерецкого селения гражданин Иоанн Петрович Игнатьев и жена его Мария Павловна.

Дмитрий Дмитриевич вступил в брак поздно:

«Дата бракосочетания — 31 января 1903 года.

Жених — камчадал Явинского селения Димитрий Димитриев Игнатьев; православного вероисповедания. Вторым браком. Лет жениху — 33.

Невеста — вдова камчадала Голыгинского селения Поликарпа Стефанова Конева — Екатерина Иоаннова Конева; православного вероисповедания. Вторым браком. Лет невесте — 40.

† Бабушка Ивана Антоновича, Игнатьева Мария Павловна

Поручители по жениху — крестьяне Большерецкого селения Петр Иоаннов Кравченко и Петропавловский мещанин Макидоний Александров Ворошилов.

Поручители по невесте — личный гражданин Павел Константинов Логинов и Константин Стефанов Конев. Таинство бракосочетания совершал священник Агафапод Шипицын с псаломщиком Константином Логиновым» (*Архивная выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1903 год, ГАКО, ф. 220, оп. 1, д. 35, л. 148*).

В настоящее время потомки Дмитрия Дмитриевича Игнатьева проживают в Елизовском районе Камчатки. Мы знаем,

например, внука Дмитрия Дмитриевича Игнатьева — Николая Федоровича Ткаченко.

Сегодня у нас в руках материалы следствия по Большерецкому бунту 1771 года, по которым проходят камчатские посадские (торговцы) Моисей Бречалов и Зиновий Игнатьев. Отсюда и истоки большерецкой фамилии.

КОЛЛЕГОВЫ (КОЛЕГОВЫ)

Открывают этот очерк представители рода Коллеговых.

На одной из родовых посиделок-встреч — семейном вечере Коллеговых Ириной Немцовой, дочерью Глафиры Георгиевны Коллеговой, было сделано сообщение, которое называлось:

21 января 2012 года. Семейный вечер Коллеговых

«Род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на служении церкви…»

Славный род Коллеговых был отмечен в 1857 г. Благочинным Камчатских церквей Прокопием Громовым, который писал: «Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на служении церкви».

Начиная от ительменского тойона Лыкоча, крещенного архимандритом Хотунцевским в 40-х гг. XVIII века, множество Коллеговых служило церкви как священники, дьяконы, псаломщики.

Достаточно перечислить родословную моего деда Коллегова Георгия Михайловича. Григорий Никитович, Михаил Григорьевич, Илья Михайлович, Михаил Ильич — все они были священнослужителями Ключевской церкви.

Далее Григорий Михайлович — дьякон, Михаил Григорьевич — священник, служили в Большерецком остроге. Именно Михаил Григорьевич был моим прадедом, отцом моего деда Георгия Михайловича Коллегова.

Но перед тем, как я начну рассказывать о нем, хочется сказать, что действительно в нашем роду было много священнослужителей… Вот посмотрите — это один из священников нашего рода, который был награжден за участие в Петропавловской обороне 1854 года.

В семье моего прадеда Михаила Григорьевича Коллегова и его жены Ульяны Григорьевны — камчадалки из семьи Спешневых села Облуковино — родился мой дед 6 марта 1904 года.

Когда пришло время, он взял в жены Людмилу Николаевну (девичья фамилия Селиванова). Оба они закончили 4 класса церковно-приходской школы в Большерецком остроге.

К сожалению, никаких данных о жизни моего деда в молодые годы нет, но доподлинно известно, что он был псаломщиком в церкви Большерецкого острога.

В конце 20-х — начале 30-х годов 20 века жители Большерецкого острога стали переселяться на новое местожительство, в связи с частыми затоплениями из-за паводков. В 1930 году мой дед вместе с семьей переселился во вновь созданное с. Кавалерское (названное в честь протоки реки Кавалерка). В начале 30-х годов в этом селе был образован колхоз имени 1-го мая, одним из организаторов которого был мой дед. Он работал в этом колхозе бригадиром, одновременно занимался рыболовством, охотой на зверя. Из воспоминаний старожилов (работавших с дедом) он был очень трудолюбивым человеком, душой компании, хорошо играл на гармошке и был достаточно образованным по тем временам человеком.

† Геронтий Васильевич Коллегов

В 1934 году против Георгия Михайловича было возбуждено надуманное уголовное дело якобы за порчу сена при его заготовке, а также некачественное строительство домов в поселке. Это первоначальное уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Однако в дальнейшем его вновь арестовали, вменив, помимо указанного, якобы связь с японцами. И именно по этой статье он был отправлен в колонию на строительство Беломоро-Балтийского канала, где работал рыбаком. По его словам, один из политзаключенных посоветовал ему обратиться с письмом к самому К.Е. Ворошилову. В результате каких-то стечений обстоятельств его освободили из-под стражи и он вернулся домой. Однако пригласивший его на беседу сотрудник НКВД порекомендовал моему деду уехать с Камчатки, либо его вновь посадят…

В 1938 году вся семья уехала в Сибирь — в г. Омск, где дед работал пастухом в колхозе. Буквально за полгода до начала Великой Отечественной войны мой дед вместе с семьей (тогда уже было 5 детей) вернулся на Родину на Камчатку, в свой родной Усть-Большерецк…

Занимался охотой и рыболовством, был одним из лучших охотников на Камчатке. Был награжден медалями и

Священник на нарте

многочисленными грамотами. Несмотря на большую семью, они вместе с женой делали все возможное, чтобы дети учились в школе, закончили институты. Достаточно отметить, что из 8 детей пятеро получили достойное высшее образование….

До самой старости он был примером для жителей села, которые часто шли к нему за советом и помощью. Почти слепой, отдельные охотники зачастую приглашали его на охоту на медведя, так как он как бы «нюхом чуял» зверя. А в семье мы всегда чувствовали его поддержку, видели любовь к людям, желание всем помочь. А я могу сказать про себя, что, начиная с полугода и до школы, он был моим нянькой и неплохим (уже парализованный, с одной рукой, и кормил меня, и воспитывал…)

Начиная с выезда из Большерецкого острога, священнослужением мой дед не занимался, хотя его мать и бабушка, до конца своей жизни ежедневно молились богу перед находившейся в углу иконой. Причина почему он не продолжил дело своего отца, деда и прадедов одна — запрет на церковную деятельность, отсутствие церкви и естественно преследование и незаконное осуждение, не могли не отразиться на его деятельности.

В то же время дед никогда и нигде не говорил плохо о церкви и ее священнослужителях.

Как уже было сказано выше, у моего деда Георгия Михайловича Коллегова было 8 детей. Самая старшая — моя мама Коллегова Глафира Георгиевна.

Замечательным детский врач, высококлассный специалист, за свою долгую профессиональную жизнь она спасла жизни и подарила здоровье тысячам маленьких пациентов. Многие жители, где она работала, с теплотой и уважением относились к ней. После смерти своих родителей она на правах старшей всю заботу о младших братьях и сестрах взяла на себя. К сожалению, в этом году из-за коварной болезни моей мамы не стало…

Старшие сыновья деда и бабушки Анатолий и Юрий пошли по стопам своего отца, с ранних лет освоив нелегкое рыбацкое дело, охотничье ремесло, трудились в рыбацких коллективах, госпромхозе, рыбкоопе, строили дома… Воспитали замечательных дочерей, сыновей, которые сегодня работают в различных отраслях народного хозяйства, организациях культуры, пользуются большим авторитетом среди населения края.

Сыновья Вадим и Виталий закончили Дальрыбвтуз в г. Владивостоке. Работали на предприятиях рыбной промышленности, в контрольных и административных органах края. Вадим Георгиевич Коллегов сейчас на пенсии, но продолжает принимать активное участие в работе Совета коренных малочисленных народов Севера, является членом Совета старейшин при Губернаторе Камчатского края, включен в комиссию по помилованию. Несмотря на свой преклонный возраст, любит бывать на природе, охоте, рыбалке, ярый сторонник сохранения запасов лососевых рыб….

Виталий Георгиевич работал начальником рейса в Промразведке и длительное время до выхода на пенсию был летчиком-наблюдателем Камчатрыбпрома. Многие старожилы, работавшие в рыбной отрасли, помнят, как он наводил суда на скопления рыбы в Охотском море. К сожалению, очень рано ушел из жизни.

Младшие дочери деда — Любовь, Надежда, Татьяна. По окончании школы, институтов, работали в таких отраслях, как гидрометеослужба, банковская система, учреждения культуры.

Отличались большим трудолюбием, с уважением относились к близким, друзьям и знакомым и люди их тоже уважали….

К примеру, самая младшая дочь Татьяна Георгиевна Куркан, работала в Камчатской областной библиотеке, на самых сложных участках большого библио-

† Виталий Георгиевич Коллегов

течного процесса. А с 1987 года — стала директором самой крупной библиотеки края.

И эта работа стала ее призванием, главным делом в жизни. Именно ее усилиями тогда еще областная библиотека стала подлинным центром культурной и духовной жизни горожан. К ее теплу, доброте тянулись самые разные люди. Ее хорошо знали не только на Камчатке, на Дальнем Востоке, но и в Москве, и за рубежом. По праву ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры». Портрет Татьяны Георгиевны занесен в портретную галерею «Скрижали Камчатки».

Продолжателями ее дела стали мы — ее племянницы. Я имею в виду, прежде всего, директора Камчатской краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова — Дикову Татьяну Анатольевну — заслуженного работника культуры, президента Библиотечной ассоциации Камчатки.

Благодаря таким, как она, наша библиотека осуществляет крупные социально значимые для Камчатки проекты. Ей принадлежат многие идеи духовно-просветительских проектов, таких как: «Библиотека — территория толерантности», «Растим патриота Отчизны своей» и другие.

И я, ваш покорный слуга Немцова И.Г., — заведующая отделом краеведения нашей библиотеки — тоже стараюсь поддерживать и претворять в жизнь добрые начинания и традиции, заложенные моей тетей.

Итак, всего сегодня у моего деда Георгий Михайловича Коллегова живут и трудятся 2 детей, 11 внуков, 15 правнуков и 6 праправнуков.

Встреча в январе 2012 года — «300 лет на Камчатской земле» на которую собралось более 100 человек — потомков старинных камчадальских родов показала, что новое поколение клана Коллеговых знает историю жизни своих дедов и бабушек, изучает прошлое своего края, Отечества. Без знания истории своего Отечества не может быть настоящего патриотизма.

† Иосиф Михайлович Коллегов с женой Софьей Алексеевной

И в заключение мне хочется добавить, что у моего прадеда Михаила Григорьевича было еще два сына Иннокентий и Иосиф. И вот среди потомков Иосифа Михайловича есть человек, а именно его внучка Любовь, которая вносит посильный вклад в возрождение православия на нашей Родине в Усть-Большерецком совхозе. И сегодня она вместе с мамой, Раисой Иосифовной, специально приехала на эту конференцию и находится здесь …

Свое выступление хочу закончить словами А.С. Пушкина:

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу…»

† Камчатские просветительницы – Татьяна Анатольевна Дикова (из рода Коллеговых), директор Камчатской краевой научной библиотеки имени С.П. Крашенинникова, Ирина Николаевна Селиванова, член Союза журналистов России, Ирина Геннадьевна Немцова (из рода Коллеговых), заведующая отделом краеведения Камчатской краевой научной библиотеки имени С.П. Крашенинникова

Духовным патриархом рода камчатских Коллеговых был нижнекамчатский казак Евдоким Колегов (Колыгов), который оставил свое имя при крещении камчадалов. Сам казачий род Колеговых (Колыговых) угас, а Евдоким известен тем, что за свои действия и поступки, приведшие камчадалов к Харчинскому бунту 1731 г., был публично порот вместе с другими своими «коллегами» на площади Нижнекамчатского острога. Но еще больше он прославился в веках своей фамилией.

Одним из восприемником Евдокима Колегова был, например, тойон Умьевушка, или Дранка, который вместе с тойоном Ивашкой и толмачом с пакетбота «Святой Петр» Алексеем Лазуковым возглавили бунт против камчатских казаков и священников (подробнее об этом в очерке «Толмач со «Святаго Петра») — Степан Евдокимович Колегов (в память о нем носит свое название река Дранка). Другим восприемником Колегова был тойон Начика (в честь которого назван мыс на восточном побережье Камчатки) — Иван Колегов. Вместе с Умьевушкой и Начикой участвовали в бунте против камчатских казаков и миссионеров крещеные коряки Даниил и Семен Колеговы, камчадал Ломач (Колегов Потап) и другие. А вот и приговор Сената в отношении бунтовщиков:

«…камчадалам и олюторам Экче, Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашного сбору служилых и новокрещеных десяти ж человек, да корякам же новокрещеным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семену и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семену Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взятье в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важный злодейственныя вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещенным Петру Эрангиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывесть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак».

В 1749–1750 гг. фамилия Коллеговых появляется в камчадальских острожках Еловском и Камаковском. В 1893–1894 гг. эта фамилия отмечена среди камчадалов сс. Харчино и Еловка.

В 1891 году в числе старост, награжденных медалью «За усердие» на Станиславской ленте, был староста селения Харчинского Василий Коллегов.

«Коллегов Никандр Феофилактович. Родился 29 октября 1894 г. Родители — камчадал Еловского селения Феофилакт Иоаннович Коллегов и жена его Дарья Афанасьевна. Восприемники — камчадал того же селения Димитрий Иоаннович Чурин. Свящ. Никандр Шергин» (*Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1894 г., ГАКК*). Возможно, это потомки Сидора Васильевича Колегова, еловского камчадала, который в 1773 г. в составе промышленников на боте «Святой Евпл» ходил осваивать будущую Русскую Америку (*Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века, М., 1968*).

Но главным крестным сыном Евдокима Колегова был, конечно, тойон Лыкоч.

«После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева, вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленость свою любимцем архимандрита Хотунцевского, и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника.

† Коллегов Николай Иннокентьевич, на встрече камчатских династий в краевой библиотеке, 2016 г.

Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея.

Михаил Григорьевич Коллегов, пономарский сын. обучался в Иркутской духовной семинарии. Пономарь Камчатского Петропавловского собора, 14 сентября 1842 года Преосвященнейшим Иннокентием Епископом Камчатским и Кавалером рукоположен в дьяконы в Камчатский Петропавловский Собор, того же года определен учителем Камчатского Духовного училища. 26 ноября 1842 года Преосвященнейшим Иннокентием Епископом Камчатским рукоположен в священники Мильковской Богоявленской церкви. В 1847 году служил священником Большерецкой Успенской церкви. В 1850 г. переведен на службу в Камчатский Петропавловский собор. В 1855 г. «за оказанный им подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в лето 1854 года в августе месяце. Высочайше награжден бархотною фиолтовою скуфеею. В 1857 г. за усердное служение церкви и по особым обязанностям по Духовному правлению и попечительству наградить набедренником» (*Клировая ведомость. РГИА ДВ, ф. 244, оп. 1, д. 101, л. 2–4*).

Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья (Коллегов Илья Михайлович, священник, 46 лет. Жена Мария Егоровна (44). Дети: Илларий (7), Иннокентий (5) (*Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год*). Сын последнего — Коллегов Иннокентий Ильич, священник Тигильской Христорождественской церкви (в 1893 г. дети — Македоний (21), обучался в Благовещенской духовной семинарии), Мария (19), Надежда (16), Людмила (3) (*Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК*). И уже один из внуков его Михаил священствует в Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на служении церкви». (*Труды Киевской духовной академии. Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»*).

А вот и другие подробности о деятельности священнослужителя Михаила Григорьевича Коллегова на Камчатке: «Петропавловские священники Георгий Логинов, Александр Логинов, Михаил Коллегов, будучи неоднократно призываемы к служению молебствий о даровании

† Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Нижне-Камчатске

победы над врагами, совершали их во время действий неприятельской эскадры с очевидной опасностью для жизни. Под сильнейшим огнем эскадры они являлись сами на батареи, именем Бога Живаго ободряя защитников» (*Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива, «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 53*). Михаил Григорьевич был награжден бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте и бронзовой медалью.

В 1854 г. за участие в обороне Петропавловского порта был награжден и дьячок Петропавловского собора Коллегов Моисей (*Горчаков А. А. Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г., 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105*). В числе отмеченных памятной медалью «За усердие» на Андреевской лента был и участник народного ополчения — камчадал из села Еловка Осип Коллегов (37 лет).

Через полвека аборигены Коллеговы и Колеговы примут участие в обороне Камчатки от японцев. Вот имена героев.

Колегов Иван, староста с. Карага. Награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129*).

Коллегов Иван (Усть-Камчатская дружина), с. Нижнекамчатск. Вероятно, это Коллегов Иван Михайлович, который был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.*)

Коллегов Алексей (Усть-Камчатская дружина), с. Ключи.

Коллегов Михаил (Большерецкая дружина), с. Большерецк.

Коллегов Геронтий Васильевич, потомок тойона Лыкоча, был последним священником Нижнекамчатской Успенской церкви, в 1920-х годах, как «служитель религиозного культа», он был лишен избирательных прав, как и его коллега из Большерецка священник Коллегов Геронтий Кириллович (*Глинчикова Е. В. Православие и Советское государство на Камчатке, «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 196–197*). «15 сентября 1938 г. на допросе в НКВД член колхоза «Вперед» с. Ключи П. Удачин сообщил, что К. «недавно утонул» (*Пустовит В. П. Камчатские персоналии 1917–1991 гг., «Вопросы истории Камчатки № 8»*).

В этих же «Персоналиях» имеются сведения о Коллегове Георгии Михайловиче: «(1905, с. Большерецк, Камчатка), до 1924 г. псаломщик. Из середняков, камчадал. По словам односельчан И.П. Бречалова и П. К. Уксусникова, в 1918 г. вместе со своим дедом-священником проводил служебные обряды, до 1920 г. жил в Кихчике, по 1921 г. исполнял обязанности псаломщика в с. Старый Большерецк, до 1923 или 1924 г. был там секретарем религиозного общества, в 1924–1925 гг. вместе с Бучинским отправлял обряды в Озерной и других селах. Сам же К. утверждал на следствии, что «учеником псаломщика был только один год — 1918 г., выступал на клиросе, читал псалтыри периодически». С 1928 по 1931 г. являлся председателем сельсовета. В 1933 г. исключен из волхоза за разложенческую деятельность как классово-чуждый элемент; постановлением сельсовета лишен права избирать и быть избранным. Привлекался в 1933 г. за контрреволюционную пропаганду, один месяц находился под следствием, но был освобожден по недоказанности. Перед арестом в декабре 1934 г. жил в с. Кавалерском с женой Людмилой Николаевной, дочерью торговца, 1909 г. р. Обвинялся по ст. 58-2-11 УК РСФСР. В 1935 г. приговорен к трем годам лишения свободы, 12 апреля 1936 г. прибыл в Беломоро-Балтийский комбинат. По отбытию наказания с зачетами ста семнадцати рабочих дней 3 января 1938 г. освобожден, убыл в с. Апачу. Реабилитирован в 1990 г.».

А в книге «Из тьмы забвения» мы находим сведения и о других Коллеговых, которых также коснулись политические репрессии.

Коллегов Александр Васильевич: родился в 1890 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: церковно-приходская школа; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 4 июля 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Имущество конфисковано. В ходе доследования обвинение не подтвердилось. Постановлением КОУ НКВД от 30 июня 1942 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован постановлением прокуратуры Камчатской обл.

Коллегов Яков Васильевич. Родился в 1894 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; малограмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза «Труженик». Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 6 октября 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: 15 лет. Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 28 августа 1939 г. срок снижен до 10 лет. Умер в заключении 27 февраля 1941 г. Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован постановлением прокуратуры Камчатской обл.

В нашем архиве есть сообщение о внучке Геронтия Коллегова — Александре Павловне. Возможно, призванный Усть-Камчатским райвоенкоматом Колегов Петр Павлович (1923 г. р.), ее брат. Он погиб на фронте 23 апреля 1943 г.

В 1903 году в роду у Коллеговых было две свадьбы. Одну отмечали 31 января в Ключах.

Жених — гражданин селения Ключевского Флавиан Романов Коллегов, православного вероисповедания. Первым браком. Лет жениху — 22.

Невеста — дочь умершего крестьянина селения Ключевского Иоанна Григорьева Удачина девица — Анисия, православного вероисповедания. Первым браком. Лет невесте — /нет записи/.

Поручители: по жениху — граждане селения Ключевского Николай Иннокентиев Копылов и Федор Лукич Сковородов;

Коряки Колеговы — крестные дети священников Коллеговых и их потомки. Среди них была Анна Васильевна Колегова — народная мастерица из Караги, артистка первого состава национального ансамбля «Энэр», основанного в 1952 году по инициативе А.В. Колеговой и Анастасии Васильевны Гуторовой.

† Колегова
Мария Григорьевна

† Ульяна Григорьевна Коллегова (Спешнева)
и Николай Селиванов (1956 г.)

† Иннокентий Михайлович Коллегов и его
жена Матрена Кирилловна (в девичестве
Костенко, из первых жителей с. Запорожье)

по невесте — граждане селения Ключевского Клеоник Иннокентиев Юрьев и Александр Гаврилов Курдюмский.

Таинство бракосочетания совершал Священник Николай Каргопольцев с Псаломщиком Ксенофонтом Михайловым (*ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 99, л. 66*).

А вторая свадьба была 5 февраля в селе Облуковино. «Жених — Михаил Григорьевич Коллегов, потомственный почетный гражданин, 19 лет. Невеста — Воровского селения дочь умершего камчадала Григория Петровича Спешнева девица Иульяния, 21 год, первым браком. Поручители: по жениху — Петропавловский мещанин Николай Александрович Ворошилов и и. д. псаломщика Кириак Верещагин; по невесте — Воровского селения камчадалы Александр Григорьевич Спешнев и Акиндин Михайлович Спешнев. Священник Григорий Коллегов» (*Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1903 г., ГАКК*).

Его отец: «Коллегов Григорий Михайлович, священник Большерецкой Успенской церкви в 1893 г., 37 лет. Жена Евдокия Алексеевна (36). Дети: Михаил (11), Алексей (9), Анатолий (6), Вера (3), Ксения (14)» (*Исповедальная роспись Большерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК*).

Есть информация о детях Михаила Григорьевича. Его старший сын — Колегов Григорий Михайлович — родился 19 марта 1905 г. в с. Большерецк. Сельский разъездной псаломщик, в 1922–1923 гг. — секретарь религиозного общества в селе Старый Большерецк. До 1920 г. жил в с. Кихчик. Вместе с попом Бучинским ездил в с. Озерное. Затем проживал в с. Кавалерское. Окончил сельскую школу. Из крестьян. Дед — священник, отец — середняк, в прошлом псаломщик. Камчадал. Арестован 20 декабря 1934 г. Приговор — три года исправительно-трудовых лагерей — вынесен 5 сентября 1935 г. (*Глинчикова Е. В. Православие и Советское государство на Камчатке, «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 200*).

Другой его сын — Георгий Михайлович — был женат на Людмиле Николаевне Селивановой. Их первенец — Глафира Георгиевна, уехала учиться в Хабаровск. По профессии после окончания медицинского института она была педиатром, но работать на самом деле пришлось практически по всем специальностям. Начинала в 1951 г. работать в с. Майское (Козыревский совхоз), затем — в Усть-Большерецке, а позднее в п. Моховая г. Петропавловска-Камчатского (наша семья особенно

благодарна ей — мои сыновья Алеша и Андрей, когда мы жили на Моховой, были под ее неустанным вниманием. — С. В.). Сестры — Люба, Надя, Таня (Татьяна Георгиевна Куркан, первая заведующая областной научной библиотекой имени С.П. Крашенинникова). Надя училась заочно в Хабаровском техникуме, работала заведующей сберкассой в Зазеркальном. Муж — тралмастер на «Селенуре» (1983 г.). Люба — синоптик, мать двоих детей. Дочь Глафиры — Ирина Коллегова, училась в Хабаровском институте культуры (сейчас она заведует отделом краеведения в краевой научной библиотеке им. С.П. Крашенинникова). Вместе с двоюродным братом Борисом Иннокентьевичем Селивановым поехал учиться в Москву в рыбвтуз Вадим Георгиевич Коллегов. Борис Иннокентьевич работал секретарем Корякского окружкома партии, начальником Камчатрыбвода. Вадим Георгиевич долгие годы был заместителем председателя областного комитета народного контроля.

Николай Иннокентьевич Коллегов — еще один внук дьякона Михаила. Во время Великой Отечественной войны мать Николая Иннокентьевича — Матрена Кирилловна Коллегова (в девичестве Костенко) была бригадиром рыболовецкой бригады, награждена медалью. Здесь же в Опале рыбачил и отец, тоже награжденный медалью. У Иннокентия Михайловича и Матрены Кирилловны было девять детей. Николай закончил в 1964 г. мореходку, ушел в океан — работал с В.И. Рязановым на знаменитом траулере «Амгу», впоследствии переименованном в «Николая Островского», с П.И. Яроцким на «Пахачах» осваивал промысел нототении, и первыми в экспедиции дали годовой за неполные шесть месяцев. Антарктида и Гаваи, остров Кергелен и полуостров Аляска, юго-восток Тихого океана и Японское море — вот его путь от матроса до капитан-директора. В последние годы работал капитан-наставником в Океанрыбфлоте. Его ученики — В. Ерастов, В. Рыков, В. Гарин — известные в прошлом капитан-директора.

Внук Михаила — Вадим Георгиевич Коллегов был летчиком-наблюдателем, с 1960-х гг. он был постоянно на промысле олюторской сельди на северо-востоке Камчатки, потом — на сельди-иваси в районе Южных Курил.

В 1906 г. — исполняющим делами псаломщика Дранкинской Иннокентьевской церкви служил Коллегов Михаил Клеоникович, представитель еще одной из ветвей рода Лыкоча (*Выписка из метрической книги Дранкинской церкви за 1906 г., ГАКК*).

12 сентября 2007 г. в Коктебеле в Доме-музее М.А. Волошина были объявлены итоги 5-го Международного литературного Волошинского конкурса. Специальными дипломами председателя жюри была награждена Надежда Коллегова (Обнинск) за рассказ «Мое счастливое детство». Родилась на Камчатке, закончила Московский государственный институт культуры. Работает в Обнинской городской библиотеке. Пишет рассказы с 2004 г. Дебют состоялся в 2006 г. в сборнике «Обнинск литературный».

А в 2015 году на Камчатке получил известность еще один писатель из рода камчадалов Коллеговых — Вадим Георгиевич Коллегов, бывший крупный советский работник, который опубликовал свои воспоминания под названием «Исповедь старого камчадала». Одну из глав своих воспоминаний он посвящает родным:

Мы из клана большерецких Коллеговых

Люди преклонного возраста часто мысленно вспоминают свой пройденный путь в этом «тленном мире». Я часто думаю о своих родственниках из клана большой семьи, где родился, учился трудолюбию, пониманию житейской мудрости, борьбы с трудностями и человеческой радости, которые постоянно возникают у любого человека. Это своего рода симфония человеческого бытия.

† Георгий Михайлович Коллегов

Начну с родителей

Мой отец Георгий Михайлович Коллегов родился в 1904 г. в Большерецком остроге. Его отец, дед, прадед, а мои естественно пра, пра, прадеды были священнослужителями, несли православие по всей Камчатке. В частности в Усть-Камчатске, Ключах, Соболеве, Тигиле. По тем далеким временам это были образованные люди, пользующие большим авторитетом среди населения.

Мой прадед и дед были священнослужителями в Большерец-

† Коллегов Вадим Георгиевич

† Ерыгин Владимир Владимирович (сын Ерыгиной (Коллеговой) Зои Иннокентьевны) и Коллегов Владимир Николаевич (сын Коллегова Николая Иннокентьевича)

ком остроге. Отец в молодости некоторое время был дьячком в той же Большерецкой церкви. Из рассказов старожилов, которые жили в те далекие годы, мой папа был образованным (по тем временам) человеком, окончившим Большерецкую церковно-приходскую школу. По своему складу был трудолюбивым, жизнерадостным, играл на гармошке, был заводилой всех хороших дел среди молодежи и, конечно, как многие камчадалы, старался делать добро не только родственникам, а всем жителям села.

Когда жители Большерецкого острога стали покидать место жительства, отец вместе с мамой, старшей сестрой и братом в конце двадцатых годов прошлого столетья, переехали жить в село Кавалерское (которого сейчас нет).

На новом месте построили дом из березового леса, где в последствии родился мой брат Юрий и я, Вадим.

Отец был организатором колхоза имени 1-го Мая, работал бригадиром в колхозе, некоторое время бригадиром закидного невода в поселке Октябрьский. В зимнее время, как и многие жители села, занимался промыслом пушного зверя, дичи, диких оленей, баранов. Летом добывал медведя. Это увлечение (если так можно выразиться) стало его основной профессией, за счет которой он смог содержать свою семью, учить детей в школе, институте. Своим примером всячески способствовать, чтобы сыновья умели правильно охотиться на зверя, дичь, заниматься рыбным промыслом, управлять собачьими упряжками, ходить на бату, правильно ставить капканы на выдру, лису, соболя, разделывать рыбу на посол, балык, варить уху.

Мы с малых лет помогали родителям в заготовке дров, сена для коровы, сбору дикоросов на зиму. Отец всегда был жизнерадостным и веселым человеком, любил пошутить и спеть частушки.

Однако в его жизни было не все так гладко. В тридцатые годы прошлого столетия, он был незаконно осужден и отправлен отбывать свой срок на строительство Беломорско-Балтийского канала, где пробыл 2 года. Из его рассказа (хотя он всячески избегал этого) нам стало известно, что сокамерник помог ему написать письмо Ворошилову, через некоторое время его отпустили домой. По прибытии в родное село ему в НКВД дали понять, чтобы он куда-нибудь уехал. В 1938 году вся семья с большими трудностями переехала жить в Омскую область и вернулась на Камчатку в конце 1940 года.

Я читал материалы «уголовного дела» отца, было до слез обидно, что человек невинно осужден и перенес столько страданий, и, естественно, это отразилось и на нашей большой семье.

В дальнейшем его реабилитировали, признав невиновным.

Я хорошо помню, что отец после такого жизненного испытания не озлобился и до конца своей жизни остался добрым, отзывчивым человеком. В тяжелые годы войны и послевоенные годы он обязательно после охоты и рыбалки делился с родственниками, друзьями мясом медведя, оленя, дичью, не говоря уже о рыбе, которой было в избытке…

Он очень любил свою семью, жену (Людмилу Николаевну) и эта любовь была взаимна.

У него было четыре брата: Иннокентий, Иосиф, Петр, Григорий и сестра Наталья. Старшим из них был мой отец. У всех у них были большие камчадальские семьи, образованные дети, работающие и живущие не только на Камчатке. О каждой семье можно много говорить и писать.

† Людмила Николаевна Коллегова (Селиванова)

Моя любимая мама Людмила Николаевна, из рода камчадальской семьи Селивановых.

Мне уже много лет, но я со слезами на глазах, с большой сыновней любовью могу сказать, что она была и остается человеком с большой буквы, которая всю свою жизнь посвятила служению великому делу — воспитанию своих детей. Она родила 11 детей, из которых трое умерли в раннем детстве. Сейчас даже сложно представить, чтобы в те тяжелые, трудные времена — голод, холод, военное и послевоенное время — эта женщина, мать-героиня, звание, которое присвоили ей в советское время, с честью и до конца своей короткой жизни сумела вырастить нас: 8 сыновей и дочерей, накормить, одеть и дать нам хорошее образование. Это могла сделать только моя (наша) мама. Всего лишь церковно-приходскую школу окончила она, но столько человеческой мудрости вложила в своих детей. Сколько любви и труда надо было привить, чтобы накормить такую «ораву», особенно когда наш отец, незаконно осужденный, отбывал срок. В годы войны она умудрялась одеть всех детей, шила рубашки, платья из всякого старого материала, шила торбаза и другую обувь из шкур оленя, медведя и других зверей. Я не помню, чтобы мы были без необходимой по тем временам одежды, обуви — это была забота моей мамы. С шести часов утра и до позднего вечера она вся в работе — готовить завтрак, обед, ужин, подоить и накормить корову, кур, что-либо пошить для детей. Благодаря ее заботе и труду вместе с папой, из восьми детей пятеро получили высшее образование.

Сейчас, в 21 веке, трудно себе даже представить, что тогда можно было дать такое образование детям из простой многодетной семьи. Несмотря на свою занятость по дому, она многие годы была народным заседателем в райсуде. Жители села всегда с уважением относились к ней, зная, что в любое время она окажет посильную помощь и подскажет дельный совет человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию.

К сожалению, трудные годы ее жизни не могли не отразиться на ее здоровье, она рано умерла, оставив о себе добрую память. Женщина, перенесшая все тяготы жизни нашей семьи, никогда не опускала руки, и дала хорошие «корни» детям, внукам и правнукам. Такая женщина заслуживает высшей похвалы, ибо она всю свою жизнь сеяла «разумное, доброе, вечное».

У нее было большое количество братьев и сестер по линии клана Селивановых. Я помню, когда мы перед самой войной вернулись из Омской области на Камчатку, около года жили в селе Кавалерское, у старшего брата Ивана Николаевича, который был женат на матери моего отца Ульяне Григорьевне (девичья фамилия Спешнева). Кроме того, в с. Усть-Большерецке жили сестра Веня, братья Иннокентий, Георгий, Николай, Илья, в г. Петропавловке — сестра Маруся. У каждого из них сложилась разная судьба, с ее радостями и печалями. У многих из них выросло замечательное потомство, с различными трудовыми достижениями на благо Камчатки. Очень жаль, что об этой камчадальской семье Селивановых, жившей в Усть-Большерецком районе, дети, внуки и правнуки которых живут и работают сейчас в нашем крае, осталось мало информации и не написано в прессе.

О моих братьях и сестрах

Старшая сестра Глафира 1925 г. родилась в Большерецком остроге, закончила 10 классов в Усть-Большерецкой средней школе. После войны поступила учиться в Хабаровский медицинский институт, по окончании которого приехала работать на Камчатку. В те далекие послевоенные годы было великим достижением молодежи учиться в высшем учебном заведении.

† Глафира Георгиевна Коллегова с дочерью Ириной (с бантиком) и племянницей Татьяной (старшая дочь брата, Анатолия Георгиевича). Сейчас Дикова Татьяна Анатольевна – директор Камчатской краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова

† Коллегова Матрена Кирилловна со своими детьми, зятем и невестками. Октябрь, 1985 г.

† Г.Г. Коллегова

Родители, несмотря на невзгоды, отсутствие каких-либо материальных благ всячески помогали своей дочери, посылали по почте денежные переводы, посылки. Из рассказов сестры, ей было очень трудно жить в студенческие годы, испытывая большую нужду в питании и одежде, она прекрасно понимала, что многочисленная семья родных просто не в состоянии чем-то большим помогать ей. Я хорошо помню, когда она после первого курса приехала домой в с. Кавалерское, где мы в то время жили. Сколько радости было у нас. Жители села приходили к нам поговорить и посмотреть на студентку и даже обращались к ней за врачебной помощью. Хотя какие у ней тогда еще были медицинские знания, можно только догадываться. И пусть никто не осудит жителей того времени, хотя в селе был фельдшерский пункт, но медицинских препаратов почти не было. Жителям села нужна была хоть какая-то помощь в их трудной послевоенной жизни. Они приходили послушать, как живут люди на материке, в г. Хабаровске, ведь в селе не было радио, электричества, телефонной связи. После окончания института сестра работала в Усть-Камчатском районе — в поселках Козыревске, Ключах.

Отработав три года, она приехала в родной Усть-Большерецкий район, вначале работала в Большерецком совхозе участковым врачом, затем в с. Усть-Большерецк врачом, главным врачом. Помимо своей врачебной деятельности, она всю заботу о братьях и младших сестрах взяла на себя, заменив маму в домашних делах, т. к. наша мама, парализованная, находилась в больнице.

В начале 60-х годов, после смерти матери, вся семья переехала жить в г. Петропавловск-Камчатский. На новом месте сестра работала детским участковым врачом в поселке Моховая, здесь она родила замечательную дочку Ирину. По новому месту жительства она продолжала помогать младшим сестрам в житейских делах, учебе и работе. Своей добротой, заботой к нам стала второй «мамой».

Дочь Ирина окончила Хабаровский институт культуры, успешно трудится в Камчатской краевой научной библиотеке, ведя большую просветительскую работу среди населения края. Воспитывает сына, ко-

торый сейчас служит в рядах российской армии. Находясь на пенсии, и, несмотря на свой преклонный возраст, болезни, по мере возможности помогала в домашнем быту дочери и внукам.

В 2012 году после тяжелой продолжительной болезни, в возрасте 86 лет ушла из жизни. Для нас родных и близких это была большая потеря. Ее жизненный путь служит примером большой человеческой нравственности, которую мы забываем. Она своим примером как бы показала, как надо жить, трудиться и любить своих близких, родственников, друзей и простых людей.

Мои братья

Старший брат Анатолий (1928 г. р.).

Как я раньше писал, родился в Большерецком остроге, но вся сознательная жизнь в основном прошла селах Кавалерском, Усть-Большерецке, Соболево и в г. Петропавловске-Камчатском.

Закончил 5 классов, учился в фабрично-заводском училище с. Октябрьского, закончил курсы бухгалтеров в г. Петропавловске-Камчатском. На его образование, конечно же, повлияло трудное время для нашей многодетной семьи. Отец, как я уже писал, был незаконно осужден, а после возвращения домой, вместе семьей вынужден был уехать вначале в г. Омск, а после с. Воскресенское Омской области. Вынужденные переезды и дальнейшее возвращение семьи на Камчатку перед войной, сыграли существенную роль его учебе в школе. Он пошел учится в 5 класс в с. Усть-Большерецке, он был на много старше своих одноклассников. В годы войны и после в нашей семье родились еще четыре дочери. Отцу было очень и очень трудно содержать такую семью, ему нужен был помощник по ведению домашнего хозяйства, помогать нашей маме, воспитывать братьев и сестер, т. к. отец всю зиму жил в лесу — охотился на пушного зверя, оленя, барана, чтобы прокормить детей. После службы в армии Анатолий работал в рыбкоопе, позже охотничье-промысловом хозяйстве, коммунхозе. Помимо своей работы, он, конечно же, занимался рыбалкой, охотился на медведя, уток, переняв опыт отца. Очень хорошо исполнял песни советских композиторов, даже одно время участвовал в художественной самодеятельности села.

Наша семья содержала 30 ездовых собак, т. е. было три собачьи упряжки, она из них была закреплена за Анатолием. В те далекие времена камчадальские семьи даже трудно было представить жить без ездовых собак. Ибо они помогали людям зимой завозить березовые дрова, сено для коровы, перевозить различные грузы не только для семьи, но и помогать завозить дрова для школы, больницы, продукты для магазинов базы Октябрьского рыбокомбината, в Усть-Большерецк, Кавалерское. Без собачьих упряжек просто невозможно было вести охотничий промысел зверя в зимнее время.

Накормить такое количество рабочих собак помогало камчатское богатство — лосось, которого ежегодно было в избытке. Я помню, когда начинался рунный ход горбуши, старики говорили: «Пошла наша кормилица».

Поэтому летом (я уже писал выше об этом) в период хода все семьи села занимались заготовкой рыбы для собак. Рыли глубокие ямы, обкладывали стены шеломайником, вниз ложили траву, и прямо с батов лодок пиками кидали рыбу в ямы. Расчет был единый — 1000 штук горбуши для одной собаки. В каждую яму обычно забрасывали от 3-х до 5-ти тысяч штук и, конечно, всегда заготавливали с запасом — 15–20 тыс. штук. Плюс к этому, на зиму сушили юколу из расчета 300–400 шт. на одну собаку. Всеми этими делами занималась вся семья, которая понимала значимость ездовых собак для домашнего хозяйства.

У Анатолия осталась хорошая, гостеприимная семья — жена Мария, работавшая в Сбербанке, дочь Татьяна (Дикова) и сын Андрей. Его верная, трудолюбивая жена все хлопоты семейные взяла на себя и в трудное время, когда наша мама тяжело болела и до самой ее смерти, шефствовала над моими младшими сестрами, помогая им по хозяйству. Его дочь Татьяна Дикова, успешно закончив 10 классов, поступила и закончила с отличием Камчатский пединститут. В студенческие годы была депутатом Областного Совета Камчатки. После института поступила работать в краевую библиотеку и сейчас является ее директором. Муж ее Александр окончил Камчатское морское училище, работает механиком в «Судоремсервисе». У них замечательный сын Вадим и две внучки. Сын моего брата Андрей живет в Соболево. Окончил 10 классов, работает в Доме культуры. У него двое детей и внучка.

Умер брат в возрасте 65 лет в 2003 г. и похоронен рядом с отцом и братом на Авачинском кладбище.

Средний(?) брат Юрий (1931 г. р.) родился в с. Кавалерском Усть-Большерецкого района. Его жизненная судьба сложилась примерно так же, как и у старшего брата Анатолия. Тяжелая жизнь моего отца, мамы в годы сталинских репрессий, вынужденные переезды семьи

не могли не отразиться на его жизненном пути. По семейным обстоятельствам отъезд семьи в Омскую область и возвращение в конце 1940 года на Камчатку, сильно повлияло на учебу в школе. Пропустив время учебных годов, он, естественно, уже не смог наверстать упущенное, закончив всего лишь 5 классов. Ему так же, как и старшему брату Анатолию, пришлось с малых лет помогать отцу, маме вести хозяйство в доме, заниматься рыбалкой, охотой, ездить по хозяйству на собачьих упряжках за дровами, сеном, перевозить на них грузы. Он так же, как и отец, некоторое время занимался охотой на промыслового зверя, медведя, пернатую дичь. Я хорошо помню, как переданные ему отцом навыки, он использовал в охотничьих делах. Его отличало особое трудолюбие, умение ездить летом на бате, метко стрелять уток и большая любовь к братьям, сестрам, жене и детям. Поручения мамы и отца выполнялись беспрекословно. В 1954 году я вместе с двоюродным братом Борисом Селивановым, после окончания школы, поехал поступать в Московский институт рыбного хозяйства. В летнее время очень много выпускников школ Камчатки ехали учиться в высшие учебные заведения страны. Единственным транспортом из Петропавловска в то время были пассажирские теплоходы. Мы почти две недели не могли уехать во Владивосток. В это же время Юрий служил в военном флоте в г. Владивостоке. По прибытии в этот приморский город, мы столкнулись с другой проблемой — уехать на поезде в Москву. На железнодорожном вокзале скопилось очень много людей с различных регионов, которые также стремились уехать в столицу на поезде. Потеряли около пяти дней в очереди за билетами.

Мой брат Юрий, у которого была девушка, работавшая в краевом комитете комсомола, обратился к ней за помощью. Она посоветовала нам поступать в такой же институт во Владивостоке, который только недавно начал функционировать, как высшее учебное заведение. После этого брат стал нас уговаривать не ездить в столицу, а поступать в институт во Владивостоке. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы родные люди находились рядом. И мы, молодые «сосунки», быстро согласились с его предложением, в дальнейшем нисколько не пожалев об этом решении.

В период его службы, мы часто с ним виделись, чем могли помогали друг другу. После армии он трудился в Усть-Большерецке — охотником, рыбаком в Госпромхозе, лесхозе, на домостроительном комбинате г. Петропавловска-Камчатского.

Умер Юра в 1973 году в возрасте 52 лет, похоронен рядом с отцом и братом. У него две дочери: Людмила работает на птицефабрике «Пионерская», Светлана работает в супермаркете «Шамса». Растут два внука и внучка.

Младший брат Виктор родился в г. Омске в 1939 году. Учился в Усть-Большерецкой школе, которую закончил в 1957 году. Учеба давалась ему легко, хотя из-за своей лености мог получать и плохие оценки. Активно участвовал во всех школьных мероприятиях, занимался спортом. Помогал родителям в хозяйственных делах. Виктор, как в школе, так и в дальнейшей учебе в институте, всегда был веселым, оптимистично воспринимал все жизненные неурядицы.

По окончании школы он пошел по моим стопам — поступил во Владивостокский институт рыбного хозяйства, на тот же факультет. Занимался спортом, имел 1-й разряд по самбо, был чемпионом Приморского края среди студентов.

По окончании института работал в промысловой разведке «Камчатрыбпрома», начальником рейса на поисковых судах, а затем длительный период был летчиком-наблюдателем, наводил промысловые суда на скопление сельди, скумбрии, а также производил с самолета ледовую разведку. Необходимо отметить, в те годы промысловые суда были оснащены поисковой аппаратурой. Поэтому результаты судов во многом зависели от летчика-наблюдателя, его умения наводить их на косяки рыбы. С борта самолета наблюдатель по переговорной связи давал команду капитану судна, с какой стороны заходить на скопление рыбы и в какое время делать замет кошельковым неводом.

Летчик-наблюдатель пользовался большим авторитетом не только среди рыбаков, но и руководства области. В этой должности он работал до конца своей жизни. К сожалению, он рано ушел из жизни — в возрасте 56 лет. У него остались сын Андрей и трое внуков. Он был заводилой среди своих друзей, замечательно исполнял песни, народные частушки.

Младшие сестры

Люба родилась в суровые годы Великой Отечественной войны в с. Кавалерском в 1944 году. Училась в средней школе с. Усть-Большерецк, куда мы переехали жить в 1948 году.

Училась в школе хорошо, я бы сказал, с какой-то особенной легкостью. С малых лет она была каким-то «живчиком» среди сверстников, заводилой всех школьных дел. Без нее не обходилось ни одно мероприятие в школе. В трудные годы для нашей семьи, когда наша мама парализованная лежала в больнице, она, несмотря на свои юношеские годы, исполняла многие житейские дела в доме, помогая старшей сестре Глафире, младшим сестрам Надежде и Тане по хозяйству, с уборкой в доме. Ее неуемная натура всегда самостоятельно решать сложные вопросы, сохранилась до сих пор, несмотря на 70-летний возраст. Я ей часто говорил в шутку, что она не из рода Коллеговых, а в ее юбилей писал незлобные, шутливые памфлеты.

Всю жизнь Люба проработала синоптиком в Гидрометеоцентре, и я, как старший брат, часто подсмеивался насчет «форточной» погоды.

Она родила сына Димку и дочь Анастасию, сейчас помогает дочери воспитывать внука. Постоянно звоним друг другу, встречаемся, вспоминаем прошлое. Ведь мы с ней остались вдвоем в живых из нашей многочисленной семьи усть-большерецких Коллеговых.

Младшие сестры — Надежда, 1947 г., и Татьяна, 1950 г. рождения.

Я преднамеренно пишу о них вместе, потому что жизненная судьба этих сестер трагична, жизнь оборвалась у самой младшей Татьяны в расцвете сил. Мы, старшие братья и сестры, любили Надю и Таню, помогали родителям их воспитывать, помогали, как могли, в учебе, работе.

Надежда по окончании школы и до ухода на пенсию работала в системе Сбербанка. Заочно окончила высшее учебное заведение в г. Хабаровске. Жизнерадостная, гостеприимная хозяйка, всегда уважительно относилась к родным, близким, друзьям, оказывала посильную помощь всем, кому требовалось. Умерла в возрасте 63 лет. Ее дочь Наташа длительное время работала в системе Сбербанка, воспитывает сына.

Татьяна Георгиевна Куркан (Коллегова)

Мне очень трудно писать о самой младшей сестре Татьяне, которая прожила всего лишь 44 года. В нашей семье она была на особом счету, все любили и помогали ей во всем. Никто из нас даже плохим словом не мог обидеть ее. Видимо от того, что она самая младшая — негласно было установлено особое отношение к ней, своеобразное «табу», которое никто не смел перешагнуть. Она это чувствовала, всегда была чуткой и женственно ласковой к нам и близким друзьям. По окончании Моховской средней школы она поступила учиться в Хабаровский ин-

† Любовь Георгиевна Коллегова (Служаева) со своим мужем Виктором и дочерью Анастасией

† Семья Георгия Михайловича Коллегова, 1967-1968 гг.

† Портрет Татьяны Георгиевны Куркан. Художник В. Санакоев. Портретная галерея «Скрижали Камчатки»

ститут культуры. Училась в школе, институте хорошо, принимала активное участие во всех мероприятиях учебного заведения, была старостой факультета. Когда она училась в институте, я по роду своей работы часто ездил в командировку во Владивосток. Самолеты летали через Хабаровск и мне, конечно же, всегда хотелось встретиться с ней, заранее сообщив ей. Таню предупреждал, встречай меня, когда я лечу в командировку, ибо имел некоторую сумму денег, которую я ей мог дать, хотя она никогда не просила их у меня.

После института она поступила работать в краевую библиотеку, а последние годы своей жизни была директором.

Ее смерть в 1995 году для нас была настолько неожиданной, болезненной, долгое время мы не могли смириться, что наша Танюша умерла. В последний путь ее пришел проводить губернатор области В.А. Бирюков. У нее остались два сына Олег и Сергей, которые трудятся на предприятиях в г. Петропавловске, растут два внука.

Писать о своих братьях и сестрах мне было легко, с большим братским уважением к близким мне людям не только по крови, но и по особому семейному бытию клана Коллеговых, который оставил добрый след в истории Камчатки. В то же время мне тяжело было писать о своих родственниках, потому что из восьми человек нас осталось в живых только двое.

Изложенное мною повествование о своих родственниках — это маленькая доля их добрых дел, о которых надо всегда помнить детям, внукам, живущим в настоящее время. Я сознательно ушел от темной стороны каждого из них, жизненных ошибках, ибо это было бы крайне несправедливо, нечестно с моей стороны.

У каждого человека своя «вершина» жизни, свои понятия бытия, но мы всегда должны помнить, что мы в этом «тленном мире» гости, а гости всегда и во всем должны оставлять хороший, добрый след после себя.

МОИ РОДИТЕЛИ

Вспоминают дочери Иннокентия Михайловича:
Ерыгина З. И., Маркелова Т. И., Савченкова Н. И.

Наш отец, Иннокентий Михайлович Коллегов, родился 26 ноября 1905 года в Большерецком остроге. Как он сам говорил, учиться ему не нравилось, а нравилось ему ходить в лес, охотиться на пушных зверей,

ставить капканы, рыбачить. По характеру он был очень трудолюбивым, ответственным, исполнительным, пунктуальным, немногословным, застенчивым. Женат был в 1928 году на Костенко Матрене Кирилловне. Она родилась 26 марта 1906 г. (по ее рассказам) в Херсонской губернии, в деревне Каменка. Бабушка Наталка (ее мама) приехала на Камчатку с детьми (два сына и три дочери). Трое старших, дядя Артем, тетя Харитына и тетя Сетя, со своими семьями уже жили на Камчатке. У мамы было образование: два года церковно-приходской школы. По складу своего характера мама была очень доброй, гостеприимной, активной, трудолюбивой. Папу не взяли на войну с японцами в 1945 году только потому, что у него была многодетная семья (9 детей). Многие, ушедшие на эту войну из деревни, не вернулись.

С 1931 г. мама с папой проживали со своими детками в с. Опала, работали в колхозе им. Кирова. Летом на путине (это когда лосось идет на нерест), а зимой папа охотился, добывая пушного зверя. У папы была замечательная нарта, сделанная его руками. Собаки в то время были «на вес золота» и скольких трудов ему стоило выучить «собаку-передовика». Были случаи, когда их воровали корейцы, и это было для него большим горем.

В пяти километрах от колхоза им. Кирова были два японских завода по переработке рыбы. Наш папа, когда кончалась путина, был сторожем на этих заводах (1937–1939 гг.). Японцы никому не доверяли, кроме него, охрану своих заводов. Они платили ему рисом.

Из воспоминаний дочери, Надежды Иннокентьевны: «Летом, когда начинались школьные каникулы, в колхозе создавали бригады из школьников. Она и ее подруга (им было тогда по 14 лет) работали на бате (лодка). Вместо весел были шесты. На тоне их загружали рыбой и они доставляли ее на рыбозавод. За это они получали паи и могли купить что-то из обновок. Работа была тяжелая, особенно, когда на речке Опала поднималось волнение. Они не уступали взрослым, а те, в свою очередь, не давали им поблажки.

На все село Опала мой отец славился заготовлением рыбы на зиму, особенно балыка. Ведь и коптить рыбу — это целое искусство, до сих пор помним этот непревзойденный аромат копченой красной рыбы. И еще, приезжая с охоты, отец всегда привозил нам детям гостинец «от зайки» — замерший сухарик. Ничего вкуснее этого гостинца у нас не было.

ДОБАВЛЕНИЕ ОТ ДОЧЕРИ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛЮБОВИ ГЕОРГИЕВНЫ СЛУЖАЕВОЙ (ДЕВ. КОЛЛЕГОВА)

Дорогие наши, самые любимые и близкие, родные и очень родные! Хочу присоединиться к «Исповеди старого камчадала» и вспомнить хорошие моменты нашей жизни, когда мы (младшие сестры) еще учились в школе. Это было прекрасное время, в школе работали кружки по химии, физике, литературному чтению, самодеятельность к каждому празднику, туристические походы, спортивные соревнования и школьные вечера.

На мой 50-летний юбилей младшая сестра Таня, поздравляя меня, спросила: «Люба, а как мы выжили, ведь мамы уже не было, а вскоре и папу парализовало». Я ей ответила: «Это заслуга наших родителей, которые очень хотели видеть нас грамотными и хорошими людьми, а школа в этом сыграла важную роль». Но мы были не одни, с нами жил брат Юрий, а рядом с семьей и брат Анатолий, старшая сестра Глафира работала врачом и была нашей опорой и «второй мамой». Я до сих пор не могу ее забыть, она ушла из жизни в 2012 году. Очень спокойная, внимательная, отзывчивая, хорошо знавшая всю родню. Для нас – авторитет и гордость всей большой семьи.

Сестра Надя – ветеран Сбербанка. После переезда в Петропавловск-Камчатский работала в Сбербанке на ул. Советской и многие мои коллеги (я в то время работала в бюро погоды на Партизанской) говорили мне, какая у тебя симпатичная и приветливая сестра. В детстве мы бывало ссорились и знаете, из-за чего: у нас с ней были распределены обязанности по дому. Я отвечала за порядок в комнатах, где мы спали, а Надя – за кухню. Как-то раз, уже будучи немолодыми, я приехала с дачи к ней на день рождения. Привезла все, что вырастила и мы сели за красивый, праздничный стол. Стали вспоминать детство и вдруг Надя заплакала. Вначале я удивилась, а потом так хохотала. Оказывается, она была в обиде на меня за то, что ей досталась уборка кухни. Я ей ответила, что мои труды прошли не зря, у тебя всегда дома чистота и порядок, а на кухне особенно.

Сестра Таня. О нашей Танюше писать тяжело. Мы все ее очень любили, она самая младшая и многое она не могла помнить из детства. При наших встречах, когда собирались у Глафиры на Моховой (а жила она у нее), спрашивала, а какая была наша мама, как пошла в 1-ый класс. Надя Ерошевская – наша подруга детства и родственница (вышла замуж за двоюродного брата Игоря Логинова) говорила ей: «Это я тебя в 1-ый класс за руку отвела». Умница, заводила, любила ходить в походы, где встречалась со многими интересными людьми. Работая директором Камчатской областной библиотеки, она организовала свою деятельность так, что каждый мог к ней зайти и получить ответ на все вопросы, а ведь эти годы были не простые (начало 90-х годов). Ушла из жизни в 44 года так неожиданно, что я долгое время не могла без слез проезжать остановку «Областная библиотека». Помним всех – родителей, братьев и сестер, родных и близких нам людей.

О себе. Время летит быстро, когда тебе уже 70 лет. Да, мы с Вадимом остались вдвоем, но память о прожитых годах, о времени, когда мы жили большой дружной семьей, не ушла без следа. Остаются наши дети, внуки, племянники и племянницы, правнуки.

Рада за брата Вадима, что он взял на себя это замечательное поручение за всех нас. Говорили давно, что надо оставить воспоминания о нашем клане Коллеговых, но как-то все не шло. Часто встречаемся со всеми родными на вечерах, которые организовывает наша краевая библиотека и тогда такая радость всех охватывает. Коллеговы, Селивановы, Логиновы – эти фамилии узнаваемы на Камчатке. Наши предки заложили основы будущей жизни для нас и мы ими гордимся.

О братьях.

Анатолий – старший брат. Как-то наша тетушка Наталья Алексеевна Логинова (сестра папы) сказала: «В этой семье есть свой Шаляпин и это Анатолий». Очень хорошо пел, а любимая его песня «Помнишь мама моя, как девчонку чужую я привел к тебе в дом и тебя не спросил». Эта была Мария Сергеевна, которая сейчас живет в Камчатском совхозе и помогает растить своих внуков и правнуков. Родная душа, которой мы все доверяли и любили. Спасибо тебе, Маша.

Брат Юрий. С ним я прожила до окончания 11 класса. Помню, когда он приезжал на побывку со службы в морских частях, то девушки проходу ему не давали. Мама очень любила его, а папе он был помощником на охоте, на рыбалке и помогал братьям учиться в институте.

Братья мои Вадим и Виктор. Застала еще то время, когда мы учились вместе в школе. Вадим старше на 9 лет, а Виктор на 5 лет. Была у меня в начальных классах подруга Ольга Жаркова, жила она на реке Косоево и после школы, чтобы дойти до ее дома, а это где-то 15 км, часто заходила к нам. Братья над ней посмеивались и пели: «Ольга Жаркова, честное слово, мы потеряли покой». Вспоминаю, как братья готовились к весенней охоте. Приходили их друзья и в комнате все было ими занято. Делали чучела уток, красили, забивали патроны. У нас дома было большое количество пороха, дроби, патронов. Все это хранилось в гардеробе, но никогда никто просто туда не залазил – опасно. О Вадиме могу сказать, он приучил нас, сестер, при встрече его целовать и это ему удалось.

О Викторе. Любил петь и рассказывать анекдоты. Когда приходили его друзья с Камчатрыбпрома, в квартире стоял такой смех. Мы знали все его песни и пели вместе. Веселый и гостеприимный – таким мы его все запомнили. Вспоминая нашу маму, он говорил: «А помнишь, как мать нас зовет домой и начинает перечислять всех, но уже каждый из нас знал, кого именно».

Заканчивая воспоминания о наших родителях, братьях и сестрах, хочу сказать, что семья очень многое значит в жизни человека. Мы учились друг у друга, брали все хорошее, а плохое осуждали, дружили и встречались с большой нашей родней, уважали старших и чтили их память. Пожелаю своим детям: Диме, Насте, внуку Никите не забывать, что главное в жизни – память, уважение, доброта и любовь.

С уважением ко всем, Любовь Георгиевна Коллегова-Служаева

Мои родители прожили в Опале до 1952 года. А летом 1953 г. приехали в г. Петропавловск-Камчатский. Мама уже не работала, дома по хозяйству занималась, а папа работал на СРВ (судоремонтная верфь) на пилораме. Оттуда в 1965 г. на пенсию ушел. В 1966 г. они приехали в г. Ейск Краснодарского края и жили у дочери, Натальи Иннокентьевны. Папы не стало 30 сентября 1974 г., а мамочка ушла в мир иной 4 сентября 1990 года.

У моих родителей родились девять детей, но в настоящее время живы только пять человек: Ерыгина Зоя Иннокентьевна — 30 ноября 1929 г. Учитель младших классов. Отработала в школе г. Новороссийска ровно 50 лет «от звонка до звонка». Награждена нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР» в 1976 г. Имеет дочь Ольгу и сына Владимира.

Дмитриева Наталья Иннокентьевна — 19 февраля 1931 г. Преподаватель математики. По сложившимся обстоятельствам (муж военный) она проработала учителем в интернате для глухонемых детей в г. Ейске Краснодарского края. Наташа была для этих детей мамой, няней, учителем. Имеет сына Сергея.

Савченкова Надежда Иннокентьевна — 29 января 1934 г. Работала радистом в Радиоцентре Камчатрыбпрома. Радисты со всех судов стремились работать с Надей, узнавая ее «почерк» передачи, приема в эфире. Имеет два сына, Александра и Владимира.

Маркелова Татьяна Иннокентьевна — 11 мая 1945 г. 25 лет проработала техником конструкторского отдела в ЦПКТБ Камчатрыбпрома. Имеет двух дочерей, Елену и Викторию.

Коллегов Николай Иннокентьевич — 10 мая 1942 г. Закончив Камчатское мореходное училище в 1964 г., начал свою трудовую деятельность в УТРФ судоводителем. С 1971 по 2002 гг. он проработал капитан-директором на многих судах Базы океанического рыболовства (БОР). С 2002 г. — капитан-наставник. Имеет множество наград и медалей, является заслуженным работником рыбной промышленности РФ. Имеет двух сыновей, Владимира и Руслана.

Рано ушедшие братья Евгений и Володя всю жизнь посвятили морской профессии.

Все, что мы получили в этой жизни — это заслуга наших родителей: Коллегова Иннокентия Михайловича и Коллеговой Матрены Кирилловны.

Наши родители могли бы по праву гордиться своими внуками и правнуками.

Низкий поклон им до самой земли и светлая память.

Послесловие

Коллеговы были в числе первых священников не только на Камчатке. Вот, что пишут хабаровчане:

«Кто же были первые хабаровские священнослужители? В одном из своих писем конца 1858 — начала 1859 г. святой равноапостольный Иннокентий пишет, что в Хабаровке уже есть священник, временно командированный туда из Николаевска — отец К. Коллегов, “который может там остаться и на будущую зиму”» (1, с. 114). (К слову, «Коллегов» — фамилия весьма распространенная среди дореволюционного духовенства Камчатки и Приамурья).

Возможно, именно потомки Лыкоча (если это только не однофамильцы) продолжают службу и сегодня во Владимирской области:

Архиерейская служба под престольный праздник св. блг. кн. Александра Невского

«Немного неожиданно, но от этого еще более радостно, было прибытие 11 сентября в Судогду на всенощное бдение под престольный праздник Александра Невского Управляющего Владимирской Епархией архиепископа Евлогия. В этот день одиннадцать священников сослужили правящему архиерею. Святительская молитва, назидание священникам и проникновенная проповедь владыки затронула многие души.

По окончании богослужения, за братской беседой вспомнили и отчасти подвели некоторые итоги семилетнего служения в храме благоверного князя Александра, наметили некоторые планы к улучшению дальнейшего служения. Владыко поблагодарил священника Павла Коллегова за проповедь и преподал архипастырское благословение на дальнейшие труды настоятелю, клиру и прихожанам святого храма. На следующее утро, в день памяти блгв. кн. Александра Невского в Судогодском храме, носящем его святое имя, была торжественно соборно отслужена божественная литургия. Хотя прихожан было не так уж и много, однако все обратили внимание на некую благодатную молитвенную тишину, царившую на богослужении. Настоятель храма в своей проповеди обратил внимание прихожан на богатый примерами опыт для жизни современного человека, находящийся в житии благоверного князя».

† Коллегова Матрена Кирилловна с детьми: Володя, Надежда, Николай и Татьяна, 1948 г.

† Коллегов Иннокентий Михайлович, Коллегова Матрена Кирилловна со старшими внуками: Александром, Сергеем, Владимиром. г. Ейск, 1970 г.

Коллегов Николай Иннокентьевич

Капитан дальнего плавания (10.05.1942).

Родился в посёлке Опала Усть-Большерецкого района Камчатской области.

1959–1964 – закончил судоводительское отделение ПКМУ на штурмана дальнего плавания, в УТРФ с 1964 года, матрос.

1966 – получает рабочий диплом штурмана малого плавания, № 74/66 от 20.05.1966, в ПМРП и назначается 3-м помощником капитана БМРТ «Николай Островский».

1968 – переводится в УОР (01.04.1968), 2-й помощник, старший помощник БМРТ.

1977–2002 – капитан-директор БМРТ «Мыс Таймыр», «Кушка», БАТМ «Соколово», «Байковск», «XX съезд ВЛКСМ», «Бабыкино», «XXVI съезд КПСС», «Московская олимпиада».

2002 – капитан-наставник Океанрыбфлота.

2007 – вышел на пенсию.

Коллегов Геннадий Павлович

Капитан дальнего плавания (1944)

1961–1966 – закончил судоводительское отделение ПКМУ, в УТРФ с 1966 года.

1968 – получает рабочий диплом ШМП и переводится в Управление промысловых флотилий КМПО, 3-й, 2-й, старший помощник капитана промысловых судов.

1975 – получает диплом ШДП и назначается капитаном СРТМ-800.

1993 – поступает в ЗАО «Камчатимпэкс» и назначается капитаном МТФ «Иоланта» для перегона из Норвегии в Петропавловск-Камчатский.

1994 – возвращается в «АКРОС».

1999 – вышел на пенсию.

из книги А.Н. Якунина

«Дальрыба – Камчатрыбпром.

Организаторы рыбного хозяйства и альманах промысловых капитанов»

КРАВЧЕНКО

Большерецкие крестьяне (вполне возможно, что из бывших казаков).

Принимали участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Алексей, Власий, Петр Кравченко.

Интересное сообщение в свое время сделал Дмитрий Павлович Логинов, автор книги «Большерецкие беглецы»:

«Моя мать — дочь казаков Кравченковых. Похожа была на курилов. Предки матери славились пышными чубами, что передалось и всем нам, кроме Михаила».

Кравченко Неонила Ивановна, 1880–1934 гг.

Дети: Николай (1904–1980 гг.), Дмитрий (1910 г.), Михаил (1913 г.), Павел (1915–1981 гг.), Марфа (1906–1985 гг.).

Кравченко Иван Петрович, родился в 1904 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; образование высшее начальное училище; б/п; был бухгалтером АКОторга. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арестован 29 июля 1938 г. Приговорен: Усть-Большерецким РО НКВД 14 февраля 1940 г.; обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 26 ноября 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

По архивным материалам за 1893 год в с. Большерецк проживали:

Кравченко Ольга Петровна, вдова крестьянина Ивана Кравченко, 50 лет, и ее дети: Петр (28), Пахом (26), Гавриил (23), Иннокентий (12), Александра (14). Власий Еремеевич Кравченко (26) с братом Алексеем (19) и сестрами Марфой (22) и Неонилой (15 лет).

ЛОГИНОВЫ

Первое слово мы даем Дмитрию Павловичу Логинову — автору книги «Большерецкий острог», где есть отдельная главка.

Мои родители и предки

Сколько родила мать детей в общей сложности, мне доподлинно не известно. По рассказам старшего брата, их было, вероятно, с десяток, из которых только половина осталась в живых, родившихся в следую-

щих годах: Николай — 1904, Марфа — 1906, Дмитрий — 1910, Михаил — 1913, Павел — 1914.

Кроме Михаила, неизвестно куда потерявшегося на материке в 1930 году, остальные трое мужского пола, работая главными бухгалтерами в разных отраслях народного хозяйства, дожили до пенсионного возраста и так же, как и их сестра, продолжают пребывать сейчас, в канун 1979 года, в добром здравии.

Заботы о воспитании нас в основном лежали на матери, Неониле Ивановне, женщине с прямыми, жесткими и черными волосами на голове и заплатами веснушек на смуглой коже лица, которые, к счастью, слабо замечались на ее слегка скуластом облике.

Кроме многих домашних забот, как-то уходе за скотом, разделке рыбы и заготовке летом сена, она в свободное от уличных работ время, усевшись возле оконца с четырьмя четвертушками, сучила жильные и крапивные нитки, которыми шила на руках для всех одежду и торбаса.

Родилась моя матушка, вероятно, в 1880 и скончалась в 1934 году, так и не научившись грамоте. Ее отца с матерью, по фамилии Кравченковых, я не помнил, а знал только лишь старшего брата Власия, большого шутника и просмешника, служившего в молодые годы, кажется, казаком.

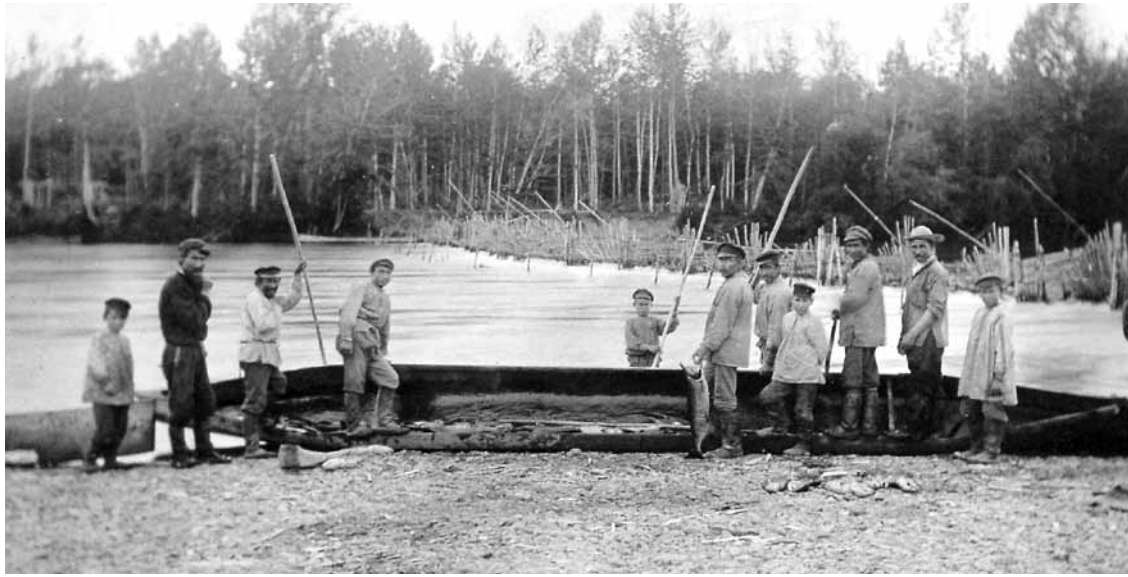
Кроме Власия, хорошо знал его сестру, а мою тетушку Марфу, отличавшуюся с упомянутым братом от младшего Алексея копной черных и курчавых волос на голове. Такие шевелюры унаследовали и все мы четверо, за исключением сестры.

Отец мой, Павел Константинович Логинов, родившийся, очевидно, в 1869–1870 году, как глава семьи, кроме забот около домашнего хозяйства, часто отлучался на промысел зверя, совершал поездки зимой на северо-запад Камчатского полуострова, за село Соболево к корякам за оленьим мясом и их выделками из кожи и в город Петропавловск для реализации там добытой за зимний сезон пушнины и приобретения необходимых товаров.

Ежегодно летом, почти весь июль, вместе с остальными жителями села из числа взрослого мужского населения отец работал на рыбном промысле, где он и артельные вылавливали неводом горбушу и сдавали ее владельцу консервного завода, рыбопромышленнику Еновскому, зарабатывая на привозимые с материка продукты первой необходимости.

† Рыбный затор в селе Начики. Фото А.П. Сильницкого, фотоальбом 1901 г.

† Местное население за рыбной ловлей. Фото А.П. Сильницкого, фотоальбом 1901 г.

Наш кормилец имел образование, по всей видимости, свыше четырех классов. В период русско-японской войны 1904–1905 годов участвовал в дружине, боровшейся с японцами, пытавшимися высаживаться со шхун в устьях камчатских рек, за что наравне с другими односельчанами получил от Правительства медаль. Умер в 1923 году.

Заслуживают внимания родители и родственники моего отца. Они жили от нашей избы в пятидесяти метрах. Их семья была весьма многочисленной и, в сравнении с нашей и многими другими жителями Большерецка, считалась по меркам тогдашней культуры села необычно просвещенной.

Дедушка, Константин Петрович Логинов, надо полагать, имел образование более четырех классов, так как был псаломщиком. Но эта церковная специальность, позволявшая руководить на клиросе певчим хором, от хозяйских работ дедушку не освобождала, поэтому он работал по дому так же, как и всякий сельский труженик. А вот его брат Харлампий, по свидетельству моего брата Николая, был священником и в нашу детскую пору жил где-то на материке, кажется, в Приморье.

У Константина были братья, как я уже упоминал, Харлампий, Александр, проживавший на северо-западе Камчатского полуострова в селе Тигиле, и Петр. Были ли сестры, этого установить не удалось.

После смерти первой жены, то есть нашей бабушки Ассенефы, почтенный прародитель, оставшись с четырьмя детьми — Ульяной, Егором, Ольгой и моим отцом Павлом, вынужден был жениться повторно, взяв в жены слегка светловолосую Любовь, сестру местного аборигена Николая Ильича Селиванова, от которой имел совместных детей Домну, Антониду, Николая, Веринею, Марию и Елену.

Может быть, и не следовало знакомить читателя со всеми подробностями моей родословной, но мне думается, что человек любознательный и мыслящий найдет в упомянутых мною фактах некоторые сведения для сравнений и анализа.

Например: сравнивая с прошлым осведомленность в медицине современных родителей, заботу государства о роженицах и их детях, соответствующее питание и досмотр за ними, невольно даешься диву, как это моим «невежественным» прародителям удалось вырастить и воспитать своих десятерых отпрысков?

Посудите сами. Все черноволосые смугляшки совершенно не имели понятия о современных форточках и ходили в течение всего года по избе только босиком, не употребляли специальных витаминов и тому подобных тонизирующих снадобий, питаясь исключительно мясом, рыбой и картофелем. Даже такие необходимые компоненты рациона, как овощи и фрукты, без которых современных человек и тем более ребенок просто не мыслят существование, им тогда совершенно не были ведомы, а молоко и его продукты, имевшиеся в изобилии только летом, употреблялись весьма воздержанно.

Из числа детей дедушки наиболее колоритной личностью, запомнившейся мне, был дядя Николай Константинович, который, будучи юношей, какое-то время жил на материке у Харлампия, брата своего отца, получив там, по всей видимости, соответствующую грамотность, начитанность и бытовые навыки, присущие культурному семейству. Он с пользой для дома перенимал положительные новшества, к которым, глядя на него, приобщались и многие другие односельчане.

В мою бытность этот дядя, единственный в селе, раза два или три ставил под Новый год елку для всех ребят. Он умел готовить мороженое, пробовал разводить свиней и капусту. В их огороде росли кроме картофеля, репы и лука, обычных для всех жителей Большерецка, еще и свекла, морковь, укроп и салат. За грамотность, рассудительность и культурное поведение, Николая обычно выбирали артельщиком на рыбных промыслах, где ему поручалось вести переговоры с рыбопромышленником Еновским.

† Рыбопромышленники с местным населением, 1916 г.

Перед приходом советской власти его в городе Петропавловске посвятили в дьяконы. В 1933 году, наравне с частью жителей, он был репрессирован, и его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Отношения нашей семьи, считавшейся по достатку средней, с многочисленными жителями дедушкиного очага, приравнивалась к взаимозависимости бедных и не таких уж культурных родственников. Их состоятельность определялась наличием скота и прочего, такого же совершенно не товарного имущества, упомянутого в одном из приложений.

Где начинается родословная моих предков далее дедушки Константина Петровича, истинно установить не удалось и лишь можно догадываться.

В четвертом томе ученых записок Хабаровского государственного педагогического института, в «Диалектологическом очерке Камчатки» за 1968 год на 59-й странице написано: «Затем в результате активной миссионерской деятельности Хотунцевского школы были открыты 23 августа 1745 года в трех острожках — Нижнекамчатском, Верхнекамчатском и Большерецком, где к тому времени “утвердилось” христианство. Обучать малолетних камчатских отроков поручено было выпускникам Московской славяно-греко-латинской академии Грязнову, Камшигину, Серебрякову и Логинову». Далее в сноске говорится: «Петр Логинов… родом Новгородского уезда, попа Михаила Романова сын, от роду ему двадцать три года и шесть месяцев».

Принимая во внимание причастность дедушки, его брата и дяди к духовенству, часто повторявшееся среди моих предков имя Петр, невольно напрашивается вопрос: а не является ли тот самый учитель Петр Логинов моим дальним предком по мужской линии? От его брака с местной ительменкой, возможно, произошли и мы, являющиеся, по существу, метисами.

Законно могут возразить, что в то не христианское время, согласно Сенатскому указу от 2 января 1742 года, в пору массового крещения аборигенов и восприятия ими Христовой веры, бывшие иноверцы Камчатского полуострова, за отсутствием своих фамилий присваивали русские, от чего, мол, и получились Логиновы. Если рассуждать так, то откуда же тогда взялась в нашем роду тяга к известной нам интеллигентности многих вышеупомянутых Логиновых?

В данное время наследники моих тетушек и дядей разбрелись по всей стране так же, как и мои родственники, и лишь ограниченное число лиц живет на Камчатке, в основном, в городе Петропавловске».

Логинов Петр Михайлович

«Священник Петр Логинов, сын священника Новгородского уезда Илаго погоста, Богородско-Казанской церкви Михаила Романова, бывшего потом в Иверском монастыре на Валдаях иеромонахом, под именем Мефодия. С 1735 г. находился Петр Логинов в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. из школы Синтоксимы поступил в камчатскую миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского. При выезде обратно миссии добровольно пожелал остаться в Камчатке. В 1761 г. в Иркутске от епископа Софрония принял священство и поступил к Большерецкой церкви на место выезжавшего отсюда священника Сивцова. Скончался в Большерецке 11-го апреля 1771 г., по утру, 54».

В семейном предании Логиновых остается мысль, что смерть заболевшего священника Петра Логинова была ускорена Бениовским через дачу какого-то порошка. Она нужна была Бениовскому для того, чтобы иметь предлог вызвать в Большерецк для отпевания Логинова священника Устюжанинова (*РГИА ДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 19; «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861, Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»*).

В 1878 году, в прибавлении к иркутским епархиальным ведомостям № 12 от 25 марта и № 13 от 1 апреля, была опубликована прелюбопытная история — «из давних камчатских событий», как гласил подзаголовок. А сама история называлась «Подъячий Иван Рыщков». Мы приводим эту историю целиком, потому что она весьма колоритна, как для минувшей эпохи, так и для нашей книги.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

МАРТА 25 № 12 1878 года.

Подъячий Иван Рыщков

Назначенная, по повелению Императрицы Елисаветы Петровны, 1-го февраля 1742 года, в Камчатку, духовная миссия под начальством архимандрита Иоасафак Хотунцевского, и, по выезде его из Камчатки, остававшаяся с 1750 года под управлением, преемствовавшего Хотунцевскому, архимандрита Пахомия, в 1761 году признана от правительства назначение свое окончившею. Продолжать же дело миссии предоставлено было проповеднической свите, которая, по представлению иркутского епископа Софрония, должна была состоять, вместо архимандрита, иеромонахов и иеродиакона, из протоиерея, двух священников, диакона и двух, остававшихся ото миссии, студентов.

Архимандритом Хотунцевским, между прочими членами миссии, завезен был в Камчатку студент московской славяно-греко-латинской академии из класса пиитики Стефан Никифоров. Женившись здесь, он выезжал в Иркутск, и 6 января 1758 г. от преосвященного Софрония в кафедральном соборе принял руковоложение во священника. По возвращении в Камчатку, когда монашеской здесь миссии повелено было прекратить свои действия, священник Стефан Никифоров поставлен был управителем камчатских церквей и духовенства. Он признал необходимым иметь для письмоводства особого подъячего, и таковым нанят был за сто рублей в год некто Иван Рыщков. Это был один из искателей приключений, Оренбургской губернии, челябинской крепости посадский человек, в 1758 году бросивший на родине жену и детей, и бродивший по Камчатке под видом челябинского купца.

Логинов Иван Петрович

Сын Большерецкого священника Петра Михайловича Логинова, отец Ксении Ивановны Логиновой (Кохрен, Анжу) и Петропавловского священнника, участника обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в 1854 г. Георгия Ивановича Логинова. Священник, разжалованный в дьячки.

Как мы видим, между светской и духовной властью на Камчатке были весьма сложные и напряженные отношения. Не миновала «чаша сия» и Ивана Петровича Логинова.

«Иркутские епархиальные ведомости», 1880 г., № 17. Александр Кириллов «Отношение начальников Камчатки Кошелева и Петровского к камчатскому духовенству (краткий исторический очерк)», стр. 206: «Первый шаг к самовольным действиям, в которых выказывалось нарушение законов церковных и гражданских, Кошелев сделал в 1806 г. В декабре месяце сего года камчатское духовное правление, основываясь на резолюции преосв. Вениамина: “Неисповедовавшимся один или два года исповедаться в последующий пост с положением по сто поклонов в церкви при народе за каждый год”, прошло иркутскую консисторию наложить подобную эпитимию на всех не бывших у исповеди и св. Причастия. Кошелеву из переписки с духовным правлением по этому делу хорошо было известно, на каком основании оно так действовало. Но несмотря на это, он приказал отменить эпитимию, назначенною епархиальной властью. Вместо этой эпитимии он силою своей власти на небывших у исповеди и св. Причастия наложил денежный штраф в пользу устраивающейся в Малковском селении при горячих ключах больницы. Таким образом, распоряжение епархиальной власти Кошелев не только не считал имеющим законную силу, но и нашел возможным самолично отменить его. После этого он уже не стал стесняться законами церковными и дал место полному произволу в отношении своих к духовенству. Удобный случай для этого скоро представился. Открылось следствие по делу о заговоре на жизнь генерал-майора Кошелева. Выведенный из терпения упорным молчанием протоиерея Никифора Никифорова, который, по донесению следственной комиссии, не желал давать никаких показаний по этому делу без разрешения епархиальной власти, Кошелев 7-го января 1807 г. устранил его от должности присутствующего в духовном правлении, назначив на его место священника Верещагина, и запретил священнослужение. Для приема

архива тотчас же назначена была особая комиссия, в состав которой вошли: заседатель 12 класса Ламакин, поручик Линденау 2-й и прапорщик Ленштет. Общим присутствием поручено было ей только принять архив от Никифорова, но Кошелев, узнав об этом, велел произвести ревизию его. “Всякую бумажку особенно рассмотреть”, — писал он по этому поводу общему присутствию, сверить с регистрами или журналом, так как им (членам комиссии) поручено обревизовать, а не сдать архив. Комиссия, как и следовало ожидать, при ревизии нашла дела в духовном правлении не в надлежащем порядке. Поэтому архив, по приказанию Кошелева, был опечатан и к нему был приставлен постоянный караул. Для ведения же дел в правлении, назначенному присутствующим Верещагину, выданы были новые книги за подписью и печатью генерал-майора Кошелева. Кроме ревизии архива комиссии поручено было вместе со священником Верещагиным освидетельствовать во всех камчатских церквах книги, утварь, церковные суммы и пр. При этом для руководства ей дана была особая инструкция, в 9 пункте которой, между прочим, изложено было следующее: “поставить себе за предмет, не имеет ли кто — священники, церковные служители и камчадалы — обид или чего другого, как-то: получают ли духовные свое довольствие и не отнимается ли от церквей их протопопом каких доходов, а последние не видят ли излишнего запрещения или вымогательства подарков и дачей может страха ради, или под видом какого благочиния, что с непросвещенным народом легко сделать можно; а при том как священники и протопоп Никифоров по уездам и селениям исправляют свой долг”. К чему клонился подобный пункт инструкции, это понятно. И действительно, Кошелев будто бы в видах и интересах удовлетворения казны и частных лиц, скоро нашел нужным наложить секвестр на имение протоиерея Никифорова и жены его. Вслед за устранением от должности протоиерея, Кошелев запретил священнослужение нижнекамчатской церкви Никифорову и стал преследовать священника Логинова. Причиною к устранению от должности первого и к запрещению священнослужения общее присутствие выставило прелюбодейство, участие в компании Козельского, допущение в дом к себе арестованных офицеров для составления жалоб на Кошелева и др. преступления. Следствие об этом производилось в общем присутствии 11 января 1807 года, а 3-го февраля по распоряжению Кошелева было секвестировано имение подсудимого диакона, и вместо свитского оклада ему назначают уменьшен-

Класс пиитики не мог ручаться за дальнейшую ученость священника Стефана Никифорова. Но добрые о нем отзывы архимандритов Хотунцевского и Пахомия обратили на него особенное внимание иркутского преосвященного Софрония, который, по новом вызове в Иркутск, возвел его 2 декабря 1762 года в сан протоиерея, с предоставлением начальствования как над духовною проповедническою свитою, так и над всем камчатским духовенством, под общим тогда всем уездным протоиереям наименованием закащика. В Иркутск и обратно в Камчатку Никифорову сопутствовал подъячий Рыщков.

По прибытии протоиерея Никифорова на обратном пути в Охотск, ему нужно было иметь по многим делам сношение с местным светским начальством, и здесь-то открылось подъячему Рыщкову довольно обширное поле для крючкотворной деятельности. Его напоминания охотской канцелярии и, ***чтоб истина какою ухищренною силагисмою для опровержения известной промемории по неким фоутам фарватерною миною туне не могла скрываться***, – разумеется, не могли понравиться охотскому начальству, и за это протоиерей Никифоров, из-за своего едкого подъячего должен был прожить целый год в Охотске, под тем предлогом со стороны охотских властей, что не открывается возможности (хотя и была полная) препроводить его в Камчатку.

В это время Рыщков придумал улучшить свое состояние, вместо ста рублей получать вдвое. Один из двух зачисленных в новую проповедническую свиту студентов, остававшихся от прежней миссии, из Камчатки выбыл. *И всенижайший раб*, как называл себя перед протоиереем Рыщков, подал протоиерею просьбу такого содержания, что он Рыщков соболезнует о камчатских причтах, на которые упадает раскладка ста рублей, опре-

ОЛЕННЫЕ КОРЯКИ. | KORIAKS NOMADES.

деленных ему за письмоводство при свите, что это для них не без тягости за тем, что в тамошних местах безхлебных и потому преубогих акциденция от нарохиан (*так в тексте – С. В.)* не зависит дачею довольного трактамента, который позволен им в духовном регламенте, вследствие сего просит зачислить его в свиту студентом. «Изволь, любезный!» был ответ протоиерея. Тут же камчатские причты обвещены, разумеется. Самим Рыщковым составленными указами, что по поданной де к проповедническим делам в силу формы от челябинского купца Ивана Рыщкова просьбе удостоить, и удостоен, за неимением других достойных, на указное студенческое жалованье (200 руб.) И в подъячие, и приведен к присяге. Рыщков, по принятии присяги, дал обычную тогда подписку в слышании указа 24 декабря 1714 года о нелихоимстве, и прибавил: *разве точию не от скорби и не от нужды, доброхотна бо дателя любит бог*. Затем следовали дополнительные подтверждения, чтоб Рыщкова за действительного студента признавать, и чинить ему достодолжное послушание, яко назначающемуся быть экзаменатором всех школьников в Камчатке (школ от миссии оставалось в Камчатке 14).

Но за этими удачами начались для Рыщкова и не совсем красные дни.

Для образования Камчатки и для устройства ее приезжал сюда полковник Плениснер. Исполнив порученное, он выехал в Охотск, а управление Камчаткою поручил капитан-лейтенанту Извекову. К этому Извекову отнесся протоиерей Никифоров о даче ему подвод на проезд из Большерецка в Нижнекамчатск с дьяконом и со студентом Рыщковым. Извеков отвечал, что Рыщкова не только за студента, да, как безпаспортного, и за посадского челябинского не признает, а потому требует от него сказку. Иначе, после публикованных указов о бродягах, возьмет его в солдаты; а протоиерею, самовольно нарекшему Рыщкова студентом, поставляет на вид, что бывший командир Камчатки Чередов, державший подобного устюжанина Обухова, заплатил за него все содержание, и оба в 1762 году были вытребованы из Камчатки к ответу.

Коротинов острович

ный приходский. Что же касается враждебных отношений Кошелева к Логинову, то источником их была месть первого последнему за добрые отношения к преследуемым протоиерею и диакону Никифорову и вообще за ту свободу, с которой высказывался Логинов о независимости епархиальной власти от гражданской. Ближайшим же поводом к открытой вражде Кошелева к нему послужило след. обстоятельство; в праздник Пасхи 1807 года при богослужении Логинов уносил с амвону крест в алтарь для целования прежде других протоиерею и диакону Никифоровым, которых Кошелев считал не достойными не только этой чести, но и требовал, чтобы их совсем не впускали в алтарь! Конечно, Логинов в этом случае поступил на основании церковной практики, но для Кошелева, который не хотел знать и законов церковных, какое значение могла иметь церковная практика? В таком поступке Логинова он видел для себя кровную обиду и оскорбление своей власти. Поэтому ничего нет удивительного в том, что он завязал переписку с духовным правлением по этому предмету и требовал от Логинова объяснения: на каком основании он уносил с амвону крест для целования в алтаре протоиерею и диакону. “За это”, — писал он в одном отношении духовному правлению, — “следовало бы Логинова посадить на гауптвахту, в пример, но прошу правление наложить на него приличное по законам наказание”. После этого он стал мстить Логинову за свою обиду, и месть свою начал высказывать след. образом: Логинов по определению преосв. Вениамина Иркутского и Нерчинского, от Тигильской Христо-Рождественской церкви был переведен в Нижнекамчатск в свиту, и с 1 июля 1806 г. ему следовало получать свитский оклад жалованья. Но целый год прошел в напрасных просьбах об этом пред Кошелевым, последний и знать ничего не хотел, кроме того, чтобы отрешить Логинова от церкви, каким предложением он каждый раз отвечал, когда духовное правление просило его об удовлетворении этого священника жалованьем. Причины он выставлял всегда одни и те же: дурное поведение, нерадение и пьянство Логинова. При этом он указывал правлению на то, что в бытность Логинова при Тигильской церкви, в 1790 г., исправник Шмалев обрил ему бороду. Этот факт, свидетельствующий о самодурстве гражданских чиновников в Камчатке, случился в марте месяце 1790 г. Секунд-майор Шмалев вместе с сержантом Червениковым пригласили Логинова в гости в дом последнего и здесь обрили ему бороду. Брат Логинова, дьячок, видя эту сцену, заметил Шмалеву: “Не хорошо

чинить такое ругательство над священником", но за это получил от него пощечину и угрозу испытать удовольствие плетей, как недостойному, и ссылался на тот факт, что Логинов прежде исследования дела приобщил св. Таин камчадал Пирожниковского селения Кузнецова и жену его, которые выдавали себе: первый за Христа, а последняя за Богородицу, признав их сумасшедшими. Но факты эти взяты из прошлой жизни Логинова и не дурное поведение его служило действительно причиною нерасположения к нему Кошелева, но, как мы замечали, добрые отношения его к преследуемым протоиерею и диакону и вообще неспособность унижаться перед гражданскою властью. На преследования и притеснения отдельных личностей из камчатского духовенства не остановился. Сознавая незаконность своих действий и боясь ответственности за свои поступки, он стал обвинять теперь пред преосв. Вениакмином и св. Синодом все камчатское духовенство в дурном поведении и в пренебрежении своих обязанностей. Не представляя никаких фактов, свидетельствующих о дурном поведении духовенства, он между прочим писал в своих доносах "о развращенном поведении священников и начальников их, которые оставили и священные узаконения, и долг своего пастырства, уклонились только в постыдное и богопротивное пьянство, он, не будучи в силах вдруг отклонить такое найденное им во всех частях зло, относился несколько уже раз к духовному правлению, дабы оное и по должности своей, что приносило государственным делам вред от священников, пресекло, оставляя впрочем исправление поведения и трезвой жизни совести самих начальников; но все это осталось в своей мере и не только происходит от священников явный соблазн и презрение святости, как-то: явно жили прелюбодеями и совершали священнодействие, не брегли о храмах и оставляли по прихотям своим в праздничные дни службу Божию в безпрепятственном пьянстве, обличались в различных предерзостях, но и сами начальники духовного правления тоже делали и сами тому всему были причиною". Кроме того, он обвинял духовенство еще "в величайших расхищениях церковных сумм". "Разстроив управление и порядок во всех частях, Кошелев возбудил такое неудовольствие и ненависть во всех жителях Камчатки, что для собственной защиты потребовались одобрительные подписки последних. Акт отбирания этих подписок был последним актом той комедии, которую разыгрывало областное правление во все время управления Кошелева Камчаткою, постоянно чувствуя и действуя в унисон

Пошумело в обоих ушах подъячего Рыщкова. К тому подошли два пренеприятные для него известия. Иркутская консистория отказала ему в звании студента, а челябинская ратуша настоятельно требовала его высылки из Камчатки. Что тут делать? Он предложил протоиерею написать в Иркутск, что если возьмут из Камчатки Рыщкова, то он отказывается от должности закащика. Но и это обезпечение было ненадежно. Наконец Рыщкова вывел из затруднения непредвиденный случай.

По природе развратный командир Камчатки Извеков, пользуясь своим грозным влиянием, на Рыщкова, а следовательно на все камчатское управление, бывшее в руках последнего, дошел до последних степеней распутства. Пьянство и картежная игра были обычные его занятия. У исповеди и св. Причастия не только сам не бывал, но богохульствовал, что и всем без этого обойтись можно. Кроме открытого содержания наложниц, отнимал жен и дочерей, и днями явного сквернения выбирал нарочитые праздники, которые требуют особенной чистоты, например день Благовещения; приказывал приводить к себе женский пол и даже из церкви. Сам ни в Рождество, ни в Пасху в церкви не бывал, а о царских днях и думать не хотел. В пьяном виде, вооруженный пиками и пистолетами, ходил по Большерецку, где была резиденция командира камчатского; а ночью бродили вооруженные пьяницы по разным безнравственным его поручениям. Об отношениях Извекова к духовенству и говорить нечего. Он презирал его и стеснял как в содержании, так и в деле проповеди. Возмутительные дела Извекова не могли не услышаться в Охотске, где, по выезде из Камчатки, оставался Плениснер. Увидев свою страшную ошибку в поручении Извекову управления краем, он написал, что «Извеков по своим мерзостям не только Камчаткою, но и капральством командовать не может, а потому обязывается сдать должность посылаемым из Охотска прапорщикам Рахвалову, Норину и Попову». Тут-то пригодился развратнику подъячий Рыщков. Он дал Извекову совет приказ Плениснера сообщить проповеднической свите, и от лица протоиерея написал, а протоиерей под-

The INSIDE of a WINTER HABITATION, in KAMTSCHATKA.

писал следующих Извекову отзыв: «Точию мы протопоп, не ведав и не признав за вашим высокоблагородием никаких слабостей и противных законам поступков, на оный полковничий ордер не утверждаемся, и за тем вашего высокоблагородия респект характира за самочестного штаб-офицера, благоразумного команде вашей правителя, вождя, а паче протектора и главного всех командира признавая, несумненно почитаем, и всегда ведав благостоятельную вашего высокоблагородия оффицию нерушимо честь хранить имеем. Ибо не обличенного, хотя бы кто из нижночиновных был, прежде времяни за подозрительного признавать не должно; кольми паче ваше высокоблагородие, яко главный светский здесь командир до юстиции касающихся дел (аще бы когда оные и случиться имели), в афронте и нарекании быть не можете. И о том о всем вы, господин капитан-лейтенант и камчатских острогов главный командир Извеков, благоволите при неуведаемой чести быть известны. 12 декабря 1766 года».

За этот панигирик Извеков ухватился, как за спасительный якорь, и принес жалобу Сенату, приложив многогрешную бумагу протопопа; а должности не сдал. Следствием было то, что Извеков оправдан, а Плениснер завинен в самоуправстве. Послужил же представитель веры и благочестия края, разхвалив развратника – злодея, от которого сам терпел, терпело все духовенство, на которого горько жаловался весь Иркутск! За то свободно вздохнул Рыщков; он не боялся пока челябинской ратуши.

С оправданием Извекова совпала тяжкое, небывалое в Камчатке, бедствие, – посещение оспою, которая завезена была в 1768 году на одном пришедшем по распоряжению Плениснера из Охотска судне. Пьяный Извеков опомнился и распоряжения его на сей раз были умные. Он велел камчадалам из летних балаганов переселиться в зимние землянки, не выходить из них ни за какою надобностью, не есть соленой рыбы, не пить холодного, но есть рыбу свежую, вареную и пить теплую воду, и даже для наблюдения за этим предста-

A MAN of KAMTSCHATKA, TRAVELLING in WINTER.

со своим начальником. Дело же велось так, что правление, собрав представителей всех сословий Камчатки и вообще кого можно было, одних упрашивало подписывать наперед заготовленные подписки, других принуждало силою, если не действовала просьба, подписываться за отсутствующих. При такой манере действий областного правления, как и следовало ожидать, все рекомендательные подписки представляли Кошелева образцовым и, пожалуй, беспримерным начальником Камчатки. По одному документу содержание их было следующим: «все единодушно говорили, что желают, чтобы Кошелев всегда был начальником Камчатки; готовы его отсюда не отпускать, готовы с ним умереть, потому что он начальник безпримерно справедливый, защитник невинности, возстановитель тишины и спокойствия, истребитель злоупотреблений, злоухищрений и варварства, и без него здесь были только безначалие и безбожие».

Никифорова и Логинова за их противостояние Кошелеву тогда начальство оправдало. Следствие о злоупотреблениях Никифора Степановича и Ивана Петровича велось четыре года, вели следствие — священники Георгий Лазарев и Алексей Логинов, родной брат Ивана Петровича. Но это не спасло от наказания — позже, но уже за пьянство, Иван Петрович был «разжалован» в дьячки.

В числе священно- и церковнослужителей Логиновых в 1808 году иеромонах Гедеон, проводивший ревизию камчатских церквей, отмечал следующих (он писал фамилию через два «г» — Логгинов):

Священник церкви Успения Божьей Материи и Святителя и Чудотворца Николая в Нижнекамчатске — Алексей Петров Логгинов.

Дьячок Большерецкой церкви Успения Пресвятой Богородицы — Иван Петров Логгинов.

Пономарь Большерецкой ценркви — Петр Николаев Логгинов (вероятно, сын Николая Петровича, одного из старших сыновей Петра Михайловича).

Пономарь Гаванской (Петропавловской) церкви Рождества Пресвятой Богородицы — Алексей Николаев Логгинов.

Пономарь церкви Рождества Христова в Тигильской крепости — Михаил Алексеев Логгинов (сын нижнекамчатского священника Алексея Петровича).

У Петра Михайловича, по некоторым данным, был еще сын Герасим, о судьбе которого нам ничего неизвестно. И, возможно, еще один

сын Иван, который был юнгой в команде знаменитого авантюриста Беньевского, поднявшего на Камчатке Большерецкий бунт, вошедший в мировую историю, и бежавший с Камчатки в Кантон. Юнга Иван Логинов погиб на острове Формоза в стычке с местными жителями, принявших их за разбойников. Других мальчишек Логиновых в тот год в Большерецке не было и быть не могло. А большерецких беглецов Логинов было, по меньшей мере, двое — в начале 20-го века, в бурное революционное время большерецким беглецом стал еще один потомок Петра Михайловича — Дмитрий Павлович Логинов, впоследствии житель Хабаровска, написавший интересную книгу «Большерецкие беглецы» о революционном переломе в жизни патриархальной Камчатки.

Интересна судьба детей Ивана Петровича Логинова, точнее, некоторых из них, о которых нам что-то известно.

Например о судьбе Ксении Ивановны Логиновой рассказывает один из ее прямых потомков — Светлана Узлова (из семейного архива С.Г. Узловой и К.И. Шалахина).

Ксения Ивановна Логинова

родилась в Большерецке в семье дьяка Ивана Петровича Логинова 24.01.1807 (ст. ст.). Ее дед Петр Михайлович Логинов прибыл на Камчатку в составе миссионерской экспедиции с целью обучать камчатских детей и проповедовать Божье слово. Он основал первую на Камчатке школу в Большерецке и стал основателем династии педагогов. Известно, что в семье дьяка Ивана Петровича Логинова было пять дочерей, были и сыновья, среди них Георгий Иванович Логинов, так же как и дед, открывший первую школу, но уже в Петропавловске, и прославившийся, защищая Петропавловский порт от англо-французской эскадры в 1854 г.

Про сестер же известно, что старшая вышла замуж за комиссионера Американской компании (в*ероятно ее мужем был Петр Федорович Выходцев, сын комиссионера Российско-Американской компании Федора Алексеевича Выходцева — С. В.*), вторая за купца, третья за попа (*из записей историка Э.И. Стогова*).

Судьба же Ксении связана с двумя знаменитыми путешественниками.

Но начнем историю с ее детства.

Десятилетней девочкой Ксения, в числе еще четырех дочек дьяков и мещан, попала в дом начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорда

вил особых надзирателей. И кто, разумеется, только в Большерецке и в ближайших к нему селениях, следовал сим советам, оставался жив. Но пока эти распоряжения развозили далее, уже вымерли тысячи, народонаселение Камчатки убавилось наполовину (умерло только усчитанных 2630 м. п. и 2738 ж. п. Всего 5368 душ).

Но лишь только бедствие с началом 1769 года миновалось, миновались и добрые дела Извекова. Напеняв Плениснеру на неосторожную присылку в Камчатку судна с оспенными людьми, и протестовав эту неосторожность перед правительством, Извеков предался пьянству до безумия, и в этом состоянии, как бешеный зверь, бросался на всякого встречного, бил и колол. Местный священник **Петр Логинов** одной из наложниц Извекова сделал на исповеди внушение; она передала это сластолюбцу, и он, избив священника, издал по Большерецку, имянуя себя главнокомандующим, такой приказ, чтоб здешним жителям, кроме исповеди и евхаристии, зе беспутные поступки, здешнего попа **Петра Логинова** в домы никуда не пускать, и общества с ним никакого не иметь, за что будут на теле наказаны. В тоже время и священнику послал записку: п: сана и зазорного жития человек, обс.....и дурак. И бога незнающий человек, здравуствуй и прощай. Иван Извеков. Когда священнику случалось совершать какое либо молитвословие вне церкви, например, над умершими, Извеков выбегал на крыльцо, запрещал ему петь и кадить, или высылал для удержания казаков. Всем виденным возмущенные жители Большерецка, а главное каждый опасаясь за свою жизнь, собрались к находившемуся здесь поручику (*так в тексте – С. В.*). Рахвалову и умоляли его именем правительства взять у Извекова власть управления. Рахвалов, как ранее его уполномоченных от Плениснера, сменил Извекова, приняв в основание все его безчинства и насилия, чего был свидетелем очевидцем, – увечье священника, позорную записку Извекова к сему последнему, и главное – то, что Извеков забрал в долг без отдачи казенного вина на 1572 р. 75 к., – объявил его, Извекова, сошедшим от пьянства с ума, и принял на себя временное управление краем.

Подъячий Рыщков лишился в Извекове своего покровителя, и Челябинская ратуша стала перед ним как неотвязчивый призрак. Не надеясь ничем отделаться от безчестной высылки из Камчатки, он заблагорассудил попытать счастья в Иркутске. Протоиерей дал ему какое-то поручение, и просил преосвященного Софрония, чтобы Рыщкову за все время отсутствия в Иркутске производить от провопеднической свиты жалованье.

Что делал Рыщков в Иркутске, о том можно только догадываться, что предлагал свои услуги развить в Камчатке земледелие. В 1770 году он опять является в Камчатку, как зловещая птица пред новою для края бедою. И на сей раз зловещий ворон приютился уже не в прежнем гнезде своем у протоиерея, а нашел более теплое местечко у нового командира Камчатки капитана Григория Нилова, человека простодушного, доверчивого и не совсем трезвого.

Пользуясь слабостью Нилова, Рыщков предлагал ему неувядаемую славу развести в его управление хлебопашество на Камчатке, жителям обещал верный хлеб не – заморский, а сам хотел довольствоваться скромным утешением быть полезным краю, если ему для приведения в исполнение этих предначертаний выдано будет на первоначальное обзаведение полторы тысячи рублей. Нилов развесил, как говорится, уши и выдал. Взяв деньги, инвектор камчатского хлебопашества, как с сей поры стал себя титуловать подъя-

чий Рыщков, не оставляя в то же время и воспрещенного иркутскою консисториею звания студента, поехал по полуострову закупать быков для орания земли, и строгими промемориями вооружался против ропота камчадалов на дачу ему указно-повелительных подвод.

Жалкая участь Нилова известна. Он убит сосланным на Камчатку Беньевским, который был памятен камчадалам под удалым именем: Бей-полк, а сам подписывался Августом Аладаром. Рыщков опять перекинулся к протоиерею Никифорову.

Осенью 1771 года из Охотска прислан капитан-лейтенант Хметевский для управления Камчаткою и для производства следствия о убиении Нилова, о бунте и побеге Бениовского, и о разграблении им казны безповоротно. Во время сего следствия Рыщков странным образом подвернулся под кошки. Хметевский, требуя к ответам верхнекамчатского священника, описался, – вместо Евсевия Симеонова, назвал его Симеоном Евсевиевым, именем отца. Рыщков за подписом протоиерея отвечал, что симеон евсевиев умер еще в 1748 году, что духовное начальство не может, а не может ли это сделать сам Хметевский по данной ему власти. Но, видно, Хметевский шутить не любил. По данной власти он отпорол Рыщкова кошками, и описал все его имущество в обеспечение полуторых тысяч рублей, взятых им Нилова.

В 1773 году прибыл главным командиром Камчатки премьер-майор Матвей Карпович Бем. Рыщков после разделки Хметевского притих. За то в числе первых недовольных обратился к Бему с жалобою на Хметевского, безвинно его арестовавшего и высекшего и напрасно конфисковавшего его имение, и при этом показывал Бему на практике плоды занятий своих по сельскому хозяйству. Но Бем, к крайнему огрчению Рыщкова, принял сторону Хметевского, и не только подтвердил все распоряжения Хметевского, да и прекратил Рыщкову всякое содержание от проповеднической свиты. И то бывало, что по временам расправлялся с ним по образу Хметевского. К довершению несчастию Рыщкова, продолжавшего заниматься письменными делами у протоиерея, в 1776 году объявлен ему приказ иркутской губернской канцелярии о высылке его, не смотря ни на что, в челябинскую ратушу. Делать нечего. Надобно было покориться. «От века не слыхано, что майор написал священнику Егору Черных указ; а в случае неприятия грозил не выдавать ему ни копейки жалованья». Это было последнее литературное издание озлобленного Рыщкова, посланное от протоиерея стефана Никифорова в Иркутск к преемнику Софрония епископу Михаилу. При этом прототерей просил преосвященного, чтоб выдать Рыщкову за все время денежное и хлебное содержание от проповеднической свиты, которое прекратил Бем; просил более, – ходатайствовать у иркутского губернатора о возвращении Рыщкова в Камчатку и о присылке сюда следующею же зимою, иначе де все дела по духовной части остановятся. Епархиальное начальство в удовлетворение сего ходатайства разрешило причитающееся Рыщкову по должности студента жалованье 830 руб. зачесть в казенный долг Нилову, а остального не могло принять на себя. Напрасно хлопотал Рыщков в Иркутске два года, чтоб его возвратили в Камчатку для упрочения там земледелия. Убедившись в тщете своих попыток, он придумал, нельзя ли попасть в Камчатку другою какою дорогою, и от 9 февраля 1779 г. представил святейшему Синоду следующий проект: «за безуспешностию в Камчатке проповеднической свиты, состоящей из белого духовенства, которых семейные обстоятельства заставляют более заботиться о себе, чем о пропове-

† Джон Дундас Кокрейн

† Ксения Кокрейн

и его молодой жены Людмилы Ивановны. Людмила воспитывала девочек, обучала их хорошим манерам и танцам.

В этом доме в 1822 году Ксения и встретила своего первого мужа, английского путешественника, отважившегося пешком преодолеть всю Россию, Джона Дундаса Кокрейна. Джону Кокрейну было тогда около 36 лет. История их свадьбы описана в воспоминаниях Эразма Ивановича Стогова. С его слов, пятнадцатилетняя девушка кричала, что не хочет замуж за Кокрейна, а хочет за Повалишина (Н.В. Повалишин, капитан 2-го ранга, командовал бригом «Дионисий»). Но обручение состоялось с соблюдением всех обычаев 08.01.1822 (ст. ст.). Ксения не сделала к церкви ни одного шага, ее, прекрасно убранную невесту, взяли под локотки и донесли до алтаря два шафера (лейтенант Саполович и Э.И. Стогов, историк и дед Анны Ахматовой).

История о необыкновенном путешествии Кокрейна изложена в его повести в 2-х томах «Путешествие по России и Сибирской Татарии». Первый том начинается портретом самого Джона Дундаса, а вот во втором томе приведен портрет юной Ксении, там же идет повествование об их совместном возвращении из Камчатки в Лондон.

В Лондоне Кокрейн определил Ксению в учебное заведение, сам же отправился в Южную Америку. И позже, немного устроив свои дела, привез Ксению в Колумбию (теперь Венесуэла).

Однако их совместная жизнь продлилась недолго. Уже в 1825 году Кокрейн умирает от лихорадки. Восемнадцатилетняя вдова возвращается сначала в Лондон (возможно, к сестре Джона, Элизе), а затем в 1827 г. в Петербург, в дом семьи Рикордов. Петр Иванович в то время возглавляет Кронштадт.

В этом доме бывал капитан Анжу (1797 г. р.), уже совершивший исследовательскую экспедицию с целью описи северных берегов России и поиска земли Санникова, военно-научную экспедицию для исследо-

† Адмирал Петр Федорович Анжу

вания возможности соединения Каспийского и Аральского морей, участвовавший в Наваринском сражении с турецко-египетским флотом. В доме П.И. Рикорда Петр Федорович Анжу встретил юную вдову Кокрейн и сделал ей предложение. Они обвенчались в Никольском Морском соборе в Кронштадте 24.10.1828 (ст. ст.).

В их семье родилось 9 детей: Петр (1832–1876), Людмила (1834–1897), Павел (1835–1838), Иван (1844–1890), Фёдор (1842–1858), Александра (1839–1888), Елизавета (1841-?), Екатерина (1847–1850) и Николай (1852 –?).

Семья жила в доме на Васильевском острове. В 1837 г. в доме случился пожар, в котором погибли все записи об экспедициях и научные труды П.Ф. Анжу. К сожалению, Петр Федорович так и не смог их восстановить.

Когда Анжу в 1844 г., так же как и Рикорд, возглавил Кронштадт, семья поселилась в большом доме в г. Ораниенбауме, ул. Еленинская, 20. В 1861 г. семья переселилась в Петербург и проживала по адресу: ул. Фурштатская, д. 40.

Старший сын Петр, так же как и отец, избрал военно-морскую службу, стал известным гидрографом, капитаном I ранга, совершил переход из Кронштадта к берегам Японии и Кореи на фрегате «Паллада», в том же плавании был впервые нанесен на карту и назван по фамилии Анжу мыс в Японском море (название не сохранилось). Его жену звали Александра и у них был сын Петр.

† Сыновья Ивана Анжу (слева направо) – Николай, Владимир и Петр

Старшая дочь, Людмила, вышла замуж за Вячеслава Штейнгеля, сына известного политического деятеля, декабриста Владимира Штейнгеля. Из переписки Анжу и Врангеля известно, что в семье Вячеслава и Людмилы Штейнгелей родилось 6 детей, однако, пока известно лишь имя одной из дочерей — Марии, которая в замужестве стала Воеводской. У нее было две дочери Людмила и Мария, которые прожили не-

ди, – послать на отоцы (острова, со всех сторон омываемые водой) к мохнатым курильцам и алеутам миссию из монашествующих, которые будут пешись не како угодити жене, а како господе, и которые, как чуждые излишества, в случае нужды могут на отоцех питаться завозимым с собою картофелем, которым Камчатка изобилует; дать им конвой и учредить на тех отоцех школы, дабы в последствии времяни достойных из туземцев возводить в священники, чтобы они соотечественников своих к вере приводить могли, не требуя себе толмачей; и потому для хиротосания оного, яко не малого числап священного сана, и для определения причта церковного неминуемо последует божиим всемогуществом учреждение вновь камчатской епархии, каковой от тамошнего земледелия весьма удобен будет неувядаемо умножающийся с моего начатка ежегодный урожай хлеба».

Святейший Синод не признал приличным иметь дело с посадским, однако ж предписал иркутскому преосвященному войти в ближнее рассмотрение изложенных обстоятельств. Не мог быть доволен протоиерей Никифоров отзывом своего любимца о проповеднической в Камчатке деятельности, а с другой стороны и написать ничего по своей неписмянности был не в состоянии, потому дело так и заглохло. Что сталось далее с Рыщковым – не знаем.

Расставаясь с ним, не можем не припомнить пословицы: нет худа без добра. Он оставил образцовый порядок в письменных делах духовной проповеднической свиты, так что и временное его отсутствие заметно не только в изложении, но и в подшивке бумаг и поддержании школы. Но самая важная его заслуга Камчатке та, что он послужил решению вопроса: возможно ли в ней хлебопашество; и если возможно, то обеспечит ли оно край без подвозки дорого обходящегося казне хлеба?

Еще в сороковых годах прошлого столетия ученые исследователи края Штеллер и Крашенинников указывали на полную возможность разведения в Камчатке ярового и озимого хлеба и на опыты. Челябинец Иван Рыщков со своей стороны, спустя тридцать лет после Штеллера и Крашенинникова, показал Бему на практике плоды своего земледельческого труда, и Бем, при всей своей нерасположенности, и даже несмотря на враждебные отношения к Рыщкову, не только не опроверг этой практики, да еще вполне подтверждал верность показаний Рыщкова, когда оставляя Камчатку в 1779 году, в одно время с последним, доносил правительству следующее: «в 1775 году урожай был хорош для ржи, ячменя, овса, ярицы, пшеницы и конопли; от малого количества посеянных семян получено до 778 пудов. Ежели всегдашнее смотрение и старание в том хлебопашестве приложено будет, то уповаю и точно надеюсь, что из года в год урожай дойдет до того, что можно будет довольствовать воинские команды и без привоза из Охотска провианта».

Пишущий сие застал еще в Камчатке (в 1834 г.) старых людей, которые помнят, что даже в Большерецке на западном берегу полуострова, открытом для ветров и холодов Охотского моря, родился озимый хлеб, чему теперь не могут верить.

Пошлите в Камчатку побольше [ржи], и они, при опытном благонамеренном правителе, поднесут Отечеству несметные сокровища, остающиеся теперь втуне, и внутри, и на поверхности камчатской землицы, и в водах ее окружающих.

Протоиерей Прокопий Громов

(*которого впоследствии сменит на посту благочинного камчатских церквей внук Петра Михайловича – Георгий Иванович Логинов*)

† Петр Иванович Анжу с дочерью Ксенией

долго, были по очереди замужем за одним и тем же человеком, Николаем Ивановичем Черниловским-Соколом. Известно о двух его сыновьях: Сергей (1910–1920) от первого брака и Николай (1914–2005) от второго.

Иван, в 1865 г. окончил Александровский лицей (бывший Царскосельский лицей). У него было 3 сына: младший Владимир (1876–1921), так же как и отец, окончил Александровский лицей, капитан 1-го ранга Балтийского флота, Николай (1874–1925) и Петр (1872–1912). У Владимира было три дочери: Наталья, Кира и Ольга, а у Петра — дочь Ксения, о семье Николая подробно не известно. Однако, вероятно, потомки Николая последними жили в родовом доме Анжу в Ораниенбауме. Примерно в 50-х годах прошлого века дом перешел во владение государства. Один из потомков Ивана Петровича Анжу, внук упомянутой выше Ксении Петровны Анжу, Кирилл Игоревич Шалахин часто посещает дом в Ораниенбауме.

Сейчас в этом доме живет и работает семья художников Карлыхановых, которые кропотливым трудом восстановили дом и открыли Дом творчества, его посещают художники и скульпторы из разных стран. В тоже время в доме сохранена память и традиции его предыдущих хозяев. Так, каждый год 8 октября проводятся Наваринские встречи.

† Ксения Петровна Анжу

Благодаря Карлыхановым, я познакомилась с Кириллом Игоревичем, который приходится мне пятиюродным дядей. Знакомство с ним открыло для меня многое из истории нашей семьи. Дело в том, что Кирилл Игоревич исследует биографию и историю семьи Петра Федоровича Анжу с целью написать книгу о нем. Им учреждена премия для второго выпускника Морского Кадетского Корпуса в память о том, что Анжу когда-то тоже был вторым выпускником после Врангеля.

Вернемся к детям Петра Федоровича и Ксении Ивановны.

Федор прожил всего 16 лет, был кадетом военно-морского училища.

Про младших дочерей Елизавету и Екатеринуизвестно не много. Екатерина умерла после продолжительной болезни в раннем детстве, а Елизавета, вероятно, так и не вышла замуж.

Младший сын Николай, так же как его брат Иван, окончил Александровский лицей.

Средняя дочь Александра вышла замуж за Владимира Васильевича Нотбека (1825–1894 гг.). Немецкий род Нотбеков исчисляется с 1534 г. Владимир Васильевич — генерал от инфантерии, директор Тульского оружейного завода, наладивший в России производство берданки, будучи полковником возглавлял Образцовый пехотный батальон, в котором проходил службу Великий Князь Александр (в будущем император Александр III). У Владимира и Александры было девять детей: Александра(1862), Елизавета(1864), Владимир (1865–1921), Ксения (1867), Мария (1868), Пётр (1869–1913), Юлия(1870), Людмила (1872), Вячеслав (1879–1886). Сын Петр был женат на внучатой племяннице Нахимова Вере Павловне. В их семье родилось четыре девочки. А младший сын Славочка умер в 7 лет, болезненно переживая его смерть, вскоре умерла и мать, Александра. Старший сын, Владимир — генерал-лейтенант, участник Белого движения, был женат на Александре Карловне Лерхе, внучке известного питерского офтальмолога, основателя одной из первых глазных лечебниц в России, Василия Васильевича Лерхе. У них было девять детей: Александра, Ольга, Евгения, Вячеслав, Владимир, Михаил, Георгий, Татьяна, Екатерина. Дом, где жила семья, находился в самом центре Санкт-Петербурга, на Дворцовой площади, между Зимним дворцом и Генеральным штабом. Их дочь Ольга — моя прабабушка. Трудные послереволюционные годы раз-

† Семейство Анжу – Петр Федорович, Ксения Ивановна, старший сын Петр, младший сын Николай и одна из дочерей.

бросали родственников и судьба братьев и сестер Ольги, к сожалению, неизвестна. Однако, благодаря Интернету, недавно удалось найти родственников в Бразилии и Испании, потомков эмигрировавших братьев Ольги.

Про свою прабабушку, правнучку Ксении Логиновой, с которой начинался этот рассказ, могу рассказать, что она знала несколько языков, занималась переводами и писала замечательные детские стихи. Она была чудесной мамой и бабушкой. Она вышла замуж за Льва Николаевича Черняка, военного, участника Русско-японской и Первой мировой войн, изобретателя. В трудные послереволюционные годы Лев Николаевич подрабатывал, делая механические игрушки для детей. Он умер в 1933 г. и семья избежала репрессий, которые постигли бывших белых офицеров, в том числе и мужа его сестры. У Льва и Ольги было двое детей: сын Дмитрий и дочь Ирина.

Дмитрий Львович работал главным осветителем в Большом театре. В первые дни Великой Отечественной войны он ушел на фронт и пропал без вести в боях под Москвой.

Дочь Ирина вышла замуж за Кашеварова Юрия Борисовича, кадрового офицера Советской армии, кандидата технических наук, изобретателя (несколько десятков патентов). Юрий Борисович после окончания военной академии был распределен в Тянь-Шань для топосъемки горной местности. Это было накануне Великой Отечественной войны, и с началом войны он писал письма с просьбой направить его на фронт, но ему отвечали, что он нужнее там, так как для войны важно иметь карты.

У Юрия и Ирины было 9 детей: Сева, Наташа, Оля, Таня, Галя, Оксана, Марина, Ирина и Катя. И у каждого из их детей по одному, двое или трое своих детей. Я помню, как вся большая семья собиралась на день рождение деда. Мы, дети, обычно забирались в спальню и там играли.

† Владимир Владимирович Нотбек

Моя мама Ольга Юрьевна окончила Московский авиационный институт. В студенческие годы занималась в ДОСААФ и выполнила 1-й разряд по парашютизму. Во время учебы ездила со стройотрядом на строительство Красноярской ГЭС и полюбила этот край. После окончания института, по распределению, уехала из Москвы в Красноярск в конструкторское бюро Решетнева. Там мама встретила моего папу Геннадия Борисовича. Папа окончил Томский институт радиоэлектроники и электронной техники и также распределился в Красноярск. В молодом коллективе было весело и интересно работать. Мои родители ходили в походы, занимались скалолазанием на Красноярских столбах, сплавлялись по рекам, ходили в горы. Спустя какое-то время мама с папой расписались и в 1973 г. появился мой брат Олег, а, спустя 7 лет — я. Когда я родилась, наша семья уже переехала в подмосковный Зеленоград.

Олег окончил Московский институт электронной техники и уехал работать в Сингапур. Получив там опыт работы в микроэлектронике, вернулся в Россию и теперь работает в области IT-технологий. Много путешествует, занимается спортом, изучает иностранные языки.

Я окончила Московский физико-технический институт, защитила кандидатскую диссертацию по биофизике. Так же как и родители, люблю ходить в походы. В одном из походов встретила своего мужа Артема. Он окончил физ.фак МГУ и занимается оптоволоконной физикой. У нас растет дочка Варвара.

Я заканчиваю рассказ об одной из веточек в дереве Ксении Логиновой. Хочу верить, что где-то на Земле живут ее многочисленные потомки: дети братьев и сестер Ольги Владимировны Нотбек, дети Дмитрия Львовича Черняка, потомки рода Анжу и, может, мне повезет еще с ними познакомиться.

Логинов Георгий Иванович

Первые имеющиеся у нас сведения. «В 1838 г. в преподавательском составе (*Камчатского духовного училища. — С. В.*) произошли изменения. 13 августа 1838 г. в Петропавловск прибыл новый учитель II класса и инспектор училища Г. И. Логинов…

Г.И. Логинов — бывший выпускник Камчатского приходского училища. В 1836 г. он окончил курс Иркутской духовной семинарии, был награжден аттестатом второго разряда и определен учителем II класса Якутского духовного училища, а через 2 года отправлен учительствовать к себе на родину. Впоследствии именно ему в 1842 г. комиссия ввела в заслугу наведенный в училище порядок по учебной и нравственной части.

В то же время, как показывают документы того времени, в хозяйственном отношении училище находилось в довольно плачевном состоянии. Требовало ремонта здание. Воспитанникам, находившимся на казенном содержании, не хватало хлеба и теплой одежды. Однако, неверным было бы объяснять эти проблемы управленческими недоработками.

«Духовное училище. Камчатское приходское духовное училище по освидетельствовании оного оказалось 1) по нравственной и учебной частям в должном порядке, в последнем даже больше, чем надлежало, ибо ученики знают то, чего не положено преподавать по уставу; 2) по экономической части совершенный беспорядок: штатной суммы к октябрю вместо 1500 р. или 1200 рублей находится только 57 рублей; между тем нет ни хлеба, ни дров, ни теплой одежды ученикам. Дом училищный и здания разваливаются. Все это, т.е. как порядок, так и беспорядок произошло оттого, что училище вверено было хотя и доброму и усердному, но молодому и совершенно неопытному человеку, священнику Георгию Логинову, а иркутское семинарское правление, получив замечания ревизионного комитета касательно отчетов Камчатского училища за 1839 и 1840 гг., не приняло мер даже к освидетельствованию оного, тогда как здесь находился человек, известный семинарскому правлению и неприкосновенный к училищу — кандидат богословия протоиерей Прокопий Громов». (Вениаминов сместил Логинова с заведывания, оставив в учителях, так как учитель он был хороший. Инспектором-смотрителем училища назначил Громова. Учителем определен также Михаил Коллегов, обучавшийся в семинарии до философского класса).

Из священников особенной похвалы заслуживают: а) Камчатского собора священник Георгий Логинов, который по закрытии в Камчатке духовного училища, открыл у себя домашнее училище, которое ныне состоит у него из 11 человек разного звания, обучающихся кроме чтения и письма, русской грамматике, священной истории и катихизису. На бывшем при мне экзамене в присутствии начальника и других лиц, ученики по всем предметам отвечали весьма удовлетворительно; и так как священник Логинов обучает детей сих безмездно, то приказано ему взять в помощники дьякона или причетника. Он же, Логинов, продолжает ныне преподавать субботние уроки в церкви детям, чем до него занимался уволенный протоиерей Громов постоянно и с особенным умением, и чем он заслужил особенную любовь и память бывших его прихожан» (*Путевой журнал Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во второе путешествие по Камчатке и Охотской области в 1846 и 1847 гг.*).

Сама Камчатка часто оказывалась в зависимости от поставок продовольствия. Осенью 1842 г. сложилась такая ситуация, когда в городе почти не оставалось запасов хлеба, а судно из Охотска задерживалось более чем на месяц.

О. Иннокентий описывал эти события следующим образом: «27 сентября в Петропавловске начался “общий котел”... Чтобы не остаться без хлеба совсем и, в то же время, не оставить без хлеба тех, кто более других требует его, начальник Камчатки вынужден был учредить общий обеденный стол в казарме для малолетних детей (ниже 7 лет) и женщин, имеющих грудных детей, без различия сословий. Подобного происшествия мне никогда не приходилось даже слышать, и потому оно приводило меня почти в отчаяние, тем более что этой же участи, т. е. лишению хлеба, подвергались и ученики нашего духовного училища,.. потому что не могли пользоваться общим столом, ибо все они выше 8 лет».

...14 июня 1845 г. Камчатское приходское духовное училище было ликвидировано и 20 учеников в тот же день переданы на судно «Байкал» для перевозки в Новоархангельск. Оставшиеся учащиеся были либо уволены, либо определены к должности по духовной части. Училищный дом после ремонта был передан местному духовенству.

...Инспектор училища Г.И. Логинов был уволен от должности 16 июля 1845 г., т. е. спустя 2 дня после закрытия училища. С 1839 г. он, наряду с исполнением обязанностей преподавателя, являлся священником Петропавловского собора, где и продолжил службу. М.Г. Коллегов выехал в Мильково, позже служил священником в Большерецкой церкви, но в 1850 г. вновь возвратился в Петропавловск.

С 1853 г. и по 1858 г. настоятелем Петропавловского собора был Георгий Иванович Логинов, «туземец, окончивший курс учения в иркутской семинарии, столь доблестно неустрашимостью своею, при осаде в 1854 г. Петропавловского порта, ободривший камчатское воинство, Самовидцы, а главное командовавший портом адмирал Завойко (слышанное от самого Завойко), с удивлением смотрели на отца Георгия, под градом ядер, проносившихся над его головою, даже без изменения в лице продолжавшего совершать молебствие на возвышении Никольской горы, в виду неприятелей. За этот подвиг священник Георгий Логинов награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте».

† Большерецк, 1922 г. В центре священник – предположительно Константин Петрович Логинов (фотографии экспедиции С. Бергмана).

«В семь с половиной часов утра на батарею № 1 был приглашен священник Георгий Логинов отслужить молебен о даровании Всемогущим Богом победы Государю Императору. Неприятель во время чтения Евангелия начал стрелять в батареи бомбами и ядрами. Со свистом и шепением пролетали смертоносные снаряды на головы молящихся. Падали ядра вблизи берега, падали вблизи самой батареи, но не причинили никому вреда. Несмотря на страшную опасность, молебствие продолжалось своим чередом. Не смутился пастырь православный, в своей светлой праздничной ризе служивший мишенью неприятельских орудий, не смутилась и маленькая группа молящихся. Горячо молилась эта маленькая горсточка героев, веруя своим великим русским сердцем в истину слова Божия; “На тя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки”». (*Сильницкий А. П. «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 г., извлеченные из дел Владивостокского портового архива». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г., стр. 41. Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105. «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»*).

Логинов Константин Петрович, псаломщик Большерецкой Успенской церкви в 1893 г., 47 лет. Жена Любовь Ильинична (39). Дети: от первого брака Павел (18), Ульяна (27), Ольга (16); от второго брака Домника (11), Мария (1), Виринея (6), Николай (4), Петр (29). Жена Петра — Александра Александровна (25). Сын их Константин (3) (*Исповедальная роспись Большерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК*).

Логинов Алексей Петрович, священник, 1812 г., 49 лет, Нижнекамчатск (*РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4*).

Логинов Алексей Петрович, крестьянин в Нижнекамчатске, 1812 г., 43 года. Дети: Василий (24), Иван (22). (*Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4*).

Логинов Николай, большерцкий староста. В 1837 г. за недостойное поведение был смещен — избран Порфирий Черных (*РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 103*).

Логинов Николай (скорее всего, тезка, так как старостой Большерецка должен был быть крестьянин (!!!) Логинов) назначен в 1839 г. дьячком Тауйской Покровской церкви вместо отказавшегося по состоянию здоровья дьячка Якутской Богородской церкви Петра Винокурова. Затем оказался в причте церкви при Малкинской больнице на Камчат-

ке, откуда переведен в 1844 г. во вновь построенную Ямскую Благовещенскую церковь, в 1847 г. его заменил в Ямске дьячок Иринарх Верещагин.

Логинов Александр, священник Петропавловского собора, 1854 г.

Тигильские Логиновы

Старший сын Константина Петровича: Логинов Александр Константинович, 24 года. Псаломщик (вместе с Николаем Алексеевичем Лонгиновым) Тигильской Христорождественской церкви в 1893 г. Жена — Домника Алексеевна (дочь священника Паланской церкви Алексея Петровича Лонгинова). Сын Алексей (8 месяцев), дочь Ульяния (2) (*Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК*). Дочь Александра Константиновича — Параскева Александровна в 1915 году вышла замуж за сына петропавловского мещанина Иннокентия Николаевича Косыгина — Василия.

† Логинова Александра Афанасьевна, жена Алексея Александровича Логинова, мать известных педагогов Камчатки – Елены, Дии и Анны

Логинова Александра Афанасьевна — жена Алексея Александровича Логинова, мать известных педагогов Камчатки — Елены, Дии и Анны (*из архива В. Кравченко*).

В метрической книге Тигильской церкви есть актовая запись:

«Дата бракосочетания — 6 сентября 1909 года.

Жених — сын Петропавловского второй гильдии купца Василия Николова Косыгина — Иннокентий Васильев Косыгин, православный, первым браком. Лет жениху — 23.

Невеста — дочь псаломщика Тигильской Христорождественской церкви Александра Константинова Логинова — девица Иулияния Александрова, православная, первым браком. Лет невесте — 18.

Поручители: по жениху — учитель Петр Шевченко и штурман II-го разряда Иоанн Сергеев Коренев;

по невесте — крестьянин Московской губернии, Коломинского /так в документе/ уезда, деревни Обуховой — Петр Трофимов Сычев и Петропавловский мещанин Феодор Николаев Толман.

Таинство бракосочетания совершал священник Иннокентий Быстров с псаломщиком Александром Логиновым» (*ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 6, л. 305*).

О братьях Логиновых пишет Марина Беляева в своем очерке о коренных камчатцах — участниках Великой Отечественной войны и Курильского десанта: «Еще один фронтовик — Константин Алексеевич Логинов — родился в Тигиле. Окончил Тигильскую семилетку в 1930 г. В 17 лет стал секретарем райкома комсомола. В 1932 г. уехал в г. Ленинград, учился в Институте народов Севера, по окончании вернулся в Тигиль и работал в райисполкоме. В 1941 году закончил Военно-юридическую академию РККА в Москве. После академии — на фронт, Балтийский флот. Закончил войну в звании капитан-лейтенанта. Камчадал Константин Алексеевич Логинов имел награды: орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медаль «За оборону Ленинграда». После войны работал в Москве, был морским прокурором, затем военным прокурором в Петропавловске-Камчатском, на Сахалине, в Якутске. Служил в Вооруженных Силах как военный юрист до 1953 года. После возвращения на Камчатку работал в окрисполкоме в п. Палана.

Его брат Александр Алексеевич Логинов также родился в Тигиле. В 1935 году закончил школу рабочей молодежи, потом краткосрочные курсы по подготовке учителей начальных классов в Воямполке, затем в Хайрюзово. В 1939 году направлен на учебу в Ленинград в Институт народов Севера. Призван в ряды Красной армии в 1939 году. Служил в Литве, откуда направлен в полковую школу по подготовке младших офицерских кадров. В декабре 1941 года за отвагу в боях под Москвой награжден медалью «За оборону Москвы». 29 августа 1942 года, отбивая атаки немцев, убит в бою. Захоронен в г. Зубцове Калининской области.

Родом из Тигиля и еще один брат К.А. Логинова — Георгий Алексеевич Логинов. Выпускник Тигильского педагогического училища, призван в ряды Красной армии в апреле 1943 года. Принимал участие в освобождении островов Шумшу и Парамушир. Награжден медалью «За победу над Японией». После окончания войны вернулся в Тигиль, работал в финансовом отделе райисполкома и в других организациях» (*журнал «Многоликая Камчатка», № 2, 2015*).

Информация с форума сайта «Камчадалы.ру»: «Коряк Александр Алексеевич Логинов призван в ряды Красной армии в 1939 г. и служил в Харькове. В декабре 1941 г. за отвагу в боях под Москвой награжден медалью “За оборону Москвы”. В марте 1942 г. А. А. Логинов — секретарь комсомольской организации, агитатор. Любили бойцы скуластого, чернобрового сержанта. 29 августа 1942 г. началась атака немцев. Отбиты, но снова фашисты пошли в атаку. С возгласом “За Родину, за партию — вперед!” бросился вожак комсомольцев на врага и был убит в бою».

«Логинов Алексей Александрович. Родился и вырос в Тигиле, из династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. Логиновы (Тигиль). Алексей Александрович Логинов и Александра Афанасьевна Логинова. Мать-героиня. Вырастила десять детей. Сами же родились и выросли в Тигиле. Дочери — Елена, Дия, Майя. Сыновья — Александр, Константин, Георгий».

Воспоминания Елены Алексеевны Логиновой:

«Мой отец, Алексей Александрович Логинов, прибыл в Тигиль из Большерецка. В 1932 г. я закончила Тигильскую школу колхозной молодежи (ШКМ). Направили в 1933 г. работать в Напану (20 км от Тигиля) – Ягановы. Арефьевы (оттуда Вячеслав – секретарь райкома партии), Наседкины. С 1934 по 1936 г. учеба в Ленинграде в техникуме и возвращение на Камчатку. Работала в Палане-Кочевой, Воямполке-Кочевой, в Пежинском районе – на Культбазе (с. Каменское). С 1939 г. в Институте народов Севера на североазиатском семинаре, факультете языков и литературы. С началом войны возвращается на Камчатку. Добиралась год. В 1942 г. приступила к работе в Пенжинском районе – село Верхнее-Парень (до 1950 г.). С 1950 по 1973 г. работала в Тигиле. В 1960 г. присвоено звание “Заслуженный учитель РСФСР”. Учились с Н.И. Юшиным, Константином Лонгиновым, Алексеем Пенизиным, Косыгиным Федором Иннокентьевичем. Из Тигиля Миронова (Кожейкина) Мария, Анна Алек. Каргопольцева (Толстихина по мужу). В Ленинграде в техникуме учились вместе: Ласточкин Павел (потом вместе работали в Воямполке), Черных Михаил, Кецай Кеккетын. Брат, Александр Алексеевич, закончил семилетку, работал учителем в Воямполке-Кочевой. Учился в Ленинграде. Служил в Каунасе, где и застала война за

† Елена Алексеевна Логинова, заслуженный учитель РСФСР, тигильская ветвь Логиновых

† Анна Алексеевна Петрова (Логинова)

† Дия Алексеевна Логинова

два месяца до окончания службы. В 1942 г. погиб на Калининском фронте, был радистом. Дочь живет в Москве. В с. Моргуевка Зубцевского района Калининской области он похоронен, но его фамилии на памятнике нет. Брат, Георгий Алексеевич, окончил семилетку, педучилище в Тигиле, работал в райфо бухгалтером, воевал в ВОВ – в Курильском десанте. Брат, Иван Иннокентьевич Миронов – отчим. Работал продавцом и охотоведом в заготпушнине. Участвовал в обороне Камчатки от японцев. Сестра Домна Алексеевна Глазунова (жила в Пограничном) окончила в Тигиле семилетку, педучилище, работала учителем в Воямполке-Оседлой, затем в РК КПСС (во время войны). Затем работала, как и сестра, в селении Верхнее-Парень бухгалтером. Муж у нее телеграфист. Сестра, Анна Алексеевна Петрова, окончила в Тигиле семилетку, педучилище, университет во Владивостоке – исторический факультет в 1949 г. Всю жизнь работала в школах, в педучилище, в Тигиле, Мильково, Лазо. Заслуженный учитель РСФСР, отличник народного просвещения. Сестра, Дия Алексеевна Кириенко, окончила Тигильскую семилетку, педучилище, учитель начальных классов в Палане (1942–1946 гг.), в г. Заозерном Красноярского края. Отличник народного просвещения. Сестра, Зоя Алексеевна Черкашина – Тигильская семилетка, работала бухгалтером в райфо, в Хабаровске, в Тигиле. Сестра, Майя Алексеевна, в Тигиле окончила десятилетку, бухгалтер в райкоме партии с 1933 г. Муж Е. А. – Садченко Николай Захарович. Дочь, Елена (Антоненко) окончила КГПИ, работала в Петропавловске. Рано умерла (в 27 лет). Сын, Коля Садченко, окончил КГПИ, работал строителем. Зоя окончила Хабаровский пединститут, биолог, работала в Петропавловске. Алесандр Садченко в море работал радистом, в колхозе имени Ленина, окончил мореходное училище. Людмила Садченко умерла при родах. Дочь Дии – Галина – преподаватель музыки. Петр Лонгинов, племянник Пантелея Васильевича Лонгинова, погиб под Ленинградом. Корнелий Яганов погиб под Ленинградом. Была в блокадном Ленинграде Толстихина Зинаида Петровна (по мужу Егорова) – жила под Ленинградом. Она училась в Институте народов Севера, работала в Тигиле, на Чукотке. В Тигиле в 1920-х годах учитель тигильчанин Николай Александрович Миронов. Отец его (рыбак и охотник), Николай, окончил церковно-приходскую школу и в числе лучших был направлен в Петропавловскую духовную семинарию, после окончания – учитель в Тигиле. Руководил хором, ставил спектакли, заведовал школой. Играл на гитаре, пел русские народные песни. После установления Советской власти в Тигиле встал вопрос об открытии семилетки. Но не было помещения. Пятиклассники учились в подсобном помещении. Николай Миронов стал директором семилетки. Школа была в трех разных зданиях. В 1928 г. Миронов во Владивостоке закупил стройматериалы для новой школы и доставил их на пароходе в Тигиль. Перевозили ее из Усть-Тигиля в Тигиль на нартах. Сам Н. А. в детстве вывихнул ногу, ее не вправили и он всю жизнь ходил с костылем. Сын Георгий Николаевич (у него детей не было). Его ученики: Мария Миронова (Кожейкина), Вера Юшина (Ворсина), Дария Карпова (Сивакова), Нина Дюпина (Гальгинская). В 1928–1929 г. прислали в Тигиль студента из Института им. Герцена Григория Михайловича Корсакова – вел русский язык и литературу в семилетке. Первый создатель русско-корякского словаря. Учились в Институте им. Герцена. М. Медведицын (Утхолок) – ительмен, но похож на русского. Отец из строителей телеграфной линии в 1910-м г. Отец не мог остаться в Утхолоке. Михаил мог петь по-японски. В Ленинграде заболел туберкулезом, умер молодым. Ласточкин Павел Гаврилович – учитель, педотделение в 1936 г. Работал в Воямполке, Сопочном. Первый отличник просвящения в Корякии. Ительмен из Утхолока. Дети в Хайрюзово: Заев Николай (Утхолок), Наянов Корнелий – погиб под Ленинградом. Слободчикова (Лукашкина) Татьяна Петровна. Наседкины – Никифор, Дмитрий, Евстроп».

† Семья Логиновых. 1987 г

Большерецкие Логиновы

Павел и Петр Константиновичи Логиновы, младшие сыновья Константина Петровича Логинова, — участники обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Большерецкой дружины.

В «Камчатских персоналиях 1917–1991 гг.» В.П. Пустовита есть информация о двух представителях этого рода из Большерецкой и Тигильской ветвей династии:

† Сын Константина Петровича – Николай Константинович Логинов

«Логинов Николай Константинович (1889, с. Большерецк, Камчатка – начало января 1934, г. Хабаровск), бывший диакон. Из крестьян, камчадал, по другим данным, русский, грамотный. Лишался избирательных прав как священнослужитель. На момент ареста 17 апреля 1933 г. вдов, семья из пяти человек. Занимался охотой и рыболовством. Был привлечен по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-10-11 УК. Приговорен 1 января 1934 г. суд тройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН с конфискацией дома, скота и собак. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Логинова Устинья Евстафьевна, или (как значилось в бюллетене) Аустиния Стахиевна, жительница с. Тигиль, кандидат в члены Всероссийского учредительного собрания от КО на выборах 29 октября 1917 г. О Логинове сообщала в газету «Камчатская правда» в конце 1989 г. ее внучатая племянница Нина Викторовна Подкорытова, деду которой – Евстафу Евстафовичу Копылову – та приходилась родной сестрой. «Бабушка Устинья, очень строгая, но добрая, вышла замуж за вдовца Александра Константиновича Логинова. У него было своих трое детей, и совместных они нажили шестеро». В их дружную семью постоянно тянуло маленькую Нину. «В моей памяти, – писала Подкорытова, – бабушка Устинья осталась немногословной, деловой, спокойной и чуткой ко всем».

Сын дружинника Павла Логинова — Дмитрий Павлович, историк (его рукопись «Большерецкий острог», 30 лет хранившаяся в Камчатском областном краеведческом музее, издана в 2012 году), писатель, автор книги «Большерцкие беглецы», в середине 80-х годах писал мне:

Обращаю внимание на труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки» издания 1949 г. на стр. 373, где упомянуто: «В 1741 г. по распоряжению капитана Беринга на Камчатке была открыты первая школа. Она находилась в Большерецке».

Нужно увязать факт пребывания Логинова Петра Михайловича с фактом пребывания Крашенинникова в одной и той же Московской академии, несмотря на то, что учились они, хотя и в близкое, но разное время. Будет лучше, если П.М. Логинова не будем отрывать от известного исследователя.

О Логиновых и их деятельности

Вам необходимо прочесть мою этнографическую работу, сданную в Петропавловский музей – «Большерецкий острог», хотя бы:

Стр. 202 – Список владельцев усадеб. 208 – Численность населения по полу, образованию и последующей работе их детей по профессиям. 210 – Мои родители и их предки. О моем дедушке Константине Петровиче Логинове, его брате священнике Харлампии и Александре читайте на стр. 212. Петра указал там, вероятно, ошибочно. Спутал, наверное, с дедушкиным сыном, уехавшим на север Камчатки. О детях Константина читайте тоже на стр. 213, а о неупомянутом следует дополнить.

Константина дочь, Ольга, вышла замуж за Машихина в с. Елизово. Семья отличалась, по тому времени, высокой культурой. С одной из дочерей, кажется Лизой, я был знаком. В 1927 г. она училась в совпартшколе г. Владивостока. Девушка была тогда весьма тучной. Вполне возможно, сейчас проживает в г. Елизово и имеет детей и внуков. Ее брат был там же и кажется промышлял торговлишкой.

Кроме упомянутого в моей работе, о Логинове Николае Константиновиче следует дополнить. Были годы, когда в Большерецкой школе не оказывалось учителя. Тогда мой дядя был за учителя и обучал все четыре класса грамоте. С его детьми и внуками, догадываюсь, Вы уже познакомились. Был организатором и руководителем церковного хора. По его инициативе был приобретен для села породистый бык-производитель.

Семья моего дедушки была большая, веселая, а дети – особенно девки – заглядение. Являлись законодателями мод, культурных мероприятий, умели делиться с односельчанами новыми начинаниями. Узнавали о новшествах из получаемого ежегодно журнала «Нива». В нем можно было узнать о моде, кройке и шитье, приготовлении разных блюд, медицине, огородничестве и многом другом. Дети были грамотны поголовно.

Антонина Константиновна Коллегова, имея двух детей, скончалась во время эпидемии оспы, еще во время моего детства. Ульяна и Елена были бездетными. У Домны был сын Алексей, который женился на поповой внучке, по мужу Селиванова. Она, кажется, Александра и жила в Усть-Большерецке. Там, вероятно, живут ее дети и внуки. Мария вышла за Ворошилова Александра. Ее дети, так же как и Логинова Николая, живут в г. Петропавловске. Об их адресе и жительстве разузнаете у них. Веринея вышла замуж за ветеринарного фельдшера Фадея Петровича Федотьева

† Прасковья Ивановна Логинова

† Прасковья Ивановна Логинова с детьми

в с. Усть-Большерецк. Фадей сопровождал в 1910 г. артель строителей первого телеграфа на Камчатке. Первым стал ездить на телеге с лошадью. Одна из дочерей, весьма привлекательной внешности Ася, прежде жила в Петропавловске. Вторая дочь – Евдокия, по мужу Лангбург (*Лангбурд – Ред.*) живет в г. Белгороде. Она, кажется, окончила педагогический институт в Петропавловске. Преподавала английский язык. Журналист, член Союза журналистов. Ее дочь Наташа пошла по стопам матери. Защитила диссертацию. Сын Константин проживает в Вашем городе.

О нашей семье

Мой отец Павел Константинович Логинов, действительно, состоял в дружине по изгнанию японцев с устьев рек. Награжден медалью, на одной стороне которой значилось: 1904–1905 г., на другой – «За веру, царя и Отечество». В 1919 году вместе со Сторожевским (*наверное Сторожевым – Ред.*) Павлом сопровождали проводниками Шведскую ботаническую экспедицию. Обследовали местность, прилегавшую к Апальской сопке. Это путешествие запечатлено на имеющихся фотографиях. Моя мать – дочь казаков Кравченковых (*Кравченко – Ред.*). Похожа была на курилов. Мой дедушка и отец были симпатичными метисами. Предки матери славились пышными чубами, что передалось и всем нам, кроме Михаила.

Уточняю данные страницы № 210 этнографической работы.

	Даты рожд.	Год смерти
Логинов Павел Константинович	1869-1870	1923
Кравченко Неонила Ивановна	1880	1934
Логинов Николай Павлович	1904	1980
Логинов Дмитрий Павлович	1910	
Логинов Михаил Павлович	1913	
Логинов Павел Павлович	1915	1981
Логинова Марфа Павловна	1906	1985

Отца и матери даты рождения предположительные.

О Логинове Николае Павловиче

Женился на Бречаловой Марии. Детей было: Сергей, Антонина, Алефтина, Бронислава и Валентина. Сергей служил в пятигорской милиции. Умер давно. Остались дети. Переписки не имею. Антонина Позднякова имеет трех или двух детей. Работала техничкой в Петропавловске. Алефтина померла сразу же после замужества. Бронислава окончила педагогический институт, но по специальности не работала. Под какой фамилией дети, проживающие, кажется, в Петропавловске, не знаю. Валентина работала медицинской сестрой, померла давно в Пятигорске. Фамилию оставшихся детей не знаю.

В старое время Николай получил незаконченное среднее образование в Петропавловске. При Советской власти работал сначала писарем сельсовета, потом в 1930 г. стал вместе с директором и агрономом в должности кладовщика – организовали втроем Большерецкий совхоз. Продвигаясь по службе, дослужился до главного бухгалтера совхоза.

Логинова Марфа Павловна

Образование четыре класса. Фамилии первых двух детей – Шмельковы, остальных трех – Осинцевы. Валентина Шмелькова. Образование 7 классов. Ее первый сын Анатолий – капитан траулера, проживает на Сахалине. Мария Шмелькова работает парикмахером в г. Комсомольске. О ее детях знаю мало. Лида Осинцева работала в геологической партии, а затем инспектором кадров на судостроительном заводе. Умерла. Ее сын Владислав Грейскоп служил в армии летчиком. Лева Осинцев закончил техникум связи. Одно время был начальником Охотской орбиты телевидения, трудился радистом на судах Охотского моря. Лилия Осинцева имеет законченное среднее образование. Начальник отдела кадров автотранспортного предприятия.

О Логинове Дмитрии Павловиче

В Большерецке получил образование 4 класса. Будучи подростком, подвозил на собаках зимой сено и дрова. Промышлял петлями зайцев, кулемками и капканами горностаев, стрелял уток. Летом со взрослыми заготовлял рыбу на кислую и юколу, помогал на сенозаготовках. Пришла Советская власть. Стал читать газеты. На какую сторону встать, сомнения не было. При организации ячейки РЛКСМ избрали секретарем. В марте – апреле 1927 г. состоялась окружная комсомольская конференция в Петропавловске. Выступление мое можно прочесть в тогдашней газете «Полярная звезда». Занимались мы, комсомольцы, антирелигиозной пропагандой, разъясняли политику Советской власти, учили быть преданными новому строю.

Любил слушать рассказы слепого Игнатия. Он был одиноким и самым бедным из беднейших жителей. Спорил со мной, что красные – большевики – большие болтуны, а я пытался это опровергать, говоря, что раньше, мол, жилось нам и другим плохо, а теперь всем будет лучше. Перепалка, правда, была незлобная. Желая доказать правоту, однажды организовал своих «хвастунишек» комсомольцев на поддвозку Игнатию сушняка на дрова. Четверо ребят валили сухостой, трое подвозили, а девушки пилили и кололи их на поленницы. С этих пор слепой спорщик поверил в доброту и организованность комсомольцев и меньше сопротивлялся мне при «политической полемике».

Вместе со взрослыми молодыми людьми мы подростки-комсомольцы при помощи учителя ставили спектакли. Я был бессменным суфлером. Старался правильно подать реплику и выходило, что оставался волей неволей как бы за режиссера. Осенью 1927 г. окружкомом комсомола был командирован во Владивостокский индустриальный рабфак. Окончил в 1931 г. Тоска по Большерецку овладела мной горемычным. Дальше учиться не стал. Вернулся на Камчатку и в том же 1932 г. поступил на работу в бухгалтерию Большерецкого совхоза. Так началась моя счетная карьера. В 1936 г. выехал в Москву. Там устроился на работу заместителем главного бухгалтера плодоовощного комбината. Женился в столице на старшем кассире Московской консерватории Евдокии Трошиной, которая впоследствии родила в 1943 г. дочь Людмилу. В 1937 г. завербовался на Камчатку старшим бухгалтером и вновь оказался в Большерецком совхозе. Служил в армии с сентября 1943 г. по январь 1944 г. Как нестроевой, был демобилизован с передачей на работу в лесной промышленности в Хорский леспромхоз. Работал главным бухгалтером: ОРСа Хорского леспромхоза, жилищно-коммунальной конторы Стройтреста 35, Камчатского монтажного управления треста «Дальтехмонтаж», строительного управления № 257, Хабаровского электромонтажного управления. Работал творчески сам и то же развивал у окружающих и тем более у подчиненных. Имеется большая переписка с газетой «Правда» и Министерством финансов по поводу упразднения в отчетах копеек. Условный экономический эффект от моего мероприятия по стране составил бы около 33 миллионов рублей. Эту систему ввел у себя на работе и организациях, подчиненных тресту 35, а чинуши из Министерства, отделавшись обещаниями и отпиской, так и не реализовали мое предложение. Привожу копию их последнего письма.

«Министерство финансов СССР, № 24-54 Логинову Д.П.

Управление бухгалтерского учета и отчетности получило Ваше письмо от 24 февраля 1982 г. По вопросу о сокращении числа цифр, применяемых в учетных операциях, путем округления сумм до целых чисел Вам направлен ответ 23.02.82 г. № 24-54.

В связи с тем, что вопрос о целесообразности округления сумм до целых чисел, где это возможно без ущерба для контроля, ПРИНЦИПИАЛЬНО РЕШЕН, Управление бухгалтерского учета и отчетности не видит необходимости в Вашем приезде.

Начальник Управления бухгалтерского учета и отчетности

П.С. Безруких, 11.03.82».

Вот как у нас все еще делается. Не хотят вводить новое. Держатся за старое, как черт за грешную душу, от чего и не надо моего присутствия в Министерстве. Скажу по секрету, не хвастаясь: на работе меня уважали за знание своего дела, творческую работу, умение организовать труд и умение влиять на производственные дела с целью эффективности ведения хозяйства.

Страшная тоска по родине, милом дорогом детстве, вынудили меня взяться за перо. Так родилась этнографическая работа «Большерецкий острог». Издатели, разумеется, печатать ее отказались. В ней ведь не найдется того, чего бы они желали – жителей Камчатки опаивали, купцы обирали и мы прозябали в кромешной неграмотности и невежестве. Любовь к моей родине, отчаяние и великая грусть к земле моих предков, а также боязнь, что село мое уйдет из истории, снова властно потребовали еще раз напомнить всем – не забывайте о моем селе, которое в истории Камчатки оставило огромной важности след. Так родилась повесть «Большерецкие беглецы». Это крик и отчаяние моей души.

Своими статьями в газете «Камчатская правда» всеми силами старался привлечь внимание общественности к трехвековой почти давности истории Большерецка. Статьи следующие:

† Нина Иннокентьевна Логинова-Щарахматова

† Татьяна Логинова-Савенкова

† Виктория Николаевна Шарахматова, ученый, специалист по традиционному природопользованию коренных народов Камчатки, кавалер медали «За верность Северу»

№ газеты	Год	Название
261	1970	Три расставания
295	1977	На Большой реке
161	1981	От Петрова дня до Успения
1	1981	Под Новый год
275	1981	Через порги
	июль 1982	Вырезку не получил. Поступил только перевод. Название статьи, наверное, – «Большерецкое судостроение»
	5 января 1985 г.	Строили всей Камчаткой
	2 марта 1985 г.	С именем связано

Весьма сожалею, что не прошла моя статья (вырезки и гонорара не получил) от 25 июня 1985 г. – «Здесь стояла крепость». Речь в ней идет о месте стоянки самой крепости Большерецкого острога.

Вторая моя жена – Тубалова Мария Антоновна. Живет отдельно от нас приемный сын, Тубалов Павел Дмитриевич, в Магадане. Дочь Логинова Людмила Дмитриевна. Сын работает заместителем начальника управления «Дальтехмонтаж». У него двое детей. Специальность дочери – главный бухгалтер. Ее сын Владимир Николаевич Логинов служит в армии – прапорщик.

Сдается мне, что в Ваших жилах течет Логиновская кровь. Мое хобби, догадываюсь, такое же, как и Ваше. Люблю древность, историю, а особенно камчатских своих предков. Скучаю по ягоде шикше, шеломайниковым пучкам, отварным головам из свежей рыбы.

Из книжки, написанной академиком Окладниковым и Василевским издания 1976 г. «По Аляске и Алеутским островам» на стр. 55 узнал, что на Аляске в г. Анкордже проживает праправнучка Мориса Бениовского Антонина Федоровна Шалкоп. Три раза, в разное время посылал туда письма, пытаясь установить с ней связь, но все они возвращались американской почтой, безответно. Хотел узнать точный адрес у Окладникова, но он, к сожалению, к тому времени скончался.

Логинов Михаил Павлович

У него волосы были похожи по цвету вороньих перев с плоскими крупными витками сказочной красоты. Был большим весельчаком. Участвовал с успехом в школьной самодеятельности, в художественном кружке, музыкальном, танцевальном. Во время учебы на материке потерялся неизвестно куда.

Логинов Павел Павлович

Образование неполное среднее. Главный бухгалтер райсобеса. Среди нас он был известен как многосемейный. Детей у него, наверное, человек семь, в том числе две женщины. О них Вам напишет его дочь Алла, так же как Федотьева и Арзамасцева. Ну, а на счет Абакумовой Ефросиньи, есть смысл Вам самому списаться или проехать в Малки, где она, очевидно, живет летом, а в Елизово, вероятнее всего, зимой. Детей и внуков у нее много и жизнь каждого из них очень примечательная.

Достойна упоминания и моя тетя по линии матери, Марфа Ивановна Бречалова. У нее в живых остались две дочери: Епраксия Александровна Абакумова и Зоя Александровна Арзамасцева. О них упомянуто выше.

Сообщаю о проживающих в Петропавловске.

1. Дети Логинова Николая Павловича – Позднякова Антонина, Бронислава (ее фамилию забыл).
2. О внуках Логинова Николая Константиновича, догадываюсь, знаете, как и их фамилии.
3. Селиванов Николай Николаевич.
4. Бречалова Елена Николаевна.
5. Дивеева Марина Андреевна, моя сверстница и землячка, дочь бывшего большерецкого учителя.

Желаю успеха и творческой удачи.

16 апреля 1985 г.
Дмитрий Логинов

В 2001 г. в издательстве «Северная Пацифика» была издана книга «Дорога в полтора века» Евдокии Лангбурд (Логиновой), в предисловии к своей книге она писала:

«Август 1995 г. был юбилейным в истории старинного рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. На севере Камчатки, куда отселилась родовая ветвь Логиновых, по вине дьячка, записывающего новорожденных в церковные книги, была допущена ошибка. В фамилию Логиновых незаметно прокралась еще одна буква “н”, и стали они Лонгиновыми. Родников признавали и уважали во всех уголках полуострова.

250-летний юбилей одного из старейших родов просветителей Камчатка отметила торжественно, как праздник породненных народов.

Камчатскому журналисту Сергею Вахрину удалось по архивным материалам установить родоначальника этой династии. Им является Петр Логинов, сын священника Михаила Романовича Логинова, погост Илаго Богородско-Казанской церкви близ Новгорода. Петр с отличием закончил начальную школу. Много читал, рвался учиться дальше.

Наконец такая возможность представилась. Его отправили в Москву, где он был зачислен в престижное по тем временам учебное заведение – Славяно-греко-латинскую академию. Он мечтал стать священником и учителем, как и его отец, чтобы “слово божье проповедовать, очищать души от скверны... Истину перед людьми открывать” (*С. Вахрин, «Просветители»*).

К выпускникам обратился архимандрит Иосиф Хотунцевский со страстным призывом идти за ним в Камчатку. И молодые люди откликнулись на этот страстный, может быть и не очень искренний, призыв и пошли нести знания и христианскую веру в далекие, необжитые земли, пошли с чистой душой, с открытым сердцем. Был среди них и Петр Логинов. Ему тогда исполнилось 23 года.

Точную дату прибытия Петра Логинова на Камчатку установить пока не удалось. Мы знаем его возраст в год окончания академии и год открытия первой камчатской школы в с. Большерецк, тогдашней столице Камчатки.

Можно предположить, что Петр Логинов прибыл на Камчатку со 2-й Камчатской экспедицией, в составе которой было много ученых, купцов, священников, студентов, промышленных людей, мореходов и других. Возглавлял эту экспедицию, как и 1-ю Камчатскую, известный мореплаватель Витус Беринг.

Пакетботы “Св. Петр” и “Св. Павел” прибыли в Авачинскую бухту осенью 1740 г. Зимовали там. В Большерецк Петр Логинов мог уехать на собаках с командой мичмана Елагина, который направлялся туда по приказу командора с особым заданием.

А мог приехать прямо в Большерецк морем из Охотска, как приехал туда в 1737 г. Степан Крашенинников, знаменитый исследователь Камчатки.

† Иннокентий Николаевич Логинов с семьей

В общем, к сороковым годам XVIII столетия дорог в Большерецк было уже достаточно и можно было выбрать более безопасную или удобную. Во всяком случае, в начале 40-х годов Петр Логинов был уже в Большерецке, где начал изучать жизнь населения, крестить камчадалов – и детей, и взрослых. Особенно внимательно присматривался к детям. У него уже сложилось твердое решение: камчадальским детям нужна школа. Помочь в этом могла церковь. Особых трудностей не возникло, в те времена церковь считала это своей святой обязанностью. И в августе 1745 г. первая на Камчатке школа открылась.

Петр Логинов оказался отличным учителем, дети полюбили его и уроки посещали с удовольствием. А учителя радовала сообразительность, старание, любознательность его учеников. Они работали, не думая и не догадываясь о том, что в этот момент они уже попали в историю.

Весть о школе и о русском учителе быстро разнеслась по всему полуострову. Ведь это было так необычно и ново для Камчатки. В стойбищах и острожках горячо обсуждалось это событие.

Можно представить эти разговоры, а их не могло не быть, больно новость была велика и взволновала родителей.

– Ой, паря, что я слышала! В Большерецке школу открыли! Русский учит. К добру ли это? Может, дети теперь и слушаться перестанут, – мать, у которой было семеро детей, с тревогой смотрит на соседку. А та ей в ответ:

– Ты че, дева? И не думай перечить, отправляй детей! Хоть считать научат, тогда уж приказчик не обманет. И читать будут книжки, ума набираться. В разговор вступает древний дед:

– Не будет добра от этого! Все старые обычаи забудут, старших уважать перестанут, в другие земли, за моря разбегутся, забудут родную землицу. Не было у нас школы и не нужно: жить надо, как деды жили. Не верю я русским. Но тут заговорил молодой парень:

– Вот я вырос, а читать и писать не умею, живу, как медведь в берлоге. А родич мой, Епифашка, уже азы, буки и веди складывает и задачки решает. И про Землю говорит, будто шар и вертится. Не знаю, может, соврал. Я тоже решил учиться, буду просить учителя.

– А мне из стойбища шаман сказал, что русские хотят забрать всю Камчатку, а камчадальское племя изжить напрочь. Для этого и церковь, и школа. Кому верить? – снова заговорила мать семерых детей.

Может, такие, а может, другие разговоры вокруг только что открытой школы, безусловно, велись. Были и противники, и защитники. Последние оказались сильнее, иначе школа перестала бы существовать. А она жила и работала.

В Петропавловске, нынешнем областном центре, первая школа открылась только спустя сто лет. И учителем там был тоже Логинов, внук Петра – Георгий Логинов. И священником в Петропавловском соборе тоже был Логинов и тоже Георгий. У этого служителя церкви оказалась особая судьба: он был участником обороны Петропавловска от англо-французских интервентов в 1854 г. Он благословлял защитников на подвиг, обходил батареи, громыхающие выстрелами, помогал выносить раненых, принимал последние слова умирающих.

Так зародилась династия камчатских просветителей Логиновых, и жизнь ее продолжается в нынешних поколениях.

В своей повести я рассказываю о большерецких Логиновых – большой ветви камчатских Логиновых-Лонгиновых. По традиции в этих семьях многие становились учителями, священнослужителями, народными лекарями. Камчатка всегда славилась ловкими и умелыми охотниками и рыбаками. Для камчадалов Логиновых промысел был их жизнью, независимо от главного дела, которое они избрали.

В роду Логиновых многие обладали великолепным слухом и отличными голосами, в каждой семье были певцы и музыканты.

† Семья Лангбурд (из фотоархива В.Т. Кравченко)

Люди с интеллектуальными наклонностями, врожденными, переходящими из поколения в поколение способностями, Логиновы никогда не чурались физического труда, среди них всегда находились мастера-умельцы. Охотники, как правило, были отличными лыжниками и меткими стрелками.

Во второй половине XX века в роду появились представители новых профессий – моряки, геологи, инженеры, экономисты, научные работники, военные. В последние годы возникли частные предприятия. Частные предприниматели – знамение времени.

О большой семье Константина Петровича Логинова, родившегося в первой половине XIX века, довольно подробно написал дальневосточный писатель Дмитрий Логинов. Я тоже из этой семьи, давно занимаюсь сбором исторических материалов и хотела бы кое-что уточнить и дополнить.

Старый Большерецк. Малая Родина моих предков. Каким же ты был в годы твоего расцвета?

По рассказам моей мамы, Веринеи Константиновны Логиновой (Федотьевой), и ее сестер, старый Большерецк был большим и красивым селом с интересной историей и богатейшей, не изуродованной еще в те времена природой. Как-то я сказала маме: “Не хочется верить, что это село бесследно исчезло с лица земли”.

– Почему же бесследно? – возразила мама. – Вот когда отправитесь в гавань, остановитесь перед рекой Гольцовкой. Поднимитесь на высокий увал, посмотрите вокруг – и вы увидите наш старый Большерецк.

Но Большерецка же давно нет, – удивилась я.

Смотри хорошенько и увидишь, – усмехнулась мама.

И вот уже позади Гольцовка с ее перекатами, подъем на увал, поросший кедровым стлаником, опушка с тремя могучими каменными березами. А с опушки перед нами открылась удивительная картина: среди светлой зелени четко вырисовывались темно-зеленые квадраты и прямоугольники. Они шли аккуратными рядами, образуя улицы и переулки. Мы насчитали их более 160.

Спустились вниз, походили по дворам. Они густо заросли могучей крапивой, раскормившейся на бывших подворьях. И стало как-то грустно от вида следов ушедшей отсюда жизни, бившей когда-то здесь горячим ключом.

Пройдут годы – исчезнут и эти последние следы. Как же сохранить образы дорогих и близких людей, пока еще живущих в нашей памяти? Стараюсь вспомнить все, что когда-то слышала, все, что узнала от родных и близких, что успела записать в разные годы. Теперь все это я решила собрать воедино, попытаться “одушевить” картины прошлой жизни, чтобы не исчезли они в будущем, не потерялись в грядущих веках. И пусть память о родниках будет долгой и благодарной».

«Всем привет! Я — Логинов Дмитрий, правнук Логинова Дмитрия Павловича. Я, конечно, догадывался, прочитав газетную статью, что мой род не так уж и мал, но чтоб настолько...

И еще, если кто-нибудь знает, как прадед связан с айнами, то, пожалуйста, напишите. Отец мне говорил, что, вроде, тот даже доказал родство».

† Веринея Константиновна Логинова

† Веринея Константиновна Федотьева (Логинова) с детьми

† Сестры – Мария и Веринея Логиновы

1823 год. Отец Иоан отправляется со всей своей семьей в долгое путешествие через всю Сибирь в порт Охотск, откуда они отплыли на Аляску. «Апостольское житие Иннокентия Аляскинского» (Аляска, 1997)

ПЕТРОЛОГИНОВЫ

Я уже писал, что открытие этой уникальной камчатской фамилии принадлежит не мне. Накануне сдачи рукописи книги «Тайны камчатских имен» в печать Артур Изосимович Белашов подарил мне свой давно уже обещанный, но в силу разных обстоятельств до сего не полученный и потому не прочитанный, сборник книг «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии». Почему я долго ждал этого подарка? Потому что в этих книгах, как сообщил мне сам автор, много ссылок на мои статьи и книги. И вот долгожданный подарок у меня в руках: «Сергею Вахрину — историку, земляку, другу народов Севера с глубоким уважением и благодарностью за тепло в отношениях. А.И. Белашов». Только еще перелистав эту книгу, я понял, что «Тайны камчатских имен» будут наполняться все новыми и новыми именами. Именами не только Героев, но и именами Авторов.

И открытие фамилии Петрологиновы целиком и полностью принадлежит Артуру Изосимовичу Белашову. «Фамилию Петрологинов носил священник Приамурского края о. Симеон. Читаем из некролога на смерть священника С. Петрологинова в газете «Приамурские ведомости» от 05.03.1895 г.:

«На истекшей неделе 27 февраля скончался один из старейших обывателей здешнего края священник о. Симеон Петрологинов. Несколько строк, посвященных прошлому покойного, прочтутся, конечно, с интересом всеми близко знавшими эту симпатичную личность.

О. Симеон — сын священника, уроженец Камчатки, воспитывался и обучался в духовной семинарии в Ново-Архангельске… откуда в начале шестидесятых годов (*XIX в. — А. Б.*) приехал на Амур; здесь безвыездно (*30 лет*) служил священником, частью на Уссури, частью на Амуре (*ниже Хабаровска*)… около 10 лет о. Симеон провел среди полудиких гольдов, преподавая им свет христианского учения…

Во внимание ли к заслугам… или личного к нему расположения — неизвестно, но бывший епископ Камчатский, впоследствии митрополит Московский Иннокентий, избрал о. Симеона своим духовным отцом и всегда у него исповедывался.

На похоронах и отпевании присутствовал главный начальник края (*генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской. — А. Б.*), его помощник и масса публики».

Вот такой духовной силы и авторитета был уроженец Камчатки — потомок династии Логиновых. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что в Ново-Архангельскую духовную семинарию Симеон — ученик Камчатского духовного училища — был отвезен лично епископом Иннокентием (Вениаминовым) в 1844 г. при закрытии училища. Владыка приметил способного семинариста, и при переносе своей кафедры в Якутск, а затем на берега Амура, взял его с собой и, мало того, будущий святитель выбрал Симеона Петрологинова в качестве своего духовного отца» (*Белашов А. «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, 2006, стр. 164*).

Отчество отца Симеона — Петрович. То есть, они с Константином Петровичем — родные братья. И видимо, новая фамилия — это вовсе даже не описка, а новая фамилия, которую дал новоиспеченному священнику апостол Сибири и Америки Иннокентий Вениаминов. Точно так же, как он дал новую фамилию северной ветви Логиновых — Лонгиновым.

«14 июня 1878 года миссионер священник Михайлово-Архангельской Приморской церкви Симеон Петров Петрологинов сочетал браком крещеного 19-летнего нанайца Василия Шулинга и крещеную Анну Борго 21 года из селения Кеорты на реке Амгунь. «Поручителями» жениха были николаевский купец второй гильдии Георгий Семенов, невесты — крестьянин селения Больше-Михайловского Матвей Максимов Вершинин.

В заключение более подробно опишу традиционные костюмы нанайских молодоженов, которые в 1897 году журналист «Приамурских ведомостей» охарактеризовал как «яркие, пестрые и весьма красивые». И воспользуюсь при этом воспоминаниями Людмилы Чебовны Бельды, очевидицы «необыкновенной свадьбы», сыгранной в апреле 1948 (или 1949) года по старым нанайским традициям.

«Невеста Лида была с верховьев Амура (фамилию ее не помню, может быть, Гейкер), жених — Саша Дигор, это значит низовские нанайцы». Он был одет как охотник: на голове маленькая шапочка без султана из хвостика пушного зверька, наголовная накидка, ниспадающая на плечи, на плечах куртка из тяжелого (парчового) шелка с равными полочками и отделкой вокруг шейного выреза, как круглый воротник. Стан перехвачен красивым поясом, на который подвешены нож в ножнах и сумочка «паду». На ногах — наголенники и обувь с длинными голенищами, закрывающими большую часть бедра. Все части костюма

1840 год. Святитель Иннокентий встречается с царем Николаем I, который говорит ему «Хочу, чтобы Вы были епископом Камчатским и Аляскинским». «Апостольское житие Иннокентия Аляскинского» (Аляска, 1997)

1997 год. Своим апостольским трудом Святитель Иннокентий объединил Америку и Россию в православной вере и стал заступником для всех молящихся ему. «Апостольское житие Иннокентия Аляскинского» (Аляска, 1997)

были богато орнаментированы — «расписные», по словам Людмилы Чебовны. Про голенища обуви моя собеседница сказала: «вышитые до верха».

Невеста поражала красотой и богатством своего костюма. Она была в нескольких халатах, верхний «сикэ» — необыкновенный: «до пят», украшенный древами жизни. «Если не было этого древа жизни на свадебном халате невесты, то, по представлениям нанайцев, женщина не имела будущего», — заметила Л.Ч. Бельды. На шапке, опушенной мехом рыси, развевались красные ленты. «Красивые наголенники, вышитые до бедер, — вспоминала Людмила Чебовна, — мы увидели, когда невеста поднималась на сани с приданым и приподняла при этом полы халата. На обуви из натуральной замши были гладью вышиты узоры: создавалось впечатление, что только пятки не вышитые».

Традиционная нанайская свадьба Александра и Лидии Дигоров стала далеким прошлым, но восприимчивая детская память навсегда сохранила образы жениха и невесты.

Татьяна Мельникова, заведующая отделом этнографии Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова:

В 1878 году в Большерецкой церкви служил священник Харлампий Петрович Петрологинов, еще один брат Константина Петровича. По данным РГИА ДВ (фонд 1009, оп. 3, д.118) в 1879–1884 годах он был переведен из Большерецкой церкви в Приморскую область по его заявлению.

И далее история этой семьи продолжается в Хабаровске. «8 ноября 1898 года, в день Собора Архистратига Михаила состоялось торжественное освящение Градо-Хабаровской Свято-Иннокентьевской церкви, совершенное протоиереем Александром Протодиаконовым в сослужении с настоятелем освящаемого собора протоиереем Харлампием Петрологиновым и всем причтом. Стоящая на невысокой горе, окруженная одно- и двухэтажными постройками, эта пятиглавая церковь была прекрасно видна из всех районов города. Изящный силуэт был выполнен в стиле церквей XVII века, а шатровая восьмигранная колокольня придавала особенный выразительный вид со стороны Амура».

На протяжении многих лет церковно-приходской школой при церкви святого Иннокентия Иркутского заведовал протоиерей Харлампий Петрологинов, являвшийся также законоучителем.

Чиновник Васильев

... Кавалерово (*Приморского края – С. В.*) было основано в 1910 г. В этом году, к одиноко живущему у скалы Федору Пополитову присоединились из разных губерний крестьяне-переселенцы: Григорьевы, Загребельные, Карчевские... Последней в этом году, а именно 17 июля, прибыла в образовавшееся поселение семья Плис из Уфимской губернии. В августе того же 1910 года крестьяне собрались на сход для обсуждения вопроса о названии своей новой малой родины. Назвали ее Кавалеровской, в честь георгиевского кавалера Федора Дмитриевича, сочинили бумагу и послали ее в уездный центр, в пост Ольгу. Ольгинский переселенческий начальник зарегистрировал ходатайство и переслал дальше – во Владивосток, где 13 октября 1910 года Приморское областное по крестьянским делам Присутствие и утверждает образование нового сельского общества. А кто же был тот ольгинский чиновник, что принял прошение кавалеровских крестьян и первоначально утвердил название? Известным переселенческим начальником был Алексей Иванович Устинов, но он заведовал Ольгинским подрайоном с 1913 по июнь 1918 года. А кто же был до него? Просматривая памятные книжки Приморской области, удалось установить, что в 1911 и 1912 годах до Устинова переселенческим начальником был Николай Алексеевич Ландезен. Но все это не то. И, наконец, в памятной книжке на 1909–1910 гг. удалось найти упоминание, что в 1910 году заведующим Ольгинским переселенческим подрайоном был Георгий Петрович Васильев. Теперь предстояло самое трудное: найти биографию (или, как раньше называли, «послужной список») этого Васильева в огромных архивных залежах. Трудность же поиска заключалась еще и в том, что фамилия Васильев так же широко распространена в России, как, скажем, Иванов, Петров, Сидоров, Кузнецов... «Перелопатив» десятки дел на самых разных Васильевых, наконец, удалось найти «Дело о службе землемера Г.П. Васильева» (*РГИА ДВ, фонд 19, опись 3, д. 141*). «Наш» Георгий Петрович Васильев родился 3 апреля 1869 года в мещанской семье и окончил Горецкие землемерно-таксаторские классы по специальности «частный землемер», и по окончании курса наук должен был отбыть воинскую повинность. 15 января 1890 года приказом начальника инженеров Виленского военного округа он определяется на службу с назначением кондуктором в управление отдельного производителя работ в городе Вильно. В конце 90-го года Георгий уже в Бобруйском крепостном инженерном управлении, затем служит в Терской инженерной дистанции на Кавказе и наконец добровольно поступает в августе 1893 года в Виленское пехотное юнкерское училище. По окончании училища в 1895 году с чином прапорщика Васильев три года «тянет» обычную армейскую пехотную «лямку» в 118-м пехотном Шуйском полку и в 1898 г. выходит в запас подпоручиком. Неизвестно, по какой причине Георгий Петрович решил перебраться на Дальний Восток. И вот в декабре 1898 года Васильев назначается землемером временной партии (решил вернуться к своей старой специальности) по заготовлению переселенческих участков при Южно-Уссурийском переселенческом управлении. В обязанности землемера партии входили: выезд на место будущего заселения, определение границ переселенческого участка, нанесение их на карту, исчисление площади участка, определение наличия леса и воды для пользования будущим жителям и многое другое. Эта беспокойная кочевая жизнь однако не понравилась Васильеву, и он подает прошение об отчислении его от должности землемера с переводом по собственному желанию в приставы Хабаровского округа, что было исполнено в январе 1900 г. Последующие годы Г.П. Васильев был становым приставом на Сучанском участке, Николевском стане (*кстати, становой пристав по должности равнозначен современному начальнику районного отдела милиции*), в сентябре 1902 года получает чин коллежского секретаря, а в феврале 1904 г. произведен в титулярные советники, что соответствовало IX классу табеля о рангах или армейскому штабс-капитану. С 1905 года начинается Ольгинский период в беспокойной и бурной жизни Васильева. В этот год, а именно 18 июня, приказом военного губернатора Приморской области за № 395 он назначается приставом Ольгинского стана Южно-Уссурийского уезда с производством в следующий чин коллежского асессора и перебирается с семьей в пост Св. Ольги. Женой Георгия была Евдокия Харлампиевна, дочь священника Хабаровской городской Иннокентьевской церкви Харлампия Петровича Петрологинова. В посту Ольга семейство Васильевых прибавилось: 1 июня 1906 года у них родился сын Федор, восприемниками которого при крещении (то есть крестными) были крестьянин Иван Архипович Пятышкин и Анна Модестовна, жена Константина Михайловича Вальтер. В начале XX века южная и западная части Приморья были почти полностью заселены, и потому высшая администрация края решила в январе 1909 года открыть отдельный Ольгинский переселенческий подрайон для все прибывающих переселенцев, а 1 марта был назначен и заведующий этим подрайоном – наш Васильев, с присвоением ему звания «чиновника особых поручений». Так бы и тянулась не слишком тяжелая и не слишком обременительная и хлопотливая чиновничья жизнь у Георгия Петровича, но следующий, 1910 год, явился для него беспокойным и переломным. 1 апреля 1910 года Васильев прибыл во Владивосток для участия в работе временной комиссии по утверждению новых переселенческих участков. 3 апреля комиссия начала свою работу, но Васильев на заседание не явился. Стали его везде искать, нашли в гостинице, в глубоком запое. Вероятно, городские соблазны сбили Георгия с пути истинного, как говорится, попала шлея под хвост, и запил-загулял наш чиновник особых поручений. Допился до того, что пришлось непосредственному начальнику Васильева Коровину и городскому врачу Служалеку помещать его в больницу с диагнозом острого отравления алкоголем. Очухавшись и подлечившись, Георгий на пароходе возвращается в Ольгу и снова приступает к своим обязанностям и прочим делам, которых за время его отсутствия накопилось великое множество. В конце июля в Ольгу прибыла большая экспедиция для разведки месторождений полезных ископаемых в окрестностях поста. Начальником экспедиции был горнопромышленник В.Г. Крупенский, с ним были также два австрийских профессора, два медика и известный геологоразведчик, капитан Борис Иванович Бунин. Крупенский предполагал построить здесь основную базу и начать генеральную разведку различных рудопроявлений. Помимо хлопот с обустройством и размещением группы Крупенского, Васильеву пришлось в августе разбираться с приговором нового Кавалеровского сельского общества, выезжать на место для осмотра, посмотреть, как устроились крестьяне в Кавалерове, утверждать их прошение и посылать во Владивосток. И лишь к концу года, закончив

все дела, Васильев по просьбе своего давнего друга Данильченко перебирается в Хабаровск, где устраивается помощником заведующего водворением переселенцев Хабаровского подрайона. По документам дела судьба Г.П. Васильева прослеживается до лета 1919 года, когда он числится делопроизводителем Хабаровского уездного воинского начальника, после чего следы его теряются в волнах смутного времени, а в истории нашего района он остается как чиновник, утвердивший название Кавалерово.

В. Хохлов, действительный член Общества изучения Амурского края.

В «Памятной книжке Приморской области на 1903 год» сообщается о том, что Харлампий Петрович проживает в г. Хабаровске, священник Иннокентьевской церкви, состоит в Благовещенском Епархиальном училищном совете. А его сын, согласно информации этой же «Памятной книжки…», Петр Харлампиевич Петрологинов работает помощником бухгалтера Амурской казеной палаты.

Петрологинов Герман Петрович (1909, Хабаровский кр., с. Казакевичево — 1938) русск., налоговый инспектор Сталинского райфинотдела, житель: г. Хабаровск. Арест: 1938.06.14 Осужд. 1939.02.26 Хабаровское РО НКВД. Приговор: дело прекращено за недоказанностью обвинения, из-под стражи освобожден, реабилитирован. (*Книга памяти Хабаровского края*).

Петрологинов Николай Владимирович, р. 1905 в ДВК. Проживал в п. Судоверфь Сах. обл. Зав. складом судоверфи. Арестован 21.02.1938. Осужден 16.03.1938 тройкой за антисоветскую агитацию к 10 ГЛС. Реабилитирован 23.05.1989. (*Книга памяти Сахалинской области*).

ПШЕННИКОВЫ

Патриарх этого рода — вероятно, Пшенников Дмитрий Федорович, сотник Нижнекамчатской казачьей команды, 52 года. Жена Агриппина Федоровна. Воспитанница их Параскева (9) (*Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.*). Дети в росписи не названы, так как, судя по возрасту Дмитрия Федоровича, они сами уже были взрослыми и вели самостоятельную жизнь.

Но впоследствии мы обнаруживаем только одну камчатскую ветвь казаков Пшенниковых: Пшенников Иван Григорьевич, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., фамилия которого в 1882 г. внесена в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 г. при нападении англо-французской эскадры» (РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 128; Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

В 1893 г. отставной казак Иван Григорьевич Пшенников (58 лет) проживал в селении Коряки. С ним жили: жена Анна Осиповна (67), сын Григорий (35). Жена Григория Пелагея Никаноровна. Дети их: Иосиф (7), Анна (9 мес.). Еще дети Ивана Григорьевича: кантонисты Роман (25) и Семен (21). Романа жена Хиотия Владимировна (20). Дети: сын ее от первого брака Диомид Федорович Новожилов (1). Проживает с ними Осип Игнатьевич Чудинов (15) (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК).

Еще один сын Ивана Григорьевича Пшенникова — Николай Иванович, льготный казак, 27 лет, жил отдельно в Петропавловске. Жена его — Марфа Семеновна. Дети — Екатерина (5), Анна (2) (*Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК*). Он был участником обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины и был награжден серебряной медалью «За усердие» (*РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 2020, л. 55*).

Внук Ивана Григорьевича Пшенников Иосиф Григорьевич был урядником (начальником) Камчатской казачьей команды (данные за 1911 г.).

Казачки Пшенниковы. 1901 г. Фото А.П. Сильницкого

СЕЛИВАНОВЫ (СИЛИВАНОВЫ)

Наиболее полный перечень Селивановых, проживавших в Большерецке в начале XX века, мы находим в книге Дмитрия Павловича Логинова «Большерецкий острог» и перечень этот весьма впечатляет.

С востока на запад от реки Манаковой стоял дом Александра Максимовича Селиванова, в котором он жил с сыном Иваном Александровичем, невесткой и внуком.

За ним (или рядом с ним) располагался дом Павла Максимовича Селиванова, в котором, кроме него с женой и сыном, жили еще, по-видимому, и зятья со своими семьями: Ефим Черных с женой и двумя сыновьями и Пшенников И. — с женой и дочерью.

За ним стоял дом Василия Максимовича Селиванова, где он жил с женой, тремя сыновьями и двумя дочками (из числа детей один впоследствии работал учителем).

Далее следовал дом Ивана Максимовича Селиванова, в котором он жил вдвоем с женой.

За ним был дом Николая Ивановича Селиванова, где он жил с женой и сыном.

За домов священника Григория Коллегова стоял дом Александра Александровича Селиванова, где жили еще жена, сын и дочь.

И, наконец, в отдалении от основной группы домов Селивановых стояли дома Ивана Николаевича Селиванова (жена, два сына и дочь: впоследствии двое были административными работниками, один — метеорологом) и Николая Ильича Селиванова (жена, двое сыновей и две дочери: впоследствии двое (*из детей — С. В.*) работали учителями). Кроме того, отдельной семьей в доме Николая Ильича жил старший сын Иннокентий Николаевич, у которого тоже было два сына и две дочери: впоследствии один из детей был учителем, второй — врачом, двое — административными работниками.

Селивановы были казаками. Поэтому им приходилось нести службу в самых разных, достаточно отдаленных от родного Большерецка, местах. Особенно интересно отследить служебные пути-дороги казаков по метрическим записям рождения их детей.

И мы предоставляем слово потомкам большерецкого рода Селивановых. Этот очерк написан известной в России журналисткой Ириной Николаевной Селивановой, дочерью заслуженного учителя РСФСР, участника Курильского десанта Николая Николаевича Селиванова, сестрой члена Союза писателей России Натальи Николаевны Селивановой.

Камчатская ветвь Селивановых

Семейная история

Документальный очерк

Историю любой страны можно «разложить» по фамилиям. В книге Сергея Вахрина «Тайны камчатских имен» сделана такая попытка — через судьбы почти шестисот представителей камчатских родов показать историю не только Камчатки, но и России последних трехсот лет. Эта работа вдохновила и меня на более глубокое изучение и исследование камчатского рода Селивановых, к которому я принадлежу.

Имя нашего рода произошло от канонического имени Селиван (из лат. *Silvanus* — «бог лесов»). Селиваном нарекли вновь обращенного (крещеного) татарина Кичибея, пришедшего на службу к рязанскому князю после взятия Казани еще в XVI веке. Как записано в истории, мой татарский пращур оказался хорошим воином, пожалован боярином, а его потомки за то, что верой и правдой служили Отечеству — дворянами.

Селивановы — роды дворянские, записаны в Родословные книги Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Воронежской губерний. Но было это так давно, что сейчас не найти конца той ниточки к дальним прародителям. Порастерялась, порастратилась память о предках… Что говорить о пращурах Селивановых, если про родного деда по отцовской линии, о его воинской доблести во времена казачьей службы в русско-японской войне 1904–1905 гг. я узнала почти через сто лет после его смерти и через десять лет после смерти отца (1993 г.). Узнала из книг и свидетельств, архивных материалов, книг путешественников и исследователей Камчатки, собирала по крупицам и с помощью специалистов из отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова. Дед умер от черной оспы в 1919 году, когда моему отцу было пять лет. Из рассказов матери, от старших братьев и сестер он знал, что его отец служил в казачьих войсках.

Но обо всем этом наш отец — Николай Николаевич Селиванов (1914–1993) своим дочерям не рассказывал. А в архивных документах 1930-х годов, в анкетах отца, его братьев и сестер нет и намека на то, что они дети отставного казака. В них Селивановы по социальному

происхождению или крестьяне (середняки), или дети торговца (иногда добавлено крупного торговца), или кулака. По национальности они то русские, то камчадалы.

Объяснить это можно, на мой взгляд, тем, что с 1920-х годов советская власть осуществляла ликвидацию «казачества, как особой экономической и этнографической группы». «Все казаки рассматривались советским правительством как неблагонадежные и социально-опасные элементы»[1]. Как показала история нашей семьи, к «опасным» относили и детей казаков.

Сегодня казачество реабилитировано, и я открыто могу сказать, что являюсь внучкой камчатского казака. Одно печалит, что и через 90 лет документы о репрессированных родственниках доступны их наследникам только в усеченном виде.

Большерецкий мальчик и шведы

Лето в 1991 году в Петропавловске-Камчатском начиналось с праздников. Торжественно отмечалось 250-летие открытия Америки. В 1741 году 16 июля корабли Беринга и Чирикова подошли к Америке. Была открыта Аляска — Русская Америка, а путь к ним шел отсюда, с Камчатки!

…В 1991 году произошло еще одно событие — «открытие» Камчатки «американцами». До этого Камчатка, как пограничная зона, была совершенно недоступна ни американцам, ни любому другому иностранцу. В феврале 1991 г. Петропавловск-Камчатский посетила первая делегация с Аляски. Летом — еще одна группа. Оказалось, не только американцы устремились на Камчатку.

Телефон звонил в квартире камчадала, моего отца Николая Николаевича Селиванова:

— Ваш телефон мне дали в Краеведческом музее, — в трубке слышался взволнованный женский голос. — Я журналистка из Швеции Елена Нильсон, ищу свидетелей научной экспедиции шведского путешественника Стена Бергмана в 1920-х годах. Мне сказали, что Николай Николаевич Селиванов знал его. Он может мне дать интервью? Я искала свидетелей месяц, а узнала про господина Селиванов только накануне отъезда. Я прошу вас, примите меня, я завтра улетаю….

Хелена спешила убедить свою собеседницу — жену Селиванова Фаину Георгиевну.

— Он плохо себя чувствует, — остужала пыл журналистки Фаина Георгиевна. Но, в конце концов, вняла просьбе иностранки и пригласила ее в гости.

Неожиданно отец заупрямился:

— Поправлюсь... Тогда пусть и приходит. — Однако жена и младшая дочь его уговорили.

За сутки до прихода иностранной гости, в доме царил переполох — генеральная уборка и подготовка к приему… Шутка ли, журналистка из далекой Швеции придет!

Большая комната, где собирались принять гостью, была критически осмотрена, и хозяйки пришли к выводу, что в таком виде иностранке ее показывать нельзя. Из квартиры старшей дочери Натальи Селивановой принесли тяжелый огромный ковер и уложили на пол вместо старенького паласа, переставили мебель, из другой комнаты принесли журнальный столик с креслами…

Фаина Георгиевна стряпала на кухне: лепила вареники с вишней, купленной втридорога на рынке. Решили, что этим удивят гостью больше, чем рыбой и традиционной икрой, ведь шведка уже месяц на Камчатке.

В назначенное время в дом явилась маленькая худенькая девушка, она довольно хорошо владела русским языком. Но тут случилось непредвиденное. Отец, еще накануне согласившись дать интервью, наотрез от-

† Николай Селиванов (в центре). Около 1928 г.

1 Г.Э. Введенский, Трагедия казачества. Век двадцатый, «Часовые Отечества» (из истории российского казачества), каталог выставки, Санкт-Петербург, 2006, АО «Славия», с. 183.

казался выйти к иностранке. Как мы ни уговаривали, он не переставал артачиться.

Договорились, что Хелена будет задавать вопрос, дочь — пересказывать его отцу и передавать ответ журналистке, а та — записывать на диктофон. Так я и бегала из комнаты в комнату, стараясь не упустить все детали отцовских воспоминаний. Но, как в детской игре «испорченная почта», особенности лексики отца утрачивались из моего пересказа, хотя я старалась.

— А почему она не нашла, — и отец назвал фамилию большерецкого проводника Бергмана (увы, я ее не запомнила). — Он еще живой. А я что? Я был мальчишкой, мне было всего восемь лет… Помню всякую глупость.

…Шведская экспедиция во главе со Стеном Бергманом прибыла на Камчатку, когда шла Гражданская война. Исследователи побывали в десятках селений, преодолели сотни километров за два года (1920–1922), ими сделаны уникальные фотографии, на которых запечатлены жители полуострова, их занятия и быт. В том числе Большерецка, в котором еще сохранялись традиции прошлого и общинный уклад жизни старинного села, бывшей столицы Камчатки. В Большерецке в то время проживало преимущественно русско-казачье население. Советская власть только-только утверждалась, а до ликвидации Большерецка было почти десять лет. С 1931 года началась новая история старого Большерецка, уже под новым именем — село Кавалерское.

Именно в этих местах на западном побережье Камчатки в основном и проживали представители камчатской ветви рода Селивановых.

Шведская экспедиция после исследования юго-западного побережья Камчатки (здесь ее сопровождал и краевед П.Т. Новограбленов) из Большерецка направлялась в глубь полуострова через село Апачи, мимо источников, на которых камчадалы издавна лечили «рубленые и рваные раны».

В разгаре стояла летняя страда, старшие сыновья и дочери Агафьи Михайловны Селивановой были заняты на сенокосе и заготовке рыбы. Младший Колька не вовремя повредил ногу на сенокосе. Агафья Михайловна уговорила проводника взять мальчика с собой. Так мальчик познакомился со шведами.

Ехали на лошадях. Все шесть иностранцев были светловолосые, высокорослые, одеты в никогда невиданные мальчиком одежды — комби-не-зоны, говорили не на японском языке, который мальчику был знаком. Привлекали внимание и необыкновенные вещи, которые они вытаскивали из своих мешков, а особенно фотоаппарат…

Однажды на привале Колька пошел вслед за двумя «мужиками» в кусты, чтобы справить нужду, и был потрясен… Покраснев, как лощавый кижуч, он выскочил из кустов, забыв о своих намерениях. Два мужика… оказались женщинами.

Мальчик никогда не видел женщин, одетых так же, как мужчины, коротко стриженных, к тому же курящих. Большерецкие женщины ходили в длинных юбках, девушки носили косы или закручивали волосы и покрывали их косынками, женщины короной укладывали косы на голове.

Эта история рассмешила шведскую журналистку, о курьезном случае и судьбе Н. Селиванова в целом она написала в очерке, опубликованном в шведской газете Svenska dagbladet (12 июня 1992 г.), а потом включила в моем пересказе в документальный фильм, посвященный Бергману. После этой встречи я стала записывать воспоминания своих родителей.

… Вернулся с Апачинских ключей мальчик здоровым. Агафья Михайловна прижала сына к груди, Николай был так похож на мужа, которого три года назад похоронили. И перед глазами встала картина того страшного года.

† Агафья Михайловна Селиванова (Винокурова) с сыном Георгием. 1931 г.

Черная оспа

…Николай Ильич здоровьем был крепок, в 1919 ему бы исполнилось 65 лет. Высокого роста, выносливый, отличный охотник! В зиму 1919 года, как только появилась на Манаковой (река) шуга, закончили ловить гольца, заготовили кижуча, и река встала, охотники потянулись в лес. Ильич, нагрузив нарты юколой для собак и охотничьим снаряжением, отправился промышлять соболя в сторону Опальской сопки — красивейшего вулкана, что южнее Большерецка.

Пока Николая Ильича не было, большая беда пришла в Большерецк, и на Камчатку — эпидемия черной оспы.

Страшная болезнь, не единожды косившая население Камчатки, в этот раз пришла с прибрежной косы недалеко от Большерецка. Охотское море, принимавшее воды Большой реки, в пятидесяти километрах от устья которой стоял Большерецк, словно играя с ней, сотни лет намывало песчаную гряду, которая мешала реке войти в море. Море удлиняло и удлиняло косу, а Большая спокойно несла свои воды вдоль, и все-таки впадала в него. Эта песчаная коса (кошка), исхлестанная и утрамбованная волнами сурового моря до сих пор тянется более 30 км и является лучшим местом для ловли рыбы.

После поражения России в войне с Японией (1904–1905) здесь стали хозяйничать японцы. 52 рыбных участка на Западном побережье Камчатского полуострова были отданы в концессию японским добытчикам и переработчикам рыбы. «На западном берегу Охотского моря на одном из японских рыбзаводов заболел черной оспой и умер японец, — вспоминал православный миссионер Нестор (Анисимов). — Рыбопромышленники втиснули труп в пустую бочку, забили ее и поставили вместе с другими бочками, наполненными рыбой. Это и послужило причиной быстрого распространения эпидемии по всей Камчатке».[1] Так ли, иначе ли, эпидемия черной оспы 1919–1920 гг. выкосила тысячи ительменов, камчадалов, коряков, унесла жизни многих большерецких жителей.

Николай Ильич о начале эпидемии не знал. Он подкатил к родному дому, расположенному в центре села недалеко от церкви на собачьей упряжке уже в темноте. В Большерецке было гнетуще тихо и темно. Но он этого не заметил. Изголодавшийся, промерзший за несколько недель

---

1 Митрополит Нестор, Моя Камчатка, Петроп.-Камч., изд-во «Камчатский печатный двор», 2003 г., с. 5.

† Писательница Наталья Николаевна Селиванова.
Худ. Дьяков Ф.Г. Портретная галерея «Скрижали Камчатки»

изнурительной охоты за ценным, но хитрым зверьком, он спешил домой…

В это время власти объявили карантин, въезжать в село было строго запрещено. «Взметнулась над селом страшная болезнь — черная оспа. Косила людей, словно косой. То над одним, то над другим домом печально повисали черные полотнища — вестники побывавшей здесь смерти»[1], — писала о тех событиях представительница породненного с Селивановыми рода Логиновых — Е. Лангбурд.

Два года свирепствовала оспа и, наконец, успокоилась.

В Большерецке из оставшихся 185 постоянных жителей в 1920-1925 гг. — более пятидесяти человек носили фамилию Селивановы.

Старшие Селивановы были по отчеству Ильичи, другие — Максимовичи. Покойный Николай Ильич Селиванов (1854–1919) был, видимо, старшим в роду. Имел брата Александра Ильича (1857 г. р.) и сестер: Неонилу Ильиничну (1864 г. р.) и Любовь Ильиничну (1866 г. р.). Это подтверждает запись в книге Большерецкой церкви Успения Пресвятой Богородицы, сделанная священником Григорием Коллеговым, совершившим таинство крещения в 1896 году Веринеи Николаевны Селивановой, дочери Николая Ильича. «Льготный казак Николай Ильич Селиванов и его законная жена Асинефа Иоанновна, оба православного вероисповедания. При этом присутствовали брат Николая Ильича Александр (39 лет) и сестра их Неонила (32 г.). Восприемники (крестные) были льготный казак Павел Максимович Селиванов и его жена Дарья Фаветовна Селиванова». В свою очередь, у Павла Максимовича Селиванова были братья Александр, Иван и Василий. Василий Максимович Селиванов был казачьим урядником, то есть унтер-офицером.

Можно предположить, что Ильичи и Максимовичи были двоюродными братьями и сестрами, а их родители — родными.

Об отце Николая Ильича — Илье Селиванове пока ничего неизвестно, как и о Максиме Селиванове. Известно, что в 1842 году частным командиром, зауряд-хорунжим[2] в Тигиле, расположенном севернее Большерецка, служил Селиванов (имя неизвестно). Возможно, именно о нем упоминает В. Войтъ: «… Очень много медведей водилось в то время на Камчатке … Был пример, когда казак по имени Селиванов в одну зиму убил 52 медведя».[3]

В начале и середине XIX века на Камчатке проживало много казаков и их родных, детей, жен Селивановых, они были родственниками, но пока родоначальника камчатской ветви рода Селивановых обнаружить не удалось.

Семья казака

В научном отчете другого путешественника и известного на Камчатке врача В.Н. Тюшова уже упоминается Николай Ильич Селиванов. Мой дед был у доктора проводником. Николай Ильич хорошо знал юго-запад Камчатки. Доктор Тюшов пишет о Селиванове, как об опытном охотнике, и описывает случай, как они переходили речку Амчигачеву (совр. Амчигача)[4]. Тюшов во время своих путешествий лечил камчадалов.

Упоминания о моих прадедах и дедах в трудах исследователей Камчатки говорят о том, что предки мои были людьми уважаемыми и хорошо знавшими свои края, соответствовали своей фамилии.

Имеются свидетельства камчатских писателей-документалистов, которые рассказывают о Селивановых, как о людях добрых и порядочных. Эти воспоминания особенно волнуют. Благодаря им, я будто в машине времени «погружалась» в прошлое на сто с лишним лет и ярко, как живых, представляла родников в их уже не существующих большерецких домах.

Другой «машиной времени» являлись архивные документы. Когда я знакомилась с делом отца по обвинению его по ст. 58-10 (с помощью которой осуществляли политические репрессии), у меня учащенно билось сердце и дрожали руки.

Итак, старшие из Селивановых Николай Ильич и Александр Максимович в конце XIX века были уже льготными казаками Петропавловской казачьей команды, отслужившими действительную службу.

Льготными казаками называли тех, кто служил в третьем периоде казачьей службы. По закону 1875 г. казачья служба длилась 20 лет (с

1 Е. Лангбурд, Дорога в полтора века, документально-художественная повесть, Петр.-Камч., изд-во «Северная Пацифика», 2001 г., с. 106.

2 Занимающий офицерскую должность в казачьих войсках, но не имеющий офицерского чина

3 В. Войтъ, Камчатка и ее обитатели, с видом города, Санкт-Петербург, 1855 г., с. 14.

4 «По западному берегу Камчатки», Записки русского географического общества по общей географии, т. XXXVII, 2-й, Санкт-Петербург, 1906 г., с. 123.

18 лет), делилась на четыре периода: подготовительного разряда — 3 года, действительной службы — 4 года, льготной службы — 8 лет и запаса — 5 лет.

Ежегодно льготных казаков отправляли на службу на несколько месяцев, чаще всего в летние месяцы, охранять заповедные места, лежбища морских животных, места рунного хода лососевых от иностранных браконьеров, чаще всего японцев. В остальное время года казаки занимались охотой, рыболовством и другими промыслами, чтобы прокормить свои семьи.

В 1897 году служивым из Большерецка приказали явиться в Петропавловск. В Петропавловском порту их посадили на судно, груженое оружием, порохом, патронами, палатками, продуктами, всем необходимым для походной жизни на острове.

Судно вышло из Петропавловска в Тихий океан и направилось на острова Беринга и Медный. Два-три месяца, пока шел окот морских млекопитающих и малыши «поднимались» на ласты, казаки охраняли их от японских и американских браконьеров. Это было время неограниченного хищнического истребления морских животных. За полтора столетия со дня открытия Командорских островов 2-й Камчатской экспедицией из миллионного стада морских животных сохранилось около 15 тысяч. Американцы, японцы, русские, как только на прибрежных скалистых берегах Командорских островов появлялись котики, каланы, тюлени, на сотнях лодках и шхунах устремлялись за легкой добычей. Браконьеры понимали только «язык» казачьих берданок и карабинов.

Когда вышли из бухты, началась сильная качка, но Ильичу это было не впервой, на Командорах он был уже не раз.

— Как там, в Большерецке, Асинефа управляется с Иваном и Веринеей? — подумал Ильич о жене и детях.

Казаков в Гавани провожали торжественно. Группе служивых вручили серебряные медали «За усердие»[1] в честь 200-летия присоединения Камчатки к Российской империи, которое отмечали в 1896 году. Он взглянул на прикрепленную на бешмете сверкающую серебром награду. На одной ее стороне изображен профиль императора и написано: «Николай II Император и самодержец Всероссийский», на другой — рядом с веточкой дуба: «За усердие».

Перед отплытием на острова казаков сфотографировали.

Коллективный снимок казачьей Петропавловской команды хранится в Камчатском краеведческом музее. Среди них и пятидесятник Николай Ильич Селиванов. Но разве найдешь среди них деда?! Ведь фотографий в семье Николая Ильича не сохранилось.

Еще была преподнесена котиковая шуба — царский подарок. В те годы шубы из котикового меха очень ценились.

… Вернулся Николай Ильич в Большерецк через два месяца с подарками для детей и жены, привез и котиковую шубу. Хотя в Большерецке в то время проживали преимущественно русские, мужчины таких шуб не носили. Когда отправлялись на охоту или зимнюю рыбалку, предпочитали одежду, сшитую из меха оленя: на ноги надевали торбаса, наколенники, штаны, сверху кухлянку, малахаи, которые искусно шили ительменки, камчадалки и корячки, или ходили в тулупах. Одежда была легкой, теплой и удобной. Летом мужчины носили русские рубахи с воротником стойкой и разрезом посредине, в сапогах. Николай Ильич казачий мундир берег, надевал только по случаю.

Хозяина встречал дом, полный гостей. Соседи, братья и сестры Ильича. Поздравляли с наградой, любовались на шубу «с царского плеча». Ильич, примеряя, посмеивался: «Ну куда я таким барином выйду…». Когда гости ушли, попросил Асинефу убрать подарок. Жена уложила шубу в мешок и унесла в балаган для сохранности от вездесущих мышей.

В 1899 году в дом Селиванова пришло первое горе. Умерла жена и хозяйка Асинефа Иоанновна (1872–1899). Прожила всего-ничего — 27 годочков. Николай Ильич остался с шестилетним сыном Иваном (1893–1948) и трехлетней дочерью Веринеей (1896–1955). Старший уже многое понимал, а малышка все звала и звала маму…

Второй женой Николая Ильича стала дочь мещан селения Старый Острог (ныне г. Елизово) Михаила Григорьевича и Юлии Георгиевны Винокуровых — 21-летняя Агафья, вторая по старшинству из семерых детей Винокуровых. Вдовцу-жениху — было 45 лет.

Семейная история не сохранила рассказов о встрече и знакомстве с Агафьей, и почему молодая девушка вышла замуж за вдовца. Возможно, он знал эту семью, когда по службе бывал в Старом Остроге, и

1 Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф.1044, оп.1, д.129

она ему полюбилась. Возможно, это был выгодный брак для небогатой мещанской семьи.

Николай Ильич послал сватов в дом Винокуровых. А вскоре и сам, надев казачий бешмет и пристегнув медаль «За усердие», явился в дом невесты. Получив родительское благословение и сыграв свадьбу, он увез Агафью в Большерецк.

Молодая жена стала матерью для детей Николая, и родив своих, никогда не делала разницы между ними. Агафья сразу окунулась в заботы по уходу за малолетними Иваном и Веринеей и по ведению большого хозяйства. В 1901 году у них с Николаем родился первенец, которого назвали Иннокентием.

Николай Ильич и Агафья Михайловна прожили дружно двадцать лет. Агафья родила шестерых детей, подняла восьмерых. В сорок один год овдовела, осталась с пятью несовершеннолетними детьми.

За Иннокентием после пятилетнего перерыва родились дочь Людмила (1906–1960), Мария (1908–1941), Георгий (1909–1977), Николай (1914–1993) и Илья (1916–1985). Главе семьи, когда началась русско-японская война, было пятьдесят лет.

— Ну что, Агафья, снова тебе одной управляться, япошки обнаглели. Разбили наш флот под Порт-Артуром. Думают, что теперь хозяйничать будут. — говорил Ильич жене, собираясь в очередной поход. — Отправляют нас к мысу Лопатка, теперь поближе к дому, на лежбища.

Ближе к мысу Лопатка на оконечности полуострова на удобных скалистых берегах морские котики «устраивали» раз в год родильные площадки. Японские рыбаки и до войны приплывали с Курильских островов, ловили рыбу в реках Камчатки, били морских животных. А когда Япония разгромила российский флот и стала теснить российские сухопутные силы в Манчжурии, японские рыбаки на рыболовецких шхунах десятками высаживались в рыбных местах, местах лежбищ котиков, варварски бесчинствовали. Нужно было ожидать вооруженной высадки японцев.

Николай Ильич был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка в период русско-японской войны 1904–1905.

«Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Петр Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Во-

† Учитель Николай Николаевич Селиванов со своими учениками

лынкин, Чудинов, Помазкин — отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка».[1]

Русско-японская война

О нападении японских военных кораблей на Российский флот, о начале войны с Японией в Большерецке узнали в конце февраля 1904 года. Телеграфа в Большерецке не было. Весь 1904 год приносил тревожные сообщения о поражениях русского флота.

– Ну, Агафьюшка, — прощался снова Николай Ильич с женой, — оставляю тебя одну с детьми. До Большерецка японцы, конечно, не дойдут, вы тут не волнуйтесь…

…На площади у церкви собралось много казаков и ополченцев. Были тут его родной брат Александр и двоюродные братья Александр, Павел и Василий (Максимычи) Селивановы, другие односельчане.

В мае 1904 г. началась высадка японцев на русский берег.

Первая схватка произошла на реке Большой, где дружинники под командованием казака Селиванова на ботах атаковали японскую шхуну и сожгли ее. Во второй половине мая были уничтожены еще четыре шхуны в реках Колпаковой, Облуковиной.

…По апрельскому насту в 1905 году прибыл гонец, а вскоре обозом на собачьих упряжках привезли из Гавани берданки. У казаков оружие было, но самих-то казаков в Большерецке было немного, человек семнадцать. В Петропавловске решено было набирать ополчение. Берданки предназначались для местного населения, в большинстве своем отличных охотников, вооруженных винчестерами. Патронов для них было мало.

«Коснулась русско-японская война и далекой от Маньчжурии Камчатки. Здесь оборону полуострова и города Петропавловска возглавил уездный начальник А.П. Сильницкий — исследователь Дальнего Востока, литератор и этнограф, — описывал оборону Камчатки военный историк А.В. Шишов в фундаментальном труде «Япония и Россия»[2]. — В апреле 1904 года он [А.П. Сильницкий] провел сбор горожан и объявил им о возможности вторжения японцев на Камчатку. Сход решил создать воинскую дружину из 89 человек. Сильницкий, подсчитав возможности русского населения и камчадалов уезда, решил, что в случае ведения партизанских действии против японских войск можно опереться на две тысячи вооруженных ополченцев».

«В 20-х числах мая (1905) четыре японские шхуны высадились у села Явино, жители которого ушли в горы — десантный отряд из 150 человек под командованием лейтенанта Гундзи с одним полевым орудием. Водрузив в Явино японский флаг, десантники стали грабить село».

Тревожное известие вскоре пришло в Петропавловск. Оттуда вышло в Явино небольшое судно с отрядом дружинников под командой прапорщика Жабы. Из Большерецка, отстоявшего от Явино на сто километров, двинулась дружина унтер-офицера Сотникова. В Усть-Озерной оба отряда соединились — всего набралось 88 человек, из них 71 камчадал и 17 русских, преимущественно казаков.

16 июля дружинники неожиданно напали на неприятельский лагерь. Большая часть японцев на шлюпках бежала на стоявшие у берега шхуны, потеряв при этом в бою 32 человека убитыми и ранеными, а лейтенант Гундзя попал в плен. Потери дружинников составили: два человека погибшие и несколько раненных.

Японцы пытались высаживать десантные отряды и в других селениях Камчатки. В Усть-Большерецке местная дружина во главе с казаком Селивановым отбила нападение, в бою погибли 11 японских солдат. Под Карегой японский десантный отряд потерял 30 солдат, и только пятерым удалось спастись на шхуне. Полной неудачей закончились попытки захватить прибрежные селения Коль, Воровское и Озерное, остров Медный, который успешно защитили местные жители — алеуты.

В конце июля к берегам Камчатки подошли крейсеры «Сума» и «Идзума». Войдя в Авачинскую бухту, «Сума» обстрелял Петропавловск. Когда японцы убедились, что город не обороняется и пуст (местные жители покинули его), на берег был высажен десант в 200 человек. После этого крейсеры ушли к Командорским островам, но из-за штормовой погоды высаживать десант не стали. Крейсерский отряд вновь подошел к Петропавловску, и японцы оставили в городе грозное письмо с требованием освободить попавшего в русский плен лейтенанта Гундзи, одного из руководителей патриотического общества на севере Японских островов.

В ходе обороны побережья Камчатки защитники полуострова в конце войны уничтожили 20 японских шхун и до 200 неприятельских

1 Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф.1044, оп.1, д.129

2 А.В. Шишов, Россия – Япония, военная история, гл. 4, 5, с.127

солдат и офицеров. Японцы в дальнейшем больше не предпринимали каких-либо военных действий против Камчатского уезда, опасаясь затяжных боевых и партизанских действий со стороны местных жителей — русских и коряков».[1] Приведенный фрагмент из большого исторического исследования историка Шишова рассказывает, как камчадалы защищали свой край. Историк посчитал нужным отметить и Селивановых.

До недавнего времени было известно, что за участие в русско-японской войне Н.И. Селиванов был награжден Георгиевским крестом, но в 2013 г. в Санкт-Петербурге выяснилось, что за участие в отражении японских десантов, он был награжден вторым Георгиевским крестом 3-й степени.

Награды в семье не сохранились (только номера крестов и медали), ведь это были атрибуты Российской империи и российского казачества — их переплавляли тоннами, как рассказывал мне известный петербургский коллекционер.

Большерецкие времена (1906-1932)

Дом Николая Ильича стоял рядом с домом Сторожевских, недалеко от церкви и школы. За отцовским домом построился старший сын Иван, который женился на Ольге, дочери большерецкого крестьянина Власия Ивановича Кравченко.

Оба селивановских дома располагались в центре старого села. «Отсюда открывался красивый вид на церковь, стоящую на пригорке. На площади расположились лавки купцов. Большая, чуринская, поменьше — местных купцов. Площадь окружали дома довольно богатые и просторные, с большими окнами, нарядными крылечками, большими дворами, полными скота. Когда приезжали знатные гости, то им в первую очередь показывали эти дома.

Однажды в Большерецк приехал родственник богатого торговца Чурина.

— О, эти дома мне знакомы, — сказал гость. — Я уже был приглашен в очень приличный дом Селивановых».[2]

Сельская молодежь нередко устраивала в доме Селивановых вечерки.

«А по субботам и воскресным вечерам — в доме тишина. Девки, нарядившись в обновки, шли на вечерки, — вспоминала одна из жительниц рода Логиновых. — Вечерку ныне устроили у Селивановых. У них горница просторная, а главное — они тоже граммофон купили, а логиновские девицы новые пластинки привезли. Пашенька модные танцы с ними разучила: краковяк, польку-бабочку».[3]

— У нас в доме была необыкновенно яркая керосиновая лампа, «трехлинейка», — вспоминал Николай Николаевич Селиванов. — Фитили у нее располагались не в два, а в три ряда.

Сегодня, благодаря писателю Д.П. Логинову, можно получить представление о том, каким движимым и недвижимым имуществом владели Селивановы и другие жители Большерецка в те годы.[4] Бросается в глаза, что не было особого социального расслоения, во всяком случае, если судить по количеству амбаров, балаганов, бань, упряжек собак, дойных коров и лошадей и другого имущества, которым владели большереченцы (1920–1925). Почти у каждого хозяина были дойные коровы: минимум — одна, максимум — три. Из 34 владельцев усадеб лишь у шестерых не было амбаров. Лошадьми владели 23 хозяина из тридцати четырех, это более 68 процентов. Однако надо учитывать, что тогда лошадей из-за отсутствия дорог использовали как гужевой транспорт значительно реже, чем собак. Не имели имущества пристав, священник, учитель…

«Николай Ильич имел просторный дом, два амбара, баню, упряжку собак, две дойные коровы, лошадь. Сын Иван владел таким же имуществом».[5]

Старшую дочь Веринею выдали замуж за Константина Ильича Панова.

А через десять лет в протоколе судебного заседания от 10 июля 1939 года о классовой принадлежности Н.Н. Селиванова, сообщалось: «Селиванов происходит из крестьянских середняков, местный житель, был … в броне, имел три добрых коровы, 5 лошадей. Всего с молодня-

1 А.В. Шишов, Россия – Япония, военная история, гл. 4, 5, с.128

2 Е. Лангбурд, Дорога в полтора века, документально-художественная повесть, Петр.-Камч., издво «Северная Пацифика», 2001 г., с. 38

3 Там же.

4 Д.П. Логинов, Большерецкий острог, Петр.-Камч., ХК «Новая книга», 2012 г., с. 217-220

5 Там же.

ком — 12 голов, собак 25 штук, два дома, два бата (лодки), один амбар, один балаган для юколы»[1].

Здесь неточность: это принадлежало братьям Селивановым. Николай Николаевич в эти годы учительствовал и хозяйства в Колпаково не имел.

Селивановы материального благополучия добились тяжелым трудом и нелегкой службой в казачьих войсках. Уйдя в отставку, казаки занимались рыболовством, охотой, торговлей, в тяжелых условиях на нартах доставляя продукты и необходимые товары в дальние поселки. Работников не нанимали.

Дети Селивановых росли умные и трудолюбивые. Николай Ильич Селиванов заботился, чтобы они получили образование. Если Иван закончил только начальную школу, то Иннокентий после окончания семилетки в Петропавловске (там преподавал П.Т. Новограбленов), был отправлен во Владивосток в учительскую семинарию (1917–1918), и только революционные события в Приморье помешали ему ее закончить.

Дочери замуж выходили по любви. Людмила вышла за Георгия Коллегова, дьякона бывшей церкви.

Младшая Мария Николаевна вышла за Петра Сторожевского.

Советская власть расправляла крылья над всей Камчаткой, учиться стало модно, и молодым такая возможность предоставлялась.

Николай Селиванов окончил начальную школу в Большерецке, а семилетку — в Петропавловске. Активному комсомольцу (с 1928 г.) предложили продолжить учебу в Высшей школе комсомольского состава в Хабаровске. В 1930 году Агафья Михайловна благословила и собрала Николая в дорогу. Сын впервые отправлялся в такой дальний путь. До Петропавловска Николай добрался на попутной машине, там несколько дней ждал пароход. Пять дней плыл на пароходе до Владивостока, потом ехал по железной дороге до Хабаровска и через полмесяца был на месте:

— А школу перевели в Москву. Вам разве не сообщили? — удивились в отделе кадров. — Поезжайте в Москву, раз у вас есть направление.

«Хорошо сказано», — подумал паренек, ведь денег было только на один конец. Не только до Москвы — вернуться во Владивосток едва хватит…

Во Владивостоке он бродил по порту в поисках работы. Удача, а может, судьба улыбнулась юноше.

— Николай! — окликнул его кто-то.

Он обернулся и увидел своего учителя Прокопия Трифоновича Новограбленова, у которого учился в Петропавловской семилетней школе. Новограбленов не только учил детей, но был страстным краеведом, изучал Камчатку.

— Ты что тут делаешь? Что такой унылый? — спросил Прокопий Трифонович.

— Приехал учиться, — ответил Николай и рассказал, как ему не повезло.

— Что собираешься делать?

— Не знаю, не решил.

— Не хочешь стать учителем? В Петропавловске педагогический техникум открывают. Возвращайся домой, педагоги на Камчатке очень нужны.

Николай заколебался, ему хотелось вернуться домой, но как сказать, что у него нет денег…

Будто догадавшись, учитель сказал:

— Чего тут думать?! Пойдем купим билеты, пароход завтра отходит.

Таким образом в 1932 году в селе Немтым Соболевского района появился 18-летний учитель русского языка и истории Николай Николаевич Селиванов. А в 23 года его назначили заведующим школой-интернатом в Крутогоровском рыбкомбинате АКО. Школа располагалась на 5-й базе.

К началу 1930-х годов почти все дети Агафьи Михайловны Селивановой стали самостоятельными. Даже младший Илья, лишь ему исполнилось четырнадцать, тоже решил стать учителем.

…Агафья Михайловна несколько лет назад вступила в колхоз, который возглавлял их сельчанин Ворошилов. На единственной фотографии, сохранившей образ Агафьи Михайловны, она запечатлена рядом с сыном Георгием. На обороте фотокарточки написано: «Родной маме. I обл. съезд делегатов. Ваши успехи показали в Области родной Кам-

1 Государственный архив Камчатской области (ГАКО), ф. 1944, п-55388, из протокола судебного заседания 10 июля 1939 г.

† Николай Николаевич Селиванов с учениками. Петропавловск-Камчатский, школа №14 на ул. Ленинградской, 1952–1957 гг.

чатки, на полях колхоза ударные стахановские темпы. Люблю родную маму, и будут любить все наши родники (родные, *местн.*)». Год не указан, но учитывая, что Георгий 1909 г. р., это могло быть в 1930-е годы. Георгий работал в Петропавловске в АКО экспедитором.

Иннокентий после смерти отца заменил Николаю и Илье отца, следил за их учебой и жили они вместе. У Иннокентия к тому времени была семья и трое детей. В 1922-м его выбрали секретарем сельревкома в Большерецке, а в 1928-м году стал председателем Усть-Большерецкого райисполкома. Этот Селиванов толковый был и ответственный. В партию вступил в 1929 г.

Агафье принесли газету, в которой писали про сына:

«На первой конференции камчатских коммунистов 10–15 января 1930 г. Иннокентий выступал против хищнического истребления соболя: «Делегат Усть-Большерецкого района камчадал И.Н. Селиванов подчеркнул, что в целях охраны ценнейшего камчатского соболя надо в будущем применять какие-то сильные меры, вплоть до уголовных… Нужно ввести какую-то систему регистрации пушнины и применять разные меры к злостным несдатчикам».[1]

Налаживалась жизнь в новом селе Кавалерском, где Селивановы поставили хорошие дома. Село стояло на высоком месте, на берегу Семейки, и окружавшие реки не угрожали сельчанам наводнением.

Тревогу у Агафьи (и не только) стали вызывать начавшиеся в селе аресты. Священника Николая Константиновича Логинова, матерью которого была младшая сестра покойного мужа, арестовали, конфисковали все имущество, грозились отобрать дом и отдать детей в детдом, да родники не отдали. Говорили, что в доме ничего не оставили, все повыгребли кон-фис-ка-торы.

Старший Иван накануне отнес рыбу племянникам, успокаивал ребят и жену: «Какие они враги, Саня да Коля? — наивно рассуждал

1 И. Яровикова, зав. парт. архивом обкома КПСС, Это наша история, газ. «Камчатская правда», № 283, 7 декабря 1988 г.

он. — Лучших-то людей во всем белом свете немного сыщешь. В селе все об этом знают…»

Агафья очнулась от дум и перекрестилась, словно хотела отодвинуть приближавшуюся беду. И предчувствие ее не обмануло…

Репрессированное десятилетие

В справке, выданной в 2015 году ГАКО[1], — табличка из двенадцати строк с перечислением уголовных дел, возбужденных по статье 58 УК РФ. В таблице двенадцать раз повторяется фамилия Селивановых, только имена и отчества разные. Отсутствуют фамилии только трех сестер Селивановых, носивших другие фамилии. Они не были репрессированы, репрессированы их мужья.

Черная оспа 1919 года обошла Селивановых, взяв с собой лишь старшего из рода. Через пятнадцать лет «политически-классовая оспа» не пощадила никого.

Иннокентий Николаевич Селиванов (1901–1948), один из первых Селивановых, открыл этот печальный список. ПредРИКа[2] Усть-Большерецкого района арестовали в 1933 году, но через три месяца дело было прекращено. Не прошло и года, как в 1934 году снова возбудили дело. 4 сентября, несмотря на то что прокуратура Камчатской области дело по обвинению И.Н. Селиванова прекратила за недостаточностью материалов для предания суду, особым совещанием при НКВД СССР Иннокентий Николаевич был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Иннокентия осудили за участие в несуществующей, как потом выяснилось, контрреволюционной организации «Автономная Камчатка».

В каждой строчке предъявленного обвинения была ложь, грязь, сплетни, болезненные фантазии.

«Я старший уполномоченный Камч. ПО НКВД ГРИНБЕРГ, сего числа рассмотрел компрометирующий материал на гр-на Селиванова И.Н. — сына кулака, торговца, до 1918 года учившегося в духовной семинарии, оказавшегося в период с 1919 по 1923 гг. активное содействие белым по борьбе с красными партизанами. В 1923 году со своим родственником, бывшим казачьим урядником Селивановым Василием Максимовичем, был завербован в члены к-р повстанческой организации и был назначен к выполнению обязанностей пом. нач. Хайковской повстанческой дружины (помощник Сторожевского Петра), которая вела подготовку к восстанию против Соввласти.

С 1919 по 1932 год включительно Селиванов И.Н. поддерживал систематическую связь с администрацией японских концессионных предприятий и с японагентами, ведущими шпионскую работу, СЕГИТАРО.

В 1929 году СЕЛИВАНОВ пролез в ряды ВКП(б) и устроился в руководящий районный аппарат — вначале инструктором райисполкома, в последующем до 1930 г. пред. райисполкома. В этот период он проживал на квартире своего шурина, бывшего торговца СТОРОЖЕВСКОГО, который являлся нач. Хайковской повстанческой дружины, а его помощник был СЕЛИВАНОВ И. Н».[3] И т. д. и т. п.

Известно, что по делу «Автономная Камчатка» было арестовано 146 человек, а в 1957 году выяснилось, что такой организации вообще не существовало.

Арестован был сын Ивана — Николай.

Дошла очередь и до 19-летнего Николая Николаевича Селиванова. В 1933 году, когда арестовали Иннокентия, Николая исключили из комсомола за связь с родным братом, а в 1938 году пришли и за ним.

† Сын казака и ительменки, Н.Н. Селиванов был хорошим охотником, рыбаком, управлял батом. Река Быстрая в районе Малок. 1960-е годы

1 Государственный архив Камчатской области (ГАКО)

2 Председатель райисполкма

3 ГАКО, ф. 2088, П-56186

О подробностях ареста отца мне рассказал в 1998-м году Николай Константинович Панов, приемный сын Веринеи Селивановой, сестры Николая: «Подполковник Олейников арестовывал Николая Николаевича. Я носил передачу в отделение милиции. Мама наготовит, рыбу нажарит, а они все перемешают. Я был мальчишка, и меня туда пускали.

Это было в 4 часа утра, двери у нас в дом на ночь не закрывались. Заходит дядя Коля весь в крови, зубы повыбивали. Спать не мог, десны повывернуты… Он рассказывал, что на допросе схватил стул и замахнулся на следователя, а тот рукояткой пистолета стукнул его по челюсти… Они вскоре снова пришли и тормознули его до четырех часов вечера. Это был последний допрос. Он не подписал, что был связан с японцами».

Знакомясь с уголовным делом отца, убеждаешься, что обвинения притянуты за уши. Выдержка из допроса, по-моему, комментариев не требует:.

Вопрос: Вы являетесь зав. школы в Крутогоровском рыбкомбинате АКО. У вас при школе имеется для детей интернат. По заявлению врача в марте месяце с. г. распространилась болезнь детей чесоткой. Объясните причины заболевания, почему не было бани, объясните, кто персонально несет ответственность в этом вопросе?

Ответ: Чесотка в интернате обнаружена мною 22 февраля. Я считаю, от заболевания учителя Кофельного, у которого была обнаружена болезнь 17 февраля. У учителя я заметил сильный зуд и даже вши. Я говорил, что необходимо обратиться к врачу. Но когда я увидел, что у него образовалась короста, я не допустил его к занятиям. Потребовал справку врача, которую он принес 17 февраля. Я считаю себя виновным в том, что не потребовал от него справки раньше. Между прочим, о его положении ставил вопрос при его прибытии. У него нет никакого белья, постельных принадлежностей. Но достать не удалось.

Бани в комбинате нет на 5-й базе. С 13 по 31 марта — не было, баня была на 2-й, а завозить ребят было не на чем. Старшие ходили, а маленькие, которые заболели, ходить не могли. Об этом я ставил в известность все организации. Дети спали и спят по двое на одной кровати, конечно заболели чесоткой.

Когда дело выяснилось, мы их отпустили домой, а через 4 дня они работали в школе.

Николай Константинович Панов об аресте Иннокентия Николаевича Селиванова

Речь не идет о представителях государства, следователях, членах комиссий и троек, речь только об обычных жителях Камчатки. Хочется сегодня по прошествии 80 лет разобраться в этом массовом явлении. Задумайтесь, на Камчатке в 1930 годы проживало 93 тысячи человек (1927), 124 тыс. (1939). Население стремительно росло в условиях переселения на Камчатку людей с материка, видимо, в этом еще одна причина «имяречки», а репрессировано было ... 2 тыс. (?). Но все это совсем другая тема. Вернемся к Селивановым.

Иннокентию были предъявлены обвинения и в участии в конрреволюционной организации «Автономная Камчатка» (как выяснилось в 50-х годах, этой организации вообще не было), в сотрудничестве с известными японским шпионом, подготовке восстания против советской власти.

Даю ниже полный текст обвинения (публикуется впервые):

«Я ст. уполномоченный Камч. ПО НКВД – Гринберг, сего числа рассмотрев компрометирующий материал на гр-на Селиванова Иннокентия Николаевича – сына кулака, торговца, до 1918 года учившегося в духовной семинарии, оказавшего в период с 1919 по 1923 г. активное содействие белым по борьбе с красными партизанами, в 1923 году со свои родственником, бывшим казачьим урядником Селивановым Василием Максимовичем был завербован в члены контрреволюционной повстанческой организации и был назначен к выполнению обязанностей помощником начальника Хайковской (с. Хайково) повстанческой дружины (помощник Сторожевского Петра – сосед Селивановых, их усадьба находилась рядом с усадьбой Селивановых, авт.), ведя подготовку к восстанию против Соввласти.

С 1919 по 1932 включительно Селиванов И.Н. поддерживал систематическую связь с администрацией японских концессионных предприятий и с японагентами, ведущими шпионскую работу, СЕГИТАРО.

В 1929 г. Селиванов пролез в ряды ВКП(б), устроился в руководящий районный аппарат – вначале инструктором райисполкома, в последующем до 1930 г. пред. райисполкома. В этот период он проживает в квартире своего шурина, бывшего торговца Сторожевского, который являлся нач. Хайковской повстанческой дружины и его помощник Селиванов И.Н.

В целях вызова недовольства населения соввластью Селиванов использует свое служебное положение – Пред.РИКа – организует искривление политики партии в отношении средняка, проводит раскулачивание середняков, одновременно оказывает покровительство кулакам, таким образом создал благоприятную почву для к-р деятельности организации, в этот период времени Селиванов, являясь Пред. РИКа систематически пьянствует с японрезидентами СЕГИТАРО, СТОРОЖЕВСКИМ и др. членами орг.

В последующие годы СЕЛИВАНОВ И.Н. исключается из ВКП(б) как классово-чуждый. Возвратясь в свое село Кавалерское, он пролез в колхоз, где проводил вредительскую работу совместно с членами организации КОЛЛЕГОВЫМ Георгием Михайловичем, за что в 1933 г. исключается из колхоза и лишается избирательных прав.

Таким образом, СЕЛИВАНОВ И.Н. совершил преступление по ст. 58-2-11 УК РСФСР, а по сему:

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь в качестве обвиняемого гр-на СЕЛИВАНОВА Иннокентия Николаевича по ст. 58-2-11 УК, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при ДЗП КОУНКВД».

Все это были измышления и клевета!

Заместитель прокурора Камчатской области постановлением от 19 мая 1933 года дело по обвинению Иннокентия Николаевича прекратил за недостаточностью материалов для предания обвиняемого суду, с освобождением обвиняемого из-под стражи. Но через 10 дней после этого решения Камчатское областное управление НКВД опротестовал Постановление прокуратуры.

Прокурор Дальневосточного края, рассматривая протест НКВД, дело И.Н. Селиванова направил на доследование. Но вместо того, чтобы выполнить указания прокурора, Камчатское управление НКВД своим решение осудило И.Н. Селиванова на 5 лет исправительно-трудовых лагерей.[1]

Иннокентий Селиванов был этапирован на материк, вышел из лагеря в 1940 году и ушел на фронт, где и погиб, защищая Родину от фашистских захватчиков в 1943 году.

Репрессивная машина была запущена, и арестовывать Селивановых порой стали уже потому, что они Селивановы.

По 58 статье были арестован старший сын Ивана Николаевича Селиванова Николай, сам Иван тоже. Селиванов Василий Григорьевич (из рода Максимовичей Селивановых). Муж сестры Марии Николаевны Старожевский, семья сестры Людмилы Николаевны и Георгия Логинова выехала в 1938 с детьми в Омск, скрываясь от нависшего ареста. Георгий Логинов только вернулся со стройки Беломорканала, куда был отправлен по сфабрикованному делу в 1934 г. Вернулась семья на Камчатку в 1941 году, накануне начала войны.

Николай жил в семье Иннокентия, он для него был не только старшим братом, но и отцом.

Дело на Николая Николаевича начали 5 апреля 1938 года. Ему было 24 года и он работал заведующим школы в Крутогоровском рыбкомбинате. О том, что происходило тогда с Селивановым, отвечает Селиванов на допросе.

1 Камчатский краевой архив, № 2088, П-56186

Вопрос: Вы обращались в политотдел, в дирекцию комбината за помощью в предоставлении транспорта для детей, чтобы свозить их в баню? Почему не потребовали от учителя Кофельного справку о состоянии здоровья? Почему не делали медосмотра детям?

Ответ: я обращался в поссовет комбината, чтоб свозить детей в баню, но санврач комбината, фамилию которой я не помню — заявила: «Можем детей простудить». В отношении справки о состоянии здоровья учителя Кофельного — я сделал упущение, что не потребовал справку своевременно, понадеялся на его сознательность.

Медосмотр срывался по вине медврача комбината Федорова с 21 февраля.[1]

Когда с «чесоткой» не вышло стали обвинять в пораженческих взглядах. Когда и это не очень получилось, стали обвинять в антипартийной и антисоветской агитации, которую, якобы, слышали гости за праздничным столом. Последнее и фигурировало на суде.

Но уже не имело значения за что посадить, важно было посадить. Селивановых в Большерецке становилось все меньше и меньше: один — в лагере, другой — на Беломорканале, третий — неизвестно где, четвертый — в тюрьме, пятый — ждет, вот-вот придут и за ним. Могло ли все это выдержать сердце матери — Агафьи Михайловны?

И после Сюмусю жизнь продолжается

От района Англичанки, где находилась Петропавловская следственная тюрьма, Николай отправился к сестре Марии, которая жила в Петропавловске со вторым мужем Николаем Кузьминицким. Еще пять лет назад арестовали первого ее мужа Петра Сторожевского, имущество конфисковали, Марию с двумя детьми выбросили на улицу.

До Кавалерского Николай шел пешком. Была середина октября 1939 года. Шел ходко. Передумывал и вспоминал все, что случилось за эти восемнадцать тюремных месяцев. Основанием для его ареста стали два свидетельских показания бывших его товарищей, с которыми проводили семейные вечера (Капитонов, Коваль и Фролов), которые изобличали Николая Селиванова в антисоветской агитации против ВКП(б) и органов советской власти. Капитонов на суде своих показаний не подтвер-

1 ГАКО, ф. 925, П-55388

дил, а двое других спешно выехали на материк. Суд решил прекратить дело и сдать в архив, так как очных ставок устроить было невозможно.

Николай вспомнил свое заключительное выступление: «Я считаю, что меня обвиняют только потому, что у меня репрессированы братья и другие родственники. Материал на меня составлен клеветнический. Я шесть лет честно и добросовестно работал в советской школе и не был контрреволюционером и не буду им…»[1]

— Пиши подписку, — приказал следователь, когда Николая вывели из камеры. Писал под диктовку: *«Селиванов Николай Николаевич даю органам НКВД настоящую подписку в том, что обязуюсь хранить в глубокой тайне все то, что было мне известно во время моего нахождения под стражей как в Петр. тюрьме, а также в других местах заключения. Обязуюсь нигде, никогда и никому, ни при каких бы то ни было обстоятельствах не рассказывать об известном мне во время допросов меня следствием. За нарушение данной мной подписки отвечаю по всей строгости Закона Советской власти.*

В чем расписываюсь 10/9.39 г. С/з Селиванов».[2]

О тюремной жизни дочерям Николай Николаевич не рассказывал, лишь однажды в 1990-х прорвалось:

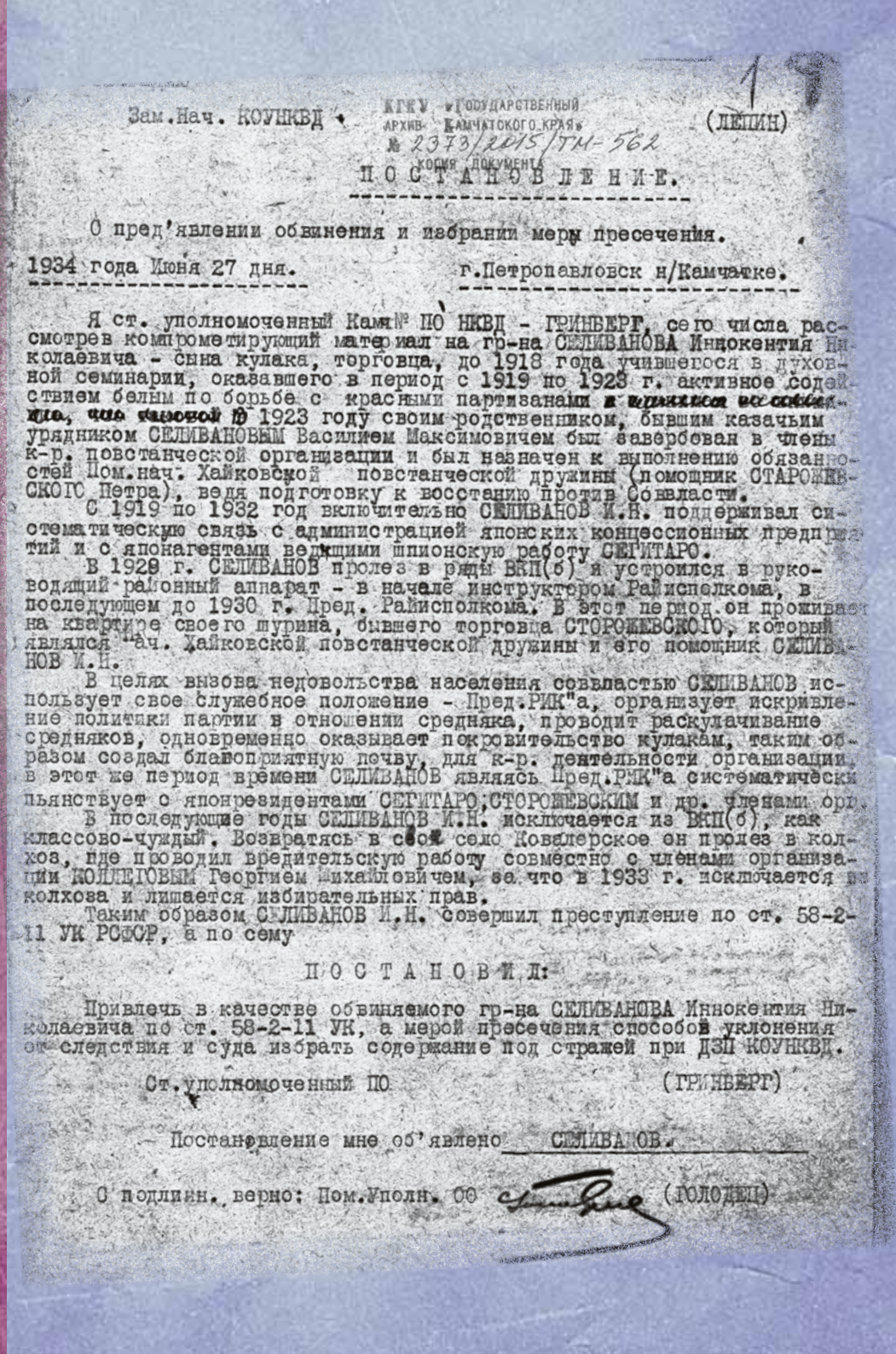
— Подходила к тюремному причалу баржа, в нее грузили заключенных. Много. Баржа выходила в море, за «ворота» бухты, в океан и очень скоро возвращалась пустой. Сам видел. Осужденных топили в океане...

…В Кавалерском Иван повел Николая на кладбище на могилу матери, она погибла, когда Николай был в заключении. Летом 1938 года бат, на котором переправляли Агафью Михайловну на другой берег реки, где работали колхозницы, перевернулся, и Агафья Михайловна утонула. Батовщик остался жив. Поговаривали, что это не был трагический случай… Иван поведал, что арестовали в 1938-м и брата Георгия. Только Илью не трогали, он закончил недавно Педагогическое училище…

В Колпаково, где он продолжил работать в школе учителем, в доме, где они жили с семьей, было пусто. Его жена Е.К. Степанова после его ареста («врага народа») развелась, и выехала с полуторагодовалой дочерью в Краснодарский край. Николай ее не осуждал. Так поступали

1 Там же

2 Там же

КГКУ «Государственный архив Камчатского края»
№ 2373/2015/ГИ-562
копия документа

1 (ЛЕПИН)

Зам.Нач. КОУНКВД

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

О пред'явлении обвинения и избрании меры пресечения.

1934 года Июня 27 дня. г.Петропавловск н/Камчатке.

Я ст. уполномоченный Камчатского ПО НКВД - ГРИНБЕРГ, сего числа рассмотрев компрометирующий материал на гр-на СЕЛИВАНОВА Иннокентия Николаевича - сына кулака, торговца, до 1918 года учившегося в духовной семинарии, оказавшего в период с 1919 по 1923 г. активное содействием белым по борьбе с красными партизанами и принятого участия, как офицер в 1923 году своим родственником, бывшим казачьим урядником СЕЛИВАНОВЫМ Василием Максимовичем был завербован в члены к-р. повстанческой организации и был назначен к выполнению обязанностей Пом.нач. Хайковской повстанческой дружины (помощник СТАРОЖЕВСКОГО Петра), ведя подготовку к восстанию против Советской власти.

С 1919 по 1932 год включительно СЕЛИВАНОВ И.Н. поддерживал систематическую связь с администрацией японских концессионных предприятий и с японагентами ведущими шпионскую работу СЕГИТАРО.

В 1929 г. СЕЛИВАНОВ пролез в ряды ВКП(б) и устроился в руководящий районный аппарат - в начале инструктором Райисполкома, в последующем до 1930 г. Пред. Райисполкома. В этот период он проживал на квартире своего шурина, бывшего торговца СТОРОЖЕВСКОГО, который являлся нач. Хайковской повстанческой дружины и его помощник СЕЛИВАНОВ И.Н.

В целях вызова недовольства населения советской властью СЕЛИВАНОВ использует свое служебное положение - Пред.РИК"а, организует искривление политики партии в отношении середняка, проводит раскулачивание середняков, одновременно оказывает покровительство кулакам, таким образом создал благоприятную почву, для к-р. деятельности организации в этот же период времени СЕЛИВАНОВ являясь Пред.РИК"а систематически пьянствует с японрезидентами СЕГИТАРО, СТОРОЖЕВСКИМ и др. членами орг.

В последующие годы СЕЛИВАНОВ И.Н. исключается из ВКП(б), как классово-чуждый. Возвратясь в свое село Ковалерское он пролез в колхоз, где проводил вредительскую работу совместно с членами организации КОЛЛЕТОВЫМ Георгием Михайловичем, за что в 1933 г. исключается из колхоза и лишается избирательных прав.

Таким образом СЕЛИВАНОВ И.Н. совершил преступление по ст. 58-2-11 УК РСФСР, а по сему

П О С Т А Н О В И Л:

Привлечь в качестве обвиняемого гр-на СЕЛИВАНОВА Иннокентия Николаевича по ст. 58-2-11 УК, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при ДЗП КОУНКВД.

Ст.уполномоченный ПО (ГРИНБЕРГ)

Постановление мне об'явлено СЕЛИВАНОВ.

С подлинн. верно: Пом.Уполн. ОО (ГОЛОДЕЦ)

многие жены политических осужденных, ведь они оставались с малолетними детьми.

Его сестра Людмила Николаевна, когда мужа Георгия Коллегова осудили и выслали на Беломорканал (их отправляли вместе с братом Иннокентием), с четырьмя детьми, не знавшая, что ждет ее впереди, тем не менее никуда не уехала, ждала мужа. Георгий через три года вернулся, но ненадолго. Узнав, что ему грозит второй арест, со всей семьей покинул Камчатку.

В это же время, когда Николая выпустили из тюрьмы, 13 октября 1939 года в Петропавловском порту причалил пассажирско-грузовой пароход «Туркмен». На берег высадилась группка молодых людей, среди них две девушки — Фаина Дядькова и Татьяна Трелина, выпускницы Ленинградского технологического института холодильной промышленности.

Фаина, маленькая, крепко сбитая, с пышными волосами, выбивавшимися из-под шапки, кроме чемодана, несла на плече зачехленную винтовку. Малокалиберная винтовка системы ЛУК была подарена чемпионке Ленинграда по стрельбе в 1937 году. Первую ночь девушки переночевали на лестнице АКО (Акционерное камчатское общество), а потом их поселили в доме на Ключевской улице, рядом с АКО. Через два месяца Фаину направили врио директора Колпаковского холодильника. Оборудование для промышленного холодильника, уже разгрузили в Колпаково, сообщили ей.

«Познакомились мы с отцом в Колпаково, — вспоминала Фаина Георгиевна в 1998 году. — Секретарем комсомольской организации был у нас Павел Иванович Давыдов. Сейчас он председатель областного Совета ветеранов войны и труда, ему 82 года. Я была его заместителем. У нас для взрослых был кружок английского языка и хорового пения. Мы собирались в школе. Вел английский язык завшколой Николай Селиванов…»

† Директор Моховского хладокомбината Ф.Г. Дядькова (3-й ряд 3-я слева) с работниками. 1953 г.

Их роман развивался быстро, уже 31 марта 1940 года Крутогоровский сельсовет зарегистрировал брак между Селивановым и Дядьковой. Молодая жена оставила девичью фамилию.

Зимой 1940 г. Ф.Г. Дядькову перевели на Кировский хладокомбинат, располагавшийся в 60 км южнее Колпаково в устье реки Воровской.

«Здравствуйте, дорогие! Пишу с нового места, куда меня перевели с 15 декабря, но приехала я сюда только 14 января, — писала Фаина родителям в Николаевскую область на Украину. — Холодильник в Колпаково еще не начинали строить, но говорят, что в 1941 году начнут. Здесь же (в Кировске — Авт.) *— уже строится, но сейчас работы прекращены из-за отсутствия материалов и прораба. Сейчас плохо здесь с овощами, и я почти ежедневно вспоминаю о картошке, огурцах и капусте, которые всегда были дома, а здесь — как великое лакомство. Николай как-то достал немного местной капусты, которую вы, если бы посмотрели, есть не стали, а я ела с большим удовольствием».*

«Прошло довольно много времени, как мы получили ваше письмо, примерно 4–5 марта, которое вы писали 11 ноября 1940 года, — читаем в последнем предвоенном письме Николая родителям жены. — ...Кроме непосредственной работы приходится заботиться о топливе, которое здесь доставляется в виде березовых бревен за 9–10 км с частыми перебоями. Дрова здесь возят тракторы, лошади и собаки, последние служат основным транспортом для переезда на дальние расстояния. Лес здесь имеется хороший, но очень далеко от моря, примерно 100-150 км, а вблизи имеется береза, но малопригодная для большого строительства. Можно строить дома, но качество низкое. Рек, удобных для сплава, на нашем побережье нет, а вывозить — нет дорог… Это дело будущего. В отношении руд здесь пока ничего неизвестно, возможно, есть в горах, кто его знает. Одним словом Камчатка сейчас только осваивается, и до всех ценностей, которые таит она, мы еще не дошли, но дойдем и будем их использовать».[1]

† Селивановы с тремя дочерьми и и двумя воспитанницами, жившими в семье. 1954 г.

Николай работал в Соболевской школе, рядом с Кировским комбинатом, который располагался на косе.

Военные годы были тяжелые особенно для Фаины, ее детство и юность прошли на юге России и Украины. Теперь они жили в Соболево, в маленьком деревянном домике, и когда завывала пурга, снегу выпадало столько, что видна была только труба.

Пурга утихала, Николай открывал дверь в сени и начинал копать траншею, чтобы выйти из дома. Здесь в Соболево и родился их сын Валентин.

Началась война, не хватало хлеба, дети пухли от голода, грудных было опасно оставлять дома одних. (Женщины выходили на работу спустя четыре месяца после родов.) Грудных, хоть и было опасно, оставляли одних. Бывали случаи нападения крыс на детей. Валентин умер от голода в 1942 году не выдержав и года.

В том же году Николай Селиванов «призван Усть-Большерецким РВК 29.06.42. 198 стрелковый полк — минометчик. С 29.06.42 по 29.10.44 г. 138 стрелковый полк — пом. командира отделения, он же наводчик, — записано мелким почерком ореховыми чернилами в его военном билете, — с 30.10.44 по 17.10.1945 г. Уволен в запас на основании постановления СНК СССР от 5.10.45 г. 17.10.1945.»[2] Военное звание — младший сержант, военно-учетная специальность — минометчик.

1 Из переписки, семейный архив И.Н. Селивановой

2 Военный билет Н.Н. Селиванова АР №35227

Принимал участие в боевых действиях в войне с Японией — последнем крупном сражении Второй мировой войны. Был участником морского десанта на остров Шумшу (Сию-Сю — яп.) в составе 138-го стрелкового полка.

— Нас высадили с баржи у берега, — вспоминал Николай Николаевич. — Командирам разрешили снять погоны, так как японцы в первую очередь стреляли по офицерам. Я плавать не умел, но рост выручил (182 см). Вода была очень холодная…

В справке из госпиталя читаем: «Ранен 18 августа 45 г. во время боя после второй атаки на о. Сюмусю». Н.Н. Селиванов получил два осколочных ранения — одно тяжелое — в брюшную полость, и второе — в левую руку. Два дня на барже раненых доставляли в Петропавловск. Тяжелое ранение в живот не оставляло надежды на жизнь, но, благодаря крепкому здоровью камчадал Селиванов, морской десантник, не умеющий плавать, в госпитале на Пограничной улице (И.Г.195) отчаянно сопротивлялся смерти. И выжил!

Награжден боевой медалью «За отвагу». В 60-е годы — орденом боевого Красного Знамени и другими памятными медалями.

После демобилизации в конце 1945 года работал в Жупановской школе учителем начальных классов. С 1948 по 1951 — директором семилетки в поселке Моховая, а с 1951 года работал в школах Петропавловска-Камчатского №14 (завучем), 6, 35, 7, 15.

«Отличник народного просвещения»[1], Н.Н. Селиванов проработал учителем 35 лет. И трудился бы дальше, но после открытой формы туберкулеза, обнаруженного у него в 1970-х годах, и удаления части легкого в школе ему работать запретили.

Все военные годы Фаина Георгиевна была директором Кировского хладокомбината (1941–1946), награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Затем на Жупановском (1946–1948), Моховском (1948–1951) хладокомбинатах. С 1951 по 1974 гг. трудилась на Петропавловском судоремонтно-механическом заводе.

В 1951 году их семья впервые поехала в отпуск на материк. В Краснодаре отыскали бывшую жену Николая, разыскивали его дочь, но девочка умерла в раннем возрасте.

Николай и Фаина прожили долгую хорошую жизнь, отметили золотую свадьбу. Фаина Георгиевна умерла на 91-м году (1914-2005), пережив супруга на двенадцать лет.

Реабилитирован Н.Н. Селиванов был в 1989 году, за четыре года до своей смерти.

— Папа, тебе можно получать компенсацию за каждый месяц, проведенный в тюрьме, — сказала дочь.

— Не надо мне ничего от них…

У Селиванова осталось три дочери: Наталья Селиванова (1943 г. р.), Татьяна Ускова (1946) и Ирина Селиванова (1950). Наталья Селиванова — журналист, член Союза писателей, Татьяна — выпускница Томского политехнического института, химик, Ирина Селиванова — журналист, член Санкт-Петербургского союза журналистов. Выросло следующее поколение, внуки Селивановых: Денис Жилин, Алексей Усков, Ярослав Кузин. У них, в свою очередь, дочери Лада Жилина, Александра Ускова.

…Однажды, путешествуя с отцом, мы приехали на лошадях в старинное ительменское село Малки, где жил сын Ивана Селиванова Виктор. На склоне Зеркальной горы, у родника Малкинской минеральной воды, отец говорил мне, семилетней девочке:

— Это самая вкусная вода на Камчатке, запомни дочка. Она настоялась на всем лучшем, что хранит камчатская земля...

Так и род Селивановых и других старых камчатских родов, настоялся на Камчатской земле, впитав соль, боль, горе, пот и кровь своей благодатной Родины.

Ирина Селиванова, Санкт-Петербург, 2015 г.

Есть еще одна семейная история, которая принадлежит перу Ольги Николаевны Селивановой.

Селивановы — одна из династий Камчатки

Не могу сказать, что наша семья входит в плеяду «северных династий» в полном смысле слова. Мои родители приехали на Камчатку сравнительно недавно, ровно 50 лет назад, в 1952 г. Здесь и родились мы с братом. Брат после окончания школы поступил в Новосибирский электротехнический институт, а, окончив его, уже более четверти века трудится в Институте ядерной физики Сибирского отделения Российской академии наук. Фактически он вернулся на родину нашей мамы – в Сибирь. А вот я, получив образование в Московском государственном универ-

1 Знак Министерства народного образования

† Первая встреча трех родов: Селивановых, Коллеговых, Логиновых. 2 сентября 1995 г.

ситете, вернулась на свою родину, и уже около 20 лет работаю в Камчатском институте экологии и природопользования Дальневосточного отделения Российской академии наук. Так что мы оба оказались преданными своей профессии, науке и малой родине, своей и своих предков.

И все-таки, я думаю, что мы связаны давними, хотя, возможно, и очень дальними узами со старинными камчатскими династиями и довольно многочисленными однофамильцами. Дело в том, что в большой семье наших уральских предков (а наш отец Селиванов Николай Константинович родом с Урала, из Челябинской области) были и большие путешественники. Примерно в середине XIX века в составе Уральского казачьего войска на освоение далеких восточных зауральских земель отправился наш пра-пра-...дядя – Егор Селиванов (отчество, к сожалению, семейное предание не сохранило). По рассказам моих старших родственников, он дошел до Камчатки, где и «сгинул», т. е. попросту не вернулся назад, на Урал. Но ведь, как известно, невозвращение домой не всегда означает гибель путешественника. Вполне возможно, ему просто понравились новые края, и он остался здесь до конца своих дней. Полагаю, что Егор мог обзавестись семьей, детьми и внуками. По крайней мере, наша фамилия получила широкое распространение среди потомков, родившихся в смешанных браках русских и коренных жителей Камчатки. Так что многочисленные местные Селивановы вполне могут быть нашими кузенами, двоюродными или троюродными.

† Директор совхоза «Октябрьский» Н.К. Селиванов и гл. агроном Ю.А. Бойко, 1964 г. (из фондов КГКУ ГАКК)

Зная семейное предание о том, что один из наших предков осваивал далекую Камчатку, мой отец после окончания сельскохозяйственного института попросил распределить его сюда. Это вызвало недоумение у многих его знакомых, говорили о том, что это земля вечной мерзлоты, что здесь ничего не растет, и агроному здесь делать нечего. Но мой отец, видимо, унаследовал такие черты своих предков, как любовь к дальним путешествиям и бесстрашие перед неизведанным. По крайней мере, он отважился на многонедельную поездку сначала поездом, а потом пароходом со своей женой (нашей мамой), которая была на седьмом месяце беременности. Мой брат родился уже на Камчатке. Здесь и вправду в то время почти не выращивали овощей, за исключением, возможно, картофеля. Даже лук завозили с материка в сушеном виде. Зато было изобилие рыбы и дикоросов. К тому же, Камчатка тогда снабжалась по особому режиму. После голодной послевоенной Сибири, по рассказам моей мамы, мои родители были поражены богатым выбором продуктов в магазинах Петропавловска, можно было свободно, без карточек, купить сливочное масло нескольких сортов, разнообразные консервы и кондитерские изделия. В общем, Камчатка оказалась щедрой и доброй землей. А мой отец стал одним из первых агрономов, который начал внедрять овощные культуры, ранее практически не выращиваемые здесь в хозяйствах (морковь, свеклу, капусту, редис, лук, петрушку и прочую зелень). Для этого пришлось применять разные агротехнические приемы: посев семян в компостные горшочки задолго до начала фактической посевной страды, затем высаживание рассады из горшочков в парники, досвечивание и пр. Но дело пошло, и не в последнюю очередь, благодаря трудолюбивым колхозницам, большинство из которых были переселенцами из Белоруссии, приехавшими на Камчатку в начале войны, примерно за десять лет до приезда моих родителей. Папа часто восхищался необычайным трудолюбием и энтузиазмом этих женщин. Он также пользовался уважением и авторитетом среди сельчан.

Но квартирный вопрос и в те времена стоял остро. Хотя мой отец приехал на Камчатку по распределению, как молодой специалист, квартиру колхоз предоставить ему не смог. Молодую семью определили на жительство в дом камчадальской семьи Осьминыных, и как оказалось, они состояли в родстве с Селивановым Константином Ивановичем, который проживал, кажется, в Большерецке и был полным тезкой моего деда. А так как по возрасту мой отец вполне мог быть сыном этого родственника Осьмининых, хозяин на расспросы односельчан о постояльцах отвечал, что это семья его племянника («Племяш приехал», – говорил он). Отец мой был темноволосым человеком, а, пребывая на солнце большую часть трудового дня, имел сильно потемневшую от загара кожу, так что вполне мог и внешне походить на камчадала. Поэтому версия о «племяше» не вызывала ни у кого сомнения, и долгие годы своей жизни на Камчатке мой отец считался «своим» среди местного населения, и это часто помогало ему в работе, когда он стал руководителем. Одним из первых в области он получил звание «заслу-

женного агронома РСФСР» и стал одним из самых молодых директоров совхоза, когда колхозы были расформированы. Он возглавил самый большой тогда Октябрьский совхоз, включавший 4 отделения: Елизово, Пограничный, Николаевку и Паратунку. Затем был совхоз «Термальный» и работа в областном управлении сельского хозяйства, а также в отделе народного контроля. В общем, за исключением 2-х лет (с 1956 по 1958), которые мой отец, как неисправимый романтик, провел на целине, едва только был брошен клич о ее освоении, всю свою трудовую жизнь он посвятил сельскому хозяйству Камчатки. Вернувшись сюда снова после целинной эпопеи с пополнившейся семьей (на целине, под Семипалатинском, родилась моя младшая сестра Надежда, которой, к несчастью, уже нет в живых, она умерла в прошлом году), отец занялся научными проблемами сельского хозяйства в Камчатской областной сельскохозяйственной станции в поселке Сосновка. Но чистая наука не очень увлекала его деятельную натуру, и он снова вернулся к производственной деятельности. Мне кажется, что из двух моих родителей (оба были агрономами), именно у мамы были задатки научного работника: необыкновенная тщательность в опытах, четкость ведения дневников наблюдений, терпение и усидчивость. Имея троих малолетних детей, она не могла вести самостоятельную тему, но была великолепной помощницей отцу в его работе. Возможно, эти ее качества и передались нам с братом и определили нашу научную ориентацию при выборе профессии. А отец сумел использовать свой агрономический дар и стремление осваивать новые направления для расширения ассортимента овощных культур, выращиваемых на Камчатке, работая директором совхоза «Термальный». Там на огромной по тем меркам площади теплиц, отапливаемых подземными термальными водами, выращивались ставшие теперь обычными, а тогда экзотические культуры: огурцы, помидоры, перцы, различная зелень, а также теплолюбивые цветы, которые не росли в открытом грунте. Это был совершенно новый опыт, требовавший иных подходов в работе, даже в организации труда. Ведь в летний полдень температура в теплицах нередко превышала сорок градусов при высокой влажности, работать было очень трудно. Поэтому летом рабочий день начинался около 6 часов утра, продолжался до 10, а затем делался длительный перерыв на период жары, к работе приступали вновь уже в предвечерние часы и работали до 10–11 вечера. Необходимо было также подобрать самоопыляемые сорта овощей, так как пчелы – главные опылители иных сортов, тоже не выдерживали условий теплиц и часто погибали. Большую трудность представляла борьба с многочисленными вредителями растений, особенно, паутинным клещиком, наносившим большой урон урожаю овощей. Этот опыт пригодился отцу в преклонные годы. Выйдя на пенсию, он продолжал выращивать в домашней теплице роскошные георгины, гладиолусы, хризантемы, пионы, такой насыщенной цветовой гаммы, каких я более не видела на Камчатке, ни в те времена, ни теперь, при всем нынешнем цветочном изобилии.

Мой отец умер на семьдесят втором году жизни в 1993 г. после долгой болезни. Эту заметку я посвящаю его памяти, 1 мая 2002 г. ему бы исполнилось 80 лет».

† Состав первого губбюро РЛКСМ Камчатской губернии. 1924 год. В первом ряду 1-й справа: Сергей Селиванов, второй слева: секретарь губбюро И. Мальков. Фото из личного архива И.В. Ларина

† Сергей Селиванов, секретарь первой на Камчатке ячейки РКСМ в 1923 г., член Камчатского губбюро в 1924 и последующие годы.
Фото из личного архива М.П. Стельных

(из фондов КГКУ ГАКК)

А теперь и мы позволим себе подключиться к разговору об истории происхождения этой камчатской династии.

Об истории происхождения камчатской династии Селивановых

Первым же из представителей коренной камчатской фамилии Селивановых в документах начала 18-го столетия назван служилый (казак) Агафон Селиванов и гренадер Стефан Силиванов (умерший от ран, полученных при штурме Нижнекамчатска, захваченного камчадалами в период Харчинского бунта в 1731 г.). Потом следы этой фамилии теряются (мы не видим появления ее и у «новокрещеных» камчадалов).

Но в «Краткой истории христианской церкви» протоиерея Александра Рудаков мы неожиданно находим следы еще одного Селиванова на Камчатке. В главе «Борьба с реформацией. Квакеры-духоборцы. Молокане и скопцы. Борьба с вольномыслием в XVIII веке» он пишет:

«Сближение России с Западом открыло в Русскую Церковь путь мыслям Лютера и Кальвина. Так, один стрелецкий лекарь, обучась у немцев врачебному искусству, заразился от них кальвинизмом и явно стал рассеевать хулы на Святую Евхаристию, мощи, церковные предания и обряды Православной Церкви. Им соблазнены были многие из стрельцов и простого народа. Стефан Яворский, по надлежащему расследованию дела, осудил на Соборе (1714) мнения еретиков и наиболее виновных предал гражданскому суду. Для пространнейшего же обличения появившихся заблуждений он написал сочинение “Камень веры”, и в нем с полнотой и ясностью раскрыл все догматы, в которых протестанты не сходятся с Православной Церковью.

† Коллегов Вадим Георгиевич (племянник Селиванова И. Н.) и Селиванов Борис Иннокентьевич, 25 апреля1956 г.

Более кальвинизма получило силы над умами русских квакерство – одна из отраслей протестантизма. Оно в первый раз принесено было в Россию в малолетство Петра Великого одним из немцев – Кульманом, который в порывах своего ложного вдохновения величал себя пророком и духовидцем, а свое учение – апокалипсисом. Кульман после судебных расспросов и розысканий был сожжен в Москве. Учение его однако успело сохраниться и в 1740 году проникло в Малороссию и Екатеринославскую губернию. Квакеры получили в России имя духоборцев. Признавая своим внутренним учителем и архиереем одного Христа, они отвергают необходимость Священного Писания, таинств, священства и всех светских властей. Война и всякая клятва считаются у них преступлением. Вдохновение они вызывали скаканием и прыжками.

Из секты духоборцев образовались секты молокан и скопцов. Первые отличаются от духоборцев тем, что принимают благоговейно Священное Писание, веруют в таинство Святой Троицы и наблюдают христианские праздники. Последние существенным отличием имеют скопчество, которое называют они огненным крещением. Основателем их сект был орловский крестьянин Андрей Селиванов. Скопцы величают его искупителем, сыном Божиим, Христом, императором Петром III. По их верованию, искупитель их, сосланный в Суздаль, скоро снова явится в Москве с силой и славой и там, зазвонив в успенский колокол, соберет к себе всех скопцов миллионами, воссядет на всероссийском престоле и в Петербурге откроет всеобщий суд миру, будет судить живых и мертвых, т. е. скопцов и нескопцов. Тогда все цари, падши, поклонятся искупителю, повергая к ногам его скипетры и короны свои и извергая сожаление, что доселе не были причастны благодати оскопления. Искупитель снизойдет к их раскаянию и всех их прикажет оскопить. Совершив таким образом «дело свое на земле», он скончается естественной смертью. После того мир сей, очищенный от всякой нечистоты, т. е. состоящий из одних скопцов, будет существовать во веки веков.

Дух вольномыслия и безбожия, в конце XVIII века господствовавший во Франции и по всему Западу, в царствование Екатерины II проник и в Россию. Развращенные умом и сердцем французы, которых русские вельможи принимали в воспитатели своих детей, словами и примером жизни сообщали нравственную порчу своим питомцам. Пастыри Церкви мужественно восставали против пагубного духа времени. Ужасы революции оправдали их слова и вразумили общество.

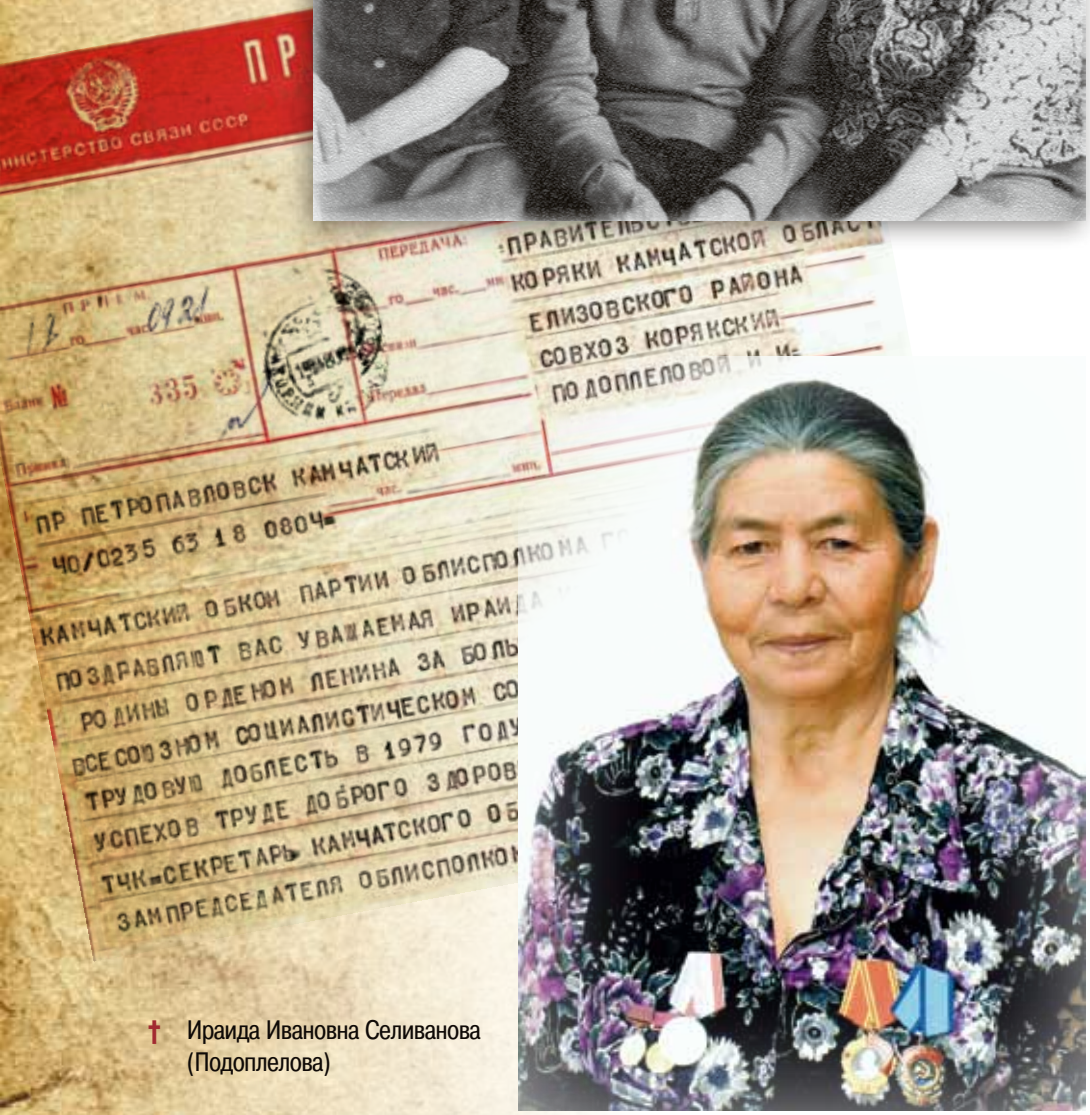
1. Кроме того, духоборцы допускали предсуществование душ, отвергали таинство Святой Троицы и действительность первородного греха.

2. Имя молокан они получили в народе за несоблюдение поста.

3. Селиванов начал скопить простаков сперва в Тульской губернии, а потом в Тамбовской губернии – в селе Сосновке. Ревностным ему помощником был крестьянин Тульской губернии Александр Иванов Шилов. Когда их действия сделались известными правительству, Селиванов был наказан кнутом и сослан в Камчатку, а Шилов высечен плетьми и заключен в Динаминдскую крепость. В Камчатке и Динаминде они не переставали заниматься оскоплением. Император Павел I приказал перевести Селиванова в Петербургский дом умалишенных, а Шилова – в Шлиссельбургскую крепость, где он скоро и умер. Селиванов же по просьбам скопцов был перемещен (1802) в градскую богадельню, а потом и вовсе был отпущен на волю. После этого он с еще большей смелостью стал

† Иван Иванович Селиванов с супругой Анной и дочерью Ираидой

† Ираида Ивановна Селиванова (Подоплелова)

распространять скопчество в Петербурге. Скопцы почти открыто собирались к нему для молитвы и поклонялись ему как искупителю. Это побудило, наконец, правительство сослать Селиванова в Суздальский монастырь, где он и умер».

Мы не знаем, имеется ли какая-либо связь между Андреем Селивановым, камчатским ссыльным, и камчатскими казаками Селивановыми. Скорее всего — это просто однофамильцы.

В документах фамилию Селивановых мы обнаруживаем на севере Камчатки — в 1842 г. частный командир[1], зауряд-хорунжий, казак Максим Николаевич Селиванов служит в Тигиле (РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255). И секрет его появления здесь, наверное, прост — Агафон Селиванов, нижнеколымского зимовья служилый, в 1747 г. отбывал свою службу тоже на Севере, даже не на Камчатке, а на Чукотке (*«Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 171*).

Селивановы служили на Чукотке вплоть до XX века: Селиванов Николай Васильевич, родился 25 июля 1913 г. Родители — казак Василий Максимович Селиванов и жена его Веринея Павловна. Восприемники — помощник начальника Анадырского уезда, коллежский асессор Владимир Степанович Дидюнко и Анадырского мирового судьи Михаила Гаряинова жена Валентина Алексеевна Гаряинова. Священник Агафапод Шипицын (Выписка из метрической книги Анадырской церкви за 1913 г., ГАКК). У Николая Васильевич тоже впоследствии был сын — Селиванов Жорж Николаевич. Но в 1920-х годах Василий Максимович Селиванов проживал уже в Большерецке.

В 1854 г. казаки Селивановы участвовали в обороне Петропавловского порта, один из них (имя нам пока установить не удалось) погиб (*РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1–2*).

Отставные казаки Селивановы почему-то избрали местом своего жительства Большерецк: в 1893 г. в Большерецке проживало несколько семей Селивановых (или, как в документах, Силивановых):

Силиванов (Селиванов) Николай Ильич. Отставной казак в селе Большерецком, 42 года. Жена — дочь умершего крестьянина Ивана Ларионовича Брячалова Асинефа, 21 год. Брат его Александр. Сестра Неонила (в 1898 году дочь умершего казака Ильи Селиванова Нионии-

1 Частный командир – казак, исполняющий во время службы должность обер-офицера (старшего офицера), но не имеющий право на производство в воинское звание.

ла вышла замуж за петропавловского мещанина Николая Гавриловича Григорьева).

Другой брат — «казачьего ведомства кантонист» Иван Ильич Селиванов в 1894 женился на дочери отставного казака Федора Ивановича Третьякова — Марфе.

Силиванов (Селиванов) Павел Максимович. Отставной казак в с. Большерецком, 41 год. Жена Дарья Фавстовна (33). Братья его: Василий (19, который потом служил на Чукотке). Иоанн (30). Жена Иоанна Александра Петровна, в девичестве Бречалова (23). Дети Иоанна: Анна (5), Николай (3), Иоанн (1). Мать их, вдова Екатерина Павловна Силиванова (*Исповедальная роспись Большерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК*).

† Вера Евгеньевна Селиванова.
Главный летописец боевой славы Елизовского района. Благодаря ее помощи и поддержке, в наших альбомах появился новый материал о ветеранах-камчадалах

В 1915 году кантонист казачьего ведомства Иван Максимович Селиванов (52 года) женится третьим браком на вдове из селения Апача сорокадевятилетней Ульяне Константиновне Пановой.

Дочь умершего отставного зауряд-хорунжего Максима Николаевича Силиванова Евдокия (28 лет) 29 января 1895 года вышла замуж за крестьянина из селения при Паратунских ключах Гавриила Тимофеевича Подпругина (47 лет, третий брак).

В 1903 году Слободчиков Петр Лукич из села Коряки взял в жены дочь умершего урядника Селиванову Анисию Михайловну. А казак Селиванов Николай Николаевич женился на дочери мещанина Марии Николаевне Мутовиной.

В 1907 году кантонист Александр Григорьевич Селиванов женился на дочери священника Облуковинской церкви Екатерине Зиновьевне Ивановой.

Дочь еще одного Максимовича — Александра Максимовича Селиванова — Наталья в 1908 году вышла замуж за камчадала Начикинского селения (на самом деле — петропавловского мещанина) Павла Николаевича Новограбленова.

А в 1913 году отмечен вторым браком еще один Максимович — льготный кантонист казачьего ведомства Иван Максимович Селиванов (50 лет), женившийся на вдове камчадала из села Утка Варваре Александровне Ятской.

В тот же год женится его сын Николай Иванович Селиванов (23 года) на дочери камчадала из села Апача Дамиана Ильича Панова — Марии.

И в тот же год выходит замуж его дочь — Евдокия Ивановна (19 лет) за жителя города Курмыша Симбирской губернии Петра Ивановича Пыренкова.

«В связи с 200-летием присоединения Камчатки к России вручена в 1897 г. медаль “За усердие”казачьему пятидесятнику Николаю (вероятно, Ильичу) Селиванову (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129*).

Такая же медаль на Станиславской ленте (РГИА ДВ, ф. 702, оп.1, д. 2020, л.17) была и у отставного казака Александра Максимовича Селиванова, который вместе со своим сыном Александром Александровичем и земляками из Большерецка вошел в мировую историю, открыв (13) 24 мая 1904 года боевые действия против японцев. Оба Селивановых стали Георгиевскими кавалерами.

В обороне Камчатки в период русско-японской войны участвовали также: Селиванов Иван Максимович (Большерецкая дружина) с. Большерецк и Селиванов Иван Ильич (Петропавловская дружина). Последний также был представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени за участие в экспедиции Н. Горбунова и военных действиях против японцев на реке Жупановой в 1905 году (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129*).

Медалью «За усердие» в обороне Камчатки награждены Павел Максимович Селиванов и кантонист Иван Ильич Селиванов.

Отметился и еще один Селиванов — Николай Николаевич, казак. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка, а за оборону Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. награжден Георгиевским крестом 3-й степени (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129; ф. 702, оп. 1, д. 2020, л. 55*).

Но мы не можем не отметить в казачьем роду Селивановых священника Селиванова: 14 апреля 1911 года псаломщик Тигильской церкви Василий Григорьевич Селиванов женился на дочери умершего священника Иннокентия Коллегова — Людмиле (*ГАКК, ф. Р-220, оп. 1, д. 52, л. 117*).

Политическое лихолетье также не обошло стороной эту династию: редкий случай — удар пришелся сразу по трем полным тезкам — Селивановым Николаям Николаевичам.

По Георгиевскому кавалеру: Селиванов Николай Николаевич. 1876 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Арест: 31.10.1934. Осужд. 22.11.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 1 году гласного контроля по месту жительства. Реаб. 19.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Селиванов Николай Николаевич. 1904 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; русский; образование: низшее; б/п; был счетоводом колхоза «Пионер Запада»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арест: 21.03.1938. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 25.12.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Селиванов Николай Николаевич. 1914 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: среднее педагогическое; б/п; заведовал начальной школой; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арест: 07.04.1938. Осужд. 30.09.1939, КОУ НКВД. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. На момент реабилитации проживал в г. Петропавловске-Камчатском. Реаб. 16.01.1989. Реабилитирован на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Но этими тремя именами из династии камчатских казаков Селивановых список жертв политического террора на Камчатке вовсе даже не исчерпывается:

Селиванов Василий Максимович. 1874 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арест: 13.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Селиванов Георгий Николаевич. 1909 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; б/п; был ответисполнителем АКО; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 04.07.1938. Осужд. 13.02.1940, Усть-Большерецкого РО НКВД. Обв. по ст. 58-28-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 28.11.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Селиванов Иннокентий Николаевич. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Кавалерское; камчадал; образование: незаконченное среднее; член ВКП(б); был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Кавалерское. Арест: 23.06.1934. Осужд. 04.09.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Умер в заключении 22 декабря 1938 г. (Севвостлаг). Реаб. 06.01.1959. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Новые подробности о репрессиях опубликованы в очерке В.П. Пустовита «Камчатские персоналии (*«Вопросы истории Камчатки», № 9, П-К., 2016*):

«Селиванов Вас. Григ. (1888, с. Большерецк Петропавл. уезда), псаломщик Ключевской церкви с 1904 по 1917 и, по некоторым сведениям, вплоть до её закрытия. Из казаков-бедняков. Русский. Грамотный. Будто бы заявлял прилюдно: «Нам коммунисты говорят, что они убили царя Николая, то пущай это будет так, что они его убили, но наследник царя жив. Он в скором времени подготовит себе силу и выступит против сов. власти… власть возьмёт в свои руки и в стране установит старые порядки». Перед арестом 11.07.1938 отец шестерых детей, чл.

колхоза в с. Ключи, рыбак-охотник. Обвинялся по ст. 58-2-7-10, ч. 2. ВТ Краснознамён. погранич. и внутр. войск Дальневосточ. округа по Камч. обл. приговорил его 26.03.1939 к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. 10.11.1939 Воен. коллегия Верх. Суда СССР освободила его из-под стражи, прекратив дело за недоказанностью.

Селиванов Вас. Максим. (1874, с. Старый Большерецк, Камчатка — янв. 1934, г. Хабаровск), бывш. урядник. Из семьи рыбака-охотника. И сам таковой. Камчадал (русский). Малограмотный. «Лишенец». На момент ареста 13.04.1933 жил в с. Большерецк; семья из 8 чел. Привлекался по делу «Автоном. Камч.» (ст. 58-2-6-11). Суд тройкой ПП ОГПУ ДВК 1.01.1934 приговорён к ВМН. Реабил. 27.04.1957 ВТ ДВО.

Селиванов И. И., делегат II Камч. обл. съезда 1918 от Петропавловска.

Селиванов Инн. Ник. (1901, с. Кавалерское, Камчатка — 22.12.1938, Севвостлаг), красный партизан. Камчадал. Образование незаконч. среднее. Рыбак-охотник. Чл. ВКП/б/. Арест. 23.06.1934. Обвин. по ст. 58-2-11. Пост. Особ. Совещания при НКВД от 4.09.1935 приговорён к 5 годам л.с. Умер в заключении. Реабил. президиумом Камч. обл суда 6.01.1959.

Селиванов Ник. Ив. (1890, с. Усть-Большерецк, Камчатка), «бывш. кулак-торговец». Русский. Малограмотный. Рыбак-охотник. На момент ареста 28.04.1938 чл. к/х «1-е мая» в с. Кавалерском. По материалам НКВД, помогал белым выявлять крас. партизан.

Селиванов Ник. Ник. (1876, г. Петропавловск, Камчатка), с 19.03.1917 канд. к чл. Петропавл. город. к-та, уч-к июл. антисов. переворота 1918 в Петропавловске, гласный II ПГД. Сын церк. старосты. Камчадал. В 1901–1907 в Петропавл. казач. команде. Малограмотный. С 1910 по 1922 занимался развоз. торгом по восточ. побережью Камчатки. Копчёную рыбу сдавал япон. фирме «Нейхо-мохи». Товар получал в кредит от китай. фирмы «Суентун», неск. раз от Свенсона. В 1925 уехал из Петропавловска в с. Колпаково Усть-Большерец. р-на, где занимался охотой и рыболовством. В 1927 лишён избират. прав как бывш. торговец, в 1930 восстановлен, поскольку вступил в к/х «Путь Ильича», откуда 10.07.1933 исключён. Был свинопасом, «довёл свиное стадо до истощения», заготавливал якобы некачеств. черемшу, 32 её пуда пришлось выбросить — убыток 256 р. Заявление на отца и сына С. (что они — вредители) поступило от комсомольцев Наседкина Ив. Петр. и Слободчикова Аф. Вас. Пом. бригадира Вас. Павл. Наседкин показал на допросе у следователя Голодца в апр. 1934: «Имея твёрдое задание, умышленно не хотел выполнять, несмотря на то, что соболя было много, гр-н. С. всё больше отлёживался в палатке, нежели ходил проверять капканы. Им не был убит ни один соболь…» Арест. 19.06.1934. Привлекался по ст. 58-2-11. Виновным себя не признал. 22.11.1935 Особым Совещанием при НКВД приговорён к 1 году гласного контроля по месту жительства. Реабилит. Камч. обл. прокуратурой 19.02.1990.

Селиванов Серг. Афан. (1901, о. Беринга), с 9.06.1924 секретарь Петропавловского горрайкома РКСМ. Рыбак-охотник. Образование: 2-кл. высш. нач. училище. В комсомол вступил в июле 1923, в больш. партию в 1926. С 1905 по 1910 находился во Владивостоке. Участвовал в аресте совдеповцев в Петропавловске в июле 1918, с авг. служил в город. милиции. В фев. 1920 покинул её ряды, но в марте вернулся. С конца окт. по 10.11.1922 среди партизан-«сопочников». Затем в комендант. упр-нии. 20.12.1922-авг.1923: РККА. После чего вновь в милиции. С 1925 инспектор труда и ответ. секретарь Усть-Камч. волревкома 1925-1926: Камч. окрбюро ВЛКСМ. В 1926-1927 студент рабфака. С 1927 по 1928 работал в Петропавл. таможне, в 1930 в АКО».

Казаки Селивановы жили не только в Большерецке и Петропавловске, но и в Сероглазке и Халактырке (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК): Селиванов Михаил Кузьмич, Халактырка, отставной урядник казачьего ведомства, 54 года. Жена Феодосия Иоакимовна (54). Дети: Иоаким (17), Иван (15), Анисия (8).

Селиванов Иван Ильич, Петропавловск, служащий казачьего ведомства, 36 лет, жена — Пелагея Павловна, дети — Александр (3), Павел (2).

Селиванов Иван Ильич 2-й, Сероглазка, кантонист, 20 лет. (Вероятно, это он состоял в Петропавловской дружине и участвовал в экспедициях Н. Горбунова по восточному побережью Камчатки, хотя это мог быть и Иван Михайлович Селиванов, сын Михаила Кузьмича.) (*РГИА ДВ , ф. 1044, оп. 1, д. 129*).

В 1894 году у одного из Иванов Ильичей родилась дочь Александра, которая в 1910 году вышла замуж за камчадала села Начик Николая Дмитриевича Уваровского.

Селиванов Григорий Ильич, Петропавловск, отставной казак, 1893 г., 46 лет, жена — Ольга Васильевна (38). Дети: Веринея (20), Вера (16), Александр (14 лет, в 1907 году он женился на дочери священни-

ка Облуковинской церкви Зинона Иванова — Екатерине), Александра (10), Василий (6), Сергей (3).

Вероятно, все Ильичи (и петропавловские, и большерецкие, и первые, и вторые), как, вероятно, и все Максимовичи того времени — родные братья: случались в семьях и одинаковые имена у детей и разница в возрасте чуть ли не в тридцать лет.

Следы еще одного из казаков Селивановых мы обнаруживаем в Исповедальной росписи Преображенской церкви на острове Медном за 1893 г.: пятидесятник Николай Максимович Селиванов, служащий казачьего ведомства (42 года), сыновья Афанасий (13) и Николай (11 лет).

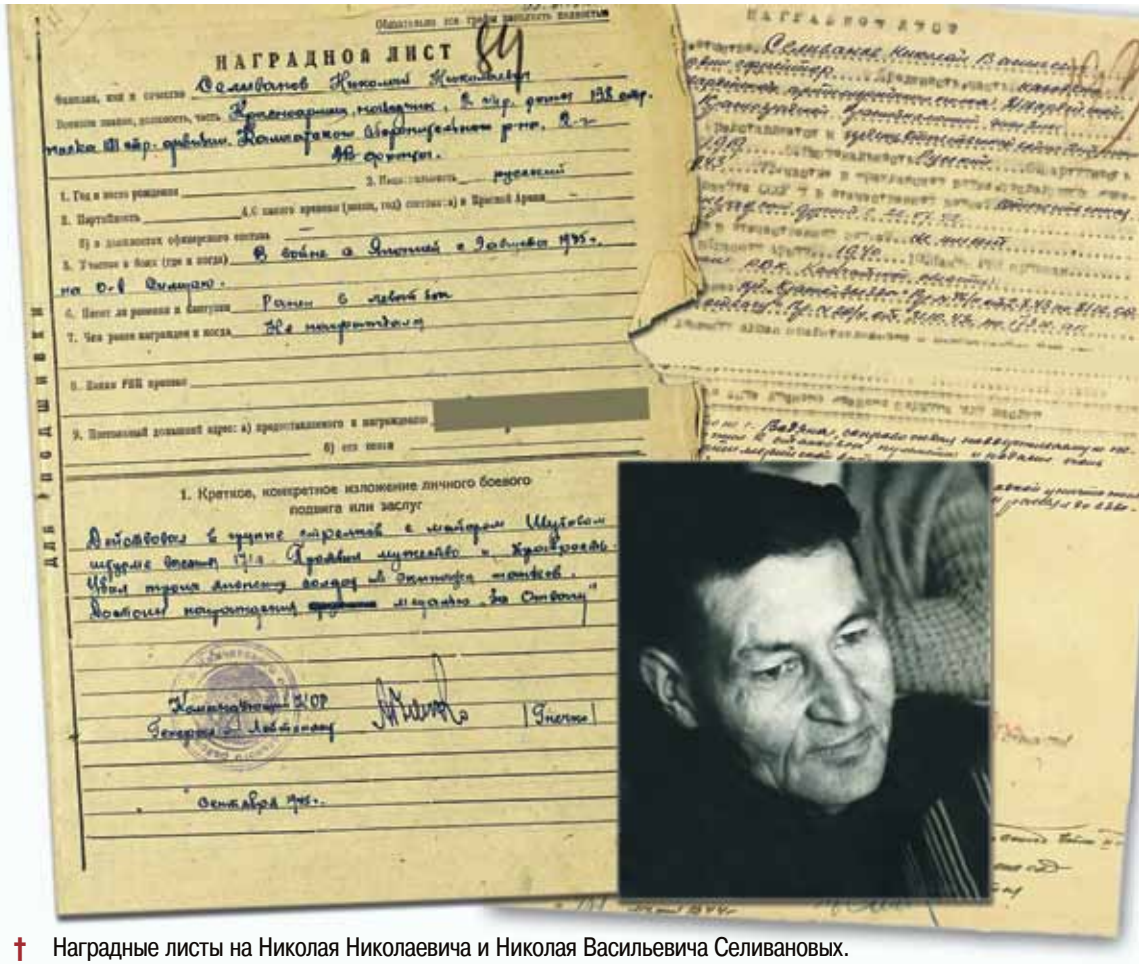
Сын пятидесятника Камчатской казачьей команды, канцелярский служащий Афанасий Николаевич Селиванов 29 апреля 1901 года женился на дочери умершего Петропавловского мещанина Николая Ивановича Иванова — Анисии.

О Сергее Афанасьевиче Селиванове (родился 25 сентября 1901 года в семье канцелярского служителя Афанасия Николаевича и Анисии Николаевны Селивановых), первом «коренном» комсомольце Камчатки (в июле 1924 года женился на Елсуковой Наталье Трофимовне, родившейся во Владивостоке), написан отдельный очерк «Потомок землепроходцев», опубликованный в книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)».

Мы обнаружили также информацию о том, что в 1915 году (14 сентября) Селивановы породнились с еще одним человеком, имя которого осталось в истории революционной Камчатки — дочь казака Камчатской команды Мария Григорьевна Селиванова вышла замуж за канцелярского служителя, прокурора Петропавловского окружного суда Даниила (в следственном деле — Демьяна) Моисеевича Бадах, который был секретарем Петропавловского городской управы в 1918-1920 гг. «Арестован, — как пишет В. Пустовит в «Камчатских персоналиях…» 19 марта 1933 г. в качестве «одного из основоположников контрреволюционной шпионской повстанческой диверсионно-вредительской организации «Автономная Камчатка». Обвинен по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. 1 января 1934 г. приговорен Тройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.».

В годы Великой Отечественной войны камчатскую землю вновь прославили потомки казаков Селивановых — Игнат Михайлович Селиванов (1914 г. р.), призванный Петропавловским горвоенкоматом и награжденный в 1944 году орденом Отечественной войны 2-й степени.

Это Федор Яковлевич Селиванов, умерший в госпитале 12 октября 1944 года, а также братья, уроженцы с. Ключи, Василий Васильевич Селиванов (1921 г. р.), погибший в плену 28 февраля 1942 года (лагерный номер 11247), и Николай Васильевич Селиванов (1919 г. р.), который прошел всеми главными дорогами войны от Сталинграда до европейских столиц. Вера Евгеньевна Селиванова, работающая в Совете ветеранов Елизовского района и кропотливо собирающая материал об участниках Великой Отечественной войны, подготовила анкету, которую мы публикуем ниже.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Селиванов Николай Николаевич

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

† Наградные листы на Николая Николаевича и Николая Васильевича Селивановых. На фотографии Николай Николаевич Селиванов

1.	Фамилия, имя, отчество	Селиванов Николай Васильевич
2.	Девичья фамилия	
3.	Дата рождения	5 февраля 1919 года
4.	Место рождения	
5.	Национальность	русский
6.	Образование	5 классов
7.	Партийность, год вступления в КПСС	ВЛКСМ (с 1943 г.)
8.	Гражданская специальность	
9.	Место работы, должность	ЛУАД, автоколонна 1959
10.	Адрес проживания	г. Елизово
11.	Семейное положение	холост (1972 г.) женат
12.	Состав семьи (количество, ФИО, год рождения членов семьи)	
13.	Дата и место призыва в ряды Вооруженных Сил	ОБД: 10.1940 г. Усть-Камчатским РВК Камчатской области; 3.1942г Усть-Камчатским РВК Камчатской области
20.	Период прохождения службы в период ВОВ	1941–1945 гг.; август 1942 г.–1945 г.; ОБД: с 26.7.1942 г.
21.	Место прохождения службы в период ВОВ, должность	Анкета: 1, 2 Украинский фронты артиллерист; ОБД: Степной фронт, Сталинградский фронт, 2 Украинский фронт (с 26.7.1942 г.): 81 гвардейская стрелковая Красноградская Краснознаменная дивизия, 422 стрелковая дивизия, 173 гвардейский артиллерийский полк, 5 батарея, 6 батарея, наводчик;
22.	Воинское звание	младший сержант
23.	Участие в освобождении городов, государств	Сталинград, Киев, Днепропетровск, Харьков, Белгород, Яссы, Кишинев, Вена, Прага, Будапешт; ОБД: хутор Постиков (7-9.7.1943 г.), г. Пулин (20.8.1944 г.), Тыргу-Фрумос (22.8.1944 г.), с. Видяна (13.3.1944 г.), с. Григорьевка (15.3.1944 г.)
24.	Ордена (наименование, номер награды, наградного удостоверения)	Красная Звезда (приказ № 46/н от 2.8.1943 г. частям 81 гвардейской стрелковой дивизии Степного фронта) Славы 3 степени (приказ 40/н от 18.9.1944 г. частям 81 гвардейской стрелковой Красноградской Краснознаменной дивизии 2 Украинского фронта); Отечественной войны 2 степени (приказ № 11/н от 10.5.1944 г. войскам 24 гвардейского стрелкового корпуса 2 Украинского фронта)
25.	Медали (наименование, номер награды, наградного удостоверения)	За отвагу (приказ № 20/н от 31.10.1943 г. 173 гвардейскому артиллерийскому полку 81 гвардейской Красноградской стрелковой дивизии 2 Украинского фронта); За оборону Сталинграда; За победу над Германией
26.	Памятные знаки, почетные звания	25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.
27.	Наличие и тяжесть ранения, дата получения, место прохождения лечения, наличие инвалидности	1 легкое ранение 2 контузии
31.	Дата составления анкеты	11.4.1972 г., 19.5.1975 г.

Участником Курильского десанта 18 августа 1945 года был Николай Николаевич Селиванов, наградной лист которого подписал сам командующий — генерал-лейтенант Гнечко.

В мирное время с успехом представляли эту фамилию известный камчатский педагог Николай Николаевич Селиванов и его дочери — член Союза писателей России Селиванова Наталья Николаевна и ее сестра Ирина Николаевна, известный в России и за ее пределами журналист.

СЕКЕРИНЫ

(СЕКИРИНЫ, СИКЕРИНЫ, ГУРЬЕВЫ, ПУШКИНЫ, ГАГАРИНЫ, БУТУРЛИНЫ, ФИЛИМОНОВЫ)

Это очень интересная история.

В 1762 году на Камчатку сослан Семен Сильверстович Гурьев за участие в заговоре против Екатерины, захватившей российский престол в результате дворцового переворота и убийства мужа.

Этот заговор вошел в мировую историю, ее главари приняли «политическую смерть»: «В докладе Сената, одобренном Елизаветой в марте 1753 г., было уточнено, что политическая смерть — это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнутование, вырывание ноздрей, но без объявления помилования. К политической смерти как виду наказания близко шельмование, хотя это и не одно и то же; в приговоре Сената 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова сказано: учинить им «политическую смерть, то есть положить на плаху и потом, не чиня экзекуции, послать в вечную каторжную работу». Однако перед этим двоих из них — Петра Хрущова и Семена Гурьева — на Красной площади публично «по силе Воинского артикула ошелмовать». Казнь шельмованием, появившаяся при Петре I, так же как и политическая смерть, непосредственно не вела к физической гибели человека, а представляла собой сложный позорящий преступника ритуал, о чем подробно будет сказано ниже. Тем самым его «бесчестили» или «шельмовали», исключая из числа честных людей (шельма — плут, обманщик, негодяй, пройдоха). В указе Петра I 1714 г. об этом говорится: «Шел[ь]мован и из числа добрых людей извержен». Авторы указа 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова под шельмованием понимали то же самое: «Исключить их из числа благородных и честных людей». Последствия шельмования указаны в Генеральном регламенте. Шельмованный исключался из общества, изгонялся из своей социальной группы, дома, семьи, он терял службу, чины, не мог выступать свидетелем, его челобитные о грабежах и побоях в судах не принимались. Такого человека запрещали под страхом наказания принимать в гости или навещать его — «единым словом, таковый весмалишен общества добрых людей».

Слово «шельм» (или «шельма») считалось, как слово «изменник», позорящим человека и называть им, даже в шутку, честных людей означало нанести им оскорбление. Шельмованный терял даже свою фамилию. В приговоре 1768 г. о Салтычихе сказано: «Лишить ее дворянскаго названия и запретить во всей нашей империи, чтоб она ни от кого никогда, ни в судебных местах, и ни по каким делам впредь так как и ныне в сем нашем указе именована не была названием рода ни отца своего, ни мужа». После подобного приговора среди узников Соловков в 1772 г. появился «бывший Пушкин». Это — дворянин Сергей Пушкин, приговоренный к заключению и шельмованный по указу 25 октября 1772 г. В списке 1775 г. о людях, которым было запрещено въезжать в столицы, отмечены ранее шельмованные «бывшие Семен, Иван, Петр Гурьевы» (*Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке*).

Через десять лет Семен Сильверстович был прощен: «В 1772-ом году по дошедшему Ея императорского высочество сведению об открывшемся в Большерецке от ссыльного туда злодея Бейпоска (*Августа Морица Беньевского — С. В.*) бунте найдено, что из вышеозначенных преступников Семен Гурьев не только в то мерзкое согласие не вступил, но и оставался при своем жребии, даже до того, что тем злодеем и его сообщником был принуждаем к тому побоями; но таковой сего Гурьева поступок подвигнул Ея императорское высочество к человеколюбивейшему и матерьнему к нему милосердию, а равно и к его братьям (*участникам этого же заговора — С. В.*), кои также жребий свой носили с кротостью и повиновением чего ради высочайше указать соизволила, оттуда их освободить и жить им первому в деревне братьев его, а последним в собственных своих, поелику они дворянского достоинства лишены не были». Указ был подписан в декабре 1772 года.

Екатерина II в маскарадном костюме. Худ. Ф.С. Рокотов

Дворянского достоинства из всех братьев лишен был только Семен Сильверстович, поселенный в деревнях братьев в Серпуховском уезде Московской губернии, о котором впоследствии сообщал отставной гвардии майор Александр Григорьевич Гурьев следующее: Семен Гурьев женился в Камчатке на дочери Ивана Секирина — рожденного от сосланного Козьмы Секирина. Одна дочь рождена

на Камчатке, другая — в Серпуховском уезде. Разница в возрасте у детей 2 года.

Вскоре мать и отец умерли, оставив дочерей-сироток на руках сестры Семена Сильверстовича — Матрены Гурьевой.

Следующее важное событие в судьбе серпуховских «камчадалок» происходит в конце 1780-х — начале 1790-х годов.

В Российском государственном архиве древних актов (*РГАДА*) хранится «Дело о Семене, Иване и Петре Гурьевых, Петре и Алексее Хрущевых, имевших намерение лишить престола Императрицу Екатерину II», из которого мы и почерпнули все эти сведения (*ф.6, ед. хр. 396*).

Так вот на листе 77 мы обнаружили интересную запись, которой в свое время не придали особого значения, а сообщалось в ней о том, что в уважение службы генерал-майора князя Сергея Волконского, которую он заплатил кровью, лишась жизни при штурме Очакова, снизошла императрица Екатерина II к просьбе родной сестры его жены Матрены Гурьевой (сестра бывшая Пушкина Наталья) «жалует дочерям сей Варваре и Катерине дворянство и разрешает именовться фамилией Пушкиных».

Запись не очень внятная, но со временем, когда мы узнали имя сестры Семена Сильверстовича Матрены Гурьевой, кое-что (но не все!) прояснилось: по просьбе родной сестры генерала Сергея Абрамовича Волконского — Натальи Абрамовны (в замужестве Пушкиной) дочерям Гурьевой (то есть родным племянницам Матрены — Варваре и Катерине) императрица жалует дворянства и фамилию Пушкиных.

Сергей Абрамович Волконский погиб в 1788 году. Указ Ея императорского высочества, которым «повелено детям помянутого Гурьева 2-м дочерям пользоваться правом дворянства отца», датирован 2-м сентября 1793 года.

Как нам известно сегодня, у супругов Пушкиных — Михаила Алексеевича и Натальи Абрамовны (Волконской в девичестве), действительно, было, помимо сына Алексея, рожденного в 1771 году, две дочери, которых звали Варварой и Катериной.

Знаем мы и то, что Михаил Алексеевич Пушкин был вместе со своим братом Сергеем лишен дворянства и фамилии (именовться ему теперь до самой смерти следовало Бывший Пушкин или Непушкин) и сослан в 1772 году в Тобольск, где он и умер 5 февраля 1793 года. Вместе с мужем последовала в ссылку и Наталья Абрамовна и только после смерти Михаила Алексеевича она вернулась в Москву. По сообщению тобольского историка В. Сафронова вместе с Непушкиным в Тобольске проживали и его дочери — Варвара и Катерина, сведения о которых он почерпнул, как сообщил мне в личной переписке, из исповедальных росписей. Метрических записей о рождении в Тобольске Варвары и Катерины он не видел. Не видели их и мы, а потому и не имеем пока достоверных данных о годах рождения дочерей Варвары (сообщается о 1774, 1776 и 1779 годах рождения) и Екатерины (предполагают, начиная с 1770-го…) Пушкиных.

Екатерина Михайловна Пушкина умерла девицей в 1812 году и похоронена на Донском кладбище в Москве (рядом находится и могила Натальи Абрамовны).

Известен день рождения Варвары Михайловны — 12 мая. Как и день ее свадьбы с князем Сергеем Ивановичем Гагариным — 29 апреля 1812 года. От этого брака у супругов Гагариных был сын — Иван Сергеевич (умер бездетным) и дочь — Мария Сергеевна (родилась 25 июня 1815 года), в замужестве за Сергеем Петровичем Бутурлиным. У них было шесть детей: в 1841 г. родился Владимир (вскоре умерший), в 1842 г. — Сергей, в 1844 г. — Варвара (умерла в 1848), в 1845 г. — Александр, в 1848 г. — Мария, в 1859 г. — Дмитрий.

Портрет Марии Сергеевны Бутурлиной, изумительной красоты, хранится в Ульяновском художественном музее:

Михаил Алексеевич Пушкин (1749–1793)

Варвара Михайловна Пушкина (Гагарина) (1779–1854)

Портрет из ушедшего века

В 1840-1850-х годах в России работала английская художница Христина Робертсон, чьи виртуозные эффектные работы высоко ценились при дворе Николая I. Образцом ее живописи стал «Портрет М.С. Бутурлиной (рожд. кнж. Гагариной)»

В 2002 году в Ульяновске проводилась I Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти потомка Бутурлиной-Гагариной – С.А. Бутурлина (в 2015 году были проведены уже 5-е чтения – *комментарии здесь и далее Ирины Александровны Бутурлиной – Ред.*), известного ученого-орнитолога, доктора биологических наук. В его честь в Ульяновском областном краеведческом музее были устроены юбилейные торжества, и областной художественный музей выставил в эти праздничные дни портреты представителей рода Бутурлиных и Гагариных первой половины XIX века.

Выставлен был и портрет М.С. Бутурлиной, он вызвал особый интерес, ибо в наш скоростной век с его безумным стремлением к обезличиванию фактически невозможно встретить подобное лицо, как нельзя ощутить атмосферу старинного дворянского бала, увидеть свет живого огня от сотен канделябров, освещающих бальный зал, и тени танцующих пар.

Захотелось узнать, какую жизнь прожила эта благородная, умная красавица, кого любила и кем была любима, какое потомство оставила, покинув этот мир.

Княжна Мария Сергеевна Гагарина родилась 25 июня 1815 года в усадьбе Ясенево под Москвой, была дочерью действительного тайного советника, сенатора и члена Государственного Совета князя Сергея Ивановича Гагарина и кавалерственной дамы Варвары Михайловны Пушкиной (1779–1854). Дедом Бутурлиной был отставной флота капитан II ранга, князь Иван Сергеевич Гагарин (1754–1810) – известный масонский деятель и переводчик масонских сочинений, а бабушкой – княжна Мария Алексеевна Волконская (1753–1804). Их дом в Москве был местом, где часто собирались известные литераторы и общественные деятели, например, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, И.П. Тургенев (*Карамзин и Дмитриев посещали дом Сергея Ивановича Гагарина на ул. Знаменка. Сейчас это дом № 12/2. Родителям С.И.Г. этот дом не принадлежал*). Дедом Марии Сергеевны по материнской линии был Михаил Алексеевич Пушкин (1749–1793), чей ум особо отмечает в своих мемуарах сподвижница Екатерины II княгиня Е.Р. Дашкова. Однако в 1772 году он был обвинен в намерении делать фальшивые ассигнации и сослан в Сибирь, причем было повелено именовать его впредь «не Пушкиным, а бывшим Пушкиным». Его женой была княжна Наталия Абрамовна Волконская (1746–1819), которая разделила изгнание мужа, уехав за ним в Тобольск, и только после его смерти вернулась в Москву. Об этом рассказал А.С. Бутурлин в докладе на заседании Московского историко-родословного общества (17 мая 1995). Он же упомянул, что в московском доме Наталии Абрамовны было многолюдно, несмотря на сложный характер и злоречие хозяйки, «в частности, у нее постоянно бывали Василий и Сергей Львовичи Пушкины».

А.С. Бутурлин сообщил сведения и о более старшем поколении прямых предков М.С. Бутурлиной: ее прадедом был князь Сергей Васильевич Гагарин (1713–1782), шталмейстер, присутствовавший в Сенате. «Как многие Гагарины, был любителем сельского хозяйства и садоводства, состоял членом Вольно-экономического общества. ...Екатерина II поручила ему как хорошему сельскому хозяину надзор за своими замосковскими имениями». Он был женат на графине Прасковье Павловне Ягужинской (17?–1775), дочери любимого сподвижника Петра I.

Мария Сергеевна Бутурлина (рожд. княж. Гагарина), 1841 г.
Худ. Кристина Робертсон (рожд.Саундерс)(Robertson Christina)

Другим прадедом М.С. Бутурлиной был князь Алексей Никитич Волконский, генерал-майор, умерший в 1781 году. Его женой была Маргарита Родионовна Кошелева (1790), дочь генерал-поручика.

Прадед Марии Сергеевны по материнской линии – Алексей Михайлович Пушкин, тайный советник, посланник Дании и Швеции, губернатор Архангельский и Воронежский. Он был женат на Марии Михайловне Салтыковой (1710–1785), дочери президента вотчинной коллегии.

Родителями Наталии Абрамовны Пушкиной были князь Абрам Михайлович Волконский – отставной майор и Евдокия Михайловна Самарина – дочь сенатора.

Мария Сергеевна Бутурлина стала супругой Сергея Петровича Бутурлина (1803–1873), представителя старинного русского рода, ведущего свое происхождение от легендарного серба Радши, приехавшего в Киевскую Русь в середине XII века. В статье «Дворяне Бутурлины» А.С. Бутурлин отмечает, что «первое историческое лицо среди потомков Радши – его правнук Гаврила Алексеевич – герой Невской битвы и, позже, боярин Александра Невского. Одним из правнуков Гаврилы Алексеевича был Иван Андреевич Бутурля – родоначальник Бутурлиных (конец XIV–нач. XV вв.)».

По мнению академика С.Б. Веселовского, Бутурлины – самая долговечная и плодовитая боярская фамилия. А.С. Бутурлин указывает, что «дворяне Бутурлины записаны в родословные книги Московской, Петербургской, Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Рязанской, Новгородской, Симбирской и Минской губерний».

Портрет Сергея Петровича Бутурлина.
Худ. Кипренский О. А., 1824 Б., ит. к., санг. 31.7х26.7 ГТГ

Сергей Петрович Бутурлин относился к 21-му поколению от Радши. Военную службу он начал в 20-е годы XIX века (*в 1820 г.*) юнкером Кавалергардского полка. В 1824 году, на заре военной карьеры Бутурлина, О.А. Кипренский, работавший в этом году над парадным портретом тоже молодого кавалергарда Д.Н. Шереметева, создал великолепный карандашный портрет Сергея Петровича. Художник точно передал красоту правильных черт его лица, отразил гордость и изящество элегантного офицера. Приняв участие почти во всех военных кампаниях российской армии XIX века и в работе дипломатических миссий, он завершил свою службу в сражениях Крымской войны. В числе его наград были и российские и иностранные ордена. А.С. Бутурлин сообщает, что «умер Сергей Петрович в должности члена Военного совета в чине генерала от инфантерии».

Описание семейной жизни Марии Сергеевны и Сергея Петровича, на наш взгляд, может заменить следующее замечание А.С. Бутурлина: «Отмечу, что М.С. относилась к женщинам, для которых не существовало вопроса: бывает ли любовь с первого взгляда? Ее внучка Любовь Дмитриевна рассказывала мне, что когда она с двоюродными сестрами обратилась с этим вопросом к бабушке, М.С. ответила: «Вот я увидела вашего деда и влюбилась сразу на всю жизнь».

Глубокие родственные чувства связывали Марию Сергеевну и ее брата князя Ивана Сергеевича Гагарина (1814–1882), дипломата, видного деятеля российского католицизма. Брат и сестра серьезно интересовались религиозными и духовными вопросами. Увлечение Ивана Сергеевича религией и философией, особенно работами апологета католической веры графа Жозефа де Местра, стало причиной отхода от веры предков (*К своему решению он шел через 10 лет духовных исканий, размышлений,сомнений и страданий. С 19 лет служил в русской миссии в Мюнхене (где познакомился с Тютчевым и Шеллингом). Он много путешествовал по Европе и хотел свою страну видеть частью культурного единства Европы. «В чем состоит та общность, которая существует между различными европейскими странами, но к которой Россия остается непричастной? Такова была проблема, решения которой я не переставал искать и которая наконец привела меня в Католическую Церковь.» (Из дневника И.С. Гагарина*).

Осенью 1836 года состоялось знакомство Ивана Сергеевича с П.Я. Чаадаевым, который фактически стал его учителем. Как и Чаадаев, Гагарин был убежден, что Россия должна стать католической. В 1842 году в парижской часовне «ревностной папистки» С.П. Свечиной католический пресвитер тайно присоединил его к католичеству. В этом же году Иван Сергеевич Гагарин последний раз был в России, а в 1843-м поступил в новициат французского иезуитского монастыря Сент-Ашель. Через несколько лет он стал священником-иезуитом. В это время переход православных подданных империи в католицизм считался почти государственной изменой. А.С. Бутурлин сообщает: «На самом деле Гагарин и юридически, и фактически действительно лишился своего состояния. В августе 1845 года муж сестры Гагарина С.Л. Бутурлин обратился к Николаю I с прошением воспрепятствовать «переводу огромного русского капитала за границу, в руки французских иезуитов». В результате Гагарин был лишен наследственных прав, и после смерти отца все состояние перешло к его сестре». Наследство Марии Сергеевны было огромным: 5000 душ крепостных, 30000 десятин земли, дома в Москве и Петербурге. Она не оставила брата без средств и после смерти отца в 1862 году оказывала ему щедрую материальную поддержку.

Эти средства, скорее всего, Гагарин использовал в просветительских целях: он был основателем Славянской библиотеки в Париже, первым издателем произведений Чаадаева.

Видимо, особо тяжело переживала Мария Сергеевна, столь горячо любившая своего брата, версию о виновности Ивана Сергеевича в трагических событиях последних месяцев жизни А.С. Пушкина. В светском обществе возник слух, что князь Гагарин (вместе с князем П.В. Долгоруковым) причастен к анонимному пасквилю или «диплому рогоносцев», заставившему поэта решиться на убийственную дуэль. В семействе Бутурлиных не верили этому ужасному подозрению.

Не приняли этой версии писатели-славянофилы: Н. Лесков опубликовал статью «Иезуит Гагарин в деле Пушкина», где отрицалось его участие в гнусном заговоре против поэта.

Иван Сергеевич Гагарин был умным, нравственным человеком, искренне любящим Россию. Его абсолютный идеализм доказывает «Дневник», который князь вел в течение 1834 года.

Идеализм такого порядка исключает столь постыдное интриганство. К тому же, как никто другой, Иван Сергеевич преклонялся перед поэтическим даром. В истории русской литературы он считается первооткрывателем поэзии Ф.И. Тютчева, с которым он познакомился в Мюнхене в начале 1830-х годов. Благодаря Гагарину, 24 стихотворения Тютчева были напечатаны Пушкиным в третьем и четвертом томах «Современника» (*а после его гибели печатались в «Современнике» вплоть до 1840 г.*).

В браке Марии Сергеевны и Сергея Петровича Бутурлиных родилось 22 поколение этого славного рода: Сергей Сергеевич (1842–1920), как и отец, избравший военную службу и дослужившийся до генеральского чина; Варвара Сергеевна (1844–1848), умершая во младенчестве; Александр Сергеевич (1845–1916), ставший революционером-народником, ученым и знатоком древних языков; Мария Сергеевна (1848–1915), вышедшая замуж за графа А.Л. Салтыкова; Дмитрий Сергеевич (1850–1920), генерал, участник войны с турками (1877–1878), в отставке – уездный земский гласный и мировой судья.

Самая необычная судьба оказалась у Александра Сергеевича, который с раннего возраста находился под влиянием матери, интересуясь естественными и религиозными вопросами. Но, попав в среду Московского университета, видимо, испытал антирелигиозное воздействие и был даже исключен из числа студентов, арестован и выслан в Ярославскую губернию. (*На самом деле исключен со 2-го курса медицинского ф-та за участие в «Полунинской истории». Если коротко, то вместо клинициста Захарьина назначили патологоанатома Полунина. Студенты возмутились и не стали посещать лекции. Зачинщики были исключены. А сослан в Ярославль прадед был в связи с тем, что привлекался по делу Нечаева, но был оправдан за отсутствием улик*). Впоследствии, уже в возрасте 53 лет, он окончил медицинский факультет университета, а в 1872 году уехал в Швейцарию. Там он вступил в кружок П.Л. Лаврова, принимал участие в издании журнала “Вперед”, помогая личными средствами. Но в них он был весьма ограничен, так как, по словам лавриста Я.Г. Кулябко-Корецкого, «его богатая мать, «чтобы не кормить «нигилистов», выдавала ему на руки строго потребное на квартиру, стол и прочие потребности, так что Александр Сергеевич лишь с трудом выделял некоторые свои сбережения на революцию и специально на “Вперед”». Такое суровое решение ограничить сына в средствах, конечно, было продиктовано горячей любовью Марии Сергеевны к сыну, которого ей хотелось как-то осадить от бездуховной идеологии революционеров. В это же время она материально поддерживала брата-изгоя, считая, что их семейные средства идут на благие цели.

Вернувшись в Москву, Александр Сергеевич стал членом еще одного кружка, созданного В.И. Танеевым. Кружок занимался политическими и естественно-научными проблемами. (*О кружке, созданном в 70-х годах В.И. Танеевым, следовало сказать, что он объединял деятелей науки, литературы, искусства, которые собирались регулярно на обеды в ресторане «Эрмитаж», где велись беседы на общественно-политические, естественно-научные темы, делались доклады историко-революционного содержания*).

В итоге Александр Сергеевич был обвинен в политической неблагонадежности и сослан на пять лет в Западную Сибирь. Ему разрешили завершить ссылку в Симбирске – скорее всего, не без участия матери, где было ее симбирское имение. После ссылки он вернулся в Москву и постепенно отошел от революционной деятельности, хоть и остался до конца дней противником монархии. Тесные дружеские отношения связывали Бутурлина с Львом Толстым. Между ними было личное общение и переписка. В целом не разделяя религиозно-нравственных исканий великого писателя, он как знаток древних языков много помогал ему в изучении евангельских текстов.

Его потомок А.С. Бутурлин сообщает, что «последние десять лет жизни А.С. болел и поддерживал отношения лишь с немногими ближайшими друзьями: В.И. Танеевым и К.А. Тимирязевым.

Как и мать, он был похоронен в Симоновом монастыре. С Александром Сергеевичем непосредственно связана история драгоценной священной реликвии Бутурлиных – золотого креста-мощевика, помещенного в серебряный ковчег со створками. На перекладинах креста есть резные надписи о мощах (мощи Св. Афанасия Александрийского, мощи Св. Саввы Сторожевского, мощи Св. Варвары, мощи Св. Князя Владимира Киевского, мощи Св. Гурия Казанского, мощи младенцев, загубленных Иродом). Искусствовед Т.В. Николаева указывает, что надписи разновременные и сделаны разными почерками. Она считает, что самая древняя надпись сделана около XVI века, что совпадает со временем изготовления креста. До сегодняшнего дня дошла написанная рукой сына Александра Сергеевича, Сергея, записка следующего содержания: «Складень этотъ с крестомъ достался мне отъ моего отца, Александра Сергеевича Бутурлина, род. 1845, +1916, – ему от матери, Марии Сергеевны Бутурлиной, род. 1815, +1902, – ей отъ ея отца, кн. Сергея Ивановича Гагарина, – и ему отъ его матери, кнг. рожденной кн. Волконской. ...1917 марта 20-го. С.А. Бутурлинъ». Характерен жест передачи семейного креста матери сыну, который, видимо, более всех из ее детей нуждался в святыне.

Потомство Марии Сергеевны и Сергея Петровича Бутурлиных разрослось, и сейчас родились уже представители 26 (*в настоящее время 27-го*) поколения этого древнего рода. Фактически у всех Бутурлиных XX–XXI веков нет рядовых биографий, но самая известная – у сына Александра Сергеевича, Сергея Александровича (1872–1938), того самого ученого-орнитолога, в честь которого состоялась в 2002 году I Всероссийская конференция. Достаточно сказать, что он был открывателем родины удивительной северной птицы – розовой чайки, о чем писала мировая пресса.

В Ульяновске помнят Бутурлиных: их именем названа одна из улиц, а 20 сентября 2002 года на доме № 44 по ул. Гончарова открыта мемориальная доска, свидетельствующая, что здесь проживали А.С. и С.А. Бутурлины.

Прекрасные очертания Марии Сергеевны Бутурлиной не исчезли во времени, благодаря портрету, но, главное, он сохранил ее личную тайну.

Ирина Васильева

† Мария Сергеевна Бутурлина с детьми.
Слева направо: Мария Сергеевна (дочь, впоследствии в замужестве Салтыкова), Дмитрий Сергеевич, Александр Сергеевич, Мария Сергеевна (мать), Сергей Сергеевич

Огромную работу по истории рода Бутурлиных проделал сын Сергея Петровича Бутурлина — Александр Сергеевич Бутурлин (1924–2010), автор многочисленных научных статей. Его последователем стал Олег Игоревич Филимонов, летописец рода Истоминых-Бутурлиных, автор очерка, посвященного памяти своей мамы — Ольги Леонидовны Филимоновой.

Памяти мамы

† Ольга Леонидовна Истомина

В городе Печоры Псковской области 8 декабря 2009 года в 23 часа 15 минут умерла Ольга Леонидовна Филимонова (ур. Истомина), наша мама.

Мама родилась 15 февраля (ст. стиля) 1917 года в городе Чернигове, где ее отец, статский советник Леонид Владимирович Истомин, служил прокурором окружного суда. Матерью ее была Варвара Александровна Истомина (ур. Бутурлина). Мама была четвертым ребенком в семье. Старшим был Володя, 1909 года рождения, потом шли: Варенька, 1911 года, Ирина, 1913.

Крестной матерью мамы была ее родная тетушка, княгиня Наталья Владимировна Урусова (ур. Истомина), (известна книга «Воспоминания княгини Н.В. Урусовой «Материнский плач Святой Руси»), крестным отцом, к сожалению, теперь уже никому из нас не известный, но, наверное, близкий тогда Истоминым человек, «потомственный дворянин Николай Николаевич Гравс», как записано в метрической книге.

Мама любила рассказывать, что незадолго до ее рождения семья получила богатое наследство, и бабушка Варя патетически произнесла, когда мама появилась на свет:

– Этот ребенок никогда не будет знать счета деньгам.

К сожалению, она оказалась никудышным пророком. Всю жизнь мама если и не знала счета деньгам, то только потому, что считать было практически нечего. Да и у самой бабушки Вари всю оставшуюся жизнь с деньгами был, как теперь принято говорить, напряг.

Менее чем через две недели после рождения мамы произошла Февральская революция. Монархия в России пала. Начались гонения на «царских сатрапов», в число которых попали и прокуроры.

Вообще-то, Леонид Владимирович принципиально не участвовал в политических процессах, потому что его тесть, Александр Сергеевич Бутурлин, был народником с некоторым марксистским уклоном и даже арестовывался за это и ссылался. Это при том, что два брата Александра Сергеевича, старший – Сергей Сергеевич и младший – Дмитрий Сергеевич, были офицерами и

впоследствии дослужились до очень высоких званий – генерал от инфантерии.

Александр Сергеевич окончил физико-математический факультет Московского университета и сразу же поступил на медицинский факультет, но был исключен из университета и арестован за участие в забастовке студентов МГУ.

Медицинский факультет ему удалось закончить, когда ему было 53 года. Сергей Львович Толстой в своих мемуарах писал, что седой и импозантный Александр Сергеевич своеобразно смотрелся в студенческой форме.

Бабушка Варя любила рассказывать, что когда арестовали Александра Сергеевича, в полк, где служили его братья, пришел запрос. Спрашивали, с кем Бутурлины общаются, куда ходят и что читают. Ответ из полка был следующий: общаются только с товарищами по полку и дамами облегченного поведения, ходят только в офицерское собрание и рестораны, а читать, вообще ничего не читают. И вывод: вполне благонадежные офицеры.

Генералом от инфантерии был и отец Александра Сергеевича – Сергей Петрович Бутурлин. Мать была урожденная княжна Гагарина. Семья Бутурлиных принадлежала к высшим слоям общества.

Александр Сергеевич же, как мы видим, пошел своим путем.

Опасаясь, что революционные массы не станут вникать в такие мелочи, как выяснение, какие процессы вел, а какие не вел прокурор Л.В. Истомин, семья спешно покинула Чернигов и переехала в Москву, где и у Истоминых, и у Бутурлиных проживали многочисленные родственники. Причем, следы прежнего пребывания в Чернигове заметались так тщательно, что маме позже даже выправили новое свидетельство о рождении, согласно которому она родилась уже в Ленинграде.

В Москве поселились в доме № 2 по Крестовоздвиженскому переулку, в квартире № 33. Дом этот тогда еще принадлежал Сергею Сергеевичу Бутурлину, дяде бабушки Вари. В этом же доме жил и популярный в Москве архиепископ, позже митрополит, Трифон (кн. Туркестанов). Он был родным братом жены Сергея Сергеевича – Екатерины Петровны (ур. кж. Туркестановой). А позже за его племянника вышла замуж мамина двоюродная сестра Наталья Дмитриевна Истомина.

† Варвара Александровна (ур. Бутурлина) Истомина

Так называемая, «Великая октябрьская социалистическая революция» оптимизма Истоминым не прибавила. В стране воцарились разруха, хаос и голод.

Если крестьяне, несмотря на грабительский продналог, как-то еще жили, рабочие частично вернулись в деревни, откуда они в свое время уехали в поисках лучшей доли, а оставшиеся в городе перебивались, изготовляя и торгуя всякими поделками, растаскивая и продавая фабричное оборудование, то, так называемые, «буржуи» были поставлены на грань вымирания.

Проводимые экономическими отделами ЧК обыски у «бывших» заканчивались конфискацией всего ценного, обнаруженного в доме. Причем, конфискация была не только в пользу «государства рабочих и крестьян». Порой, кое-что шло напрямую в карманы чекистов. Как-то мой троюродный брат Саша Истомин рассказал, что он слышал от своей бабушки гр. Елены Петровны Гудович (ур. гр. Шереметевой). Во время одного из обысков, когда все найденные драгоценности чекисты складывали на стол, Елена Петровна увидела, как один из чекистов взял лежавшие на столе золотые часы и сунул себе в карман. Поймав ее удивленный взгляд, чекист произнес:

– Вы же сами называете нас грабителями, так что ж вы еще и удивляетесь.

То, что удавалось скрыть от сотрудников «карающего меча революции», приходилось обменивать на продукты, чтобы как-то выжить. Советское правительство «буржуев», да и вообще, большую часть населения России, продовольствием не снабжало. Тогда-то и появились «мешочники». Это примерно то же, что и «челноки» 90-х годов прошлого века. Только если наши челноки покупали за доллары и везли в Россию дешевый ширпотреб из Китая, Турции, Польши и другого «зарубежья», «мешочники» ехали на юг России и

† Леонид Владимирович Истомин

† Атаман Войска Донского, генерал от инфантерии, граф Матвей Иванович Платов, прапрадед Наталии Александровны Истоминой (ур. Реми).
Портрет работы Джорджа Доу. Военная галерея Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

на Украину и там на одежду, посуду и драгоценности выменивали продукты и везли их в промышленные области и большие города. Одни втридорога продавали потом эти продукты на местных рынках, другие кормили ими свои семьи.

Поезда ходили безо всякого расписания, вагоны были переполнены. Места в вагонах брали штурмом. Некоторым приходилось ехать на крышах. Благо, электровозов тогда не было, контактные провода на железной дороге отсутствовали.

Обирали мешочников заградительные отряды ЧК, грабили их и простые бандиты. У последних в ходу был и такой способ. За столб или толстое дерево привязывалась длинная веревка, на конце которой был мощный острый крюк. Когда шел поезд, крюк бросали в окно. Он разбивал стекло, влетал внутрь вагона и цеплялся за какую-нибудь вещь, которую вырывало наружу. Говорят, что «специалисты» бросали такие крюки очень прицельно.

И все же десятки тысяч людей в зной и мороз всеми правдами и неправдами, с мандатами и без оных, ехали на юг с «барахлом» и возвращались потом на север с продуктами. Я где-то читал, что именно мешочники в 1918–1920 годах спасли население больших городов Центральной России от голодной смерти. Пришлось стать мешочником и бывшему статскому советнику Леониду Владимировичу Истомину. Он и кормил семью в эти трудные годы, хотя жили все равно голодно.

В те годы ходил такой анекдот:

«Группа чекистов окружила на вокзале прибывший поезд. У всех проверяют документы, у мешочников, не имеющих документов, отбирают продукты. Доходит очередь до одного из них. Он протягивает солдату первую попавшуюся в кармане бумагу. Тот разворачивает ее и по слогам читает:

Анали́з Мо́чи (с ударением на «и» в первом слове и на «о» во втором).

– Ты что, из итальянцев будешь?

– Да.

Читает дальше:

Сахара нет, белков нет.

– Мука есть?

– Нету.

– Проходи».

В поездках не обходилось и без приключений. Мама рассказывала нам о них, помню только два эпизода. Один раз дедушка ехал в переполненном вагоне. На третьей полке лежал священник.

† Родители Леонида Владимировича.
Владимир Константинович Истомин и Наталья Александровна Истомина (ур. Реми) в молодости

Дедушка разговаривал с ним. Вдруг в окно, разбив стекло, влетел стальной крюк, привязанный к веревке, и зацепил священника. В мгновенье ока его выбросило через окно. Таким способом промышляли живущие около железной дороги, на третьих полках обычно лежали вещи.

В другой раз дедушка возвращался в Москву на крыше вагона. Около него лежал мешок с продуктами, а сам он сидел на ведре вишневого варенья, которое ему удалось выменять. Незаметно он заснул, а когда проснулся, мешка не было, его украли. Так он и пришел домой с ведром вишневого варенья, которое им и пришлось есть утром, днем и вечером. Потом варенье кончилось, и дедушка снова поехал за продуктами. Но жили, мама говорила, очень голодно.

В январе 1920 года, накануне дня своего одиннадцатилетия, умер от дифтерита старший брат Володя. Умирал он в сознании, перед смертью сказал:

– Так хотелось бы еще пожить.

Похоронили Володю на Новодевичьем кладбище, там тогда был фамильный склеп Бутурлиных.

Вскоре заболела мама. Бабушка Варя была знакома со знаменитым детским врачом Сперанским. Он осмотрел маму и сказал:

– Варвара Александровна, у Оли туберкулез костей. В нынешних условиях она не выживет, а если и выживет, то станет горбатой. Вы ее не покормите несколько дней, она сама умрет, другим детям больше еды достанется. Иначе, если и выживет, вы с ней будете мучиться всю жизнь.

Конечно, бабушка не могла последовать совету этого доктора. Наоборот, лучшие куски давали Оле. Почти всю свою еду отдавала маме ее бабушка, Елизавета Михайловна Бутурлина. В конце 1920 года она умерла. Сказалось долгое недоедание.

Вопреки предсказаниям Сперанского, мама не только выжила, но и никакого горба у нее не образовалось. Наоборот, она и в девяносто лет удивляла всех своей прямой спиной.

Крестовоздвиженский переулок упирается в Знаменку. Там, в здании бывшего Александровского юнкерского училища, располагался Реввоенсовет. У красноармейцев, охранявших здание, в караулке стоял титан – большой бак, в котором вечно кипела вода. Мама помнит, что девочками они бегали туда за кипятком.

Постепенно жизнь в стране стала налаживаться. Пришел НЭП, в магазинах появились продукты. Дедушка стал работать в Торгово-Промышленном обществе взаимного кредита заведующим столом договоров.

Мама помнит, как они летом в выходные всей семьей иногда с утра выходили из дома. Сначала шли на кладбище к Володе. Потом заходили в магазин, покупали продукты и шли на Сетунь, небольшую речку на юго-западе Москвы. Устраивали типа пикника на берегу, купались. Всех удивлял дедушка. Он очень хорошо плавал. Мама рассказывала, что плавать его еще в детстве научил дядя-моряк. Причем, эффективным, но суровым методом, который отдавал нравами времен Николая I. Скорее всего, это был его дядя Миша - Михаил Константинович Истомин. Дедушка мальчишкой как-то гостил у него на корабле. Однажды они вышли в море на шлюпке, и дядя внезапно бросил его за борт. Конечно, и дядя, и матросы-гребцы не позволили бы ему утонуть, но и в шлюпку не

† Мамины прадед и прабабушка. Адмирал Константин Иванович Истомин и Анастасия Петровна Истомина (ур. Хрипкова)

† Сергей Петрович Бутурлин

† Мамин дед, Александр Сергеевич Бутурлин с дочерью Варей (Варварой Александровной, будущей матерью мамы)

давали забраться. Пришлось дедушке, хочешь, не хочешь, кое-как, но плыть за ними. Так он за один прием научился плавать. Конечно, такой метод мог на всю жизнь внушить ему страх перед водой, но, видимо, дедушка был не робкого десятка, что свойственно Истоминым. Потом он уже сам прыгал в воду и постепенно стал отличным пловцом. На Сетуни он на глазах у изумленной публики ложился на воду, ставил себе на грудь свечку, зажигал ее и, лежа на воде, читал книгу. Домой возвращались усталые, но загоревшие и в хорошем настроении.

В возрасте четырех-пяти лет мама стала писать стихи. Первым ее стихотворением было:

Бедные мы колокольчики,
Некому нас приласкать.
Тучки на небе, солнце, как видно,
Больше не будет сиять.

Дедушка страшно гордился маминими успехами в стихотворчестве и говорил:

– Подождите, со временем этот ребенок затмит самого Пушкина.

Недалеко от Крестовоздвиженского, на Поварской, в Борисоглебском переулке жили дедушкины незамужние сестры, бывшие фрейлины императорского двора Нина Владимировна и Татьяна Владимировна Истомины. Младшая, Варвара Владимировна, по молодости лет стать фрейлиной не успела.

Не знаю и теперь вряд ли узнаю, жил ли с ними брат дедушки, бывший камергер Петр Владимирович с женой – цыганкой Софьей Ивановной (ур. Соколовской) и детьми Сергеем и Ксаной. Или же они жили отдельно.

Хотя нет, вспомнил, что они неким подобием коммуны жили тогда с семьями Осоргиных и гр. Комаровских в бывшем имении Комаровских Измалково. Теперь это место называется Баковка и известна она заводом резинотехнических и бытовых изделий. А коммуну свою они называли ИсКомОс по первым слогам фамилий.

У бабушки Вари с Истомиными были натянутые отношения, и, когда дедушка собирался навестить сестер, он брал с собой обычно маму. Мама с удовольствием вспоминала эти визиты к тетушкам, потому что они предварительно заходили в кондитерскую на Арбате, где дедушка покупал замечательно вкусные пирожные-наполеоны.

Однажды зимой дедушка по обыкновению зашел в кондитерскую, а мама осталась ждать на улице. Большое стеклянное окно кондитерской было защищено ограждением из стальной трубы. Прижавшись к трубе, мама сквозь стекло наблюдала за дедушкой. Неожиданно ей в голову не пришло ничего лучшего, чем лизнуть эту трубу. Так как был мороз, язык тут же прилип к трубе. Когда дедушка вышел из кондитерской, он с удивлением обнаружил свою дочь стоящей у перил витрины магазина с высунутым языком. Говорить она ничего не могла, только в отчаянии подавала знаки руками. Дедушка, персонал кондитерской и сердобольные прохожие старались помочь маме. Трубу пытались греть спичками, пучками газет, но безрезультатно. Наконец объединенными усилиями маму из ледяного капкана освободили, вернее, оторвали, но часть языка так и осталась на трубе. Скорее всего, в тот день ей не довелось насладиться вкусом наполеонов.

Кстати, о сестрах Истоминых в своих воспоминаниях писала мамина двоюродная сестра, тетя Ксана Трубецкая (ур. Истомина), дочь Петра Владимировича Истомина.

В середине двадцатых годов тетушек хотели выселить из Москвы под предлогом того, что они бывшие фрейлины, а значит, родственницы царя. Как писала тетя Ксана, тетушкам с большим трудом удалось оспорить приписываемое им высокое родство.

Летом 1923 года бабушка с девочками уехали на пару месяцев в бывшее Бутурлинское имение Ясенево. К этому времени барский дом был разрушен, остались только колонны и часть полуразрушенных стен без крыши. Как говорила потом мама: «Как в Царицыно».

Поселились они в избе у бывшей няни бабушки. Местные крестьяне хорошо помнили бабушку. Она прожила в Ясеневе много лет и девочкой, и девушкой. По утрам у дверей дома, где они поселились, всегда стояли крынки с молоком, сметаной, творогом. Лежали яйца, овощи. Бабушка даже ругалась – зачем столько приносят, ведь все это съесть было просто физически невозможно. Но продукты самым таинственным образом продолжали появляться.

• • •

29 августа 1923 года в квартиру Истоминых пришли сотрудники ГПУ с обыском. Что они искали, неизвестно, но перерыли все. Ничего компрометирующего не найдя, они ушли, но забрали с собой дедушку. Правда, через пару дней его освободили.

Тогда никто не знал, что это был первый звонок.

В 1925 году мама пошла в школу. Школа размещалась в старинном соседнем доме. До революции и этот дом принадлежал С.С. Бутурлину. Одно время его снимали кн. Трубецкие, потом

Усадьба в Ясенево, 2006 г. Владельцы: Княжеское, царское владение (XIV–XVI), Протопопов А. М. (нач. XVII), Львов А. М. (1646–1655), дворцовое ведомство (1656–1690), Лопухины (1690–1790), Белосельская А. Г. (кон. XVIII), казна или Павел I (1799–1800), Гагарины (1801–1862), Бутурлины (1862–1917). (Фото из свободных источников, wikimapia.org)

там размещалась гимназия, которая после революции стала просто школой. Дом этот размещался недалеко от улицы Грановского, где поселились многие руководители нового государства, а дети их стали ходить в эту школу. Среди своих соучеников мама называла некоторые громкие по тем временам фамилии.

Теперь в этом здании на Знаменке размещается училище имени Гнесиных.

Как-то в Москве были похороны на правительственном уровне. Хоронили то ли аэронавтов, разбившихся на стратостате, то ли еще каких-то героев того времени. Один из знатных одноклассников позвал маму идти вместе на это мероприятие. Шли они среди самых высокопоставленных провожающих. Внезапно пошел дождь, мама промокла и чувствовала себя очень неуютно. На нее обратил внимание идущий рядом Буденный:

– Я смотрю, ты совсем замерзла, синеглазая. На, возьми, укройся.

И он снял с себя кожаное пальто и набросил его на маму.

Так мама с этим буденновским пальто и дошла до крематория. Чтобы попасть туда, нужно было пройти то, что теперь называется «фейсконтроль», но командармское пальто вопросов у охраны не вызвало, и мама стала свидетельницей последнего этапа похорон. Почему-то тогда считалось необходимым посмотреть через специальный глазок на сам процесс кремации останков. На маму огненное погребение произвело самое неприятное впечатление. Рассказ об этом событии она обычно заканчивала словами:

– Только вы меня, пожалуйста, не кремируйте.

Зимой по выходным дням бабушка вместе с маленькими тогда тетей Варей, тетей Ирой и мамой ходили гулять в сквер около храма Христа Спасителя, тогда еще не взорванного.

Мама вспоминала, как шли они однажды мимо какого-то забора, на котором огромными буквами было начертано слово из трех букв. Бабушка направила на него свой лорнет, а поскольку в те годы были широко в ходу всевозможные аббревиатуры, она вслух стала расшифровывать и это слово: Художественное Управление... и дальше запнулась, не могла подобрать слово на последнюю букву. От этого занятия оторвала ее старшая дочь – тетя Варя. Опыт советской школы подсказал ей, что бабушка пошла неверным путем, и она предложила всем двигаться дальше, не заостряя свое внимание на надписях на заборах.

Счастливая жизнь оборвалась 10 июня 1927 года. В этот день арестовали дедушку и бабушку. Девочки остались одни. Тете Варе было 16 лет, тете Ире – 14, маме -10. Для всех них, в том числе и для мамы, детство закончилось.

Как и все в таких случаях, они сначала надеялись, что все обойдется, что это ошибка и родителей вскоре освободят. Но проходили дни, родители оставались в тюрьме.

К попыткам освободить Истоминых подключился брат бабушки, Сергей Александрович Бутурлин, известный натуралист, исследователь Севера.

Пришедшие к власти в стране бывшие «борцы за счастье обездоленных», понемногу стали перенимать образ жизни свергнутого ими правящего класса. В частности, многие стали заядлыми охотниками, и один из самых крупных охотоведов и знаток ружейного дела в России С.А. Бутурлин, стал пользоваться у них заслуженным авторитетом. Он даже стал членом Комитета Севера при ВЦИК (не путать с ЦК партии, он был, естественно, беспартийным). ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет, был тогда чем-то вроде Верховного Совета, который был образован позднее.

Как сотрудник ВЦИК (*Сергей Александрович работал специалистом по охоте Наркомзема в 1925 г., уполномоченным Комитета Севера при Президиуме ВЦИК на Дальнем Востоке (1925–1926), ученым секретарем Комитета Севера (1926–1930). При этом состоял членом Комитета Севера и его бюро (1924), членом совета Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока (1925), был учредителем, членом совета, заместителем председателя Всероссийского общества охраны природы (1926) и пр. Сергей Александрович жил во флигеле 3-его дома Советов, занимая с семьей 2 смежные комнаты в коммунальной квартире*), он обратился к его председателю, «всесоюзному старосте» М.И. Калинину. Но Калинин, узнав, что Бутурлин хлопочет за Истоминых, по-дружески посоветовал ему:

– Сергей Александрович, не связывайтесь с этой фамилией.

Дело в том, что отец дедушки, Владимир Константинович Истомин, тайный советник и гофмейстер высочайшего двора, был управляющим канцелярией московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича и был известен своим, мягко говоря, неодобрительным отношением к революционерам.

Помню, когда я был в Самаре у тети Иры в 1991 году, как-то в разговоре со мной она сказала:

- Какой мерзавец был Сергей Львович Толстой.

- ???

- Он в своей книге «Очерки былого» написал, что наш дедушка Владимир Константинович Истомин был ярым монархистом и одобрял казни революционеров. Он совсем не подумал о том, что нас всех могли расстрелять за это.

Что ж, при тоталитарном режиме и впрямь, и мемуары могут послужить материалом для репрессий.

Слава Богу, до расстрела бабушки и дедушки не дошло, но в итоге дедушку приговорили к трем годам Соловков, а бабушку к трехлетней ссылке в с. Березово Тобольского округа. Это то место, где за двести лет до этого закончил свои дни «полудержавный властелин» светлейший князь Александр Данилович Меншиков, сосланный туда внуком Петра Первого, Петром Вторым.

Мама говорила, что как только арестовали их родителей, многие знакомые тут же перестали их узнавать. Вокруг них образовался вакуум.

Пошел, правда, хлопотать за дедушку его приятель, живший в этом же доме, присяжный поверенный Лука Петрович Журавицкий. Но после этого его никто больше не видел.

Сначала над оставшимися без родителей девочками взяли шефство их тетушки, они даже стали по очереди приходить и ночевать у них. Но так как они очень рьяно принялись за воспитание племянниц с позиций фрейлин высочайшего двора, совершенно не сообразуясь с советской действи-

тельностью, девочки в качестве контрмеры однажды собрали в спичечный коробок со всего дома клопов и высыпали их в диван, на котором ночевали тетушки. Случайно стала известна причина внезапного появления полчища клопов в диване и оскорбленные в лучших чувствах тетушки не только забыли дорогу к девочкам, но и попросили их забыть дорогу к ним.

Ко всему прочему, следователь Трубников, который вел дело Истоминых, предписал девочкам освободить квартиру, в которой они жили, после чего въехал в нее сам. Девочкам же дали комнату в огромной коммуналке в доме в Большом Гнездниковском переулке. Жило там двадцать семей. Не исключено, что и сам Трубников раньше жил там, и что он, воспользовавшись случаем, так легко и непринужденно улучшил свои жилищные условия.

В 2012 году мне довелось побывать в этом доме, он превращен теперь в гостиницу. Я не знаю, на каком этаже жили девочки Истомины, я был на третьем, но, в общем, все пять этажей там одинаковые. Когда поднимаешься на этаж, перед тобой огромный коридор, пронизывающий по длине весь дом. Ширина его около трех метров. В коридоре – двадцать дверей, по десять с каждой стороны. Комнаты, я думаю, не отличались одна от другой. Они довольно большие. Сейчас каждая из них разделена на две, метров по двенадцать – четырнадцать. Сразу у входа – санузал с душевой кабиной, за ним – миникухня. Каждый номер – как небольшая двухкомнатная квартира.

Странное чувство я там испытывал: восемьдесят пять лет тому назад где-то здесь жила девочкой мама с сестрами. Здесь они и горевали, и смеялись, и шутили, ведь они были еще детьми.

Уже никого их нет, а дом все тот же, вот он.

Но возвращаюсь в 1927 год.

Непросто было девочкам привыкать к суровому быту коммуналки. Да и народ был разный. Некоторые, зная их историю, относились к ним сочувственно, кто-то злорадствовал. Однажды во время ссоры, какая-то соседка попыталась пустить в ход руки, тетя Варя дала сдачи. Она, по словам мамы, была спортивная и очень сильная физически. Соседка побежала жаловаться, были неприятности. Как же, потомок недобитых буржуев поднял руку на трудящегося.

В Гнездниковском переулке около их дома стояли огромные котлы, в которых днем варили асфальт. По вечерам их оккупировали беспризорники, которые ночевали в этих, остающихся еще долгое время теплыми, котлах. Поначалу девочки, если доводилось вечером возвращаться домой, робели при виде оравы юных оборванцев, от которых можно было ждать чего угодно. Но беспризорники, видимо по природным законам хищников, которые около своего логова никого не трогают, относились к девочкам доброжелательно. Видя их нерешительность, они кричали:

– Это ж наши барышни. Идите, барышни, не бойтесь, мы вас не тронем.

Очень сочувственно отнеслась к девочкам бывшая жена писателя Горького Екатерина Павловна Пешкова. Она возглавляла Политический Красный Крест. В двадцатых годах была еще такая организация, которая оказывала помощь, как арестованным по политическим мотивам, так и их семьям. Позже, в тридцатых годах, Политический Красный Крест разогнали, сотрудников его расстреляли, Пешкову же не тронули, просто отправили на покой. Сталин тогда заигрывал с Горьким и избегал всего, что могло бы обострить их отношения.

Тогда очень многие обращались к Пешковой за помощью, и она, и ее организация помогали всем, кому могли. Большое дело она делала. Во многих семьях ее вспоминают с благодарностью.

Пешкова приказала пропускать к ней девочек Истоминых без очереди. Когда они приходили, она звонила, чтобы принесли чай, конфеты, печенье. Иногда, когда они приходили, Пешкова собиралась ехать по своим, как теперь бы сказали, правозащитным делам на Лубянку. Высокая, статная, в кожаном шлеме, он садилась в коляску мотоцикла. Своим сопровождающим она говорила:

– Примите девочек Истоминых.

Оставшихся без родителей девочек хотели отправить в детский дом. И опять спасла Пешкова. Она сказала, что у них есть дядя, который может им помогать, нужно, чтобы он оформил опеку. Сергей Александрович опеку оформил и ежемесячно давал девочкам по тридцать рублей.

Жил Сергей Александрович в доме ВЦИК. Адрес был: Садово-Каретная, 3-й дом Советов, кв. 32. Дом был обнесен оградой. Чтобы пройти туда, нужно было на проходной сказать, к кому идешь. Чтобы не светиться лишний раз перед охраной, Сергей Александрович показал девочкам лазейку в заборе, через которую они могли попадать к нему. Именно тогда завязалась у мамы дружба с сыном С.А. Сашей – Александром Сергеевичем Бутурлиным.

Получив деньги, девочки шли в Елисеевский магазин, который располагался недалеко от их дома. Там они покупали кости от ветчины, которые стоили копейки. Дома устраивали пир. С костей срезались остатки ветчины, они шли на бутерброды, а из костей варили замечательный гороховый суп. Вкус его мама, по ее словам, помнила спустя много десятков лет. Когда кончались деньги, они шли на Болото, место на берегу Москва-реки, недалеко от нынешнего «Дома на Набережной». Там располагался огромный рынок, на котором торговали и ясеневские крестьяне. При виде девочек они говорили:

– Наши барышни пришли.

И бесплатно давали им в больших решетах клубнику и желтые сливы, все это в изобилии произрастало на ясеневских землях. Мама говорила, что с тех пор она не любит желтые сливы, видимо, слишком много довелось их съесть на голодный желудок в те годы. На клубнику, правда, у нее эта неприязнь не распространялась.

Ходили они в Бутырскую тюрьму, носили передачи родителям. Иногда видели своего двоюродного брата Петю – Петра Дмитриевича Истомина, он отбывал там трехлетний срок. Огромный Петя, его рост был два метра четыре сантиметра, приветливо махал им рукой через зарешеченное окно. У него был трудный период. Его жена Мэринька – Мария Александровна (гр. Гудович) родила сына Сашу, потом у Пети с Мэринькой начался разлад. Находясь в тюрьме, он не мог ничего исправить и очень тяжело это переживал.

Там же сидел и кн. Петр Александрович Туркестанов, будущий муж их двоюродной сестры Натальи Дмитриевны Истоминой, родной сестры Пети.

Многие их родственники сидели тогда.

Камеру, в которой, кроме Пети Истомина и Петра Туркестанова, содержалось еще несколько человек, носящих известные фамилии, называли «дворянский колхоз». Подробно пишет о нем в своих «Мемуарах» Кирилл Николаевич Голицын, находившийся там вместе со своим отцом.

Считается, что судили тогда «тройки Особого Совещания», внесудебный орган – трое сотрудников ОГПУ, оформленные приказом, как члены «Особого совещания при Коллегии ОГПУ», без прокурора, адвоката и без самого обвиняемого, рассмотрев дело, выносили приговор.

В «Деле Истоминых» я обнаружил такой документ:

То есть, приговор вынес кто-то один, «тройка» позже его просто «проштемпелевала».

22 лагерь, судя по всему, СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1927 года июня 22 дня я, уполномоченный 5-го Отдела ССОГПУ – ТИМОФЕЕВ, рассмотрев следственное дело № 46948 по обвинению гр. гр.

1. ИСТОМИНА Леонида Владимировича по ст. 58/5 УК

2. ИСТОМИНОЙ Варвары Александровны по ст. 58/12 УК, арестованных 11/6-27, содержащихся в Бутырской тюрьме,

НАШЕЛ:

Истомины, бывшие дворяне, убежденные монархисты, группирующие вокруг себя монархический элемент, имеющие связь с эмигрантами, высказывают уверенность в близком падении соввласти.

Обвиняемый ИСТОМИН, в прошлом б. Прокурор Рязанского, Московского и Черниговского судов.

Принимая во внимание, что ИСТОМИНЫ являются социально опасным элементом,

ПОЛАГАЮ:

1. Предъявленное обвинение гр. ИСТОМИНУ Л.В. по 58/5 ст. УК, гр. ИСТОМИНОЙ В.А. по 58/12 ст. УК – считать доказанным.

2. Дело о них представить на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ

Уполномоченный 5 Отдела СООГПУ И. Тимофеев

*Согласны: / подпись / (*кажется: Рутковский – О. Ф.*)*

Внизу наискось карандашом:

Истомина заключите 22 лагерь на 3 года, Истомину В.А. – выслать в ПП по Уралу на 3 года

(подпись неразборчива)

22/VI-27

Как-то в июле, когда Истомины пришли к Пешковой, она сказала:

– Девочки, сейчас идет этап из Бутырок, вашу маму оправляют в ссылку. Возьмите для нее вещи и бегите скорее на вокзал.

На вокзале девочки увидели, как сквозь строй красноармейцев, в числе других, к вагону идет их мама. Конвоиры прогоняли девочек, но они уговорили одного из них взять передачу для бабушки.

Бабушка отправилась на три года в ссылку в с. Березово.

Вскоре этапом на Соловки отправили и дедушку.

Но в поезде дедушке стало плохо с сердцем и его, с не совсем понятным теперь диагнозом «грудная жаба», сняли с поезда в Ленинграде и положили в тюремную больницу им. доктора Гааза.

Скорее всего, у него был инфаркт.

Однако ОГПУ не оставляло свои жертвы без контроля.

431500

Л-д. ПП ОГПУ ЛВО

Секретный

31.12.27

О гр. Истомине

Срочно сообщите, чьим распоряжением был снят с этапа следуемый на Соловки и помещенный в больницу им. доктора Гааза заключенный Истомин Л.В.

п/нач. СООГПУ /Андреева/

нач. 5 Отд. СООГПУ /Рутковский/

В январе 1928 года, когда дедушку сочли выздоровевшим, сообщений с Соловками не было и дедушку отправили в Кемь, на Попов остров. Там он и пробыл весь срок.

Мне рассказывали гр. Андрей Александрович Гудович и Владимир Алексеевич Казачков, что они встречались с ним там.

Бабушку поездом этапом довезли до Новосибирска, оттуда по Оби их пароходом должны были отправить в Тобольск. И уж оттуда опять пароходом в Березово. Это более двух тысяч километров.

А пока в Новосибирске, в ожидании парохода на Тобольск, их поместили в тюрьму.

Наконец пароход пришел, и началась водная часть эпопеи.

Несмотря на то, что это был конец августа – начало сентября, на пароходе было очень холодно. Ведь это была Сибирь, и двигались они на Север.

В селениях по Оби, куда приставал пароход, на пристани приходили ранее сосланные туда, в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, а то и родных.

На одной из пристаней бабушка увидела знакомую – кажется кн. Горчакову, она отбывала там ссылку. Видимо, на пароходе был не очень строгий режим и на время стоянки бабушка пошла к

Горчаковой домой, чтобы согреться и помыться. Оказалось, что та живет с Де-Ласси. Он был хорошо знаком бабушке. Прибалтийский дворянин Патрик О′Бриен-де-Ласси (*точнее, потомственный дворянин Гродненской губернии Патрикий-Казимир Петрович О′Бриен-де-Ласси*) был женат на ее двоюродной сестре Людмиле Дмитриевне Бутурлиной. У нее был брат, Василий Дмитриевич. После смерти отца Василий и Людмила получили бы большое наследство, но Патрику О′Бриен-де-Ласси этого казалось мало. Он подговорил какого-то врача, который под видом прививки заразил двадцатишестилетнего Василия Дмитриевича дифтеритом. В.Д. очень тяжело болел, но выздоровел, тогда его заразили снова. В этот раз он умер.

Дело это вскрылось, был громкий процесс, Де-Ласси и врач пошли на каторгу.

И вот, спустя много лет, далеко в Сибири, бабушка встретила убийцу своего брата.

Де-Ласси подошел к ней и сказал:

– Варвара Александровна, не будем вспоминать то, что было давным-давно. Советская власть нас уровняла. Оставайтесь у нас, отдохните.

Мама говорила, что бабушка потом с гордостью приводила свой ответ:

– Нет, подлость останется подлостью всегда.

И ушла из теплого дома на промороженный пароход.

До Тобольска они добрались только 15 сентября.

Мне удалось в архиве ФСБ в деле Истоминых найти следующий документ:

† Варя Истомина

† Дмитрий Александрович Бутурлин

Утверждаю
Нач. Тобокруга ОГПУ
/Заикин/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1927 г. сентября 15 дня, я, п/уполномоченного ИНФ Тобокротдела ОГПУ Назарова, рассмотрела л/д а/с:

1. *Хайкина Меера Мовшевича*
2. *Зотикова Петра Михайловича*
3. *Фейгина Лейба Хацкелевича*
4. *Раскина Шлема Нахимовича*
5. *Каплан Лейзера Хановича*
6. *Савицкина Ефима Яковлевича*
7. *Шерстинского Абрама Мордуховича*
8. *Шерстинского Моисея Мордуховича*
9. *Вадбольского Авенира Авенировича*
10. *Раскина Моисея Нахимовича*
11. *Истоминой Варвары Александровны*
12. *Фейгина Самуила Хацкелевича*
13. *Ковалевского Георгия Дмитриевича*
14. *Романова Василия Михайловича*

и, усматривая из таковых, что указанным выше а/с местом для дальнейшего отбывания срока ссылки назначено с. Березово, а потому

ПОСТАНОВИЛ:

А/с в числе 14 человек заключить под стражу в Тобизолятор с/н и с первым отходящим из гор. Тобольска этапом направить в с. Березово.
Копии настоящего постановления направить нач. Тобизолятора с/н и ст. пом. Облпрокурора по Тобокругу для сведения.

п/уполномоченного /Назарова/
«Согласен»
нач. ИНФАГО /Фокин/

Я не знаю, когда этот этап добрался до Березова.

В нем из четырнадцати человек только пятеро русских. В те годы Советский Союз еще не обвиняли в антисемитизме. Скорее всего, это отголоски борьбы Сталина с Троцким. Наверное, они и держались отдельно – русские и евреи.

Во всяком случае, все пятеро русских поселились в Березове вместе. Жили коммуной.

Судьбы Зотикова и Романова мне неизвестны, но по аналогии с судьбами других людей, арестованных в те годы, они должны быть трагичны.

Георгий Дмитриевич Ковалевский, это наш дядя Юра, он попал в ссылку по глупости, это поняли даже в те суровые годы. Его вскоре освободили, он вернулся в Питер. Впоследствии женился на маминой сестре тете Ире и был отцом нашего недавно умершего двоюродного брата Сергея, которого мы все очень любили.

В 1935 году, после убийства Кирова, Ковалевских выслали в Самару. Дядя Юра в центре города сумел построить квартиру для семьи, но в 1940 году в возрасте тридцати шести лет он умер от туберкулеза горла, которым заразился, судя по всему, от Вадбольского еще в Березове.

† Дядя Юра Ковалевский

Князь Авенир Авенирович Вадбольский, выпускник Пажеского корпуса, бывший поручик лейб-гвардии Егерского полка, до Березова пробыл три года на Соловках. В 1930 году, когда кончился срок его ссылки, его снова арестовали на пароходе, на котором он возвращался из Березова, привезли на Лубянку, где обвинили в принадлежности к каким-то мифическим контрреволюционным организациям, придуманным ОГПУ, и расстреляли через несколько дней после того, как ему исполнилось тридцать два года. Это был очень близкий нашей семье человек.

В «Летописи Историко-Родословного общества в Москве» за 2009 год напечатана моя статья о нем.

Я доволен, что мне удалось рассказать об Авенире Авенировиче людям.

† кн. Авенир Авенирович Вадбольский

Большую помощь девочкам оказывала приятельница бабушки Софья Александровна Тюрберт. Это была одинокая немолодая женщина. В самом начале двадцатого века она вышла замуж за офицера, но он погиб то ли на русско-японской, то ли во время мировой войны.

Жила Софья Алексеевна в одной квартире с внучкой Льва Николаевича Толстого, Софьей Андреевной, и ее матерью Ольгой Константиновной.

Весной 1925 года Софья Андреевна вышла замуж за Сергея Есенина. Бывая вместе с бабушкой у С. А. Тюрберт, мама несколько раз видела Есенина. Он приходил домой пьяный, скандалил, матерился, дрался, его жена пряталась от него под кроватью. Особенно неприязненные отношения были у него, как водится, с тещей.

Мама всегда очень любила стихи Есенина, но о нем самом отзывалась, мягко говоря, с прохладцей.

Но именно от мамы я узнал о Есенине еще тогда, когда имя его было фактически под запретом. Она же читала мне наизусть его стихи. Особенно любила «Письмо к матери».

Софья Алексеевна Тюрберт преподавала французский язык жене Сталина – Н.С. Аллилуевой. Когда она рассказала Аллилуевой о трех девочках, у которых арестовали обоих родителей, та ей не поверила, сказала, что сама хочет в этом убедиться. Как-то, в конце 1927 года, она приехала к ним, расспрашивала. Судьба девочек ее затронула.

По ее совету, тетя Варя написала письмо на имя Сталина. Аллилуева говорила, что она никогда ничего не принимает для передачи Сталину, но тут случай особый. Передали письмо Аллилуевой все через ту же С.А. Тюрберт.

Навещал девочек и митрополит Трифон (кн. Туркестанов). С семьей мамы он был связан двойным свойством: он был братом жены Сергея Сергеевича Бутурлина – дяди бабушки Вари – Веры Петровны (ур. Северцовой), а его племянник, Петр Александрович Туркестанов, женился на маминой двоюродной сестре Наталье Дмитриевне Истоминой.

Особенно теплые отношения у владыки были с тетей Ирой. Она старалась посещать почти все его службы. Он отслужит в одном храме, у выхода его ждут верующие и тетя Ира в первых рядах. Он благословит всех, и персонально тетю Иру, садится на извозчика и едет в другой храм. А тетя Ира, где на трамвае, где бегом, успевает туда раньше его. И стоит уже, ждет в толпе встречающих. Он увидит ее, погрозит ей пальцем, улыбнется. И так не раз.

Почти ежедневно приходил к ним их двоюродный брат, как его называла мама, Андрейка Урусов. И, по ее словам, торчал он у них с утра до вечера. Мама говорила, что иногда им хотелось бы побыть одним, но как не пытались они спровадить Андрейку, все было бесполезно. Он добросовестно демонстрировал свою солидарность с ними. Мама подозревала, что кроме всего прочего, ему нравилась тетя Варя. Но, вообще-то, она была на три года старше его. Хотя, тринадцатилетние мальчишки порой влюбляются в шестнадцатилетних девушек.

По словам мамы, они не раз говорили ему:

– Андрейка, не ходи ты к нам, можешь загреметь вслед за нашими мамой и папой.

Он только махал рукой и говорил:

– А, пускай.

Тогда его не тронули, но потом, в проклятом 1937, расстреляли и его, ему было двадцать три года, и его старшего брата, Петра Петровича Урусова, тридцати двух лет с женой, Ольгой Владимировной (ур. Голицыной), двадцати шести лет.

Вся их вина перед советской властью состояла лишь в том, что они родились князьями.

† кн. Андрей Петрович Урусов в тюрьме перед расстрелом

В том же году расстреляли маминого дядю, Петра Владимировича Истомина, а потом, в мае 1938, и тетю – Варвару Владимировну Истомину.

† Петр Владимирович Истомин

Не так уж безосновательны были опасения тети Иры, которые она высказала по поводу мемуаров С.Л. Толстого, хотя вряд ли это они повлияли. Просто принято тогда было в СССР таким радикальным способом избавляться от «социально чуждых элементов».

Когда девочки жили еще в Крестовоздвиженском переулке, школа была в нескольких шагах, в старом Бутурлинском доме, но, тем не менее, мама в школу постоянно опаздывала – очень уж не хотелось рано вставать, а родители, которые не давали бы расслабляться, были, как говорится, «в местах отдаленных».

Мама выскакивала из дома, когда раздавался звонок на начало уроков и, естественно, все время опаздывала. Учительница благоволила маме, особенно, после ареста родителей. Даже порой советовала ей, с кем дружить, а с кем лучше не стоит из ее «непростых» одноклассников. За опоздания она тоже довольно мягко выговаривала маме. Но когда эти опоздания стали ежедневными, не выдержала и она:

– Оля, я не пущу тебя на урок, пока ты не напишешь стихотворение о том, что нельзя опаздывать в школу.

Мама тут же выдала экспромт:

Динь-динь, динь-динь
Звенит звонок,
Бежим скорее на урок...

Продолжения не помню, но смысл такой, что нельзя опаздывать ни на минуту, потому что каждую минуту мы узнаем в школе что-то новое.

Растроганная учительница, смахнув слезу, разрешила ей сесть на место.

А мама говорила:

– Я ведь так и делала, бежала на урок по звонку. Другое дело только, что не успевала войти в класс раньше учительницы.

В этой же школе учился и некий Борька (иногда мама говорила, что звали его Петькой) Реми, который был неравнодушен к маме. Он поджидал ее после уроков, брал ее портфель и провожал до дома. Идти, правда, было совсем недалеко.

Мать Борьки говорила ему:

– Зря стараешься. Оля твоя родственница, ты не сможешь жениться на ней. (Мамин дедушка, Владимир Константинович Истомин, был женат на Наталье Александровне Реми).

Но Борька-Петька упорно продолжал ухаживать за мамой.

Приходили письма от бабушки. В одном из них была фотография их «Березовской коммуны»: бабушка, Вадбольский, дядя Юра, Зотиков.

† Мамины дядя и тётя: Володя и Варя Истомины. Выпускник Лицея Цесаревича Николая, прапорщик Белорусского гусарского полка Владимир Владимирович Истомин погиб в августе 1914 года, Варвара Владимировна Истомина была расстреляна в Минусинске в 1938 году

Тетя Ира в девяностых годах, теперь уже прошлого века, рассказывала мне:

– Мы с Варенькой выбрали себе женихов. Варенька – Вадбольского, я – Ковалевского. А Оленьке оставили пожилого Зотикова. Ведь мы были совсем девчонки и, несмотря ни на что, шутили, смеялись.

Потом их переселили в Большой Гнезднековский.

Как-то пришло письмо от Вадбольского.

По словам тети Иры, начиналось оно так: «Позвольте, с разрешения Вашей матушки, благословить ваше существование на зеленеющем ныне континенте...» Видимо, это было весной.

Приходили письма и позже, в некоторых были стихи.

Перед Пасхой, в 1928 году, еще раз приехала к ним Аллилуева вместе с «рыжим Васькой», как говорила мама. Она привезла им кулич, ветчину, пасху. «Денег не дала», – уточняла мама.

Аллилуева сказала:

– Девочки, ваша мама скоро будет с вами...

Это было радостное известие.

Действительно, где-то в апреле в Березово пришло распоряжение об отмене ссылки в отношении Истоминой В.А.

Но выехать бабушка смогла только в середине мая, когда открылся водный путь.

Девчонки оставались девчонками. Весной, чуть стало теплее, они забирались на крышу дома загорать. И хотя на улице было еще прохладно, от нагретой крыши веяло теплом. Эффект раннего загара они усиливали и тем, что мазались разведенным водой раствором йода.

Загар, видимо, давал о себе знать. Как-то, придя с Тверской, тетя Варя пожаловалась находившейся у них С.А. Тюрберт:

– Невозможно пройти по улице, на каждом шагу вяжутся ребята.

– Что ты, Варенька, нужно уметь вести себя. Я сколько хожу, ни один ко мне не привязался, – ответила пятидесятилетняя Софья Александровна.

Позже тетя Ира рассказала мне о судьбе Тюрберт. В 1941 году она поехала к кому-то из знакомых в Ленинград, не смогла выехать обратно после начала войны и погибла в блокаду.

Раньше бабушки в Москве по дороге домой, в Ленинград, появился освобожденный от ссылки дядя Юра Ковалевский. Ему очень понравилась тетя Ира, и он задержался в Москве на гораздо больший срок, чем первоначально собирался.

Где-то в конце мая – начале июня возвратилась в Москву бабушка Варя. Причем, даже без «минус шести» или «минус десяти», как давали в те годы людям, вернувшимся из ссылки. Это означало запрещение жить в шести или десяти крупнейших городах СССР (список их приводился).

После возвращения бабушке, которая раньше никогда нигде не работала, пришлось искать работу. Правда, у нее был диплом «домашней учительницы». В конце концов, она стала обучать французскому языку детей какого-то богатого американского специалиста, работавшего в СССР.

Мама вспоминала, как они с бабушкой с семьей этого американца ездили в Екатеринбург. Ехали в шикарных двухместных купе, диваны в которых были обиты красным бархатом, у дверей были бронзовые ручки. В каждом купе была ванная комната – все это тогда произвело на маму неизгладимое впечатление.

Не знаю, с какой целью ездил американец в Екатеринбург, но они побывали там и в ипатьевском доме, где в июле 1918 года чекистами под руководством Янкеля Юровского была убита царская семья. Спускались по знаменитым 23 ступеням в подвал. Мама говорила, что она видела отметины от пуль на стенах и на потолке подвала.

† Мама, Ольга Леонидовна, в те годы

Американцы хорошо платили бабушке, причем, часть платы она получала в долларах, благодаря чему появилась возможность покупать продукты в Торгсине – существовала тогда система магазинов торговли с иностранцами, отсюда – Торгсин, где за валюту или за золото можно было купить продукты и деликатесы, которых не было в обычных московских магазинах. Кроме того, американцы дарили бабушке вещи для нее и для девочек.

Как сказал, правда, позже и по другому поводу Сталин, «жить стало лучше, жить стало веселее».

Все это не могло не вызвать нехорошие чувства у некоторых их соседей по коммуналке, которым трудно было пережить, что кому-то стало хорошо. Кто-то написал донос в ГПУ.

Приходили письма от Вадбольского. Часто в них были стихи.

Бабушка знала, что Вадбольский в Березове нуждался, решила сходить к его матери, сказать, что ее сыну нужно помочь деньгами, вещами. Пошла бабушка с мамой. Княгиня Вадбольская встретила их неприветливо, насчет Авенира Авенировича сказала, что ничего не хочет знать об «этом типе», что это «скелет их семьи». Мама говорила, что ее поразил нос княгини, который был красного цвета и наводил на размышления не в ее пользу.

Потом письма от Вадбольского перестали приходить. Бабушка пошла к Пешковой узнать, не случилось ли с ним чего-нибудь. Пешкова предложила прийти через несколько дней.

Когда бабушка пришла снова, Пешкова сказала:

– Варвара Александровна, забудьте о Вадбольском, ему ничем помочь нельзя. Если у вас есть его письма, уничтожьте их.

В те годы к таким советам относились очень серьезно. Все письма и стихи Авенира Авенировича были сожжены. В памяти у мамы и тети Иры осталось лишь несколько стихотворений.

В 1930 году освободили дедушку, но после лагеря его отправили отбывать трехлетнюю ссылку в Архангельск.

Мама говорила, что они получили письмо от некого Бо́яра (ударение на «о»), который вместе с дедушкой был в лагере и тоже попал в Архангельск. Он писал, что дедушка тяжело болен – в Кеми он обморозил легкие и у него начался туберкулез. Кроме того, надвигалась зима, а у него не было теплой одежды.

Бабушка запаслась продуктами, американцы снабдили ее «промтоварами», как говорила мама, для дедушки, и поехала в Архангельск.

А несколько дней спустя, ночью за ней пришли чекисты. Доносы соседей не остались без внимания. Не обнаружив бабушки, они поначалу были несколько озадачены, но, узнав, что она уехала в Архангельск, сказали:

– Вот и отлично. Мы сообщим, чтобы ее там и оставили.

А девочкам приказали утром явиться на Лубянку.

Там их встретил уже знакомый им следователь Трубников и сказал, что в течение трех дней они должны покинуть Москву. «Убирайтесь, куда хотите» – примерно так сформулировал он поставленную перед ними задачу. Позже они узнали, что в их опустевшую комнату въехал брат Трубникова.

В это время в Москве были только тетя Варя и мама. Тетя Ира, которая работала на кинофабрике, незадолго до этого вышла замуж за кинорежиссера, как называла его мама, Додку Шевченко и проводила медовый месяц на юге. В Москву она вернулась на следующий день после визита девочек на Лубянку. Вошла веселая, загорелая. Узнав, как обстоят дела дома, она сказала:

– Девчонки, меня здесь не было. Кому будет лучше, если в Архангельск покатят трое, а не двое. Не обижайтесь, провожать не приду.

† Михаил Сергеевич Бутурлин с женой – баронессой Фитингоф-Шель. Интересна, но малоизвестна судьба Михаила Сергеевича – морского офицера, адъютанта А.В. Колчака. В Иркутске ему удалось спастись, он перебрался в Маньчжурию, жил в Харбине и Шанхае, где и умер в 1950 году

Рассказывая это, мама ее не осуждала.

Благодаря тому, что тетя Ира носила фамилию Шевченко, ее не тронули.

Тетя Варя решила ехать в Ленинград. Ей нравился дядя Юра, хотя он был влюблен в тетю Иру. А мама с максимально возможным количеством вещей загрузилась на третью полку вагона поезда Москва – Архангельск. Сколько времени поезд должен был идти до Архангельска, не знаю, но однажды ночью ее разбудил голос:

– Есть кто в вагоне?

Мама открыла глаза, в вагоне темно, только в проходе стоит мужчина с фонарем. Увидев маму, он спросил:

– А ты чего здесь делаешь?

– Еду в Архангельск.

– Какой Архангельск. У вагона буксы сгорели. Всех пассажиров распихали по другим вагонам. Поезд сейчас отходит, а этот вагон бросают. Что ты будешь делать здесь, в вологодских степях. (Рассказывая об этом, мама всегда именно так говорила, хотя Вологда ассоциируется скорее с лесами, чем со степями). Бери вещи и беги.

Он помог маме выгрузить вещи, и они побежали вдоль состава, но ни в один вагон маму не пускали – все переполнено, мест нет. А паровоз уже гудки дает, вот-вот состав тронется.

Наконец, добежали до вагона, где ехали красноармейцы. Их командир сказал:

– Сюда нельзя, это воинский вагон.

Но солдаты закричали:

– Разрешите взять девчонку, не оставлять же ее в этой глуши, тут ее волки съедят.

– Запрещаю брать посторонних.

А из вагона уже тянулись руки солдат:

– Давай, девочка, залезай.

– Я вас на губу посажу.

– Сажай куда хочешь, а девчонку не оставим пропадать.

Поезд начал двигаться, побросав часть вещей, мама успела вскочить в вагон. Дальше до Архангельска доехала без приключений.

Вид дедушки поразил маму. Она помнила его, как она говорила, веселым, искристым, с темными волосами, а увидела совсем седым и каким-то погасшим.

Еще ее поразили деревянные тротуары Архангельска. Да и вообще, весь город в те годы был деревянным. Гигантские штабели бревен лежали по берегам Двины, это был основной продукт экспорта СССР в те годы. Заготавливалось это «зеленое золото Страны Советов», в основном, руками заключенных. Тысячи человек гибли от непосильного труда на лесоповалах и других «стройках коммунизма», но товарища Сталина эти жертвы не волновали. Ему была нужна валюта на индустриализацию страны. А «бабы еще нарожают», как издавна говорили на Руси. Петровская «европеизация» России сократила население на четверть. Кто считал жертвы «индустриализации».

Жили дедушка с бабушкой в холодном сыром бараке. Рядом с ними жили, так же высланные из Москвы, Кристи и их родственники Глебовы. В семье Марии Александровны Кристи накануне мировой войны произошло несчастье, о котором тогда говорил весь Петербург. И Кристи, и Глебовы были близкими родственниками Михалковых. Мама помнит, как приезжал навестить их будущий известный поэт, тогда совсем еще юный, Сергей Михалков. Он ходил в длинной шинели, буденовке и юнгштурмовке – кажется, это вид гимнастерки, с портупеей.

В Архангельске было много ссыльных, как тогда говорили, «бывших дворян». Молодежь общалась между собой, многие были знакомы еще по Москве, по Питеру. Летом в выходные все вместе ездили купаться на Двину, у мамы сохранилось несколько групповых фотографий, сделанных на пляже. В свое время я не попросил ее подписать, кто на них изображен, а теперь уже поздно.

Один из Кристи, Сергей, отбывал ссылку в Архангельске после тюрьмы. Он переписывался со своими бывшими сокамерниками, это была, в основном, дворянская молодежь. Как-то в компании он прочитал полученные оттуда стихи:

Сергею Кристи

Атлет с цыганскими глазами,
С улыбкой греческих богов,
Он принял лязг и звон оков,
Тряхнув волнистыми кудрями.
Он внес в тюрьму, не расплескав,
Златокипящей жизни чашу,
Тот будет тридцать раз неправ,
Кто не восславит встречу нашу.
Наш на прогулках коновод,
Болтун и ум черезвычайный,
С Карлушей ссорой театральной
Он нас и нынче развлечет.
А чуть ударит в пол носком
Чечетки такт Кологородцев,
Он тут как тут, и вот вдвоем,
Трясутся парой иноходцев.
Он и художник, и актер,
Он и поэт и архитектор,
И тренированный боксер,
Любовного любимый лектор.
Так пусть же вянут за окном,
Шурша, желтеющие листья,
Сияет солнечным лучом
У нас в тюрьме курчавый Кристи.
Он внес в тюрьму, не расплескав,
Златокипящей жизни чашу,
Тот будет тридцать раз неправ,
Кто не восславит встречу нашу.

Мама говорила, что читал он их с гордостью, но, надо сказать, что гордость, судя по стихам, была обоснованной. Ведь некоторых тюрьма и все эти невзгоды ломали.

Сергей Кристи был не из этой породы людей.

Дедушка работал в Севводстрое, бабушка – швеей в какой-то артели. Зарабатывали они, видимо, совсем немного, потому что пришлось искать работу и маме. Ей даже переправили год рождения на 1916, чтобы она могла пойти работать.

Помог все тот же Бояр. Чрезвычайно энергичный человек, он в Архангельске стал работать директором столовой и взял маму к себе официанткой.

Вообще, мама очень тепло вспоминала Бояра. Он помогал многим. Например, нуждающиеся ссыльные получали в его столовой бесплатно суп из соленых зеленых помидор. Не деликатес, конечно, но когда голодаешь, будешь рад и этому. К сожалению, дальнейшая судьба Бояра неизвестна.

Как-то в столовую зашла группа летчиков полярной авиации. Веселые молодые ребята, в те годы отношение к полярникам было почти такое же, как в наши дни к космонавтам. С мамой они шутили, смеялись, а потом сказали:

– Что ты, такая молодая, красивая, тут с тарелками бегаешь. Полетели с нами на Диксон, будешь там королевой.

И стали расписывать ей прелести жизни на Диксоне. И, хотя в СССР пропаганда насаждала резко отрицательное отношение к монаршим особам, перспектива стать королевой хотя бы на Диксоне, прельстила маму, и она благосклонно отнеслась к этой идее. Но резко против выступил дедушка. То ли он действительно отрицательно относился к монархии, как таковой, как он утверждал в свое время на допросах в ГПУ, то ли ему не внушили доверия сами летчики, но на Диксон самолет в конце концов полетел без мамы.

Ближе к зиме семье удалось перебраться в более теплую комнату в добротном доме.

Работала мама на другом берегу Двины, мост был далеко, и ей приходилось каждый раз делать большой крюк по пути на работу. Когда Двина замерзла, она, как и большинство архангелогородцев, стала ходить напрямик через реку по льду. Зимой в Архангельске нет полярной ночи, но светает днем всего на два-три часа, остальное время темно.

Как-то, получив зарплату, мама спешила домой. В темноте она не заметила, что по Двине незадолго перед этим прошел ледокол, пошла обычной дорогой, и провалилась в полынью. Как ей казалось, она молча пыталась вскарабкаться на льдины, но они выворачивались из-под нее. Потом она потеряла сознание. Очнулась она в какой-то теплой комнате в постели. Около нее были незнакомые люди. Мама спросила:

– Как я сюда попала?

– Мы тебя вытащили из реки.

– А как вы узнали, что я тону?

– Милая, да ты так кричала, что чуть ли не весь Архангельск сбежался.

Последствия этого зимнего купания дали о себе знать. У мамы началось сильнейшее воспаление почек. Никакие лекарства не помогали, ей становилось все хуже и хуже, и лечащие врачи уже намекали, что медицина не всесильна. Кто-то, кажется, опять же Бояр, посоветовал обратиться к гомеопату. Пришел старичок, посмотрел, постучал согнутыми пальцами по спине и выписал маме какие-то мудреные лекарства в мелких драже, которые она должна была принимать десятками по строго определенной схеме. Тем не менее, скоро мама пошла на поправку и все последующие почти восемьдесят лет жизни с почками у нее никаких проблем больше не было. С тех пор она свято поверила гомеопатам и каждому, кто тяжело заболевал, советовала обращаться именно к ним.

Как-то, из очередного письма от тети Вари, они узнали, что в Ленинграде она вышла замуж за Игоря Николаевича Филимонова. Это был друг Юрия Дмит-

† Архангельск, лето 1933 или 1934 года, на берегу Сев. Двины. Сидит слева третья – тётя Ира (Ирина Леонидовна Истомина), стоит в центре – мама. Насколько помню по словам мамы, сидит первый справа – С. Кристи

риевича Ковалевского, тоже бывший кадет. Они вместе с дядей Юрой работали на ленинградской кинофабрике.

Писала им и тетя Ира. С Шевченко она разошлась, но снова была замужем и у нее была уже другая фамилия.

Плохо чувствовал себя дедушка. Порой казалось, он потерял интерес к жизни. 27 ноября 1933 года в больнице дедушка умер. Мама пошла в морг, принесла вещи для дедушки. В морге она застала персонал за коллективным обедом. Ей сказали:

– Подождите, мы закончим и проводим вас к вашему отцу.

Мама не стала ждать и прошла в большую холодную комнату, где на столах, покрытые простынями, лежали тела умерших. Было их довольно много, и мама подумала:

– Как же я найду папу?

И вдруг ей показалось, что на одном из столов простыня шевельнулась. Она подошла, сдвинула простыню. Под ней лежал дедушка. Через некоторое время подошли санитары.

– Как вы нашли его? – удивились они.

И бабушка, и мама тяжело переживали потерю дедушки.

Вскоре мама познакомилась с Геннадием Бухоновым. Он был сыном бывшего воронежского то ли губернатора, то ли предводителя дворянства. В Воронеже Геннадий остался жить и после революции, кончил школу, поступил в институт. Но вскоре его арестовали и выслали в Архангельск. Это была первая мамина любовь. У мамы были голубые глаза, и Геннадий называл ее Незабудкой.

Хотя, может быть, это была не любовь, а юношеское увлечение. Любила мама, как я понимаю, всю жизнь одного человека – нашего отца.

В июне 1934 года, накануне своего дня рождения, в Ленинграде умерла тетя Варя.

Эту дату ее смерти я слышал не раз. Но недавно, после смерти тети Иры 3 июля 2009 года, я был в Самаре. Внук тети Иры, Павлик Позняков, нашел в ее бумагах запись, где говорилось, что тетя Варя умерла 19 августа 1932 года. Эта дата кажется мне более реальной, потому что в сентябре 1934 года папа женился на маме. Не могло же это произойти через месяц после смерти тети Вари.

Папа рассказывал мне, что умерла тетя Варя от перитонита. Она была физически очень сильным человеком, папа говорил, что они иногда в шутку боролись. Стали они как-то бороться и когда тетя Варя была беременной. Видимо, плод оторвался, началось заражение, и она умерла.

† Похоронили тётю Варю на Смоленском кладбище в Ленинграде. Стоят слева направо: мама, папа, бабушка Лида – мать папы, бабушка Варя, тётя Ира, дядя Леля – брат папы

Когда у меня в 1963 году лопнул аппендицит и развился перитонит, лошадиными дозами пенициллина его сумели заглушить. Помню, папа говорил тогда, что если бы в 30-х годах был пенициллин, тетю Варю тоже спасли бы.

Правда, когда я как-то завел разговор о тете Варе с тетей Ирой в девяностых годах, она сказала, что тетя Варя умерла от последствий криминального аборта. Якобы тетя Варя крепко поссорилась с папой и пошла делать аборт. Официально в СССР они были тогда запрещены. Сделали ей криминально и неудачно.

Когда я рассказал тете Ире папину версию, она сказала:

– Раз он так тебе говорил, значит, так оно и было. Видимо, у меня были неверные сведения.

Теперь уже не узнаешь, как оно было на самом деле, да и так ли это важно сейчас, спустя семьдесят пять лет. Во всяком случае, и для мамы, и для бабушки эта смерть была тяжелой потерей.

Как я уже говорил, в сентябре 1934 года папа и мама расписались в Ленинграде.

Мама хотела сохранить свою девичью фамилию – Истомина, но папа, делая упор на то, что будущим детям будет непонятно кто они: Филимоновы или Истомины, убедил ее стать Филимоновой.

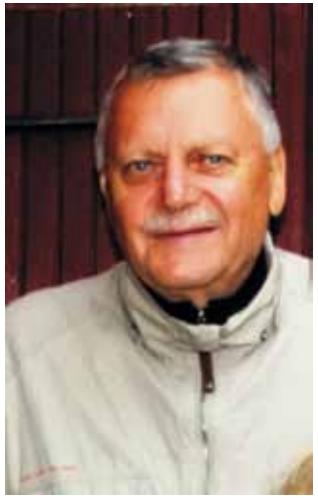
Мама рассказывала, что для Бухонова ее брак был тяжелым ударом. Он прислал маме в Ленинград стихи:

Потерял я незабудку-цветок,
Так недавно здесь цвел, голубея,
Сердце сжалось в сухой лепесток,
Печально осенью вея.
Зачем на пути своем встретил
Этот нежный голубой цветок,
Миг встречи был так радостно светел,
Как утром ранним восток.
Страшно было, долго, холодно,
И в груди трещал мороз,
Про себя я слышал: «Молод он,
Вывезет тяжелый воз».
Слушал, вез и улыбался,
Счастье, вот оно, пришло,
С незабудкой повстречался,
Стало вольно и светло.
А теперь вот, ночью звездной,
Ветер стонет меж болот.
Ты стони со мною слезней,
Стон цветок мой не вернет?
Мне горька потеря эта,
Погоди-ка ты, не вой,
Будет ласкою согрета
Незабудка там другой.
Ну и что ж, была б счастлива,
Обо мне, что говорить.
Солнце светит пусть в час ливня,
Незабудке не грустить.
Пусть цветет, где рожь смеется,
Где родная сторона,
Жаворонка песня льется,
Голубеет вышина.
Что ж теперь, сплясать, что ль, с горя,
С радости, что ль, трепака.
Эх ты, воля, моя воля,
Нет тебя и нет цветка.

Архангельск, 1934 г.

К стихам была приписка, что если через 10, 20, 40 лет Вы окажетесь свободной, одной, сообщите мне, я все брошу и приеду к вам.

Что было дальше с Бухоновым, мама не знает. Скорее всего, ничего хорошего, даже если его освободили после ссылки. В конце тридцатых годов НКВД «подбирало» тех, кто сидел раньше. Потом была война, где он мог оказаться и мог погибнуть. А в сороковых годах уже МГБ опять-таки «подбирало» ранее сидевших. Шансов у него пройти живым через эту череду мясорубок было мало.

† Олег Игоревич Филимонов

Я встречал людей, сидевших до войны, прошедших всю войну на фронте, и снова посаженных после нее. Это были не уголовники.

Во всяком случае, вспоминала мама «Гену Бухонова» всегда тепло.

Жить стали молодожены в старой, еще дореволюционной филимоновской квартире в Ленинграде на Каменноостровском проспекте, д. 50, кв. 2. Правда, раньше в ней Филимоновым принадлежали десять комнат, теперь остались две. Кроме папы с мамой, обитали там бабушка Лида – папина мать, Лидия Леонидовна Филимонова (ур. Дембовская), и воспитанница и родственница Филимоновых – Вера Васильевна Страхова.

Папа учился на пятом курсе Политехнического института, и, хотя учился он на дневном отделении, он еще где-то и работал. Жили неплохо по тем меркам, а с окончанием института, открылись бы неплохие перспективы.

Но 1 декабря 1934 года был убит С.М. Киров. Этот день изменил судьбу десятков, если не сотен тысяч людей. Наверное, изменилась и сама страна. Началась, если можно так сказать, репетиция Большого Террора.

Изменил он судьбу и моих родителей.

***

А что мы знаем о судьбе их камчатских родственников — Секириных (Секериных)?

Вполне возможно, исходя из того, что на Камчатку в те времена ссылались важнейшие государственные преступники, ссыльный Козьма Секирин был из дворянского рода, может быть из того, в котором был возвеличен совместной службой с князем Дмитрием Пожарским во время Великой Смуты и спасения Отечества, участник Второго ополчения — Перфилий (Порфирий) Иванович Секирин, стрелецкий сотник,

† Мещерское, 1910 г., третий слева А.С. Бутурлин

† Ольга Леонидовна Филимонова с внуком Игорем Всеволодовичем Филимоновым

† Светлана Игоревна Вечерина (ур. Филимонова), 1977 г.

† Людмила Игоревна Скородилкина (ур. Филимонова)

† курсант ЛВИМУ Павел Олегович Филимонов

впоследствии воевода. «Род дворян С. происходит от новгородских «лутчих людей» Секириных, неоднократно упоминаемых в летописях XV в. После «боярского вывода» С. служили по Москве и Владимиру в разных чинах, были воеводами, послами».

В период ярославского стояния 1612 года, когда формировалось Второе народное ополчение, начали восстанавливаться дипломатические связи с другими государствами. Из Ярославля были отправлены посланники в Швецию и Австрию. Их целью было добиться от шведов невмешательства в военные действия против России, а Австрию рассматривали как возможного посредника в переговорах с Речью Посполитой. Грамоту в Вену повез Еремей Еремеев. В качестве послов из Ярославля в Новгород для выяснения планов шведов отправили Степана Татищева, а затем Перфилия Секирина. Князь Дмитрий Пожарский получил в Ярославле предложение француза Жака Маржарета о совместных действиях против интервентов. Однако Пожарский решил отказать ему, поскольку Маржарет, служивший некоторое время в русском войске, затем перешел на сторону Лжедмитрия.

«В 1613/14 г. Девятой Федоров и Матвей Тимофеев Змеевы местничали с казанским воеводой П.И. Секириным. Оба Змеевы были жильцами, их родня служила по выбору (Калуга, Мещовск). В той же Казани с П.И. Секириным местничал и О.Я. Прончищев, назначенный туда головой, и выиграл дело. Против Секирина там же местничал и Сунгур Семенов сын Соковнин, также голова в Казани; последний был, вероятно, братом выборного Степана Соковнина, его родня — стрелецкие головы, выборные по Черни и Лихвину. Перфилий Секирин известен как видный участник II Ополчения, руководители которого направляли его в Новгород в качестве представителя при шведских оккупационных властях. Этот большой конфликт вызвал запрос Казанского приказа в Разряд относительно местнического положения никогда ранее не местничавшего воеводы: «Память ис Казанского Дворца, за приписью дьяка Ивана Грязева, 132-го году: велено выписати ис отпуску прошлого 122-го году, как были в Литовской земле под Кричевом воеводы князь Олексей Львов да Перфирей Секерин, и челобитная Перфирья Секирина на Сенгура Соковнина, да челобитная ж Матвея да Девятого Змеевых з братьею и с племянники на Перфирья Секирина и выписка под челобитными, как были воеводы князь Олексей Львов да Перфирей Секирин в войне, и какова память о

том дослана в Казанской дворец». Видимо, дело решалось в Приказе Казанского дворца, которому был подчинен воевода; сами эти свары могли быть отголосками своевольства и попыток неповиновения казанской служилой корпорации недавнего времени (*Ю.М. Эскин. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв.*).

Сохрались и такие сведения: в 1614 г. воеводам князю Алексею Михайловичу Львову и Перфилию Ивановичу Секирину указано было идти в Литовскую землю войною; с ними посланы: дворяне и дети боярские понизовых городов, казанские князья, мурзы и татары, чуваши и черемисы. Собираться велено в Калуге, оттуда через Брянск идти в Литву на Кричевые места.

Жалованы за осадное Московское сиденье 1618 года землями и в Рязанском уезде, где на реке Брусне есть даже село Секирино.

Но и после этого Перфилий Иванович не успокоился: «В 1622 г., 6 января, князь Григорий (*Волконский — С. В.*) стоял у сказки о пожаловании в окольничьи князя А.В. Сицкого. Февраля 2 он обедал у государя в Столовой избе с Пожарским и Морозовыми также 14 марта, когда у стола был святой патриарх, и 14, и 26 апреля, после чего поехал в Пронск с порученьем устроить осаду. В начале сентября Григорий Константинович возвратился в Москву; 8 числа обедал у государя в Столовой избе; 21, когда государь поехал в Сергиев монастырь, остался для дел с Воротынским и Сицким. Декабря 6 стоял у сказки о пожаловании в окольничьи князя Д.И. Долгорукова; 25 числа объявлял Юргенского царевича Авгана, приехавшего служить Великому Государю, и, после объявления, сидел подле него с князем Д.М. Пожарским и с боярином М.Б. Шепным. В этот же день на князя Григория бил челом Перфилий Секирин, коему сказано было, «что он плутует».

Вполне возможно, что причины «плутовства» Перфилия Ивановича были вполне обоснованными, как и причины его «местнических споров», которые были напрямую связаны с гонениями боярства, открытых на князя Пожарского и его единомышленников. Вот что пишет по этому поводу Руслан Скрынников: «Освободительное движение выдвинуло много талантливых воевод и государственных деятелей. В их числе были Минин и Пожарский. Военное дарование Пожарского достигло расцвета. Однако знать, едва не пустившая ко дну корабль русской государственности, не могла простить ему ни его способностей, ни его худородства.

Неугомонный Гаврила Пушкин, предавший нескольких царей и усердно служивший Гонсевскому, первым использовал местнические порядки, чтобы положить конец военной карьере Пожарского. В думе Пушкин стоял на низших ступеньках. Поэтому царь именно ему поручил обнародовать указ о пожаловании Пожарского в бояре. Упрямый Пушкин отказался выполнить царское распоряжение. Князь Дмитрий, уверенный в прочности своего положения, не оценил опасности и не подал встречного челобития на Гаврилу. Прошло полгода, и Пожарский осознал, что не получит никаких воеводских постов, пока не заставит бояр считаться со своим «родословием».

Воцарение Михаила Романова подняло наверх немало случайных людей, не обладавших никакими достоинствами, кроме родства с государем и его матерью. Временщиками Михаила стали братья Салтыковы. Король Сигизмунд в свое время хвалил их за верную службу и жаловал поместьями. Борис Салтыков позже других примкнул к освободительному движению и не сыграл заметной роли в боях с захватчиками. Ко времени коронации его сомнительное прошлое было предано забвению. Осведомленные люди говорили, что в Москве дума ничего не решает без ведома и согласия Бориса Салтыкова: не дядя Иван Романов, а Салтыков правит делами не по своему званию, а по родству со старой монахиней Марфой, матерью Михаила.

Царь сделал Бориса сначала кравчим, а затем боярином. Он поручил Пожарскому представить нового боярина двору и народу. Прославленный воевода не мог закрыть перед Салтыковым двери думы. Но он постарался подорвать его непомерное влияние и затеял с ним местнический спор.

Чтобы доказать свое старшинство, Борис имел наглость сослаться на службы родного дяди Михаила Глебовича Салтыкова, самое имя которого стало в глазах всякого русского символом национального предательства. Среди бояр доводы Бориса, понятно, не вызвали возражений. Возмущенный Пожарский отказался подчиняться приказу сидевшего на троне юнца и съехал к себе на двор, сказавшись больным. Романов не осмелился тронуть воеводу. Но в тот вечер за столом его собрались Мстиславский, Одоевский, Федор Головин. Они настояли на том, чтобы сурово наказать Пожарского. Бояре послали за Пожарским дворянина Перфилия Секирина, служившего при нем в Ярославле и исполнявшего его поручения. Секирин отвел воеводу на двор к Борису Салтыкову.

Выданный головой Пожарский должен был поклониться своему недругу до земли и, стоя на коленях, выслушать все, что тот скажет. Подвергнув князя Дмитрия поруганию, Салтыков объявил ему прощение и отпустил восвояси.

В те времена невозможно было придумать худшего унижения. Князю Дмитрию бесчестье казалось вдвойне обидным. Заслуги освободителя Москвы были зачеркнуты начисто. Поражение в местническом споре фактически лишало Пожарского права занимать высшие военные посты в государстве. Страна стояла на пороге новых военных испытаний, но князя Дмитрия грубо отстранили от руководства военными делами. Местническая «казнь» была кошмаром для тех, кто превыше всего ставил родовую честь. Случалось, выданный головой боярин надевал монашеское платье и навеки прощался с мирской жизнью. Другие изменяли присяге и переходили на сторону врага. Но князь Дмитрий выдержал экзамен. Не менее чувствительный к местническим придиркам, чем другие обедневшие аристократы, он, тем не менее, не ожесточился на людей и не изменил своим принципам. Он претерпел все, хотя горький осадок обиды надолго отравил ему душу.

Бывшие кремлевские сидельцы ликовали при виде унижений, выпавших на долю того, кто возглавил народную борьбу против них».

В истории Смутного времени отметился еще один из Секириных, также посол — Иван Борисович.

Вот, что пишет по этому поводу Я.Н. Рабинович в своем очерке «Пропавшее посольство»: «В августе 1613 г. из Новгорода в Москву было отправлено посольство игумена Отенского монастыря Дионисия. Сведения об этом посольстве чрезвычайно скудны и запутанны.

…Новгородцы обращались к «московским сословиям», т.е. игнорируя царя Михаила Романова, с предложением возвести на русский престол Карла Филиппа. В состав данного посольства вошли «Отенского монастыря игумен Дионисий да дворяне Воин Новокшенов, да Петр Лутохин, да Иван Секерин».

…Иван Борисович Секирин, … помещик Водской пятины, вместе со шведами участвовал в осовобождении Новгородской земли от тушинцев в 1609 г., тогда же он вел переговоры с мятежным Ивангородом, призывая жителей признать власть Василия Шуйского. В июле 1613 г. Иван Борисович Секирин вместе с игуменом Дионисием и Петром Лутохиным «приложил руку» под приговором об отправке посольства арх. Киприана в Выборг. …Послы… должны были просить (*шведского — С. В.*) королевича, чтобы он защитил их от всех врагов и «стал государем Новгородского государства»…

…Послы во главе с игуменом Дионисием должны были сообщить московским боярам о прибытии Карла Филиппа в Выборг и требовать от них немедленной отправки к принцу полномочных московских послов, чтобы «учинить крепкий договор… к совершению добре начатого дела касательно избрания его, королевича, всея России царем».

…Дионисия и его спутников задержали… в августе 1613 г. в Торжке, где они находились долгое время.

…В дальнейшем новгородские власти вплоть до весны 1615 г. не считали участников посольства Дионисия изменниками, их поместья не были конфискованы.

…Судьба большинства членов посольства арх. Дионисия хорошо известна. Их всех в 1614 г. отправили в Сибирь, но не в ссылку, а воеводами в отдаленные города: в Тюмень, Тару, Сургут, Томск, Мангазею. Это было в практике правительства Михаила Романова – отправлять бывших политических противников, сторонников польского королевича Владислава, воеводами в Сибирь. …В книгах разрядных, опубликованных еще в 1853 г., записано под 1615 г.: «…В Томском городе Гаврило Хрипунов да Иван Секирин…».

На следующий год (1616) Ивана Секирина перевели из жалекого Томска вторым воеводой в Тюмень, где он оставался помощником первого воеводы князя Федора Конкординова и в 1617 г.

За эти три–четыре года, находясь на воеводском посту, Секирин, Корсаков, Лутохин и Новокщенов сумели достать себе немало ценной пушнины.

Сведения о дальнейшей судьбе Ивана Секирина и членов его семьи после Смуты. И.Б. Секирин умер после 1630 г., пережив свою жену и нескольких детей. В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу он просил похоронить его пятилетнего сына Савву, умершего 21 декабря 1629 г., в Антониевом монастыре, где были погребены отец, жена, дядя и дети И.Б. Секирина».

В «Боярском списке XVIII века» перечислено более двадцати представителей этой дворянской фамилии, бывших на военной службе.

И совершенно не случайно сын камчатского ссыльного Козьмы Секирина был пожалован дворянским чином казачьего сотника — види-

мо, Иван Кузьмич не был лишен наследственного дворянского звания, как и его собственные сыновья.

Последние известные нам сведения о камчатских Секириных относятся к 1843 году: «Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков – из камчатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте “Алеут”, ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. — на боте “Камчадал”. В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота “Алеут” прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы».

Впоследствии, вместе с Камчатской экипажной ротой, Секерины, видимо, переведены в Николаевск-на-Амуре.

И еще одна историческая подробность, связанная с этой фамилией, которая больше говорит не об истории фамилии, а о нравах того времени: «Козлов-Угренин, по определении его туда, предпринял – по мнимому долгу начальника — объехать всю Камчатку. Для сего предварительно заставлены были камчадалы расчищать дороги и вырубать лес. Вместо того, что там всегда употребляются для проездов обыкновенные нарты, в которых нельзя более поместиться, как одному пассажиру и другому ямщику — Козлов-Угренин имел превеликий возок, в который камчадалы должны были запрягать от 50-ти до 60-ти, да под прочих великую Свиту его составлявших от 200 до 250-ти собак. Для сего числа собак камчадалы не могли иметь достаточного корму — и потому все почти они подохли. Летом ехал Козлов-Угренин вверх по реке Камчатке в нарочно построенном судне, которое камчадалы тащили от зори до зори по пушечному выстрелу с того судна».

Представьте себе коротышку «с большими выкатившимися глазами, на коих коварство и злоба положили печать свою, с язвительною улыбкою на лице, скороговорящего, вспыльчивого, часто пьяного, дерзкого до безумия, следовательно, и высокомерного до нестерпимости» — это и есть Козлов-Угренин.

22 января 1787 г. возок полковника, в котором была устроена железная печка для обогрева начальника и его любовницы – жены унтерофицера Секерина, двинулся из Гижиги на Камчатку. Его сопровождал конвой из пятидесяти казаков и десяти человек прислуги — это и была свита, которую везли 250 собак. Впереди этого каравана ехали городничий и исправник Гижигинского округа и выгоняли жителей окрестных мест на вырубку ольховника и кедрача, мешавшему проезду угре-

† Всеволод Игоревич Филимонов

† Людмила Аскеровна Филимонова, Ирина Александровна Бутурлина

† О.И. Филимонов, Павел Олегович Филимонов с внучкой Дашей

† О.И. Филимонов, А.С. Бутурлин, В.И. Филимонов

нинского каравана. В каждом селении, где останавливался начальник, ему подносили чащины — подарки — по шкурке соболя или лисицы с каждого инородца. Свита в это время вела оживленную торговлю — не смея перечить большим начальникам, коряки и камчадалы отдавали драгоценные меха за пущие безделицы».

«Угренин же в это время продолжал свое путешествие по реке Камчатке. Орленков собрал камчадалов со всех окрестных острожков, чтобы они, как бурлаки на Волге, тянули в верховья против течения это “нарочно построенное судно” — большой плот, который был установлен на нескольких батах — тополевых долбленых лодках. На плоту было две рубки. Одна с двумя каютами — для Угренина с Секериной, а другая для кухни. Впереди стояла пушка, а над рубкой был поднят флаг. Еще два таких же плота были построены для секретаря Козлова-Угренина, Воронова и прислуги. За плотами двигался речной караван из пятидесяти батов с конвоем, продовольствием и различным походным инвентарем...»

«Во всех селениях, — читаем мы у А.С. Сгибнева, — встречали Угренина по распоряжению исправника с хлебом-солью и соболями».

Что же касается сотника Ивана Кузьмича Секирина, родного деда Варвары Семеновны Гурьевой, то он, как и его зять, Семен Сильверстович Гурьев, не примкнул к Большерецкому бунту и был арестован Беньевским, содержался под стражей, пока бунтари не покинули Большерецкий острог и, добравшись до Чекавинской гавани, где зимовал галиот «Святой Петр», не вышли в открытое море.

Два года подследственных по Большерецкому бунту, доставленных в Иркутск за неоказание достойного сопротивления бунтарям, держали в тюрьме, а потом освободили, посчитав пребывание под арестом и следствием достаточным наказанием за их вину. По всей видимости, у Ивана Секирина были еще дети, от которых и произошли будущие унтер-офицеры…

Но след их пока еще теряется в истории.

† Как оказалось, мы теперь камчадалы – Филимоновы Ксения Игоревна, ее дед Всеволод Игоревич, Олег Игоревич, Калачевы Ольга Олеговна, Наталья Сергеевна, моя внучка

СТОРОЖЕВСКИЕ

Сведений о фамилии камчатских священнослужителей совсем немного.

Сторожевский Иосиф Алексеевич, псаломщик Большерецкой церкви в 1893 г., 56 лет. Жена — Мария Косьмина, дети их Елена — 21 г., Анна — 10, Стефанида — 10, Павла — 8, Алексей — 25. Жена его Стефанида Прокопьевна — 20, сын Павел (1893 г. р.) (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК).

Сторожевский Петр Алексеевич (в документе — Александрович). Родился в 1896 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; русский; грамотный; б/п; был служащим отделения Госбанка. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк. Арестован 12 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Д.П. Логинов в книге «Большерецкий острог» пишет о том, что в Большерецке в 1920-х годах проживало две семьи братьев Сторожевских — Павел и Петр Алексеевичи.

«Павел Алексеевич Сторожевский. Взрослых — 2. Сыновей — 2. Впоследствии один погиб на Великой Отечественной войне, второй служил офицером Советской Армии.

Петр Алексеевич Сторожевский. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 1, образование высшее. Впоследствии работали врачами.

Петр (?) Сторожевский. Взрослых — 1».

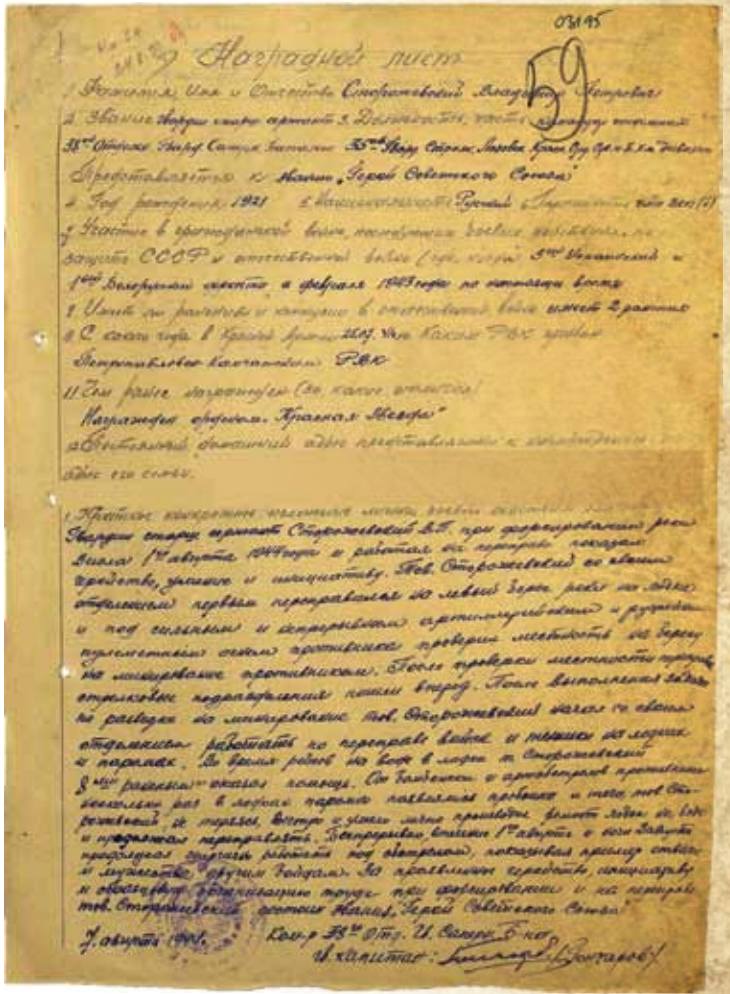
У Павла Алексеевича было двое сыновей. Один – Алексей Павлович, 1914 г. р. пропал без вести на фронте в марте 1944 года. У него осталась на Камчатке дочь Галина.

Матерью Владимира Петровича Сторожевского была дочь казака Мария Николаевна Селиванова

Больше мы знаем о фронтовой судьбе Владимира Петровича Сторожевского (1921 года), который за форсирование реки Висла представлялся к званию Героя Советского Союза.

Владимир Петрович был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию 25 июля 1941 года. На 3-м Украинском, а затем 1-м Белорусском фронтах с 20 марта 1943 года. 22 марта 1944 года сержант Сторожевский, командир отделения 38 отдельного гвардейского саперного батальона гвардейской стрелковой Лозовской Краснознаменной дивизии, награжден орденом Красной Звезды: «…умело командуя своим отделением, с успехом отбил численно превосходящего в 2–3 раза противника и при этом уничтожил более десятка гитлеровцев.

Одновременно, будучи санинструктором, под сильным оружейно-пулеметным огнем противника оказал помощь 18 раненным бойцам. Будучи сам дважды ранен, вышел с поля боя только тогда, когда была отбита контратака».

7 августа 1944 года командир 38 отдельного гвардейского саперного батальона 35-й гвардейской стрелковой Лозовской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии капитан Гончаров написал наградной лист на представление старшего сержанта В.П. Сторожевского к званию Героя Советского Союза.

УКСУСНИКОВЫ

Первое упоминание о камчатских Уксусниковых: «Из Верхнего Камчатского острога поехали генваря 2 дня 1739 года (*рядом с Верхнекамчатским острогом. — Ред.*). ...Немного пониже устья означенной речки (*Шачалмынки. — Ред.*) над протокою, Сингачь называемою, есть летовье служивого Уксусникова, строения в нем анбар да сушило, а ниже его летовье служивого Лосева. Строения в нем 2 анбара, 4 сушила, 3 балагана, 4 барабары, огород, где репу сеют и редьку садят, а близ его над тою же протокою и пашня, где ячмень сеют» (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 655). Позже, по всей видимости, казачий род Уксусниковых угас. Но сохранились династии его крестников — камчадалов Уксусниковых из Кихчика, Утхолока и села Белоголовая. При крещении в 1748 г. фамилия зафиксирована в селениях Оглукомина, Колпаково, в 1749 г. — Оглуковина, Хайрюзово, но не сохранилась.

«Конпаковского острога камчадала Захара Уксусникова сын ево Ичинской школы ученик Марко Уксусников» стал последним учителем Ичинской школы, просуществовавшей по некоторым сведениям около сорока лет (десять лет из них учителем был Марк Уксусников) (*А. Смышляев «Школа нас в жизнь выпускает…», стр. 11*).

Уксусников Семен, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Большерецкая дружина), с. Кихчик. Сведения о нем мы находим в Исповедальной росписи Большерецкой церкви за 1893 год:

«Семен Иакинфович Уксусников (17 лет) жил в семье своего старшего брата Павла Иакинфовича (31). С ними жил и третий брат — Федор (19). Семейным был только старший брат — у него рос сын Константин (11) и дочери Ульяна (3) и Мария (2 годика)».

Уксусников Иннокентий Иванович. Родился в 1901 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Утхолок; ительмен; образование низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арестован 8 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г., обв.: по обвинению в «антисоветской агитации» (без ссылки на закон). Приговор: ВМН. Расстрелян 8 марта 1938 г. Реабилитирован 24 июня 1959 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

По материалам Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г. мы находим его вероятного отца — это Уксусников Иван Дмитриевич, 28 лет, тогда еще не женатый.

† Елена Уксусникова (Долгошина) – солистка ансамбля национального танца «Алгу» (с. Соболево)

УСОВЫ

Одна из старинных казачьих камчатских фамилий. Первым в камчатской истории отмечен Савва Усов — он был бит кнутом в Большерецком остроге, как один из виновников Харчинского бунта, вместе со многими другими большерецкими казаками, оставившими Камчатке свои фамилии — Новограбленными, Келтякиными, Валынкиными, Асламовыми, Лукашевскими, Вагиными, Сургуцкими, Чупровыми…

В 1741 г. часть большерецких казаков была направлена в Петропавловскую гавань для охраны казенных вещей, принадлежащих Второй Камчатской экспедиции. Через двадцать с лишним лет петропавловский казак Василий Усов совершенно случайно, будучи на рыбалке, на отдыхе, попадает в историю — в Авачинскую бухту заходит одно из судов экспедиции Креницына-Левашова и первого встреченного экипажем жителя будущей камчатской столицы заносят в вахтенный журнал. Было это в 1768 г.

И снова годы забвений.

И снова историческая случайность: 19 августа 1854 г. боцман Василий (*как нам стало известно из архивных документов — РГАВМФ, ф. 406, оп.5, д. 803, лл.11–12 — на самом деле боцманмата звали Павлом Васильевичем*), Усов ведет в Петропавловский порт бот, груженный кирпичом. К боцману прибыла погостить из далекого села Озерная на восточном побережье (и снова выясняется, что к тому времени село Озерное существовало и в районе Паратунских ключей) жена — Рахиля Ивановна с двумя детьми — Варварой 6 лет и двухлетним Василием, и все они тоже находятся на боте с мужем и отцом. С ними юный брат жены — матрос Киселев — Иван Степанович, по данным РГАВМФ (*ф. 406, оп. 5, д. 803, л. 258*), 23-х лет в 1855 году, участник Петропавловской обороны и сражения в заливе Декастри, на корвете «Оливуца», двух русских судов против четырех англо-французских, из которого русские также вышли победителями.

На боте с ними же — и будущий герой России матрос, Семен Удалов. Никто из экипажа и знать не знает и духом не ведает о том, какая беда нависла над Петропавловским портом и его жителями, на глазах у которых бот с экипажем был захвачен в плен англо-французами. Усовым, от которого по материнской линии идет род моих собственных детей, повезло — старенький адмирал Де Пуант отпустил семью камчадалов (в том числе и кузена Киселева).

Далее мы цитируем материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»:

***

«Во время погони противника за ботом Удалов напомнил товарищам о воинском долге: “Помни – матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю”. Но ружей у матросов с собою не было, были только кирпичи. “Если кирпичами станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти; не замай, пусть нас заберут, а вы, смотри, не зевай, не могим ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам”. Боцман Усов со своей стороны предупреждал товарищей: “Смотри, не разговаривать; что будет неприятель выспрашивать, знай, отвечай на все вопросы: “Не могу знать”, – а там, что бог даст”.

Англо-французы действительно пытались всячески воздействовать на пленных. Сначала они уговаривали матросов перейти к ним на службу, суля им разные блага. После резкого отказа русских матросов их сковали по рукам и по ногам и посадили в трюм на хлеб и на воду. Затем, еще во время пребывания неприятеля в Авачинской губе, у пленных стали выпытывать о военных силах Петропавловска, расположении батарей и пр., но и на этот раз ничего не добились. Позднее матросы рассказывали, что слышали артиллерийскую пальбу, раздававшуюся во время боев за Пет-

Забота женщин на Кошечной батарее (батарее № 2). Худ. В. Шиляев

Петропавловский бой (Первый день обороны, 20 августа 1854 г.). Худ. В. Шиляев

ропавловск, и жалели, что “сидят закованные, когда товарищи проливают кровь”. После разгрома и ухода англо-французов с Камчатки пленных увезли на остров Таити, где сооружалась крепость. Матросов пытались заставить работать, но они отказались, и снова были закованы в кандалы.

На следующий год пленных привезли на одном из военных судов в Авачинскую губу и хотели принудить их участвовать в военных действиях против своих соотечественников. Удалов был поставлен к пушке, остальные должны были подносить ядра и картузы. Когда корабль подходил к порту и по боевой тревоге все начали становиться по местам, Удалов категорически отказался идти к орудию. Он стал у грот-мачты и крикнул товарищам: “Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть! Помните слова адмирала: “Победить или умереть”. Скрестив руки на груди, выбранил неприятеля и вскричал: “Слышь вы – у русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду!” Слова Удалова были переведены лейтенанту. Тот пригрозил немедленно повесить матроса за ослушание и приказал готовить гордень. Удалов снова закричал: “Врешь, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду!” Затем он быстро по снастям взобрался на мачту, перепрыгнул на ванты и, крикнув товарищам: “Прощайте, ребята, да помните слова: на своих рук не накладывайте, сраму не наживайте! А я смерть принимаю...”, – бросился в воду. Адмирал Де Пуант хотя и не окончил свою жизнь самоубийством, как его товарищ Прайс, но через несколько месяцев умер ужасной и медленной смертью от истощения физических и душевных сил, порицаемый всеми за неудачу у берегов Камчатки. “...черное пятно, которое никогда не может быть смыто никакими водами океана”; “Борт одного русского фрегата и несколько береговых батарей оказались непобедимыми перед соединенными силами Англии и Франции, и две величайшие державы мира были разбиты и осмеяны небольшим русским поселением”, – так оценивали события на Камчатке в английской и французской печати».

Но точка в этой истории еще не была поставлена. Отбитое нападение англо-французов на Петропавловский порт общественное мнение Англии и Франции расценивало как оскорбление и требовало, чтобы обе эти державы приняли энергичные меры для уничтожения города. Как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но их положение в случае серьезной войны на Камчатке было безвыходным. Город решено было эвакуировать, что и было сделано в кратчайшие сроки.

В мае 1855 г. англо-французский флот вновь вошел в Авачинскую бухту. Теперь это была объединенная эскадра из 12 кораблей с пятью тысячами матросов и солдат. Но они опоздали, город был пуст. Тогда в отместку за недавнее позорное поражение было приказано стрелять по безлюдному городу, чтобы стереть его с лица земли. А для того, чтобы месть была более изощренной, огонь по Петропавловску должны были вести русские пленные, захваченные вместе с семьей Усовых на боте с кирпичами в августе 1854 г. Комендором был назначен матрос Семен Удалов, остальные — орудийной прислугой. Из воспоминаний В.С. Завойко:

Позже матрос Ехланов и Зыбин расскажут Василию Степановичу Завойко этот новый эпизод в обороне Петропавловска: «Семен... не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам:

— Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть.

Сказав эти слова, скрестил руки на груди и во весь голос закричал:

— Слышите?! У русских руки не поднимаются на своих. Я к вашей пушке не иду!

Старшему лейтенанту слово в слово перевели и он затопал ногами:

— Если не пойдешь к пушке, то сейчас же повешу! И приказал гордень готовить. А Удалов на него сердито:

— Врешь, такой-сякой француз! Ты меня не повесишь, а к пушке я не пойду!

Бросился он по снастям вверх на мачту и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты и оттуда нам говорит:

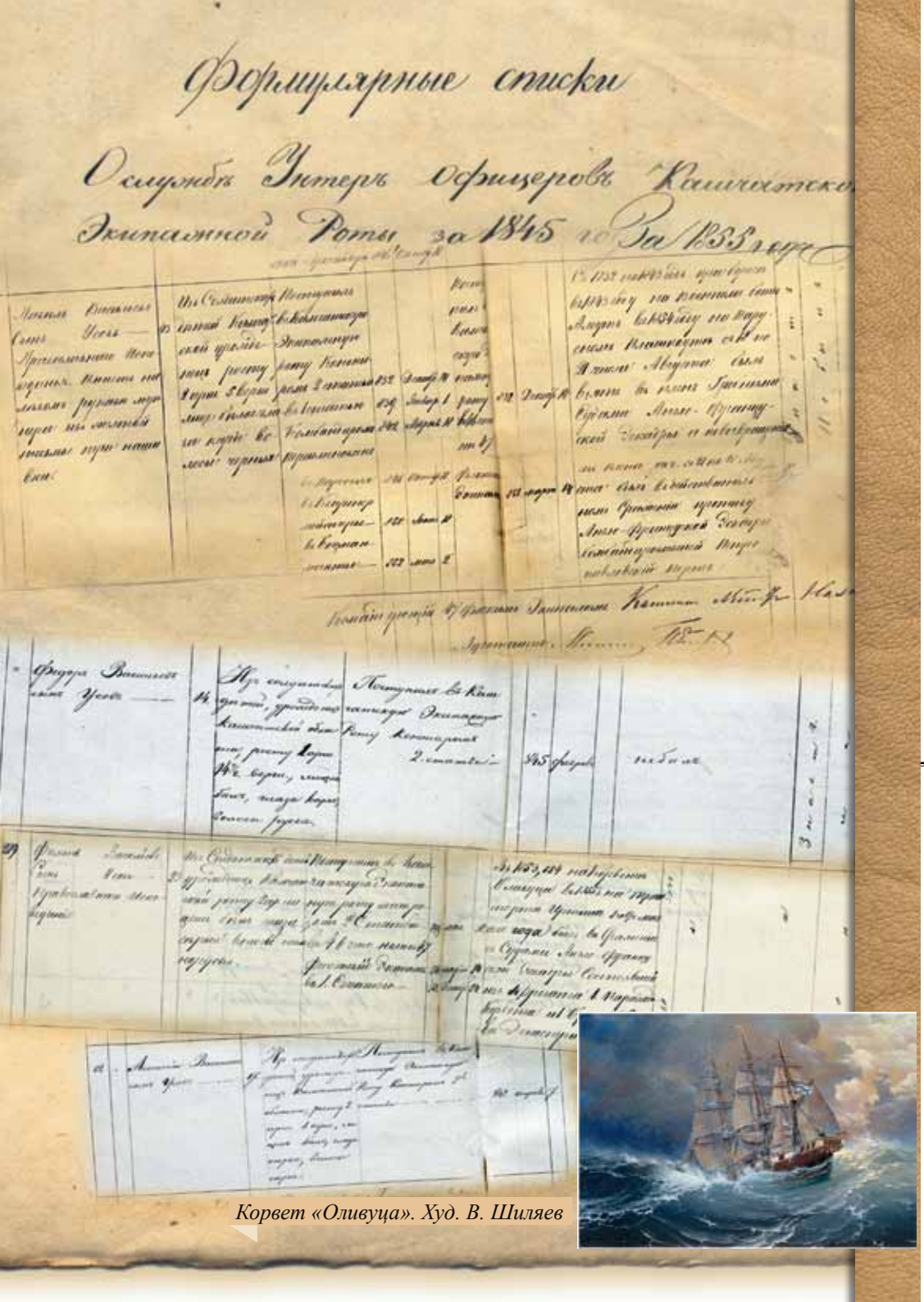
— Ребята! Не поднимайте руки на своих, не делайте сраму. Я принимаю смерть. Прощайте! И с этими словами — бултых в воду. Утонул, а на своих руку не поднял».

Этот эпизод поверг англичан и французов в уныние. После непродолжительной бомбардировки пустого города неприятель так и не решился ступить на берег Камчатки, и корабли объединенной эскадры один за другим покидали Авачинскую бухту, взирая на струйки черного дыма от разгорающихся пожаров».

В период существования на Камчатке печально известного Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона) казаки Усовы стали солдатами. В 1847 г. в списках Камчатской экипажной роты значится Усов Павел Васильевич, с припиской: «Из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте «Алеут». (*РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299.*)

Судя по всему, имя Василий было, как это часто водилось в камчатских семьях, родовым именем казаков, солдат, матросов Усовых.

В 1891 г. сын баталера 27-го флотского экипажа (Амурского флотского экипажа, куда был переведен в 1855 г. Камчатский 47-й флотский экипаж), Василий Васильевич Усов, возвратившись на Камчатку из Николаевска-на-Амуре, где, вероятно, осталась вся остальная семья, выбирает себе невесту-камчадалку.

Корвет «Оливуца». Худ. В. Шиляев

В архивных документах фонда Р-220 «Отдел записей гражданского состояния Камчатского облисполкома» за 1891 г. имеется актовая запись № 1 о бракосочетании Усова Василия Васильевича с Агриппиной Ивановной Спешневой. «Дата бракосочетания — 3 февраля 1891 г. Жених — Петропавловскаго порта сын Баталера 27-го флотскаго экипажа Василий Васильев Усов; православнаго вероисповедания, первым браком. Лет жениху — 26. Невеста — девица камчадалка Агриппина Иоанновна Спешнева, православного вероисповедания, дочь умершаго камчадала Воровского села Иоанна Александрова Спешнева, первым браком. Лет невесте — 21. Поручители по жениху — камчадалы Воровского села Григорий Стефан Заев и Акиндин Михайлов Спешнев (дядя невесты). По невесте — камчадалы того же села Прокопий Иоаннов Спешнев (*брат — С. В.*) и Стефан Михайлов (*еще один дядя — С. В.*) Спешнев. Таинство бракосочетания совершал Священник Андрей Владимиров Серебренников» (*КГУ ГАКК, ф. Р-220, оп. 1, д. 10, л. 271*).

Лет Василию Васильевичу в это время 26, то есть он 1865 г. р. А сыну боцмана Василию Павловичу, как мы узнали из архивных документов, в 1855 году было только два года, так что он не мог быть отцом Василия Васильевича, хотя сам боцман, по свидетельству Юлии Завойко «на вид невзрачный, черненький, хиленький старичок».

Так что поиски продолжаются.

Формулярные списки о службе унтер-офицеров камчатской флотской экипажной роты за 1845, 1855 годы

Павел Васильевич Усов (возраст — 43). Православного исповедания. Имеет на левом рукаве мундира из желтой тесьмы нашивки. Из солдатских детей. Камчатской области уроженец. Росту 2 арш. 5 верш. Лицо белое, глаза карие, волосы черные. Поступил в Камчатскую экипажную роту каноиром. Затем служил бомбардиром, марсовым, квартирмейстером, боцманом.

С 1832 по 1843 при береге. В 1943 году на военном боте «Алеут», в 1854 году на парусном плашкоуте с 18 по 21 число августа взят в плен гребными судами англо-французской эскадры, а по возвращении из плена, т.е. с 21 по 28 августа, был в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт.

Федор Васильевич Усов (возраст — 14). Из солдатских детей. Уроженец Камчатской области. Росту 1 арш., 14 $^{1}/_{8}$ верш., глаза карие, волосы русые. Поступил в Камчатскую экипажную роту каноиром 2 статьи.

Филипп Васильевич Усов (возраст — 23). Православного исповедания. Из солдатских детей. Уроженец Камчатской области. Росту 2 арш., глаза серые, волосы темно-русые. Поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2 статьи. В 1853, 854 на корвете «Оливуца», в 1855 на транспорте «Иртыш» 8 и 9 мая сего года был в сражении с судами англо-французской эскадры, состоявшей из фрегата, корвета и брига в заливе Декастри.

Аксентий Васильевич Усов (возраст — 17). Из солдатских детей. Уроженец Камчатской области. Росту 2 арш., 1 верш., глаза серые, волосы серые. Поступил в Камчатскую экипажную роту каноиром 2 статьи.

† В центре Анна Васильевна Копьева (Усова), в семье сына Валентина

Анна Васильевна Усова, дочь Василия Васильевича и Агриппины Ивановны, вероятно, была первым и единственным ребенком в этой семье. Она рано осталась без родителей и воспитывалась в семье своего родственника, Спешнева Анкудина Михайловича, погибшего в 1906 г. на реке Унушке в схватке с японцами. То есть осиротела дважды. Со слов ее дочери, Любови Степановны Копьевой, родственниками Анны Васильевны были также двоюродные братья Трапезниковы: Константин Васильевич, Никандр, Диомид, Тимофей, двоюродная сестра Трапезникова Евдокия Васильевна. Родственницей приходилась и Татьяна Николаевна Спешнева (в замужестве Кайдалова).

Анна Васильевна Усова вышла замуж за Степана Матвеевича Копьева, с которым они поселились на одном из увалов в нескольких верстах от села Воровское, где вскоре образовалось новое русское поселение, которому по просьбе его жителей в начале 1920-х гг. дали наименование РУСЬ, а его жителей стали с той поры звать «русинскими».

Степан Матвеевич — первоначально рабочий на строительстве телеграфной линии, а затем охотник и рыбак — пользовался большим авторитетом у односельчан и стал первым председателем русинского колхоза «Октябрь», который существует на Камчатке до сих пор (центральная база в свое время была переведена из села Русь в село Устьевое).

Но сам Степан Матвеевич, отец Александра, Василия, Таисии, Любови, Валентина, Зои, Евгения Копьевых, прожил недолгую жизнь.

Копьев Степан Матвеевич. 1872 г. р. Место рождения: Уральская обл. (ныне Башкирия), Белорецкий р-н, завода Тирлянск(ий); русский; образование: сельская школа; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Октябрь»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Русь. Арест: 24.06.1934. Осужд. 23.11.1935, спецколлегия Дальневосточного крайсуда по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 30.05.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Но это неточные данные. В семье помнят о том, что в первый раз его отпустили и он вернулся домой. Взяли позже, уже в 1937 г., вместе с двоюродным братом Копьевым Виктором Петровичем, и расстреляли.

Камчатский историк В. Пустовит установит причину столь сурового приговора: в период Гражданской войны «священник о. Петр (Денисов), направляющийся на север к полковнику Бочкареву, прибыл в Соболево. Отслужив молебен, он собрал жителей села (Н. А. Ворошилова, Петра и Степана Спешневых, Александра, Диомида и Константина Трапезниковых, Степана Копьева и др.), хвалил Приамурское правительство, объяснял необходимость созыва Учредительного Собрания — оно установит на Камчатке твердую власть — и призывал всех присоединиться к его мнению. Присоединились». Вот и вся вина Степана Матвеевича перед советской властью.

В материалах о жертвах политических репрессий имеются сведения еще об одном человеке, который напрямую не был связан с семьей Копьевых — семьи породнились позже, уже после его смерти:

Гедз Николай Иванович. Родился в 1913 г., Украина, Винницкая обл., Калиновский р-н, с. Сальники; украинец; малограмотный; б/п; был бригадиром плотников комхоза (колхоза «Октябрь»?). Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Русь. Арестован 2 апреля 1938 г. Приговорен: Усть-Большерецким РО НКВД 3 июня 1939 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

В боях подо Ржевом погиб потомок казаков и солдат Усовых – сержант, артиллерист Василий Степанович Копьев. В том числе и ему посвятил свое стихотворение «Я убит подо Ржевом» Александр Трифонович Твардовский.

† У памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны с внуками

Я убит подо Ржевом 1946 г.

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!

Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,

Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос ваш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Седьмого июня 1943 года был убит в бою, защищая блокадный Ленинград, Александр Иванович Усов, уроженец г. Николаевска-на-Амуре, куда были переселены военные с Камчатки в 1855 году (похоронен в Ленинградской обл., Полавском р-не, д. Ольховец, северо-восточнее, 700 м, могила № 6).

Но и сами русинцы, жившие, казалось бы, далеко от войны, испытали в полной мере, что она, проклятая, сделала для нашей Родины, сколько горя и бед принесла, сколько и боевого, и трудового мужества своих сыновей и дочерей понадобилось для того, чтобы не только выстоять в горниле войны, но и вынести все ее последствия…

УРОЖЕНКИ СЕЛА, КОТОРОГО НЕТ…

Давно отгремела война, но не заживают раны душевные у живых свидетелей той страшной поры. О ней поделилась своими воспоминаниями Любовь Степановна Копьева – старожил района, уроженка села Русь, села с символическим, исконно-русским названием, но, к сожалению, давно закрытого.

† Любовь Степановна Копьева

В тихом полумраке сидим мы с Любовью Степановной, и она тихо напевает песни тех военных лет, которые они, молодые девчата, после тяжелой, изнурительной работы или в перерыве между работой пели, наслаждаясь коротким отдыхом. Много она их знает, немало пропела за свою нелегкую жизнь. И эти строки как будто написаны специально для нее и о ней:

Если Люба песенкой зальется,
На душе и ясно, и светло,
Если Люба громко рассмеется,
Словно ясно солнышко взошло.

...Не были под пулями Люба и ее подруги, не пришлось им воевать на передовой, но вся тяжесть военного лихолетья легла и на их девичьи хрупкие плечи.

Почти все мужчины призывного возраста ушли на войну. Как проводили их, опустело село. Думали, что же делать будут, ведь путина подходит. Но наши женщины все могут. И встали колхозницы на рабочие места своих мужей и братьев. Правда, в двух рыболовецких бригадах осталось несколько мужчин, которым выдали бронь – ведь рыбачить и охотиться кому-то надо. Войне нужны не только солдаты, но и пахари-кормильцы. Ими стали Макар Никифорович Рыбалко, Истифан Владимирович Сатурин, Александр Степанович Копьев, Федор Петрович Рыбачев, пацаны-подростки (впоследствии и их забрали на войну) Валентин Копьев, Петр Кожичев да старики. Вот и все работники.

Стали ловить навагу – стране нужно было как можно больше рыбы. Навага тогда шла в мае-июне очень близко к берегу, ловили ее закидным неводом до 30 тонн на замет. Тянули невод девчата на своих плечах. Подтянут к берегу на сколько силенок хватит и носилками на пристань перетаскивают. А они тяжеленные! Больше ста килограммов приходилось поднимать вдвоем, и это в шестнадцать лет!

Руки, ноги, плечи покрывались долго незаживающими язвами от соли – ни сапог, ни перчаток резиновых не было. Спали недолго, но никто не жаловался, от работы не отлынивал, знали – на фронте во сто раз тяжелее. И работали, что было сил.

А ведь надо было еще пахать-сеять, чтобы самим с голоду не помереть. Выращивали картофель, капусту. Поля вскапывали вручную – ни тракторов, ни плугов не было. Встанет женская бригада в пятнадцать лопат и пошла «пахать». Была и ферма в 50 голов. Основная тягловая сила – лошади. На них все возили: сено, навоз на поле, корма на ферму. К тяжелым весенне-летним работам лошадь хорошенько подкармливали, для этого ранней весной девчат посылали на батах вверх по реке за хвощом. Они специально подыскивали сочный, зеленый и его жали, ведь овса в то время не было.

Справлялись со всякой работой – обрабатывали рыбу на заводе, заготавливали силос, зимой пилили дрова, чтобы топить школу, ферму, пекарню. Незаменимым дровосеком был Сергей Устинович Ходанович. Создавали женские бригады охотниц (ставили капканы на горностаев).

Да чем только не приходилось заниматься нашим женщинам и девчатам. Постине по Некрасову:

...Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...

...А по вечерам еще находили силы собраться вместе, обсудить текущие дела в стране, попеть. Организовали художественную самодеятельность, ставили спектакли вместе с шефами – воинской частью, которая находилась недалеко.

И хочется назвать хотя бы некоторых, вынесших на своих плечах дело спасения Отечества. Вот они: Антонина Рогова (*из рода Копьевых – С. В.*), Таисия Рыбалко (из рода Колтакиных), Мария Сергиенко, Анастасия Юхневич. Эти и другие жительницы села Русь выстояли в нелегкие времена. Низкий им поклон.

Н. Орехова («Рассвет», 1992, 14 мая)

† Ветераны войны и труда Соболевского района.
В центре – Любовь Степановна Копьева

Можно добавить, что любовь к песне в семье Копьевых традиционная, но для Камчатки именно песни Любови Степановны, солистки хора ветеранов войны и труда села Соболево, были особенно примечательными, как примечательным был и сам хор, которому его художественный руководитель, Руслан Васильевич Магула, посвятил собственную, очень трогательную песню, которая стала народной.

† Автор песни Руслан Васильевич Магула и ее исполнительница Любовь Степановна Копьева

ПЕСНЯ – ВЕРНАЯ СПУТНИЦА

Вечер. Над клубом сияет луна молода.
Песни поют ветераны войны и труда.
С нежной любовью поют, задушевно, тепло,
А за окном затихает родное село.

Ах, годы-годы не вернутся,
Только песни остаются,
песня – верная спутница.

Сколько тяжелых дорог и тревог позади,
Но еще бьется так молодо сердце в груди,
И не забыты друзья, что в беде полегли
За всенародное счастье родимой земли.

Ах, годы не вернутся,
Только песни остаются,
песня – верная спутница.

Славная песня разгладит морщинки у глаз
В клубе при встрече со зрителем
в праздничный час

Если поют ветераны войны и труда,
Значит, нигде тишину не нарушит беда.
Только песни остаются,
песня – верная спутница.

А этот материал пришел из далекой северной Ижмы (Республика Коми) о Таисии Степановне, старшей дочери Степана Матвеевича Копьева, и ее муже, Андрее Ильиче, Филипповых.

СПЕШАТ ДЕЛАТЬ ДОБРО

† Встреча потомков казаков Усовых с Камчатки и из Республики Коми

Встречаясь с ними на улице, всегда стараешься сказать первым слово «здравствуйте», подчеркивая большое уважение к этим авторитетным пожилым людям. Ценность общественная у людей неодинакова потому, думаю, что по-разному трудом в этой жизни заняты: кто в полдуши, кто в четверть, а кто-то весь без остатка. А они, Таисия Степановна и Андрей Ильич Филипповы, всегда умели вставать с зарей, а ложиться затемно, умели забываться в работе, умели держать свое слово, умели быть строгими и нежными к своим детям, умели уважать друг друга. Поженились они пятьдесят лет назад на далекой Камчатке, куда Андрей Ильич был направлен на работу после окончания Ижемского зооветтехникума. Таисия Степановна тогда учила ребятишек в местной школе. Молодожены радость и горе делили пополам. И сейчас еще они не могут забыть своего первенца, скончавшегося в пути из Камчатки в родные края. Только начала налаживаться жизнь, молодые и полные задора Андрей и Таисия входили в ее вкус, как грянула война. Таисия Степановна проводила своего мужа на фронт. Нелегко ей было с маленьким сыном на руках. Вдоволь досталось молодой женщине и голода, и холода. Много было и бессонных ночей. Такова была участь почти всех женщин, мужья которых были на фронте. А тут еще постоянная боль сердца за мужа, находившегося в самом пекле войны.

Не раз командир пехотного взвода Филиппов водил людей в атаку, не раз смотрел смерти в лицо. В одном бою его тяжело ранило, в госпитале отняли руку. Вернулся с фронта инвалидом. Солдат защитил все самое дорогое – свою Родину, отчий дом, любимую жену, своего сына. Вернулся, чтобы снова стать работником, мужем, отцом. Зажили душа в душу.

Перебираю еще и еще раз в памяти все известное мне об Андрее Ильиче, о верной спутнице его жизни Таисии Степановне, знаю которых больше двадцати лет. Переступив порог их дома, вдруг попадаешь в особый, простой, как хлеб, и вместе с тем возвышенный мир, свободный от суетности, чванства, зависти, погони за материальными благами. Лица у всех ясные, души распахнуты настежь, помыслы не о хрусталях и модной мебели – о здоровье ближних, о том, чтобы кто-то часом не оступился, не запятнал честь семьи. И еще живо они интересуются делами района, страны. За их плечами богатая жизнь. Оба они – живое олицетворение связи поколений. Велик их вклад в дело развития экономики и культуры района. Андрей Ильич работал в аппарате райкома КПСС, тринадцать лет возглавлял коллектив редакции районной газеты; многие годы работал председателем сельского Совета, а затем и председателем районной плановой комиссии. Не раз избирался членом райкома КПСС, депутатом райсовета. Таисия Степановна учила детей в школе, была воспитательницей детсада, возглавляла коллектив детского учреждения. Оба они делу отдавали полностью себя. Свидетельство этому – награды, добрые слова и большое уважение со стороны односельчан. И сейчас поле их деятельности не только воспоминания о прошлом, встречи и выступления перед школьниками, молодыми работниками. Их нынешняя жизнь также наполнена энергией активного действия, остается образцом для подражания. После выхода на пенсию Таисия Степановна многие годы возглавляла женсовет села. Недавно жители райцентра и гости тепло аплодировали выступлению фольклорного коллектива, в котором самое активное участие принимает эта женщина. У нее хорошо сохранился голос.

Меня поражает терпеливость ее. Жизнь была трудная. Но она никогда не отчаивалась. Много у нее жизненной стойкости, что в конечном счете передалось и детям.

Не видел ни разу, чтоб супружеская чета повышала голос на своих детей. Узнают о проступке, расстроятся, но не нашумят, не станут кричать, а скажут только: «Смотри, сынок, тебе жить».

И далеко не случайность, что четверо из одной семьи – коммунисты. Это Андрей Ильич, ныне пенсионер, сын Эдуард, инженер Ижемского леспромхоза, дочери: Вера, секретарь райкомитета профсоюза работников сельского хозяйства, и Люба, зоотехник райсельхозуправления. Авторитетом в своих трудовых коллективах пользуются дочери: Надя, инженер Сыктывкарского ЛПК, Валентина,

† Семья Филипповых

бухгалтер объединения «Комиэнерго». По-житейски, применительно к семье Филипповых, объяснением этого может служить лишь только одно: сложившаяся у них система воспитания, где царит уважение к старшим и честность. Каждому ясно: для того, чтобы исповедовать в многотрудном воспитательном деле принцип «делай как я», нужно ох как много иметь за плечами. Немало выпало на долю супругов различных невзгод. Но крепкая дружба, сердечная привязанность друг к другу, стремление больше тяжести взять на себя, помогли им выстоять, победить, окрепнуть духом.

С чего же начинается человек? Думаю, проследив за жизнью семьи Филипповых, человек, личность, начинается с духовного климата в семье, с ее традиций, морально-этических принципов. Ведь, в конечном счете, жизнь все оценивает справедливо. Доброта и уважение к людям, что особенно свойственны Таисии Степановне и Андрею Ильичу, не падают в цене, потому что воспитанность, стремление сделать хорошее людям, были высоко ценимы всегда.

Послезавтра супруги Андрей Ильич Филиппов и Таисия Степановна Копьева будут отмечать свою золотую свадьбу. Так пусть и впредь жизнь у них будет безоблачной, счастливой.

(*Н. Хатанзейский, председатель районного Совета ветеранов комсомола, войны и труда*).

† Встреча подмосковных и камчатских потомков Усовых

Сегодня в живых из детей Степана Матвеевича — только Зоя Степановна Березина, которая живет в городе Красноармейске, в Подмосковье. Здесь же живут ее дети, Лида (Сальникова) и Виктор Березин, со своими детьми и внуками.

На Камчатке живут потомки Александра Степановича (Копьевы, Тишовы, Гедз), Любови Степановны (в том числе, и наши с Татьяной Петровной, ее дочерью, дети и внуки, — Вахрины и Ларионовы) и Евгения Степановича Копьевых (Козловы).

† Петр Тимофеевич Ларионов – муж Любови Степановны Копьевой, отец Татьяны и Владимира Ларионовых

И открывается секрет, почему и мне, автору этих строк, столь близка большерецкая тема. И, как обычно, этот секрет очень прост — мои собственные дети по материнской линии являются продолжателями родовой линии большерецких (петропавловских, николаевских-на-амуре) казаков Усовых (русинских Копьевых-Ларионовых). И тоже совсем не случайно, что один из моих сыновей — Андрей Сергеевич — продолжает начатое мной дело уже на профессиональном уровне, занимаясь в структуре администрации района развитием туризма в Усть-Большерецком муниципальном районе и воплощая в

† Владимир и Татьяна Ларионовы

жизнь идею воссоздания Большерецкого острога, как Историко-этно-культурно-экологического центра и создавая новую — туристическую — индустрию в развитии района, используя природное и историческое наследие, сохраненное и накопленное, в том числе, и его собственными предками.

† Алексей Сергеевич Вахрин с женой Еленой, Юлия Сергеевна Вахрина, Андрей Сергеевич Вахрин с женой Кристиной, Татьяна Петровна Вахрина (Ларионова) с внуками Артуром Андреевичем и Денисом Алексеевичем Вахриными

ЧЕРНЫХ

Казаки Черной Иван, Черной Данила и Черной Леонтий упоминаются у Степана Петровича Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» в числе первых русских поселенцев, жителей Большерецкого острога. Возможно, это были братья. Возможно, нет. Но именно они заложили основу большой камчатской династии Черных — династии казаков и священнослужителей.

Иван Черных. Самым известным из них остался в мировой истории сотник Иван Черных (Черной, Черный), который возглавлял курильский казачий «десант» по приведению под высокую царскую руку мохнатых курильцев — айну — и основал на Курильских островах в 1766–1768 гг. первые русские поселения, где казаки зимовали и собирали ясак с новых подданных российского императора. Вот, что пишут о том походе И.В. Витер и Е.М. Верещага в статье «Первые сведения об островах Курильской гряды. XVIII в.»: «Продвижение России с севера на Курильскую гряду, Японии — с юга было естественным процессом освоения островов. Россия объясачивала население северных островов, как не имевших над собой прямого правления какого-либо государства. Япония — постепенно вытесняла айнов с Хонсю на Хоккайдо, а затем на Курилы и Сахалин, расширяя торговые связи и контроль над территориями.

Вулкан Черного – это действующий стратовулкан, расположенный на острове Чирпой, посреди Большой гряды островов Курильского архипелага.

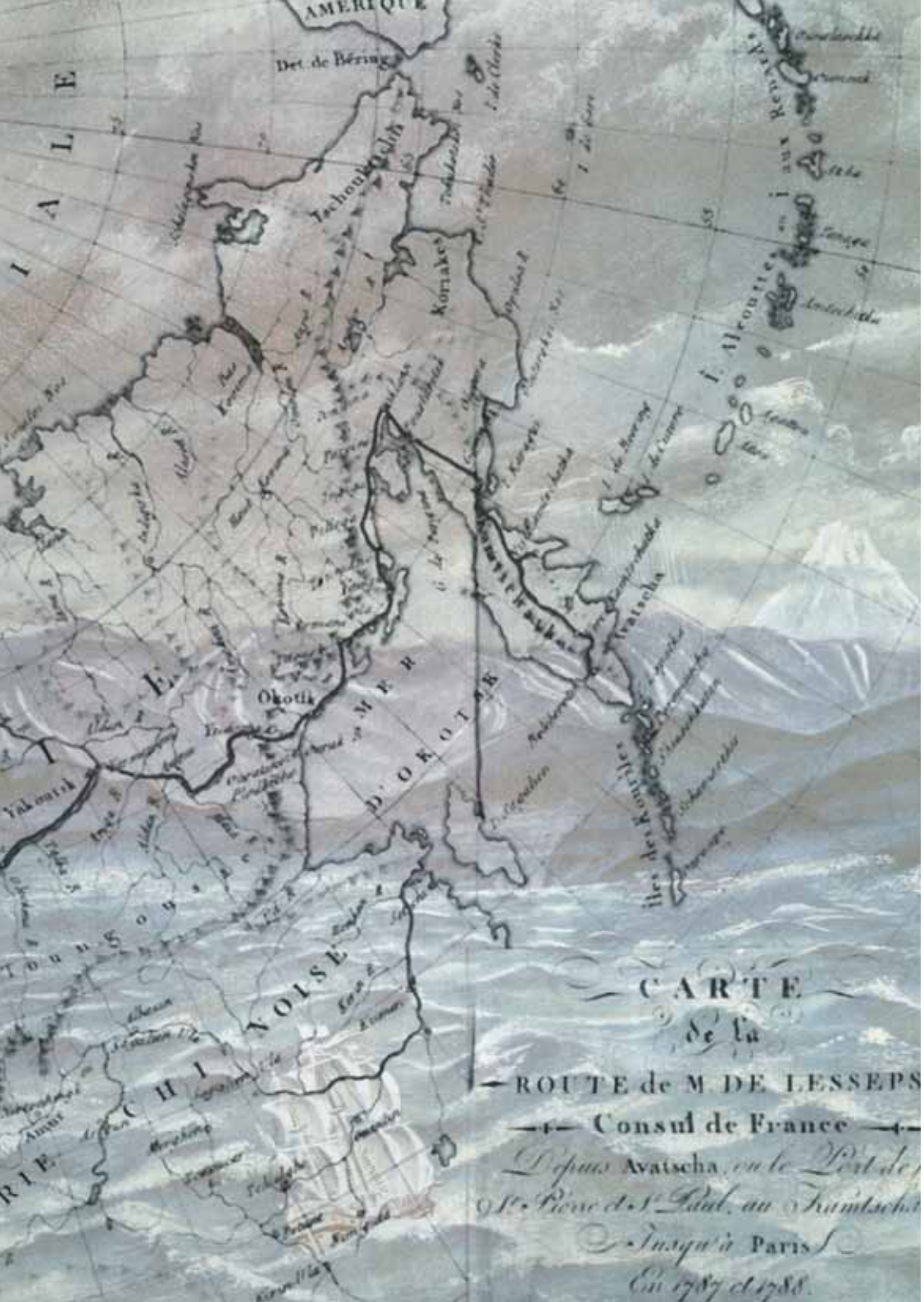
Стратовулкан Черного имеет вершинный кратер, его высота составляет 624 метра. Он находится в центральной части острова.

Последние зафиксированные извержения проходили на вулкане в 1712 и 1857 году. На данный момент на вулкане фиксируется сильная термальная и фумарольная активность непосредственно в кратере и на западном его склоне.

Вулкан назван в честь русского сотника Ивана Черного, который описал острова группы Черных Братьев в 1770 году.

Флора и фауна здесь довольно скудна и представлена в основном травянистой растительностью, зарослями кедрового стланика и гнездящимися здесь птицами, тупиками и бакланами.

По японским источникам, где используется довольно резкая оценка продвижения России на южные острова, русские в 1766 г. прошли до Утурупа. «Раньше этого... Россия постепенно пожрала все острова к северу от Расева, и затем разграбила южную часть этой группы островов». В 1767 г. и в 1798 г. «для объезда Эзосских земель» для их осмотра были командированы японские чиновники.

В инструкции, данной Ф.И. Саймоновым главному командиру Анадырского острога Ф.Х. Плениснеру, в феврале 1761 г. относительно Курильских островов, сказно: «...разведать… о всех Курильских островах, и жителях, и промыслах их и каким бы способом всех привести в подданство».

Выполняя поручение Саймонова, тойон второго острова (Парамушир) Чикин, взяв в помощь сотника Ивана Черного, Петра Чупрова, получив из Большерецкой канцелярии инструкцию: «...В бытность на дальних Курильских островах, живущих там мохнатых стараться призывать и склонять их в подданство.. Разведывать секретно — ведут ли с кем торговлю и не состоят ли где в подданстве и платят ли подати; какое у них строение, обряды, обычаи... какую веру содержат, есть ли у них начальники и в каком они у них послушании; особенно же есть ли у них огненное и другое оружие и не бывают ли у них японцы, в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются...»

В сентябре 1769 г. Черный представил в Большерецкую канцелярию журнал своего плавания до 19 острова. Не будем подробно останавливаться на методах общения экспедиции с жителями островов, которые оставила после себя недобрую память. Но инструкция, данная Черному, была выполнена, и в журнале мы находим подробное описание всех посещенных островов. «16-й остров Симусыр в длину до 130 верст... На нем 4 сопки... Озер и речек, кроме малых источин, не имеется; коренье, травы, сланец, березник и камыш, как и на прочих островах, из зверей лисицы бурыя, сиводущатыя и красныя, весьма недобротиыя, есть морские бобры, сивучи и нерпы, только мало... 17-й остров Чирпой разстоянием в длину до 15 верст, разделяется на два проливом версты 4, в котором близ берега кекуры, где плодятся ары и топорки... На первом острове, по тамошнему названию Репунки-Чирпой (на курильской стороне), сопка горелая, с которой каменья по всему острову; мыс того острова высокий, кругом его утес вытянулся к проливу 16-го острова, по тамошнему называется Тонукарасы, а по переводу значит

«что смотрят с него чрез пролив»; там на высоком месте, в память моего (Чернаго) там бытия, поставлен деревянный крест с надписанием года месяца и числа... На острове лисиц красных, бобров и нерп весьма мало черемша и коренья, что на прочих, а леса, кроме прутника рябиноваго не имеется... 18-й остров по курильскому названию Уруп, по переводу значит, что, в состоящем посредине острова на северной стороне озера, называемом Топо, имеется рыба красная... На острову имеются лисицы бурыя, сиводущатыя и красныя, добротою плохия, а по восточной стороне — бобры и нерпы, и для ловли их в летнее время приходят сюда с 19-го острова мохнатые курильцы. Лесу березоваго и таловаго, годнаго для строения тамошних юрт, довольно, а прочий лес, как и на других островах; для пищи кореньев, трав и пучек, в том числе на лопатке морковных, довольно; только ягод кроме почти одной рябины, нет... 19-й остров Эторпу в длину, например, верст 300 с прибавою потому, что, по объявлению тамошних мохнатых главных курильцов, тот остров (с места, до котораго доходил Черный) будет еще разстоянием дальше того, как отстоит от того 19-й остров.... На северной стороне острова имеется пристань байдарная, называемая покурильски Камуивамкуин потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды, которую и пить невозможно, но курильцы употребляют ее в питье вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят. От той пристани вперед, разстоянием верст 10, речка по курильскому званию Нинепет, потому что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая из озера Кимуято, и при ней бухта же песчаная, а живет тут лучший князец Цета окайку камуини амии с родниками... А по объявлению князцов, по острову по разным местам, и к лопатке к 20-му острову, и вокруг острова по восточной стороне живут мохнатые только не многолюдно;... Лучшие кпязцы, о коих выше объявлено... объявляли: имеютде они на 18-м острове ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с упромышленными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на 20-й остров Кунасыр и даже до 22, Аткиса, куда приходят два судна японския: а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов, и когда по приходе их поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебренные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов Орловых, никаких больше зверей и не промышляют».

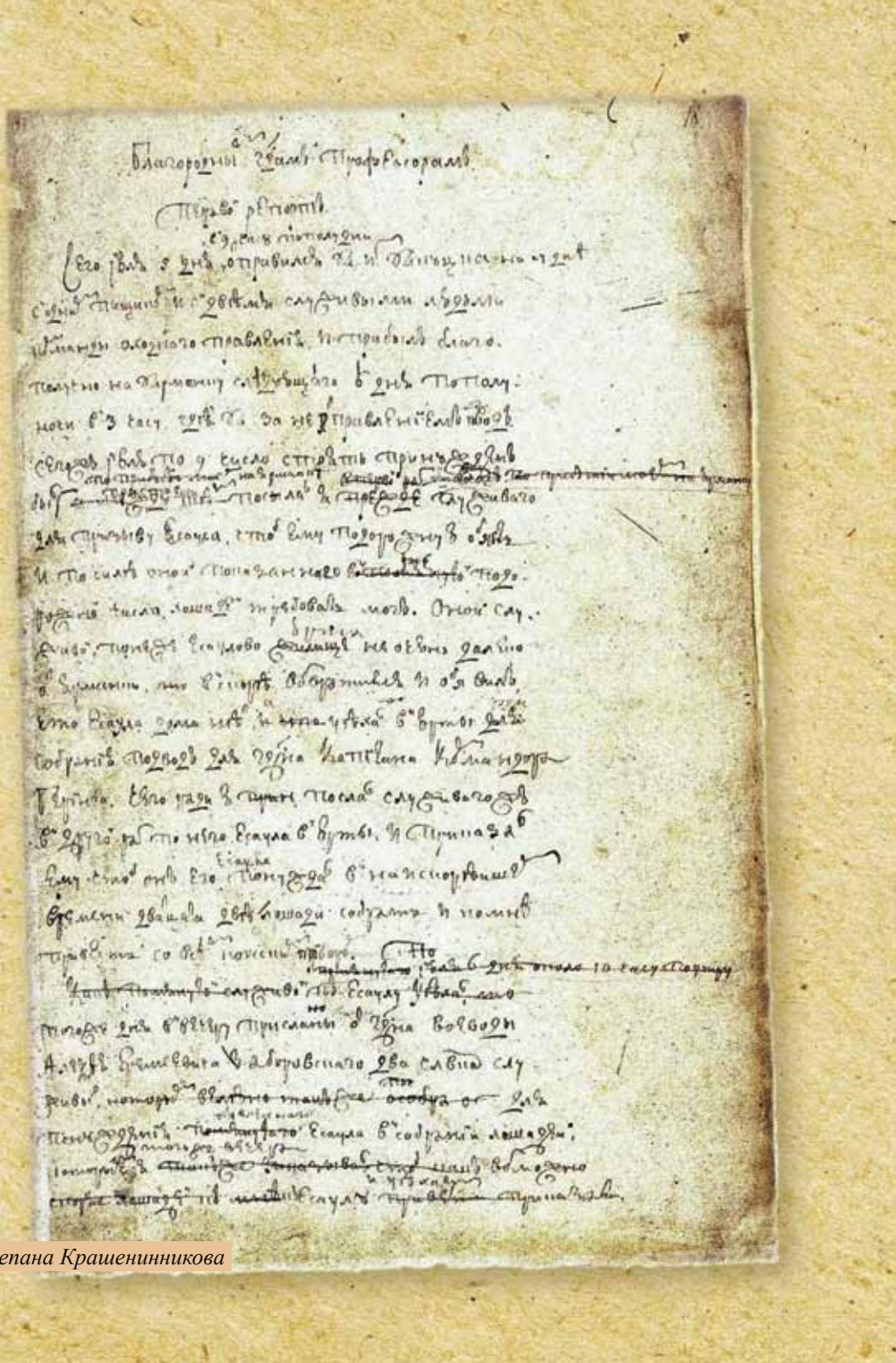
А вот подробности того похода из популярного журнала «Вокруг света»: «В 1766 году по указанию сибирского губернатора к южным Курильским островам были отправлены тойон (вождь) с острова Парамушир Никита Чикин и сотник с Камчатки Иван Черный. Им надлежало «уговаривать курильцев в подданство, не оказывая при том, не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку». Чикин сам был из «мохнатых» и легко находил общий язык с соплеменниками, но, к несчастью, на Симушире он скоропостижно умер и во главе партии встал Черный. Сотник прошел до 19-го острова (Итурупа), попутно силой приводя в подданство «мохнатых». От них он узнал, что на 20-м (Кунашире) у японцев имеется крепость. Во время зимовки на 18-м острове (Урупе) Черный пил, браконьерствовал и издевался как над своими спутниками — как над казаками, так и над «мохнатыми». В обратный путь сотник забрал с собой «сошлых» (беглых) курильцев, причем держал их на судне связанными, отчего многие погибли. «Подвиги» Черного не остались незамеченными, он попал под следствие, но умер в Иркутске от оспы. Озлобленные действиями Черного и других купцов, «мохнатые» в 1771 году взбунтовались и перебили многих русских на островах Чирпой и Уруп» (2008 г., № 1).

Но у нас имеются совсем другие сведения о судьбе отставного сотника Ивана Черных.

В 1771 г. он вновь попадает на страницы мировой истории, но уже не по воле службы, а в силу своего характера — будучи уже в отставке он попытался в единственном числе, взявшись за оружие, противостоять тем, кто устроил знаменитый Большерецкий бунт (*подробнее об этом — в романе-исследовании «Встречь солнцу», здесь же мы даем цитату из очерка А.С. Сгибнева «Ссыльные на Камчатке в 1760–1770 гг.»: стр. 536–539*): «Покончив с Ниловым бунтовщики пошли

в Большерецкую канцелярию, где собрались все остальные приверженцы Беньевского и откуда он делал все распоряжения. Главным его помощником был швед Винблан, который с пьяною ватагою рабочих отобрал у казенного цейхгауза и амбаров порох, артиллерийские припасы и снаряды, ясачную казну, провиант и другие припасы, которые им были пригодны для предстоящего плавания. На разсвете подошли к дому отставного сотника Черных, в котором находились лавки купца Казаринова с ружьями, свинцом, разными железными изделиями и продовольственными припасами, присыльные: немец Август (Винблан), Степанов, Панов, Батурин, Хрущов и штурман Чурин с 20-ю злоумышленниками, вооруженные пистолетами и обнаженными саблями. Сперва они стучали в дверь и окна дома, требуя, чтоб их пустили, но когда им было в этом отказано, взяли большое бревно и выломали им дверь. Хозяин дома, Черных, чтобы напугать их, выстрелил из ружья холостым зарядом. Пьяный Винблан, разсерженный этим поступком, приказал зажечь дом со всех сторон и стрелять в него из пушки, поставленной в 10 саженях от дома. Но Панов и Хрущов остановили это распоряжение, и тогда Винблан и рабочие Холодилова стали стрелять в окна, не причинив, впрочем, никому из жителей дома вреда. Одному только купцу Казаринову опалило лицо. Казаринов вышел в сени для переговоров с бунтовщиками, но они встретили его неприязненно и присыльный Лапин с другим рабочим бросились на него с намерением застрелить. Панов и на этот раз успел отклонить убийство и распорядился только связать Казаринова и отправить под арест в Большерецкую канцелярию, при которой и находилась гауптвахта. Приказание это исполнил Чулошников со своими рабочими. Когда Казаринова вели под арест, то он заметил, что между канцеляриею и домом Черных было поставлено две пушки, мортира и несколько ружей в козлах, кроме той пушки, которая стояла на лафете у самого дома Черных. На гауптвахте Казаринов нашел своего однофамильца, тотемца Василия Казаринова, штурмана Софьина, штурманских учеников Измайлова и Зябликова, канцеляриста Спиридона Судейкина, сержанта Лемзякова и пятидесятника Потапова. У всех у них были связаны руки назад ремнями. После Казаринова привели на гауптвахту казаков Черных и купца Шапкина. Караул состоял из рабочих Холодилова, а начальником караула, по прибытии туда Казаринова, вступил Панов; часовые у дверей стояли с примкнутыми штыками и с заряженными ружьями. К вечеру того же дня Казаринова

Страница рукописи Степана Крашенинникова

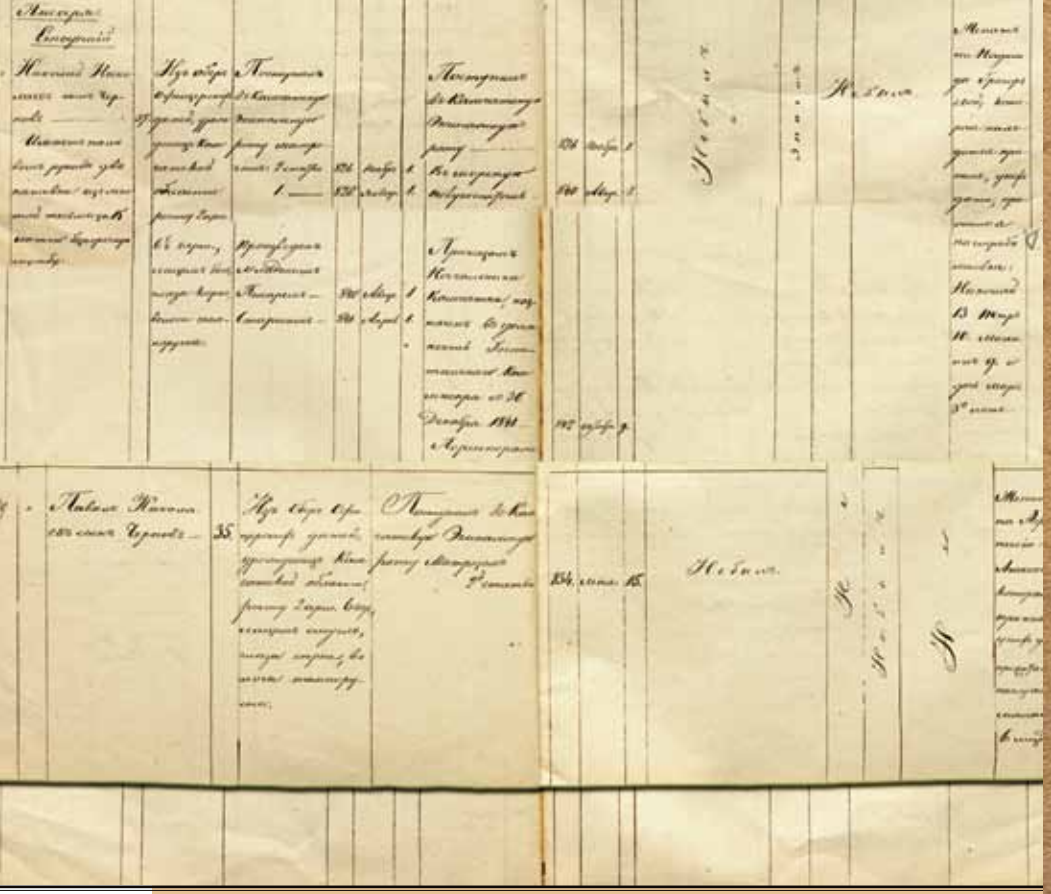
заковали в ножные кандалы, а казака Черных, кроме того, приковали к стене. На другой день утром привели под арестом солдата Матвея Самойлова, который объявил всем арестованным, что бунтовщики приказали ему сделать гроб убитому Нилову, но он, израненный во многих местах труп покойника, а на полу лужи крови, отказался от работы, за что его и арестовали. Вслед за ним пришел на гауптвахту Винблан и прибил Самойлова прикладом ружья за ослушание, а находившийся с Винбланом промышленник Шибаев, кроме того, ударил Самойлова несколько раз по лицу. Весь день 27-го апреля рабочие ходили по обывательским домам и обирали все, что было им пригодно, а защищавших свою собственность били нещадно. К вечеру около гауптвахты по распоряжению Виблана было поставлено шесть пушек, заряженных ядрами и картечью. Две из них стояли против окон, а остальные в простенках. До 29-го апреля, по распоряжению Беньевского, на р. Большой изготовлялись паромы на батах, отобранных у обывателей города, и шла погрузка на них разных судовых и продовольственных припасов. На одиннадцати паромах было погружено: 3 пушки, мортира, порох, ядра, свинец, ружья и другое оружие, топоры, железо, кузнечные, столярные и слесарные инструменты, холст, разные шелковые и шерстяные материи, серебряная и медная монета, 848 сыромятных сумок муки, вино и вообще полное двухгодичное укомплектование судна и разграбленное имущество частных лиц. 29 апреля бунтовщики перебрались на паромы, взяв с собою всех арестованных на гаутвахте, кроме штурмана Софьина, и оказавшихся в наличности большерецких казаков, для сплава паромов и предстоящих работ по снаряжению судна к плаванию. Того же числа во втором часу пополудни, паромы отвалили от берега и пустились по р. Большой к ее устью, где в гавани Чекавка обыкновенно зимовали казенные суда. При отплытии своем из Большерецка, Беньевский поручил заведывание делами Большерецкой канцелярии штурману Софьину, тому самому, которому были поручены эти дела и выбором народным. К ночи плоты остановились на ночлег около Камчадальского — Катиновского острожка, а в 5-м часу 30-го апреля прибыли на Чекавку. Здесь в это время находились два амбара для хранения судовых запасов и сторожевская изба, где сгрузя все с паромов на берег, разставили палатки, в которых жили до изготовления судна. В гавани стояли в это время два гальота: «Св. Петр» и «Св. Екатерина». Первый, как более благонадежный, был назначен к вооружению. Судно было еще во

Мориц Август Беньевский

льду, а потому пришлось его окалывать. Но работа эта, как и само вооружение, шла так быстро, что ко 2-му маю его вывели уже из гавани к самому устью р. Большой, совсем готовым к отплытию. Другой же гальот служил тюрьмою для арестованных лиц, которые и здесь находились под строгим караулом. Но когда судно «Св. Петр» было вооружено, то их переместили на это судно. Главные зачинщики бунта нисколько не стеснялись в своих разговорах присутствием лиц, не участвовавших в заговоре. Купец Казаринов, боцман Серогородский, сержант Данилов и казак Черных на следствии показали, что Винблан, Батурин, Степанов и Панов разсуждали на палубе о том, каким бы образом освободить жителей Камчатки от грабительства и жестокостей местного начальства. Винблан говорил, что в испанских колониях встречается крайний недостаток в рабочих руках и что им следует озаботиться присылкою оттуда в Камчатку одного большого фрегата с ботом, могущим входить во все камчатские гавани, затем забрать всех жителей и доставить на принадлежащие Испании острова, где они будут пользоваться полною свободою и всеми удобствами в жизни. По его же словам, фрегат мог бы остановиться, в ожидании переселенцев, в Петропавловской гавани и получить с судна «Св. Петр» самые подробные карты заливов и бухт камчатского побережья. Разсказы эти, как мы увидим ниже, сильно встревожили сибирское начальство. (12 мая судно вышло в море) …14 мая возвратились из Чекавки в Большерецк все находившиеся у Беньевского под арестом жители Большерецка».

Вполне возможно, что сведения о содержании Черных под стражей в Иркутске связаны с его сыном — Никитой Ивановичем Черных. Именно он стрелял по бунтовщикам и был арестован Беньевским вместе с отцом. Никита был ларешным казаком — то есть торговым казаком и заведовал лавкой купца Казаринова в Большерецком остроге. Вот и подробности у А.С. Сгибнева: «Был арестован вместе с отцом, но его не увозили в Чекавинскую гавань. Бунтовщики забрали 217 рублей из

Формулярные списки о службе унтер-офицеров камчатской флотской экипажной роты за 1845 год

Николай Николаевич Чернов (37 лет). Имеет на левом рукаве две нашивки из желтой тесьмы за 15-летнюю безпорочную службу. Из обер-офицерских детей, уроженец Камчатской области, росту 2 арш. 6 6/8 верш., лицом белый, глаза карие, волосы темно-русые. Поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2 статьи (ноябрь 1826), 1 статьи (январь 1828), в морскую полугоспиталь (август 1840). Произведен младшим писарем (август 1840), старшим писарем (апрель 1841). Приказом Начальника Камчатки назначен в должность госпитального комиссара с 30 декабря 1841 года. По распоряжению Начальника Камчатки поручено ему содержание канцелярских припасов, навигационных инструментов и прочего имущества Гидрографического Департамента. Женат на Надежде Григорьевой, которая находится при нем, у них дети, прижитые на службе сыновья: Николай 13 лет, Петр 10 лет, Михаил 9 лет и дочь Мария 3-х лет.

Павел Николаевич Чернов (35 лет). Из обер-офицерских детей, уроженец Камчатской области, росту 2 арш. 6 верш., лицом смугл, глаза серые, волосы темно-русые. Поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2 статьи (май 1834). Женат на Афанасии Алексеевой, которая при нем, у них дочь, прижитая на службе ,Маланья 6 месяцев.

лавки… он был в числе 27 арестованных «за неисполнение долга», которые были доставлены по делу о бунте в Иркутск и два года провели в тюрьме. По итогу расследования, “не соблюдшим долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге”».

Леонтий Черных. Первым священником из рода казаков Черных стал Георгий Леонтьевич Черных.

«Священник Георгий Черных, сын отставного Большерецкого казачьего пятидесятника Леонтия Черных. Обучался в большерецкой школе до июня 1757 года. С сего времени начальником миссии Пахомием принят в клир, а 20-го января 1771 года в Иркутске рукоположен во священника епископом Софронием за 10 дней до кончины сего святителя, и потому был последним из рукоположенных им. Определен к большерецкой церкви на место умершего Логинова, где скончался 18 мая 1786 года» (*«Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов, «Историко-статистическое описание камчатских церквей»*).

И так же, как Логиновы-Лонгиновы, на место патриарха рода которых заступил будущий патриарх рода камчатских священнослужителей Черных, потомки Георгия Леонтьевича также оставили большой след в своей просветительской деятельности на северо-востоке России.

Кстати, некая преемственность или предопределенность связей этих фамилий сохранялась долгое время и в Большерецке: Черных Порфирий, староста с. Большерецка.

«В 1837 году избран старостой с. Большерецка вместо смещенного за поведение Николая Логинова» (*РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 103).* «Черных Георгий Алексеевич, пономарь, 1812 г., 18 лет, Нижнекамчатск» *(РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4*).

Самым же известным на Севере представителем рода Черных был тауйский протоиерей Илларион Черных. В 1829 году в Охотск на транспортном бриге «Николай» прибывает ученик духовного Камчатского училища Лариона Черных, который, по всей видимости, с группой своих коллег — Абрама Никифорова и Ксенофонта Колесова — направлялся по месту новой службы.

Вадим Силантьев в газете «Регион» (http://www.kolyma.ru) сообщает нам подробности:

«Земли Колымской территории, где в 1939 г. вырос г. Магадан, долгое время оставались не заселены русскими. Хотя есть гипотеза, что еще в 1639 г. здесь побывал исследовательский отряд казаков Москви-

на... Однако в ближайших окрестностях, это по меркам нашего северовостока 150–300 км и больше, периодически возникали русские поселения либо казачьи крепости. В те далекие годы семнадцатого столетия служилые казаки-землепроходцы возводили свои крепости-остроги как форпосты Российского государства во вновь осваиваемых землях. Остроги те также являлись и местом сбора ясака с аборигенного населения. Строя крепости, казаки наряду с жилыми казармами, арсеналами и складами сразу возводили часовни. История сохранила немало имен казаков-воинов, впоследствии ставших православными священниками или монахами (один из них — Иван Козыревский, открыватель Курильских островов). Первые часовенки в окрестностях Магадана возводились в форпостах Мотыклей, Тауйск, Ямск (XVII–XVIII вв.). Впоследствии в Тауйске и Ямске были сооружены здания православных церквей. Упомянем о том, что очень часто на Земле Колымской церкви перестраивались из уже существующих часовен. Нужно добавить, что нередко в XVIII–XIX столетии в некоторых магаданских храмах не было постоянных священников, а службы совершались от случая к случаю, когда эти края посещали миссионеры либо соседние иереи. Доподлинно известно, что в XVIII в. ближайшая к еще не возникшему Магадану православная церковь находилась в городке Гижига. Однако в XIX веке в окрестностях Магадана построены четыре новые церкви: тауйская (1839 г.), ольская (1895 г.), арманская и ямская (конец 19 столетия). До этого в Тауйске постоянно стояла православная часовня — последний раз она возводилась в 1820 г. (северные церкви и часовни частенько горели). В Оле и Армани первые часовни построены только в пятидесятые годы XIX в., так как селения долгое время оставались сугубо туземными и русские в них проживали непостоянно (купцы или полицейские чины, иногда — ссыльные). Правда, те часовни были весьма крупных размеров, со святыми престолами, то есть здесь можно было совершать православные службы. Поэтому в народе первые ольская и арманская часовни величались церквями. О существовании же часовенки в Ямске еще в 1743 г. упоминает в своих записках российский ученый исследователь Я.И. Линденау. Самая первая православная церковь магаданских окрестностей, о которой хорошо известно из сохранившихся архивных документов, построена в селе Тауйск. В 19 столетии этот населенный пункт еще именовался «крепосца». По преданию, на месте будущего храма была найдена икона Покрова Божией Матери, которую обронили каюры, проезжавшие по Гербейской дороге. Тауйская Покровская церковь, выстроенная местными жителями, освящена в 1839 г. Ее первым священником стал отец Степан (Попов), прибывший из города-порта Охотск. Первые тауйские причетники — дьяк Михаил Протопопов, также прибывший из Охотска, и дьяк Петр Винокуров, присланный из якутского Богородского храма. Церковным же старостой избран местный колымский казак Логгин Максимович Крымский. Однако то здание Покровской церкви переоборудовали из уже упомянутой нами часовни. Поэтому в 1843 г. тауйцы всем миром взялись за возведение нового храма. И вновь руководит строительством казак Логгин Крымский, на протяжении 19 лет — бессменный церковный староста. Освящал новый храм 5 (17) марта 1847 г. во время своего второго путешествия по Охотскому побережью легендарный святитель Иннокентий (Вениаминов), апостол Сибири и Америки. Второй тауйский иерей о. Илларион (Черных) прибыл в селение в 1846 г. из Русской Америки.

В 1889 году и жители села Ола взялись за сооружение православного храма. К тому времени они все были крещеными и твердо держали знамя Православной Веры. Строительство то для бедного национального поселка было весьма нелегкой задачей — не было ни толковых мастеров, ни хороших строительных материалов. Но северяне — народ дружный. Весьма обрусевшим ольским инородцам помогали в меру сил тауйцы... К 1895 г. возведение Ольской церкви Богоявления Господня практически завершено. И первый местный священник о. Владимир (Михальчук) просит у епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Макария (Дарского) освятить

Тауйская Покровская церковь.
(фото конца 1950-х гг. Из личного архива А.Г. Козлова)

† Семья Георгия Дмитриевича и Нины Михайловны Черных. Первая справа – старшая сестра Люба, рядом с мамой – Петр, рядом с папой – Валерий, впереди сестра Татьяна, за ней – Надежда.

† 1978 г. Зимний спортивный отдых на лыжах: братья Валерий (слева) и Петр, сестры Любовь (Зотова, слева) и Татьяна (Паламарчук, справа). В центре – жена Валерия Георгиевича, Татьяна Матвеевна

новый православный храм, не дожидаясь окончательного завершения строительства.

Практически сразу в доме священника открывается и школа, где юные эвены, якуты и коряки обучались русской грамоте, арифметике, рукоделию, рисованию и обязательному православному хоровому пению, чтобы правильно петь на клиросе. Подобное практиковалось и в Тауйске, и в Армани, и в Ямске. Уже в 1909 г. в Оле, согласно церковным документам, насчитывается шесть лиц духовного звания — это при населении поселка в 122 человека. А в здании самой церкви красуется полотняный иконостас, привезенный из Москвы. Он был приобретен на деньги крещеных туземцев-кочевников, братьев Иннокентия и Михаила Хабаровых, весьма состоятельных людей. Кстати, чуть раньше Ольского храма построена в окрестностях Магадана (дальних окрестностях), близ урочища Сеймчан, большая часовня со святым престолом, при которой постоянно проживал и совершал православные службы иеромонах Парфений... Дошли до наших времен имена некоторых священнослужителей XIX – начала XX века, беззаветно трудившихся на суровой земле Колымской: тауйские церковнослужители — священник о. Николай (Черных), дьяк Леонтий Черных, пономарь Исай Черных. Все они — дети второго тауйского иерея о. Иллариона. Ольские церковнослужители — священник о. Иоанн (Поваренов) — родом из Пензенской губернии, иерей о. Иннокентий (Машин) и еще один священник о. Иннокентий (Попов). Марковские церковнослужители — священник о. Митрофан (Шипицин) и церковный учитель Афанасий Дьячков, чуванец по национальности.

Есть у тауйских старожилов и местное народное предание о тауйской чудотворной иконе Покрова Божией Матери. Святой лик Покрова Божией Матери вынесло к селению море (начало XIX в.). Он постоянно украшал местный храм, а в скором времени жители заметили, что икона творит чудеса. Тогда-то у тауйцев и сложился обычай в день обретения иконы выходить с ней крестным ходом, совершая обход вокруг селения, и обязательно выходить на берег моря. Тауйская Богородица надежно оберегала сельчан от наводнении и всевозможных эпидемий.

В начале XX века во времена Камчатского епископа Нестора (Анисимова) и, скорее всего, при его курировании возили икону на реставрацию в Петербург, где к изображению Богородицы добавили несколько ликов святых и сделали золотой оклад... Когда же к власти в России

пришли большевики, а Тауйская Покровская церковь была закрыта (коммунисты сначала устроили в здании церкви клуб, а потом склад), чудотворную икону укрывают родственники одного из местных иереев... И ныне, в 2002 году, спасенная чудотворная икона Покрова Божией Матери находится в частных руках... Православные церкви на освобожденной от атеистического безбожия земле Колымской строятся вновь. Это уже не простенькие бревенчатые строения, а каменные монументальные храмы».

А вот и некоторые подробности о тауйском священнике: «В 1846 г. С. Попов стал священником вновь выстроенной Аянской Казанской церкви, а в начале 50-х гг. — Благочинным и Протоиереем охотских церквей. В Тауйске его сменил иркутский священник Илларион Леонтьевич Черных. Среди тауйцев сохранилась легенда, что его сослали из Иркутска в Охотск, а затем в Тауйск за провинность И.Л.Черных прослужил в Тауйске 23 года. Ему пришлось отстраивать новую церковь после пожара в 1857 г., спустя 10 лет после ее строительства. Указом Якутского духовного правления от 31 июля 1859 г. было разрешено восстановление церкви, а освящение ее состоялось 23 декабря 1864 г. За многолетнее верное служение церкви и Отечеству Илларион Черных в 1858 г. был награжден бронзовым наперсным крестом. По всей вероятности, это был крест, учрежденный в память Крымской войны (*см. ст. Лебединцева А. И. «Из истории 43-го пехотного Охотского полка»*). В 1875 г. И. Черных сменил его сын Иннокентий, окончивший в 1864 г. семинарию в Якутске. До этого И.Л. Черных дважды (в 1865 и 1868 гг.) подавал прошения об увольнении в заштат из-за слабого здоровья. Тауйцы почтительно называли священника «батюшка», между собой «бачка», а его жену — «матушка».

Есть сведения, что Черных Алексей, дьячок Петропавловского собора, был награжден за участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г. (*Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105*). Вполне возможно, что Петр Алексеевич Черных, который в 1880-х гг. служил в Ольской Благовещенской церкви, а с 1895 по 1907 гг. — в Гижиге, в Корякской походной миссионерской церкви, и Алексей — родственники. Петр Алексеевич был потомком Иллариона Леонтьевича Черных, протоиерея, прослужившего в Тауйской церкви 23 года. Вполне возможно, что это династические ветви, как и у камчатских священнослужителей Логиновых-Лонгиновых, являющихся представителями одной камчатской династии священнослужителей.

С 1893 по 1917 г. — священником Ямской Благовещенской церкви был Черных Петр Ксенофонтович.

А это, вероятно, потомки северных священнослужителей:

Черных Александр Леонтьевич, 1886 г. р., место рождения: ДВК, камчадал, арестован в 1935 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 13.03.1938, статья: 58, расстрелян 27.03.1938, реабилитирован 14.04.1989.

Черных Иван Петрович, 1882 г. р., место рождения: ДВК, камчадал, арестован в 1934 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 13.03.1938, статья: 58, расстрелян 27.03.1938, реабилитирован 11.05.1989.

А мы пойдем далее, рассказывая о братьях Черных.

Казак Данила Черных. Его судьба неизвестна. Как судьба многих других казаков. Фамилии Черных нет в списке казаков Большерецкого острога, которые были наказаны по результатам следствия о причинах Харчинского бунта, хотя в том списке фамилии патриархов многих камчатских родов. Возможно, Иван, Леонтий и Данила Черных прибыли служить на камчатскую землю после трагических событий 1731 г., но многие из их потомков продолжали служить Отечеству вплоть до 1917 г. Часть из казаков Черных была переведена в мещанское сословие (те, кто проживал в Петропавловске), кто-то, как мы уже знаем, стал миссионером. Много представителей этой фамилии было и в числе людей, служивших в Камчатском гарнизонном батальоне, часть из которых могла остаться потом в Петропавловске и его окрестностях, как петропавловские мещане (например, селениях Халактырка, Николаевское, где мы встречаем эти фамилии в «Исповедальных росписях» камчатских церквей за 1893 г.). Некоторые из отставных казаков Черных, наоборот, по-

Бой на Сигнальной горе (батарее №1) Худ. В. Шиляев

† 1981 г. Встреча с родителями: Петр Георгиевич Черных, ст. инженер группы производственного отдела ПО «Камчатрыбпром», Георгий Дмитриевич и Нина Михайловна

† Черных Валерий Георгиевич

селись в селениях аборигенов — например, в селении Апача и, будучи уже гражданскими лицами, добивались новых успехов, например: Черных Ефремий Прокопьевич был награжден серебряной медалью «За заботы об Апачинской школе и за прекрасное ея состояние. (1905 г.)» (РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Добавим к этому, что один из камчатских казаков Черных стал не только «ларешным казаком», как Никита Иванович Черных, но даже профессиональным агрономом, получив соответствующее образование.

Фамилия Черных при крещении по духовному наследству перешла и к аборигенам — например, из Седанкинского острожка камчадал Черных Алексей Петрович в 1773 г., будучи в числе промышленников на судне «Св. Евпл», осваивал Русскую Америку, ведя зверобойный промысел на Алеутских островах (Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.). Камчадалы Черных проживали и в селении Козыревск.

Многие из них — и камчадалов, и русских — приняли участие в обороне Петропавловского порта в 1854 году и обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

В списке награжденных памятной медалью «За усердие» на Георгиевской ленте за активное участие в отражении англо-французского десанта мы находим имя Павла Черных (59 лет), отставного матроса.

Черных Иван и Александр (Петропавловская дружина) участвовали в обороне Камчатки от японцев. В списке представленных к награждению Георгиевским крестом о подвиге Александра Черных сообщается следующее: «При бомбардировании японцами Петропавловска, будучи назначен для относа канцелярии Штаба Обороны, при исполнении сего, был контужен в голову, кроме того, участвовал в экспедиции с Горбуновым и был при разбитии японцев на р. Жупановой» (*РГИА ДВ РСФСР, ф. 1044, оп.1, д. 129*).

Об Иване нам известно следующее: Черных Иван Васильевич, петропавловский мещанин, 33 года, сочетался первым браком 15 июля 1907 г. со вдовой камчадала Воровского селения Евдокией Ивановной Спешневой (34 года). Что же касается Александра, то мы тоже находим некоторые данные о нем: у Николая Павловича (вероятно, сына отставного матроса) Черных был в 1893 г. свой семилетний сын Александр, который в 1904 г. достиг совершеннолетия и вполне мог быть участни-

ком военных событий. Правда, в Петропавловске в тот период был еще один Александр Черных. Но о втором мы расскажем чуть ниже.

Еще один Черных — Алексей — принимал участие в захвате в плен командира японского десанта Сечи Гундзи, представлен к награде, но почему-то ее не получил (*РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.*). Место жительства в документах не было указано, но, скорее всего, это Алексей Алексеевич Черных — тоже казак из Петропавловска. Сохранились некоторые архивные данные о нем: «Черных Алексей Алексеевич, казак Петропавловской казачьей команды, 25 лет. Вступил в брак 7 января 1904 г. Невеста — дочь льготного казака Петра Ивановича Киренского — девица Варвара, первым браком, 20 лет Поручители: по жениху — Петропавловский мещанин Михаил Петрович Корякин и кантонист Петропавловской казачьей команды Василий Александрович Крупенин. По невесте — урядник Петропавловской казачьей команды Петр Иннокентьевич Толстихин и Петропавловский мещанин Николай Николаевич Мутовин» (*Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1904 г., ГАКК*). Есть еще одна дополнительная информация: у вдовы канцелярского служителя Ирины Константиновны Черных был сын Алексей, 1881 г. р., скореее всего, по возрасту, это один и тот же человек, а судя по запросам в ГАКК, род Алексея Черных был продолжен: «Черных Мария Алексеевна. Род. 22 января 1909 г. Родители — казак Петропавловской казачьей команды Алексей Алексеевич Черных и законная жена его Варвара Петровна. Восприемники — псаломщик Петропавловского собора Владимир Гулианович Закряневский и жена льготного казака Федора Трифоновича Черных Домника Дмитриевна». Особенно обращаем внимание на фамилию крестной матери, как правило, крестными становились или родственники, или друзья. А с Федором Трифоновичем мы еще встретимся. Впрочем, у Ирины Константиновны был еще один сын — Александр, 1883 г. р., который также мог принимать участие в боевых действиях.

Есть еще одна версия — у вдовы казака, Улиты Александровны Черных, проживавшей в селении Халактырка (и являвшегося пригородом Петропавловска), тоже в 1893 г. было два сына — Алексей (15 лет) и Александр (13). Вполне вероятно, что именно дети покойного казака должны были стать не мещанами (как потомки канцелярского служащего), а казаками. Поэтому вполне возможно, что Алексей Алексеевич Черных выходец из этой семьи. Что же касается Александра,

† Черных Валерий Георгиевич с сыном Павлом

† Черных Антон Павлвич

† Черных Мария Петровна, закончила Московский финансово-экономический институт, работает в г. Орле

то пока слишком мало материала, чтобы делать какие-то определенные выводы. При этом мы также не можем сказать определенно, кто же конкретно из Алексеев и Александров Черных принимал участие в боях с японцами.

Первоначально мы вообще предполагали, что Алексей — житель селения Апача, как и его возможный односельчанин Степан Черных, принимавший 6 июня 1905 г. участие в захвате японской шхуны на Западной Камчатке в районе реки Озерной, где отличился в 1904 г. и Алексей. Но сохранились сведения о том, что в этом селении Апача, по данным на 1893 г., проживала только одна семья отставного казака Черных — Ефима Трифоновича, 47 лет. Дети: Илья — 14 лет, Стефан (Степан) — 12, Евфим — 8, Трифон — 1, Евдокия — 3 (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК). Об Алексее ничего не говорится.

Участниками обороны Камчатки были также Петр и Николай Черных (Сероглазка). Петр — из семьи отставного казака Евграфа Трифоновича Черных, в 1893 г. которому было 46 лет. Дети: Надежда (15 лет), Екатерина (9), Петр (6), Параскева (2) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Более того, скорее всего, Степан и Петр Черных — двоюродные братья, а их отцы — Ефим Трифонович и Евграф Трифонович — родные (плюс Дормидонт Трифонович, самый старший из них, который также жил со своей семьей в одном доме с Евграфом Трифоновичем в Сероглазке, а судя по истории с крещением Марии Алексеевны Черных, был и четвертый, самый младший, брат — льготный казак Федор Трифонович, который также жил в Сероглазке с женой Доминикой Дмитриевной). Об этом говорит не только общее отчество, но и возраст с характерной разницей для старших, средних и младших братьев, а также и то, что все четверо — казаки. Позже нам удалось отыскать в селении Николаевском и пятого брата — Черных Гавриила Трифоновича, кантониста казачьего ведомства, 43 года (в 1893 г.). Жена: Параскева Ивановна (32). Дети: Степан (14), Варвара (11), Агриппина (8), Александр (3), Петр (полмесяца) (*Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК*).

† Черных Екатерина Валерьевна

Что же касается Николая (Алексеевича?) Черных, то сведений о его происхождении нам по тем же источникам найти не удалось. Но удалось найти эти сведения по совершенно другим, но тоже общим для Петра и Николая, источникам. Вот как сложилась дальнейшая судьба двух героев обороны Камчатки из казачьего селения Сероглазка: Черных Николай Алексеевич, 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 04.05.1934. Осужд. 22.12.1934, тройка при НКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-2-13 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Черных Петр Евграфович. 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: 3 класса городской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Усть-Большерецкий р-н (*неверно — Усть-Камчатский. — С. В.*), с. Камаки. Арест: 19.06.1934. Осужд. 02.01.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Политические репрессии коснулись судеб и некоторых других представителей этой камчатской фамилии:

Черных Максим Степанович (сын участника обороны Камчатки Степана Черных, из семьи отставных казаков Черных, проживавших в с. Апача). 1911 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Апача; русский; образование: неграмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. Рябикова; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арест: 27.02.1938. Осужд. 15.04.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 30.05.1938. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Черных Никита Алексеевич. 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; русский; образование: низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 14.07.1938. Осужд. 07.09.1940, Корякский

окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Черных Алексей Никитович (видимо, сын). 1918 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: низшее; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. Рябикова; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арест: 14.07.1938. Осужд. 07.09.1940, Корякский окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: к 2 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Есть сведения, что Черных породнились еще с одной семьей, на которую также обрушились политические репрессии:

«17 января 1901 года совершено бракосочетание.

Жених — мещанин гор. Петропавловска Павел Николаев Черных, православнаго /так в документе/ вероисповедания, вторым браком. Лет жениху — 29.

Невеста — дочь мещанина гор. Петропавловска Николая Иннокентиева Новограбленова — девица Анисия , православнаго вероисповедания, первым браком. Лет невесте — 16.

Поручители: по жениху — мещанин г. Петропавловска Николай Гавриилов Григорьев и крестьянин Рязанской губ., деревни Ваниной Иван Ларин (*будущий большевик — С.В.*);

по невесте — крестьянин Ярославской губ., деревни Елизарово (так в документе) Алексей Горбов и мещанин г. Сквиры Киевской губ. Антон Кривенко

Таинство бракосочетания совершал Священник Иоанн Пось с Псаломщиком Владимиром Закржевским» (*ГАКК, Ф. Р-220, оп. 1, д. 50, л. 294*).

Есть еще один представитель этой фамилии, который ценой собственной жизни заплатил за уголовное преступление, которое квалифицируется как непредумышленное убийство — Павел Дмитриевич Черных, потомок петропавловского мещанина Дмитрия Николаевича Черных и ключевской крестьянки Варвары Павловны Юрьевой. Нам пока неизвестно, почему и когда появились петропавловские мещане Черных. Вот, что писала по этому поводу о фамилии Черных в Петропавловске в начале XX века одна из исследовательниц: «Среди Черных

† Черных Валерий Георгиевич с камчатскими охотничьими трофеями

† Черных Александр Дмитриевич, брат Георгия Дмитриевича

† Валерий Георгиевич не только страстный охотник, но и большой любитель рыбалки

подавляющее большинство — казаки, за исключением трех редких случаев, где они указаны мещанами». (*Сесицкая А. С. «Население Петропавловска в начале XX века», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 189*).

Мы нашли по данным на 1893 г. только двух представителей этого рода: семья Николая Павловича Черных, 38 лет, жена Параскева Константиновна, дети: Павел (13), Александр (7), Параскева (4), Феоктиста (1). Но Дмитрия Николаевича среди них не было. Среди петропавловских мещан числился и Николай Осипович Черных (38 лет), но он был без семьи. Вполне возможно, что семья Дмитрия Николаевича Черных в это время проживала в Нижнекамчатске, на малой своей родине, куда они периодически выезжали. Об этом имеются свидетельства. Если первая их дочь — Евстолия — родилась 9 ноября 1905 г. в Петропавловске и ее восприемниками были — псаломщик Петропавловского собора Николай Константинович Логинов и жена местного крестьянина Тимофея Вигиркина — Анастасия Яковлевна (*Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1905 год, ГАКК*), то сын Александр родился 5 августа 1914 г. уже в Нижнекамчатске и его крестными были крестьянин Нижнекамчатского селения Кирсанф Васильевич Петров и вдова Анна Павловна Портнягина (*Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1914 год, ГАКК*).

Отсюда возникает вопрос — не являются ли петропавловские мещане Черных потомками тех военных, что служили в Нижнекамчатске в Камчатском гарнизонном батальоне (Сомовском полку) и остались на Камчатке после расформирования этого полка? Батальон формировался, в том числе, и из уроженцев Камчатки (тех же казаков). А среди нижнекамчатских военных фамилия Черных встречается не менее часто, чем, например, фамилия петропавловских мещан Расторгуевых, Белокопытовых или Мутовиных.

Данные на 1812 год:

Черных Гавриил Егорович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 36 лет. Черных Прокопий Васильевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 37 лет.

Черных Семен Михайлович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 32 года.

Черных Кузьма Николаевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 13 лет (воспитанниками становились и дети камчатских казаков, которые после достижения 18 лет записывались в солдаты).

Черных Семен Николаевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома, 17 лет.

Последние, явно, братья. И, возможно, именно они и были после расформирования полка записаны сначала в нижнекамчатские мещане (до той поры пока Нижнекамчатск был городом), а потом — в петропавловские. И, наверное, не случайно, что петропавловский мещанин Дмитрий Николаевич Черных выбирает себе жену из ключевских крестьянок, как это традиционно делали нижнекамчатцы, живет в Нижнекамчатске и крестных для своих детей выбирает из местного, родного себе, окружения.

Но вернемся к той трагедии на охоте, которая привела в конечном итоге к гибели Павла Дмитриевича Черных.

«Брата Ксенофонта убили в 1937 г., 4 декабря. Двоюродный брат, Черных Павел, в него сзади из винтовки выстрелил. Тот приподнялся с колена, и Павел ему в голову попал. Павел получил за неосторожность три года тюрьмы. А потом кирпич с завода взял, его поймали и на фронт, на передовую отправили, где он и погиб», — вспоминала Полина Ксенофонтова Михайлова (*«Воспоминания старожилов долины реки Камчатки», Пет-ропавловск-Камчатский, 2001 г.*).

Павел Дмитриевич Черных, рядовой, 1912 г. р., призванный Усть-Камчатским райвоенкоматом, прошедший через штрафбат, погиб (пропал без вести) в феврале 1943 г.

Еще один брат Павла — Георгий Дмитриевич, тоже уроженец Нижнекамчатска, многие годы проработал поваром в рыболовецкой бригаде на Втором (Усть-Камчатском) заводе. Его сын — Петр Георгиевич, некогда главный технолог крупнейшего на Камчатке рыбопромышленного предприятия — БТФ (УТРФ), посвятил отцу свои стихи:

На косе у устья,
Где течет река,
Разложили невод,
Словно два крыла.
Рыбаки чинили
Невод допоздна.
А отец готовил
Ужин у костра.

Он рубил дровишки,
Шурудил костер,
Первое, второе
Подавал на стол.
Рыбаки гордились
Поваром своим
И весь день трудились,
Не жалея сил.

У Георгия Дмитриевича пятеро детей, из них двое сыновей, которые сохраняют родовую свою фамилию — Петр и Валерий Черных, а также сын Валерия Георгиевича Павел и внук Антон.

И огромное количество родни. Практически по всей Камчатке, по всей России и далеко за ее пределами. Близкой и далекой. Известной и неизвестной. Кровной и духовной.

Этот род — корень земли камчатской. Надежный и крепкий. И я могу это подтвердить лично — мы дружим с Валерием Георгиевичем уже более пятидесяти лет.

А это (справа) автор поэтического посвящения отцу — старший сын Петр Георгиевич, который сделал большую профессиональную карьеру — стал главным ихтиологом крупнейшего на Камчатке рыбопромышленного предприятия — Базы тралового флота производственного объединения Камчатрыбпром. Он полагал, что на этом снимке (1986 год, Охотоморская минтаевая экспедиция, плавбаза «Авача»), рядом с ним корреспондент. И очень сильно ошибался — рядом с ним один из самых известных на Камчатке специалистов Камчатрыбвода — бассейнового управления по охране, воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства — старший государственный инспектор, впоследствии начальник морского отдела, в этот период, вероятно, старший группы инспекторов по Охотоморской минтаевой экспедиции сын известного камчатского писателя Николая Васильевича Санеева — Александр Николаевич Санеев, еще один мой друг.

ШУБИНЫ

История этой фамилии связана с именем фаворита царевны Елизаветы Петровны Алексеем Яковлевичем Шубиным, который был сослан на Камчатку с повелением императрицы Анны Иоанновны насильно женить его на камчадалке.

Причины были весьма серьезные — у Елизаветы, что впоследствии подтвердили на пытке князья Долгорукие, было двое детей от Шубина (а они могли стать, как впоследствии княжна Тараканова, претендентами на российский трон).

Алексей Яковлевич Шубин был ярославским, а затем и владимирским, в Александровской Слободе, помещиком, сержантом, впоследствии прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка, назначенный цальмейстером (смотрителем, казначеем) к царевне и ставший ее любовником. Родился он предположительно в 1707 году. Зачислен солдатом в Семеновский полк в 1721 году. Вероятно, был женат, так как в его родословных указан сын Алексей Алексеевич (впоследствии полковник), родившийся в 1723 году. Вполне возможно, что его жена умерла при родах, иначе зачем бы Анне Иоанновне отдавать приказ о насильственной женитьбе Шубина на камчадалке.

Императрица Елизавета Петровна осыпала своего бывшего любимца милостями, произведя его из прапорщика в майоры лейб-гвардии Семеновского полка (полковником была сама императрица) и в генерал-майоры (затем генерал-поручики), наградив за все его несчастия орденом святого Александра Невского и двумя тысячами крепостных, в том числе и в Нижегородской губернии, где он, выйдя в 1746 году в отставку (место у торона и у сердца императрицы было уже занято Алексеем Разумовским) и поселился — здесь, на Волге, ему принадлежало село Работки и деревня Чеченино (которые и по сей день существуют под Нижним Новогородом), как и целый ряд других деревень в Александровском уезде Владимирской губернии.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Елизаветы Петровны

Как собщают многие историки и писатели — Алексей Яковлевич не оставил на

Камчатке свою семью, привез с собою жену-камчадалку и детей, прижитых с нею. Пишут и о том, что у него были дочери, которых он выдал замуж за мужиков в своей деревне Чеченино и многие десятилетия спустя жителей этой деревни так и называли в народе камчадалами (по другой версии — самоедами) за характерный азиатский внешний вид чеченинцев. Сохранился документ датированный 1758 годом: «Генерал Алексей Яковлевич Шубин исповедался святых таин в Лукьяновой пустыни у священника Белова Ивана Васильева 55 лет, дочь ево София 19 лет…». Следовательно, она и есть камчадалка — родилась в 1737 году. О других дочерях пока сведений нет, но «дыма без огня не бывает…».

Алексей Яковлевич женился (получается, в третий раз, вероятно, после смерти жены-камчадалки) на Анне Лукьяновне Захарьиной (о которой сообщают, что она, также как и Елизавета Петровна Романова, из старинного рода Захарьиных, от которых пошли Яковлевы, Юрьевы, Романовы). В этом браке появился на свет еще один сын — Иван Алексеевич (родился в 1755 году), будущий капитан гвардии и наследник — брат наших камчадалок, оставивший вместе с Татьяной Ивановной Майковой большое потомство: двух сыновей — Василия и Петра и пять дочерей, из которых до замужества дожили только две — Елизавета (Михалкова) и Евгения (Коновницына). Старший сын, Алексей Алексеевич, женатый на Елизавете Кирилловне Сытиной, умер, не оставив наследников.

Сам Алексей Яковлевич умер в 1766 году и похоронен на кладбище Лукиановской пустыни, где он когда-то исповедывался со своей дочерью Софьей: «В монастырском синодике 18 века на л. 207 записан род «болярина Шубина: Алексия, Анны, Александра, Иоанна, Карпа…».

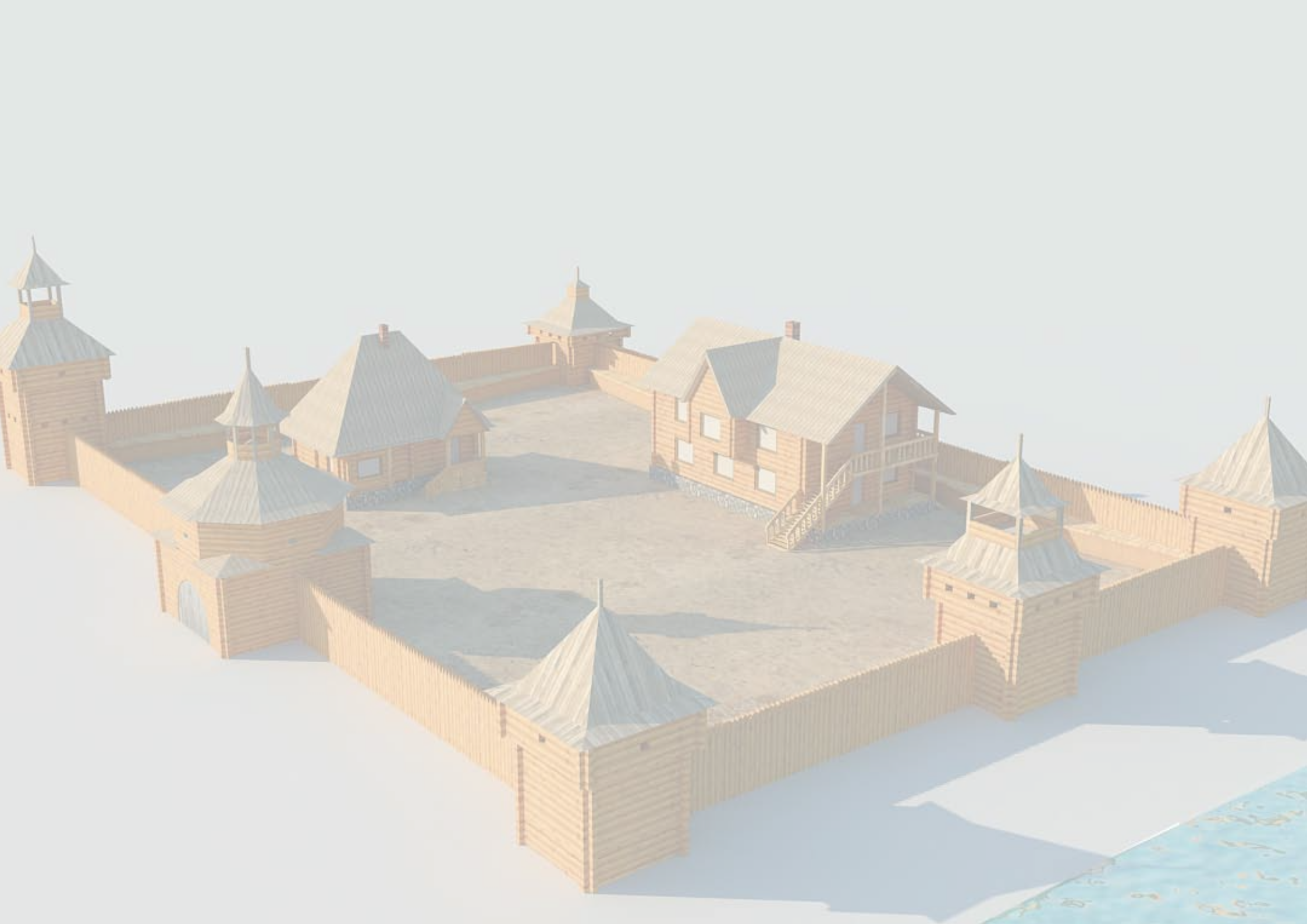
Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны, 1717 г., худ. Луи Каравак

А где-то в архивах Рабаткинского сельского поселения, в состав которого входит и деревня Чеченино, впрочем, как и в архивах других сел и деревень в нижегородских и владимирских землях, подаренных императрицей Елизаветой Петровной бывшему своему фавориту и отцу ее детей, хранятся сведения о потомках камчадалов Шубиных…

«Анна Иоанновна пресекла опасный роман цесаревны с гвардейцем, боясь заключения тайного брака между влюбленными. «Государыня де Императрица цесаревну наказывала плетьми за непотребство, что она от Шубина...», а подъячий Тишин, когда бывал «у Мошкова в интендантской Конторе у дел и видел прижитых от государыни цесаревны двух детей мужеска и женска полу»: это было сказано князем Александром Долгоруким своему брату Ивану Алексеевичу, неравнодушному к Елизавете, много лет спустя во время следствия над Долгорукими. Безусловно, Анна Иоанновна была информирована обо всем, происходящем в Слободе. А еще, якобы, по словам очевидцев, в 1731 году Шубин как-то неосторожно выразил при свидетелях мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили дочь Петра Великого. Шубин в декабре 1731 года был внезапно удален из Слободы и отправлен в Ревельский гарнизон; 28 декабря тайно взят под крепкий караул и отправлен из Ревеля в Санкт-Петербург. 31 декабря прапорщик Шубин и два человека людей его были привезены в столицу под крепким караулом. Здесь, где ему было объявлено об аресте, он и его люди держались порознь. Отобранные у арестантов вещи и письма были описаны и сданы за печатями под караул. 5-го января 1732 года по высочайшему указу Алексей Шубин и его люди были в полной тайне отправлены через Вологду в Сибирь в сопровождении офицера и солдат. Губернатору Сибирской Губернии Алексею Плещееву было предписано отправить арестантов в строжайшей тайне в самый отдаленный от Тобольска острог, в котором таких арестантов не имеется. Шубину было запрещено писать письма. Секретного арестанта так запрятали, что долго не могли отыскать даже после смерти Анны Иоанновны. Несчастный красавец провел десять лет в совершенной неизвестности и был вызволен из ссылки только благодаря усилиям Елизаветы Петровны (*В.В. Боравская, краевед из г. Александрова*).

Худ. Федор Московитин. Присяга Преображенского полка императрице Елизавете Петровне

Сергей Иванович ВАХРИН

Тайны камчатский имен

Большерецкий острог

составитель и редактор С.И. Вахрин
верстка Е.Ю. Дорт-Гольц